

Ю.В. Кобенко

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
ОСНОВЫ
ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ
СТИЛИСТИКИ**

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
**«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

Ю.В. Кобенко

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СТИЛИСТИКИ

*Рекомендовано в качестве учебника
Редакционно-издательским советом
Томского политехнического университета*

Издательство
Томского политехнического университета
2023

УДК 81-26'271'38(075.8)

ББК 81-5я73

K55

Кобенко Ю.В.

K55

Теоретические основы функциональной стилистики : учебник / Ю.В. Кобенко ; Томский политехнический университет. – Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2023. – 296 с.

ISBN 978-5-4387-1119-3

В учебнике излагается аппарат функциональной стилистики с общетеоретических позиций; освещаются важнейшие аспекты макро- и микростилистики; предлагается алгоритм стилистического анализа речевых произведений.

Труд адресован языковедам, преподавателям, аспирантам лингвистических специальностей и студентам факультетов иностранных языков.

УДК 81-26'271'38(075.8)

ББК 81-5я73

Рецензенты

Доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры русского и иностранных языков
Академии базового образования Российского университета транспорта
О.В. Трунова

Доктор филологических наук, профессор
руководитель научно-исследовательской лаборатории
«Фундаментальные и прикладные лингвистические исследования»
Нижегородского государственного
лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова
А.В. Иванов

ISBN 978-5-4387-1119-3

© ФГАОУ ВО НИ ТПУ, 2023

© Кобенко Ю.В., 2023

© Оформление. Издательство Томского
политехнического университета, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ГЛАВА 1. СТИЛИСТИКА КАК НАУКА	10
1.1. Общие сведения	10
1.2. Стилистика в парадигме лингвистических дисциплин	13
1.3. Понятийно-терминологический аппарат функциональной стилистики...23	
1.4. Вопросы выделения и описания функционального репертуара языка...35	
1.5. Лексическое наполнение функционального репертуара языка	44
ГЛАВА 2. ГРУППЫ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ	50
2.1. Принципы группировки.....	50
2.2. Средства создания образности.....	54
2.3. Средства описания и выделения (умаления) признака.....	65
2.4. Фразео-паремиологические средства (клише)	78
2.5. Средства создания юмора и сатиры (комического).....	87
2.6. Средства создания различного колорита	98
2.7. Звукоизобразительные средства.....	101
2.8. Грамматические и архитектурные средства.....	112
ГЛАВА 3. КАЧЕСТВЕННЫЕ ПРИЗНАКИ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ.....	146
3.1. Композиционные характеристики и структурная схема функционального стиля.....	146
3.2. Качественные признаки стиля науки	151
3.3. Качественные признаки стиля публицистики и прессы.....	159
3.4. Качественные признаки официально-делового стиля	169
3.5. Качественные признаки обиходно-разговорного стиля.....	179
3.6. Качественные признаки образно-художественного стиля.....	186
3.7. Качественные признаки индивидуального стиля	196
ГЛАВА 4. АСПЕКТЫ СТИЛИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РЕЧЕВЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ	203
4.1. Виды речи.....	203
4.2. Формы речи	213
4.3. Построение речевого произведения	225
4.4. Алгоритм стилистического анализа речевых произведений	236
4.5. Методология стилистического анализа речи	241
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	253
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	255
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	257
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	269

ПРЕДИСЛОВИЕ

Стиль есть сам человек¹.

Ж.-Л. Бюффон

Ничто так красноречиво не говорит о человеке, как его манера речи, её индивидуальный «покрой», «фасон» (от фр. *façon* – способ, форма). Человека узнают по любимым фразам и выражениям, прижизненно отобранных в свой собственный инвентарь языковых средств, багаж опыта и житейской мудрости. В процессе пользования языком и порождения звучащей речи каждый из нас комбинирует строительные камешки языка таким образом, чтобы его речь была максимально выразительной и приспособленной под конкретные нужды коммуникации, добавляя в общую симфонию речи – русской, французской, немецкой и др. – свои особые ноты. Даже такие яркие выражения, как «*капкан захлопнулся*», «*тишь да гладь*» и «*дни идут своим чередом*», когда-то существовали в виде отдельных словарных элементов, и лишь извечный поиск удачных способов выражения позволил оформиться им в узнаваемые и общеупотребительные клише. Любое выразительное средство подчёркивает определённую грань предмета речи, особую черту его характера, его самобытность. Так, можно сказать «*картофелина не помещается в руку*» или «*картофелина больше руки*», «*звёзды отражаются в воде*» или «*звёзды смотрятся в воду*». В итоге перспектива становится решающим фактором для создания нового, коммуникативно востребованного выразительного средства. Система таких средств, используемая индивидуально или коллективно, обозначается термином «стиль». Когда о ком-то говорят, что «у него есть стиль», то признают за ним не только мастерство красноречия, но и владение способами создания выразительных средств. Совокупно такие способы образуют функциональный репертуар языка, который невероятно разнообразен и многогранен. Его описанию и посвящён данный учебник.

В обиходе функциональный репертуар зачастую обозначается словарным запасом, однако данное определение представляется несколько зауженным, поскольку объём вводимого понятия помимо слов составляют регистры, жанры, стили и, безусловно, функциональные стили, свидетельством чего являются наблюдения о том, что чей-то репертуар

¹ Фраза «*Le style est l'homme même*» произнесена известным французским натуралистом Ж.-Л. Бюффоном при избрании его членом Французской академии в 1753 г.

предельно многостилен (вмещает средства многих (функциональных) стилей) или же в нём содержатся лишь упрёки и возражения. Тем самым функциональный репертуар представляет собой в том числе экран поступков и, следовательно, может быть инструментом и средством изучения, например, поведения человека и его биологических корней. Коллективные или индивидуальные репертуары существуют в пёстром разнообразии и наблюдаются не только у человека. К примеру, функциональный репертуар касаток достигает 2000 позывных, у дельфинов есть имена и звуковые иероглифы, карликовые шимпанзе бонóбо способны понимать и различать до 3000 слов-лексикограмм, имея собственный инвентарь посвистов-покриков, муравьи общаются при помощи спектра ароматизаторов, а значит, их репертуар ограничен сложными химическими соединениями. Собственный репертуар имеют даже грибы, коммуницирующие друг с другом при помощи электрических импульсов, и кишечные бактерии, отправляющие в мозг «послания» в виде фрагментов своих клеточных стенок. У человека функциональный репертуар отличается словесностью и многофункциональностью.

Однако главным достоинством следует признать его материальность. Если система языка существует виртуально, как невидимый панóптикум (от гр. *πάν* – всё, *ὀπτικός* – зрительный: музей, коллекция) словарных элементов преимущественно коллективного пользования, то функциональный репертуар выступает тем материальным выражением системы (в звучащей или письменной речи), на основе которого можно делать выводы об устройстве самой системы языка. Для простоты понимания уместно сравнить систему с роялем, который скрыт от глаз слушающего, а функцию – с музыкой, извлекаемой из него пианистом. Комбинации звуков – это выразительные средства, исполняемые композиции – речевые произведения, а нотные тетради – сам функциональный репертуар. Если исполнять по ним Ф. Шопена, тогда это подготовленная речь. Если бессистемно бить по клавишам – это речь обыденная. Однако отождествление рояля (системы) и музыки (функции) недопустимо с теоретической точки зрения. Именно для этого в настоящей работе и вводится понятие «функциональный репертуар». Кроме того, данная книга даёт однозначный и недвусмысленный ответ на вопрос «Возможна ли стилистика вне привязки к конкретному языку и функциональному репертуару?». Безусловно, возможна. Теоретическая стилистика представляет собой следующий этап развития частных (прикладных) стилистик (русского, немецкого, английского и других языков),

сменяющий целую эпоху значимых открытий и обобщений. В данной работе излагаются основы общей (теоретической) стилистики, стоящей на фундаменте ряда языковедческих дисциплин функционального цикла. В силу существующих межъязыковых различий до сих пор считалось невозможным написать общую стилистику для всех языков, ввиду чего исследования выполнялись в частноязыковом ключе. Настоящий же труд призван положить начало универсальным (общезыковым) стилистикам, продолжающим традицию классической риторики на греко-римской основе.

Стилистика понимается в данной работе широко: как один из аспектов теории литературного языка, заложенной фундаментальной советской лингвистикой системно-структурного образца. Литературный язык – это особая (историческая) форма языка, характеризующаяся селективностью, дифференцированностью, гомогенностью и регламентированностью. Его средства «отполированы», «упакованы» в изящные формы, идеально подготовлены для передачи в среде, носят характер жизненных правил, «квантов» полезного опыта, ср.: «*ничто на земле не проходит бесследно*» (Н. Добронравов), «*sich etwas abschminken können*» (нем. разг. – *выбросить что-то из головы*, досл. «можно снимать грим»), «*to paint the devil blacker than he is*» (англ. разг. – *сгущать краски*, досл. «малевать чёрта чернее, чем он есть»). Данные примеры есть образцы филигранной обработки языкового материала, пережившей многих участвовавших в них носителей. Борьба за большую выразительность не прекращается ни на миг и идёт не только внутри самих литературных языков, но и между ними, что приводит к заимствованию как феномену копирования удачных образцов речи. Желание «подглядеть» интересное и полезное у соседа и выступает причиной повышения гибридности литературных языков, смешения их ресурсов и способствует формированию устойчивых межъязыковых параллелей в решении выразительных задач. Билингам знакомо «смешение» в голове различных способов выражения, не ограниченных рамками языков. К такому широкому разнообразию ресурсов стремятся все языки, непрерывно конкурирующие за умы и уста пользователей, что приводит к постепенному размытию языковых границ функциональных репертуаров и лишней раз доказывает необходимость разработки фундаментальных положений общей (теоретической) стилистики.

Предлагаемая книга реализует укрупнённый подход, предполагающий учёт интра- и экстралингвистических характеристик описываемых

явлений и процессов. Более конкретно, это означает объединение аппаратов функциональной стилистики и социолингвистики для получения целостной картины функционирования языка. Крупный советский языковед В.В. Виноградов иллюстрирует данный подход следующим образом: «В способах речевого отбора и использования разных средств общенародного разговорного и литературного языка представителями разных общественных групп отражается социальная характерология; здесь находят выражение разные социальные характеры»².

Настоящая работа посвящена сложным вопросам описания системных и функциональных свойств речи доступным и понятным языком и понимается как учебный и энциклопедический труд одновременно. Определения должны быть даны с энциклопедической точностью, чтобы стать «квантами» передаваемого полезного опыта, своего рода дидактическими гранулами. Ясность, краткость и доходчивость – главные ориентиры изложения материала. Задача любого учебника – максимальное облегчение понимания дисциплины и междисциплинарных параллелей. Она зримо усложняется отсутствием непреодолимых (строгих) границ между предметными областями, именно поэтому учебник признаётся самым сложным жанром научной литературы с точки зрения написания. Для успешного запоминания и усвоения информации в книге широко использован иллюстративный материал (рисунки и таблицы). Подспудными задачами выступили систематизация фигур речи с точки зрения выполняемой экспрессивной задачи и информирование изучающего иностранный язык о закономерностях создания выразительных средств. Отличие изучающих от носителей иностранного языка состоит, в частности, в количестве используемых приёмов речевой комбинаторики, причём качество обеспечивается знанием и использованием грамматических правил комбинирования, которое у носителей, несомненно выше. В этой связи данный труд понимается как мост к успешному овладению иностранными языками, возведённый над бездонной пропастью речевых и словарных ошибок. Древнегреческий философ Аристотель сравнивает употребление оборотов речи с лекарствами, которые могут быть даны кстати и некстати, и отдаёт предпочтение правилу, которое должно служить говорящему известной мерой. В некотором смысле стилистика – это дисциплина о правилах построения речи.

² Виноградов В.В. О языке художественной литературы. – Москва : Гослитиздат, 1959. – С. 212.

Учебник состоит из четырёх глав: 1) *вводно-теоретической*, в которой определяются и систематизируются понятия, образующие терминологический аппарат функциональной стилистики, 2) *микростилистической*, посвящённой сегментации функционального репертуара и группам выразительных средств, 3) *макростилистической*, знакомящей читателя с качественными признаками функциональных стилей языка, 4) *аналитической*, подготавливающей читателя к процедурам стилистического анализа речевых произведений. В тексте работы использована трёхуровневая рубрикация, обеспечивающая упомянутые ясность и простоту изложения материала: 1, 2, 3) а, б, в) i, ii, iii) (верхняя) и 1. 2. 3... А. Б. В... I. II. III... (нижняя). Нижние рубрики могут быть структурными элементами верхних или вводить новую независимую рубрикацию. Если все рубрики исчерпаны, то последующие даются отдельными абзацами с выделением классифицируемых терминов полужирным шрифтом, которым в абзацах выделяются только типологически релевантные явления; термины второстепенной значимости внутри одного абзаца даются курсивом. Курсивом выделены примеры, цитаты на иностранных языках, их перевод и этимологические пометы, в предметном указателе – отсылки к синонимичным терминам или родовым понятиям. В книге использована система интерлинков: (см. об этом § ...) или (см. далее/выше). Если в одном абзаце ссылки указывают на один и тот же структурный элемент (раздел), то приводится синонимичный интерлинк (см. там же).

Дробная черта (/) разделяет синонимические термины и строфы стихотворений. Цитаты и их переводы даны в кавычках («»), сами цитаты разделяются между собой точкой с запятой. В случае цитирования в самой цитате внутри «кавычек-ёлочек» используются «кавычки-лапки» („“). Этимологическая справка даётся при определении термина, в кавычках приводится дословный перевод. В скобках даны синонимы и ссылки на источники информации («Комсомольская правда»). При цитировании научного труда в подстрочной сноске приводится его библиографическое описание. Примеры в стихотворной форме вынесены в отдельные абзацы и приводятся без кавычек. Примеры на немецком языке приведены в соответствии с новыми правилами орфографии. Фамилии учёных даются со всеми инициалами (И.О. Фамилия), фамилии политических деятелей, классиков, переводчиков, режиссёров и т. п. – с инициалами имён (И. Фамилия). Ударение даётся в некоторых терминах, сложных для прочтения. В списке литературы приводятся

специальные источники, источники примеров цитируются по ходу текста. Значок = означает полный эквивалент, ≈ – функциональный эквивалент, * – ошибочный вариант, ~ – пропуск родового слова, † – отделение неизменяемой части поискового слова от изменяемой в предметном указателе. С целью сохранения стройности изложения материала дополнения и комментарии вынесены в отдельные абзацы и помечены значком ⓘ. Список условных сокращений размещён после заключения и предшествует перечню использованной литературы. Завершает рукопись предметный указатель, облегчающий поиск терминов в тексте глав.

Автор с благодарностью примет замечания, предложения, пожелания, которые просит присылать по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, отделение иностранных языков. E-mail: serpentis@tpu.ru.

ГЛАВА 1. СТИЛИСТИКА КАК НАУКА

1.1. Общие сведения

Стилистика – **учение о стилях речи**, берущее своё начало в Древнем Риме. Словом *stylus* древние римляне обозначали черешок (стебель), использовавшийся для письма и считавшийся инструментом творческого почерка, который позже стали именовать стилем. Слово «стиль» впервые получило теоретическое обоснование в трудах М.Ф. Квинтилиана (I в.) и стало использоваться в отношении речений, различающихся по литературности и экспрессивности речи (см. об этом § 1.3), буквально: высокий, средний и низкий стили. Позже данная система легла в основу учения о трёх «стилях» (нем. *Stil*) М.В. Ломоносова³.

Стилистика изучает **экспрессивную** (от лат. *expressio* – выражение), или **выразительную**, функцию **языка**, которую австро-британский философ К. Пóппер полагал его отправной, базовой функцией⁴. Через экспрессию происходит оповещение соплеменников об опасности, изменениях в жизни коллектива, о радостных или тревожных событиях и т. п. Вероятно, поэтому немецкий лингвист и педагог К. Бюлер обозначил данную функцию языка симптоматичной⁵ (от гр. *σύμπτωμα* – случайное обстоятельство), то есть важной, показательной, знаменательной. В этом свойстве стилистика достаточно близка к суггестии (от лат. *suggestio* – внушение), искусству убеждения, которое изучает такая дисциплина, как **риторика**, считающаяся «матерью» стилистики. Воздействовать и убеждать при помощи речи – зачастую нераздельные задачи коммуникации.

Несмотря на возраст риторики, зародившейся ещё в Древней Греции, вышедшая из неё стилистика оформилась в самостоятельную науку лишь в XX в. в лоне системно-структурного языкознания. Сегодня она располагает достаточно развитым понятийно-терминологическим аппаратом (см. об этом подробнее § 1.3), позволяющим ей охватывать ряд

³ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. В 11 т. Т. 7. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1952. – С. 589–590.

⁴ Popper K.R. A Evolutionary Epistemology // Evolutionary Theory : Paths into the Future ; ed. by J.W. Pollard. – Chichester and New York : John Wiley & Sons, 1984. – Ch. 10. – P. 239–255.

⁵ Bühler K. Sprachtheorie : Die Darstellungsfunktion der Sprache. – 3. Aufl. – Stuttgart u. a. : G. Fischer, 1999. – S. 24–33.

дисциплин интра- и экстралингвистического циклов (см. об этом § 1.2), благодаря чему она получила в языкознании статус **макродисциплины**.

Строго говоря, стилистика – **наука о выборе слова**. Именно феномен выбора (подбора) слов в конечном итоге определяет, насколько выразительной будет речь (см. о понятии речи § 1.3). **Выразительность речи** – это её способность воздействовать не только на разум, но и на эмоции реципиента (от лат. *recipere* – получать, принимать). Если человек говорит невыразительно, то его речь оставляет слушателей равнодушными.

Выразительность речи целиком зависит от владения говорящим или пишущим выразительными возможностями языка и от способности использовать их в той или иной ситуации общения. Так, старушка Марфа Тимофеевна, устав от музыки, говорит Лаврецкому в романе И. Тургенева «Дворянское гнездо» (1859): *«Да как же; тут уж эти они, как бишь они по-вашему, дуэты пошли. И всё по-итальянски: чи-чи да ча-ча, настоящие сороки. Начнут ноты выводить, просто так за душу и тянут»*. В своей речи Марфа Тимофеевна использует звукоизобразительные средства *чи-чи* и *ча-ча* для выражения характера исполнения, а слово *сороки* (в разговорном значении «болтливые, шумные люди») – для создания образа итальянского дуэта.

Выразительные средства языка разнообразны: они могут быть частью **словарных значений слов** (*намылиться* – простор. *собраться*, *вознамериться уехать*); **отдельными словами** (*крёз* – богач); **свободными** (*есть что-то вёдрами*) или **устойчивыми сочетаниями** (*для отвода глаз*) и **целыми конструкциями** (*я ему про Фому, а он мне про Ерёму*).

Выразительность связана с **лаконичностью**, то есть возможностью выразить многое в немногом. Например, в финском языке существует слово *myötähäpeä*, означающее чувство стыда за поступок другого, а в японском языке словом 積読 (*tsundoku*) называется приобретение новых книг для того, чтобы их отложить и не читать. При этом нельзя сказать, что все без исключения пользователи языка владеют всеми выразительными средствами языка в равной степени. Скорее каждый отбирает для себя свой собственный «прожиточный минимум» выражений в зависимости от коммуникативных потребностей и уровня интеллекта.

Как можно видеть, выразительная функция часто неотделима от **номинативной** (от лат. *nominatio* – называние, именованье), или **назывательной**, слово выражает понятие через называние его (постулат ло-

гики). Русский философ А.Ф. Лосев так связывал обе функции: «Имя вещи есть выраженная вещь»⁶. Например, немцы обозначают чистоплюя *Anstandswauwau* (нем. букв. «лающий о приличии»), где редупликация *wau-wau* подражает собачьему лаю и является частью названия; в английском языке обе части словосочетания *helicopter parents* образуют сложное понятие – «родители, чрезмерно опекающие своё чадо» (англ. букв. «родители, прилетающие за ребёнком по любой нужде на вертолёте»). *Понятием* в логике называется мысль, отображающая существенные признаки предмета, а в языкознании – содержательная сторона языкового знака (сигнификат). Свойство лексических единиц реализовывать одновременно несколько языковых функций или же решать несколько экспрессивных задач (см. об этом подробнее § 2.1) обозначается **многофункциональностью**.

Различия между языками обусловлены, в том числе, **различиями в способах выражения**, ср. способы построения одной и той же фразы на русском, английском, немецком и французском языках:

рус.: *она неважно плавает,*
англ.: *she is a poor swimmer,*
нем.: *sie kann nicht gut schwimmen,*
фр.: *elle ne sait pas bien nager.*

Все языки по-разному выразительны, однако **принципы** создания и комбинирования выразительных средств в речи (см. об этом § 2.1), по крайней мере в языках флективного типа, обнаруживают значительную схожесть.

Совокупно выразительные средства, обозначаемые также *стили-стическими*, составляют **функциональный репертуар** (от фр. *Répertoire* – инвентарь, перечень) языка (см. об этом § 1.3, 1.4). В зависимости от решаемой экспрессивной задачи (создать образ, рассмешить, выделить или запрятать признак и т. д.) их делят на **группы**. Так, традиционно выделяют группы образных средств (тропов), перифраз, клишированных выражений и т. д. Тем не менее большинство стилистических средств имеет сквозной (многофункциональный) характер и принадлежит одновременно разным группам, ср. разговорное немецкое выражение *an der Matratze horchen* (нем. разг. *давить подушку, спать*; досл. «подслушивать, лёжа на матрасе»), которое можно одновременно отнести к

⁶ Лосев А.Ф. Философия имени. – Москва : Изд-во МГУ, 1990. – С. 81.

фразеологизмам, перифразам, образным средствам и средствам создания юмора и сатиры.

Итак, **объектом** стилистики выступает функциональный репертуар языка, а **основной задачей** – описание жанрово-стилистического наполнения данного репертуара. Задачи могут варьироваться соответственно с исследовательским ракурсом анализа. Так, одной из **возможных задач** стилистики может быть изучение принципов и закономерностей построения (функциональных) стилей, тенденций их исторического развития, гибридизации в повседневной речи и т. п. Различают макро- и микростилистику: объектом **макростилистики** является (функциональный) стиль, жанр или речевое произведение (репертуарный уровень), объектом **микростилистики** – выразительные средства (элементарный уровень) (см. об этом также § 4.4).

Вопросы для самоконтроля

1. Что обозначает латинизм *stylus*?
2. Какую функцию языка изучает стилистика?
3. Почему стилистику обозначают макродисциплиной?
4. Что такое выразительность речи?
5. Какими могут быть выразительные средства?
6. Какая функция часто сопровождает выразительную?
7. Что понимается под многофункциональностью лексических единиц?
8. Из чего складывается функциональный репертуар языка?
9. Каковы объект и основная задача стилистики?
10. Какие выделяют разделы стилистики?

1.2. Стилистика в парадигме лингвистических дисциплин

Парадигма современного языкознания предполагает разделение всех дисциплин на системные и функциональные. **Системные дисциплины** связаны с ярусами (уровнями) языка (см. об этом подробнее § 1.4), образующими его систему: фонологическим, морфологическим, синтаксическим, графическим и лексико-семантическим. **Функциональная лингвистика** охватывает весь спектр дисциплин, изучающих речь человека. Помимо этого, все языковедческие дисциплины могут относиться к областям интра- и экстралингвистики. **Интралингвистика**

(от лат. *intra* – внутри) исследует сам язык, его устройство (систему) и функционирование. Объектом **экстралингвистики** (от лат. *extra* – вне, за рамками) выступает социальное бытие языка: его контакты с другими языками, ареал распространения, территориальное варьирование и т. п.

Центральной дисциплиной системного разряда является **лексикология**, которая изучает строение (композицию) словарного состава языка и внутреннюю организацию словарных множеств и поэтому тесно связана со стилистикой. **Словарным множеством** называется совокупность элементов (слов), обладающих общими семантическими характеристиками и объединённых по содержательному признаку (тематически). Внутри системы языка словарные множества образуют сферические конструкторы: максимальная концентрация общего компонента значения всех элементов множества наблюдается в центре сферы, а по мере удаления к периферии происходит его рассеивание. Таким образом, центр – это «сгущение» общего значения, а периферия – дисперсия (от лат. *dispersio* – рассеяние). Применяя категориальную пару «**центр vs. периферия**», можно изучать и описывать любые структуры словарного состава языка (рис. 1).

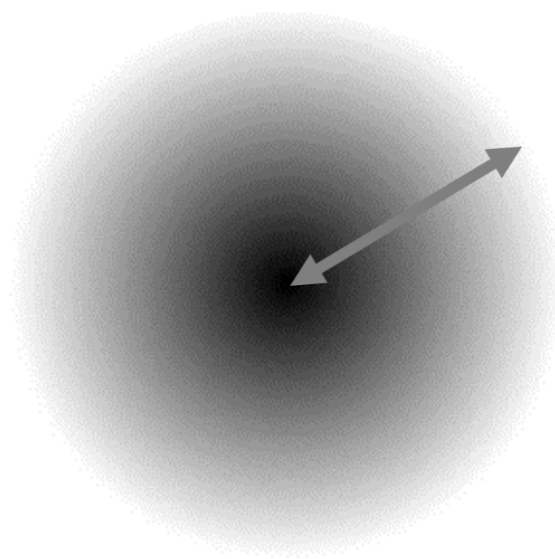

Рис. 1. Центр и периферия словарного множества

Вопреки распространённым представлениям центр сферического конструктора могут составлять три словарных элемента и более. Ближе к центру элементы организованы кучнее, а на периферии они более рассредоточены (рис. 2). Форма сферы – лишь усреднённое представление

о композиции словарных множеств в системе языка. Немецкие лингвисты Г. Ипсен и В. Порциг обозначили словарные сферы **лексико-семантическими полями**⁷.

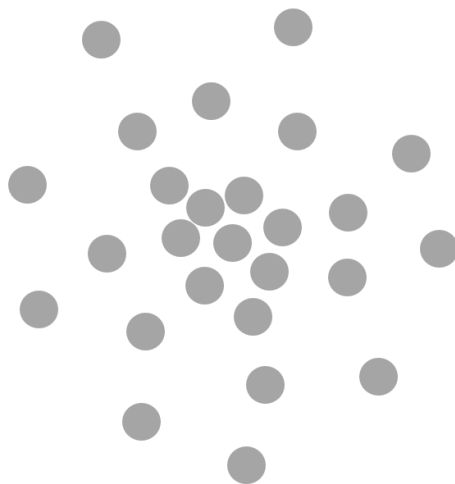

Рис. 2. Приблизительная композиция элементов словарного множества

Как можно видеть, словарный состав описывается при помощи терминов «система», «структура», «элементы». Эта терминологическая триада системного языкознания складывается в формулу

$$L = A + S,$$

где L (фр. *langue*) – это система; A – некое множество элементов; S – структура (организация) элементов данного множества⁸.

Следовательно, **система** находится путём суммирования количества элементов и их структурных связей, а структура определяется путём нахождения разницы между системой и множеством приводящихся элементов: $S = L - A$. Существует три признака системы: 1) система содержит больше одного элемента, 2) все элементы системы взаимосвя-

⁷ Ipsen G. Der alte Orient und die Indogermanen // Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft. Festschrift für W. Streitberg ; J. Friedrich et al. (Hgrs.). – Heidelberg : Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1924. – S. 200–237; Porzig W. Wesenhafte Bedeutungsbeziehungen // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. – 1934. – Nr. 58. – S. 70–97.

⁸ Савицкий В.М., Доладова О.В. О противоречиях во взглядах на системность языка // Мир лингвистики и коммуникации : электронный научный журнал. – 2017. – № 1. – С. 35–44.

заны, 3) система всегда больше, чем просто сумма элементов (признак *эмергентности*, от лат. *emergo* – вытекать, подниматься, восходить). В качестве примера третьего признака можно привести сознание, которое появляется вследствие совокупной деятельности нейронов и не присуще нейронам по отдельности.

Что представляет собой **структура**? Как правило, это иерархическая связь между элементами словарного множества, в которой частное, **гипоним** (от гр. *ὑπό* – под, внизу, *ὄνομα* – имя), подчиняется общему – **гиперониму** (от гр. *ὑπέρ* – сверх). Общим внутри поля выступает центр, а частным – периферия. Такая организация элементов системы называется **гипо-гиперонимической** и свойственна системам любых языков. Так как словарные элементы (слова) организованы по содержательному признаку, центр поля – это всегда самостоятельная тема и одновременно его название (например, «*Университет*» или «*Путешествие*»). Частными элементами (гипонимами) поля «*Университет*» являются «*студент*», «*преподаватель*», «*библиотека*», «*кампус*» и т. д. Поле «*Путешествие*» составляют слова «*поездка*», «*багаж*», «*билеты*», «*виза*» и др. Данные слова являются по отношению друг к другу **когипонимами** (от лат. *co-* – с, вместе).

Именно так, по темам, изучают иностранные языки. Такой подход к описанию словарных множеств называется **ономасиологическим** (от гр. *ονομάζω* – именовать), ведущий от содержания языковых знаков к их форме. Он противопоставлен **семасиологическому** (от гр. *σημαίνω* – обозначать) подходу, идущему от формы языковых знаков к их содержанию и предполагающему описание словарного состава путём алфавитной (побуквенной) организации лексических единиц (см. об этом также § 4.5).

① *В системе языка, как в коллективном продукте, все словарные элементы организованы ономасиологически, что значительно упрощает их поиск и комбинирование. В голове отдельного пользователя языка элементы тоже преимущественно упорядочены ономасиологически, однако возможна и семасиологическая (алфавитная) организация некоторых единиц, которые либо ещё не определились с полевой принадлежностью, либо попали в то или иное поле по ошибке. Такими единицами чаще всего становятся неологизмы (см. об этом § 1.5) и паронимы (см. об этом § 2.5).*

Если соединить все элементы на рис. 2 прямыми линиями, обозначающими семантическую близость (синонимию), то получится **сетевая структура поля** (рис. 3), которая отнюдь не двумерна и является лишь определённым отрезком системы, простирающейся сквозь данный участок и образующей древообразную структуру языка. В середине XX в. французские учёные Ж. Делёз и Ф. Гваттари предложили для таких структур термин **ризóма**⁹ (от гр. *ρίζωμα* – корневище).

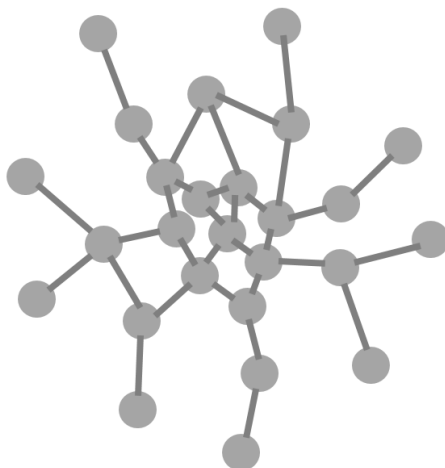

Рис. 3. Соединённые элементы словарного множества

Древо языка легко представить, мысленно дополнив поле, показанное на рис. 3, сообщающимися «стволом» и «ветвями» сверху и снизу. «Стволом» системы может быть центральное (ключевое) лексико-семантическое поле «Человек» или «Мир», а «ветвями» – любые периферийные структуры. Это означает, что и система языка имеет **гипогиперонимическую** организацию, только общим и частным выступают уже не слова, а целые лексико-семантические поля.

Языковое древо никогда не ограничивается одним языком, а растёт из глубокой древности, родня язык с **праязыком** и его более ранними ностратическими (от лат. *nostratis* – наш, здешний) формами. В словарном составе европейских языков сохранились многочисленные свидетельства этого родства, своего рода языковые реликты, ср. немецкое слово «Mark» (граница) с индоевропейским корнем *tereǵ* (рус. *мерёжа* – сеть, невод).

Языковое древо на рис. 4 иллюстрирует **глоттогенез** (от гр. *γλῶττα* – язык, *γένεσις* – происхождение, развитие), то есть происхождение и

⁹ Deleuze G., Guattari F. Rhizome. Introduction. – Paris : Les Editions de Minuit, 1976. – 74 p.

развитие языков индоевропейской семьи. Структура древовидной системы языка изменяется и укрупняется по мере приобретения человеком нового опыта. Следовательно, стимулами развития языковой системы выступают **общественные (экстралингвистические) преобразования**, что убедительно доказано в работах советского лингвиста и литературоведа В.М. Жирмунского¹⁰.

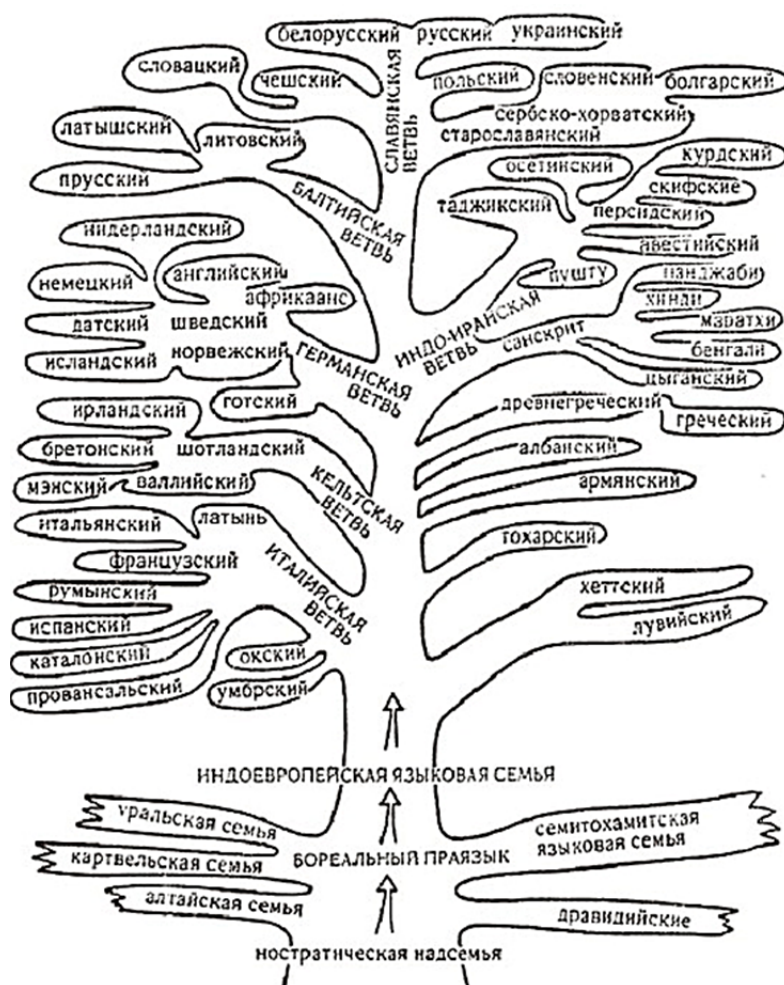

Рис. 4. Глоттогенез языков индоевропейской семьи¹¹

Так называемые **индигенные (миноритарные) языки** имеют ограниченное количество лексико-семантических полей, сосредоточенных, как правило, вокруг центрального («стволового») поля «Этнос» или

¹⁰ Жирмунский В.М. История немецкого языка. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Изд-во литературы на иностранных языках, 1948. – С. 296.

¹¹ Изображение взято с сайта: Древо родства языков мира // Русский след в мировой истории. – Режим доступа : <http://ru-sled.ru/drevo-rodstva-yazykov-mira>.

«Род». Словарный состав таких языков редко превосходит отметку в 4000 слов. Для сравнения: словарный запас выпускника средней общеобразовательной школы в России составляет приблизительно 25 000 слов. Американский лингвист и антрополог М. Сводеш определил так называемый «ядерный состав» лексики, то есть минимальное количество слов, без которых невозможна коммуникация¹². Для русского языка список Сводеша составляет 207 единиц с тематической приуроченностью «Человек и его деятельность».

Существует два базовых типа лексико-семантических полей: *таксономия* и *мереология*. Принцип организации **таксономического** (от гр. *τάξις* – порядок, строй, *νόμος* – закон) **поля** – подчинение гиперониму (родовому понятию) равнозначных когипонимов (видовых понятий), например названий кухонной утвари для жарки: *жаровня – сотейник – сковорода*» **Мереология** (от гр. *μέρος* – часть, *λόγος* – слово, речь) организована по принципу: целое (холоним) и частное (меронимы). Примером может служить поле «*Велосипед*», где гипонимы «*втулка*», «*бардачок*», «*отражатель*» образуют целую иерархию подчинённых друг другу словарных элементов. Родовое понятие обозначается в языкознании латинизмом *genus proximum*, а видовое – *differentia specifica*.

Итак, если системные дисциплины исследуют композицию элементов словарных множеств внутри системы языка, то **дисциплины функционального профиля** изучают комбинирование этих элементов в речи. Типичной дисциплиной функционального разряда является **стилистика**, которую также называют функциональной.

① *Существует мнение, что функциональная стилистика изучает функциональные стили, а обычная стилистика, или «лингвостилистика», – выразительные средства, однако это не так. Любые порождаемые тексты так или иначе относятся к функциональным стилям, и любые выразительные средства могут образовывать их репертуар. Функциональность стилистики определяется её дисциплинарной природой, то есть причастностью к вопросам языкового функционирования. Функциональные же стили изучает макро-, а выразительные средства – микростилистика, как следует из § 1.1. Потребность вводить тавтологичное обозначение «лингвостилистика» в языкознании попросту отсутствует (см. о тавтологии подробнее § 2.3).*

¹² Сводеш М. Лексикостатистическое датирование доисторических этнических контактов // Новое в лингвистике. – 1960. – Вып. 1. – С. 23–52.

Функциональной стилистике известно множество комбинаторных механизмов для создания выразительных средств речи, однако наиболее частым способом вступает объединение элементов различных словарных множеств (полей) по следующей формуле:

$$F = \{n\}A_1 \cup \{n\}A_2,$$

где F – функция; $\{n\}A_1$ и $\{n\}A_2$ – элементы словарных множеств A_1 и A_2 ; \cup – математический оператор объединения.

Так, элементы «царица» и «цветы» лексико-семантических полей «Правитель» и «Флора» комбинируются для создания гиперболического перифраза «царица цветов» (*роза*). Похожее можно наблюдать и в немецком языке, где элементы «*Blume*» и «*Königin*» соответствующих лексико-семантических полей объединяются для создания гиперболы в композит (см. об этом подробнее § 2.8) «*Blumenkönigin*» (нем. *Rose*).

Под **функцией** в математике понимаются определённые закономерности установления соответствий между произвольными объектами. В логике понятие функции связано с именем немецкого математика Г. Фреге, который показал, что последовательности языковых выражений можно трактовать как некоторые функции¹³. В языкознании функцией называют роль того или иного элемента, которую он играет в речи. Следовательно, **функция в стилистике** – это выразительный потенциал элементов словарных множеств и их речевых комбинаций.

И хотя функциональная стилистика имеет макродисциплинарный статус, в современной парадигме лингвистических дисциплин она не единственная дисциплина функционального разряда. Её главным сателлитом выступает **прагматика**, изучающая поведенческую сторону речи, роли коммуникантов и их отношение к языковым знакам. Когда-то наши далёкие предки совершили переход на искусственный отбор (селекцию нашего вида по поведению), и с тех пор на язык частично переложена поведенческая (бихевиористическая) функция. «Клянись!» – поступок, который делит жизнь на до и после, а последствия клятвенного преступления могут быть весьма плачевными. «Слово – поступок, речь – поведение» – главный постулат прагматики. Несмотря на то, что прагматика и функциональная стилистика имеют собственные объекты изучения (у прагматики это поведенческие паттерны (от англ. *pattern* –

¹³ Frege G. Über Sinn und Bedeutung // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. – 1892. – Nr. 100. – S. 25–50.

схема, шаблон, образец) речи, а у стилистики – выразительные средства), объекты данных функциональных дисциплин достаточно близки: и та, и другая работают с функциональным репертуаром языка и исследуют его выразительные возможности.

Одной из наиболее крупных дисциплин экстралингвистического уровня, активно сотрудничающей с функциональной стилистикой, является **социолингвистика**, изучающая связь языка и социума. Именно благодаря данной связи и существуют (функциональные) стили как единства речи и сферы общения (см. об этом подробнее § 3.1). Таким образом, природа стилей и функционального репертуара – целиком экстралингвистическая. В тесном сотрудничестве с социолингвистикой стилистика решает задачи описания разновидностей функционального репертуара, выступающих компонентами определённых языковых ситуаций, функциональных черт заимствованных пластов, образовавшихся в принимающем языке в результате языковых контактов, и т. д.

В качестве промежуточной дисциплины между разделами системной и функциональной лингвистики фигурирует **грамматика**, которая служит своеобразным сводом правил и алгоритмов речевого комбинирования элементов словарных множеств. Здесь грамматические оппозиции (*мы vs. вы, гляжу vs. глядишь* и т. п.) объединяются в парадигмы (личных местоимений), парадигмы – в грамматические категории (рода, числа, *genera verbi* (лат. *категория залога*) и т. д.), а грамматические категории образуют функционально-семантические поля (темпоральности, залоговости, аспектности и пр.)¹⁴.

Похожей дисциплиной функционально-системной направленности выступает **фонетика**, изучающая звуковую сторону речи в фокусе нормы. Так как из фонем состоит весь «строительный материал» языка, фонетика связана не только с грамматикой (ср. ряды аблаута в немецком языке: *singen – sang – gesungen*), но и с функциональной стилистикой главным образом через выразительный потенциал фонетических приёмов, имеющих стилистическое значение, например через протёзу (*острый – вострый*), эпентезу (*geht – нейтральное, gehet – высокое*), диерезу (*Саныч, Вашбродь = Ваше благородие*), хиатус (*и у Ии*). Наиболее тесно фонетика со стилистикой переплетаются при использовании приёмов звукописи (ономатопеи), принадлежащих к группе звукоизобразительных средств (см. об этом подробнее § 2.7), ср. звукоподражания в

¹⁴ Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис ; отв. ред. А.В. Бондарко. – Ленинград : Наука, 1987. – 348 с.

английском языке: *cock-a-doodle-doo* (англ. кукареку́), *bow-wow* (англ. гав-гав), *fizz-fizz* (англ. шипение шампанского или змеи).

Итак, как можно убедиться, функциональная стилистика, охватывая такие разделы языкознания, как лексикология, социолингвистика, прагматика, грамматика и фонетика, полностью оправдывает статус **дисциплины макродисциплинарного порядка** и легко преодолевает демаркацию (от англ. *demarcation* – разграничение, водораздел) предметов функционального и системного разрядов. Стилистика – самостоятельная **наука фундаментального характера** (так как изучает выразительные особенности речи человека) и **центральная дисциплина функциональной лингвистики**. Все термины, понятия и положения, образующие её аппарат, прошли неоднократную апробацию не только в парадигме исследовательских направлений отечественного языкознания, но и в многочисленных работах зарубежных специалистов.

Вопросы для самоконтроля

1. Какие дисциплины системного и функционального разрядов Вам известны?
2. Какая категориальная пара позволяет изучать любые структуры словарного состава языка?
3. Как называются в лексикологии сферические скопления словарных множеств в системе языка?
4. По какой формуле находится система языка?
5. Какие признаки системы существуют?
6. Какая структурная организация наблюдается у элементов словарных множеств?
7. Что обозначают термины «гипероним», «гипоним» и «когипоним»?
8. Какова сущность ономаσιологического подхода?
9. Почему структуру системы сравнивают с деревом?
10. Благодаря каким стимулам развиваются системы языков?
11. Какие выделяют базовые типы лексико-семантических полей?
12. По какой формуле находится функция языка?
13. Что понимается под функцией в языкознании и стилистике?
14. С какими дисциплинами связана функциональная стилистика?
15. Почему стилистика является центральной дисциплиной функциональной лингвистики?

1.3. Понятийно-терминологический аппарат функциональной стилистики

Понятийно-терминологический аппарат составляет треть потенциала любой дисциплины наряду с *верификацией* и *проскопией*. К **аппарату** (от лат. *apparatus* – снаряжение, оснащение) относятся: термины и понятия, теоретические конструкты (как идеализированные модели реальности), методы, подходы, формулы, алгоритмы, аксиомы, правила, тезисы, положения, результаты анализа и т. п. Чтобы понять, как это работает на практике и работает ли вообще, существует процедура **верификации** (от лат. *verificatio* – доказательство, подтверждение), в ходе которой проверяется пригодность аппарата для науки в целом и для решения отдельных исследовательских задач в частности. Пригодность дисциплины, определяемая путём верификации, даёт основание для **проскопии** (от лат. *pro* – для, вперёд, *scopus* – цель), то есть предвидения конкретных результатов применения аппарата на практике. Чем выше процентный показатель проскопии, тем пригоднее аппарат для исследовательских нужд.

Понятийно-терминологический аппарат функциональной стилистики является выверенной **терминосистемой** с достаточно разветвлённой структурой понятий. К базовым понятиям стилистики относятся: «выразительное средство», «окраска/регистр», «жанр», «стиль/подстиль», «функциональный стиль». Все эти термины имеют видовую специализацию, то есть являются гипонимами (видовыми понятиями), и подчиняются гиперониму (родовому понятию) «функциональный репертуар языка». Тем самым по типу лексико-семантического поля терминосистема функциональной стилистики является мереологией (см. об этом § 1.2) и весьма точно воспроизводит всю иерархию составляющих функционального репертуара языка.

Функциональный репертуар, как совокупность выразительных средств языка, не следует путать с речью (фр. *parole*). **Речь** (от ст.-слав. *рѣчь* – слово, язык, вещь) – это коммуникативное воплощение языковой системы, обладающее характеристиками динамичности, ситуативности, конкретности, неповторимости, дискретности, временной протяжённости, артикуляционной чёткости и т. п. (о видах и формах речи см. § 4.1, 4.2). Функциональный репертуар же есть некий паноптикум тех выразительных средств и возможностей, которыми регулярно пользуется языковой коллектив в целом и говорящий индивид в частности. Его также не следует смешивать со словарным составом языка как способом организации языковых элементов внутри словарных множеств (см. о разнице

словарного состава и функционального репертуара § 1.4). Будучи производной выразительной функции языка, функциональный репертуар весьма близок по значению к термину «активный запас слов», хотя и не полностью идентичен ему. Он, скорее, **отобранный, регулярный набор способов выражения**, обеспечивающий решение (жизненно) необходимых коммуникативных задач всего языкового коллектива или отдельного говорящего.

Наиболее ходовые элементы словарных множеств, отбираемые для функционального репертуара языка, приобретают **коннотацию** (от лат. *con-* – вместе, *notatio* – описание, характеристика), то есть вторичный компонент значения, реализующий экспрессивную функцию языка и дополняющий предметно-понятийное содержание слова эмоциональной составляющей. В зависимости от характера отношения к обозначаемому факту, объекту, процессу окружающей действительности коннотации делятся на **положительные** и **отрицательные**. Если расположить все имеющиеся выразительные средства такого языка, как русский, на некой *аксиологической* (от гр. *ἀξία* – ценность) оси *Y*, то над осью *X* будут находиться положительно коннотированные средства, а под ней – средства с отрицательной коннотацией (см. далее). Так устроена экспрессивная семантика любых языков: движение вверх ассоциируется с увеличением, а движение вниз – с понижением значимости. Кроме того, коннотации бывают **абсолютными** и **контекстными**. Первые присущи лексическим единицам независимо от контекста (разг. *ухажёр*), вторые проявляются только через определённый контекст (от нем. *das ist ja irre!* – прост. *отпадно!*, досл. «помешанный»).

Коннотацию приобретает абсолютное большинство выразительных средств, однако образуются и средства без коннотации – нейтрально окрашенные. Совокупно положительно или отрицательно коннотированные средства составляют **функционально-стилистически дифференцированный репертуар** языка, а элементы без коннотации – **функционально-стилистически недифференцированный репертуар** (см. об этом подробнее § 1.5). В силу того, что реализация выразительной функции автоматически снабжает элементы оценочной семантикой, количество дифференцированных средств в функциональном репертуаре языка постоянно увеличивается.

Коннотация придаёт средствам функционально-стилистически дифференцированного репертуара языка определённую **экспрессивную (оценочную) окраску**, которую иногда обозначают стилистической.

Окраска бывает *функциональной* и *экспрессивно-семантической*. **Функциональная окраска** закрепляет слово за определённым функциональным стилем (*нижеподписавшиеся, verbeamten* (нем. *принимать в госслужащие*) – официально-деловой стиль, см. об этом подробнее § 3.4). Под **экспрессивно-семантической окраской** понимаются выразительные **оттенки** внутри самого функционального стиля, различающиеся отношением к норме и эмоциональным содержанием. Следовательно, количество видов функциональной окраски равно пяти (в соответствии с числом функциональных стилей), а оттенков экспрессивно-семантической окраски внутри таких стилей – шесть, включая нейтральный.

Все выразительные средства функционально-стилистически дифференцированного репертуара ранжируются на шкале оттенков экспрессивно-семантической окраски (см. далее), где движение вверх от оси X (нейтральной окраски) связано с **повышением литературного качества речи**, а движение вниз от нейтральной – с **возрастанием экспрессивности речи**. Это значит, что повышающаяся литературность речи оценивается говорящим коллективом положительно (*мелиоративно*, от лат. *meliorare* – улучшать), а увеличивающаяся экспрессивность – отрицательно (*пейоративно*, от лат. *peiorare* – ухудшать). Под **экспрессивностью** понимается совокупность семантико-стилистических признаков лексической единицы, которые обеспечивают её способность выступать в речи как средство субъективного выражения отношения говорящего к предмету речи или адресату информации¹⁵. Расположение элемента на упомянутой шкале обозначается его **функционально-стилистическим значением**.

В словарях семасиологического типа указанное значение даётся в виде **стилистической пометы**, например «*dichter. veraltet*» (нем. *поэт., устар.*) в словарной статье «Aar» (нем. *орёл*) электронного словаря «*Duden – Deutsches Universalwörterbuch*» (2006)¹⁶ на рис. 5. Помимо этого, пометы могут обозначать принадлежность к определённой группе выразительных средств, ср.: *шутл.* (шутливо: группа средств выражения юмора и сатиры), *эвф.* (эвфемистично: группа средств описания и выделения признака), к определённому социолекту, к примеру: *мед.* (язык медицины), указывать на область распространения (*пск.* – Псков-

¹⁵ Гридин В.Н. Экспрессивность // Лингвистический энциклопедический словарь ; под ред. В.Н. Ярцевой. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – С. 591.

¹⁶ Duden. Deutsches Universalwörterbuch : CD-Rom. – Mannheim : Bibliographisches Institut GmbH, 2006.

ская область), на этимон заимствованных единиц (*ст.-фр.* – старофранцузский) и т. д.

Рис. 5. Стилистические пометы в структуре словарной статьи «Aar»

Выше нейтрального значения на шкале оттенков экспрессивно-семантической окраски **по восходящей линии** расположены выразительные средства «высокой»↑ и «напыщенной (патетической)»↑ окраски, ниже нейтральной **по нисходящей линии** – «разговорной»↓, «просторечной»↓, «вульгарной (грубой)»↓ (табл. 1). Совокупно выразительные средства с определённым оттенком экспрессивно-семантической окраски обозначаются **стилистическим регистром** (от лат. *registrum* – список, перечень).

Таблица 1

Шкала оттенков экспрессивно-семантической окраски

Направление	Окраска	Пример 1	Пример 2	Пример 3
↑ Литературное качество речи	<i>напыщенная (патетическая)</i>	отойти в лоно Авраама	in den heiligen Stand der Ehe treten; den Bund für das Leben schließen	image
	<i>высокая</i>	угаснуть, опочить	die Ehe eingehen; sich vermählen	countenance
●	<i>нейтральная</i>	<i>умереть</i>	<i>heiraten</i>	<i>face</i>
↓ Экспрессивность речи	<i>разговорная</i>	отдать богу душу	j-n zu seiner Frau (zu seinem Mann) machen; Hochzeit machen (halten)	pan (Amer.), phiz (Brit.)
	<i>просторечная</i>	помереть	einen Mann, eine Frau kriegen	kisser, smiler
	<i>вульгарная (грубая)</i>	откинуть коньки	sich anketten lassen	mug

↑ **Напыщенная (патетическая) окраска** (нем. *Stilchwulst, Phöbus*; англ. *bombast*) выразительных средств придаёт речи неестественность, высокопарность, ходульность и может служить как поэтическим, так и сатирико-полемическим целям, ср.:

Цари, народы слёзы льют:
Державы, воинства их пали;
Европа есть **юдоль печали**.
Свершился ль неба страшный суд?
С. Есенин

↑ Для **высокого оттенка** экспрессивно-семантической окраски характерен тщательный подбор слов и недопущение использования всего обиходно-обыденного: экспрессивного синтаксиса, разрыва конструкции, эллипсов и т. д. Такие выразительные средства свойственны торжественным речам, официальным обращениям, публичным выступлениям и т. п., например: «**Шесть десятилетий** назад в России, на земле **двух континентов** – Европы и Азии, **совершилась социалистическая революция** и началось **претворение в жизнь** заветной мечты человечества – **строительство общества, где труд свободен от эксплуатации, где царит социальная справедливость, где вместо национальной розни торжествует дружба народов**» (обращение ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР к народам, парламентам и правительствам всех стран мира 03.11.1977).

– **Нейтральный оттенок** образует нулевую точку шкалы и считается базовой нормой для письменной и устной речи. Нейтральная экспрессивно-семантическая окраска придаёт речи объективность, простоту и эмоциональную нейтральность, ср.: «В 1947 году норвежский археолог Тур Хейердал и пятеро его сподвижников **предприняли** всемирно известную **экспедицию «Кон-Тики»**. Они **пересекли Тихий Океан** на плоту из брёвен бальзового дерева по маршруту миграции предков полинезийцев из Южной Америки. Целью путешествия было доказать, что древние жители Южной Америки **имели** техническую **возможность** переселиться в Полинезию» (Интерфакс).

↓ **Разговорный оттенок** выступает отправным пунктом экспрессивности речи. Он присущ главным образом выразительным средствам обиходно-разговорного функционального стиля и характеризуется непринуждённостью, эмоциональностью и живостью. Так как обиход-

ное взаимодействие осуществляется преимущественно через диалог, данный оттенок предполагает относительно свободное обращение с грамматикой и высокую выразительность речи, например: «У нас в **Валюхино-то** **Володька-дурачок** был, так он их из одного глотка по пять штук поил». – «**Дурачок?**» – «**Ага!** Любили его **шибко** мы, вся деревня любила. Кто **чѐ** попросит **по хозяйству помочь**, тут же придёт работать, убираться **пуще** хозяев будет. **Ага. Ума бог не дал**, а души и силы – бери, сколько **хощь**. И **края не видать**» (к/ф «Любовь и голуби», 1985, реж. В. Меньшов).

↓ **Просторечный оттенок** (от англ. *slang* – simple language) свидетельствует о фамильярном характере общения в доверительной и раскованной атмосфере. Выразительные средства с данной окраской обозначаются также обиходно-сниженной лексикой и противопоставляются книжным нормам, ср.: «**Поду-кась** найди в другом месте такое **приданое!**» (А. Чехов). Главным признаком таких выражений выступает близость к народной речи и даже уподобление ей путём нарочитого отхождения от литературных норм. Просторечный оттенок выражения достигается фонетическими (*звѐнят*), морфологическими (*ложить*) и синтаксическими (*он ведь таких нету больше на целом свете*¹⁷) способами.

↓ Выразительные средства с **вульгарным (грубым) оттенком** обладают на шкале окрасок максимальной экспрессивностью и служат маркерами несдержанности или классовой нетерпимости. К таким выражениям относятся вульгаризмы (*мура*), жаргонизмы (*бомж*) и общенизмы (*дебил*, см. об этих единицах § 1.5), совокупно обозначаемые *бранными словами*. Нередко данные выразительные средства используются в **инвективе** (от лат. *invectivus* – стыдящий), то есть в обличительной, оскорбительной речи, к примеру: «**На протяжении всей истории любая сволочь, которая разрушала или пыталась разрушить Россию, делала это исключительно с целью спасения мировой цивилизации. Пора бы уже к этому и привыкнуть**» (Ю. Мухин).

Все выразительные средства, расположенные ниже нейтрального оттенка, обозначаются в языкознании **экспрессивной**, или **сниженной, лексикой**. Помимо этого, в ряде языков (например, в русском) имеются так называемые табуированные (ненормативные) выражения, образующие отдельный оттенок ниже вульгарной (грубой) окраски – мат. Обо-

¹⁷ Потанина О.Ю. К вопросу об употреблении просторечных синтаксических конструкций в сказках Л.С. Петрушевской // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – № 6 (62). – С. 217.

значение «табуированные» свидетельствует о том, что публичное использование таких выразительных средств запрещено. Однако **литературная (книжная) норма выражения** понимается гораздо уже, чем «неиспользование ненормативных выражений»: её составляют лишь те выразительные средства, которые допускаются в письменной речи. Таким образом, к литературно допустимой норме относятся всего три оттенка экспрессивно-семантической окраски: **нейтральный, высокий и разговорный**, образующие своеобразную «золотую середину» аксиологической иерархии, отмеченную на табл. 1 серым цветом.

В языкознании принято различать языковые и стилистические нормы. **Языковыми нормами** называются социально-исторически обусловленные способы реализации языковой системы в процессе коммуникации. Под **стилистическими нормами** понимаются правила использования языковых норм в отдельных функционально-стилистических разновидностях (стилях) национального языка. Так, языковая норма предполагает *ассимиляцию* (от лат. *assimilatio* – усвоение, уподобление) предлога «к» перед местоимением «кому» [кə^а’му], а стилистическая норма сценического произношения – *диссимиляцию* (от лат. *dissimilatio* – расподобление) [х’кə^а’му]. Так как национальный язык как средство общения нации существует в двух формах – письменной и устной, выделяют также **литературные нормы** как свод правил порождения письменной речи (текстов). Нормообразование решающим образом зависит от **способа** (письменного или устного), **вида** (монологического или диалогического) (см. об этом подробнее § 4.1) и **цели коммуникации** (см. далее).

Неоднородность и многоаспектность коммуникации приводит к **стилистическому расслоению** функционального репертуара национального языка, в результате чего образуются его устойчивые функционально-стилистические разновидности для отдельных сфер коммуникации (см. об этом также § 3.1). Данные разновидности обозначаются **функциональными стилями** и традиционно образуют «**пятилистник**»: 1) стиль науки, 2) публицистики и прессы, 3) официально-деловой, 4) обиходно-разговорный, 5) образно-художественный стили (рис. 6). М.П. Брандес связывает функциональные стили с так называемыми **программами** (от гр. *προγράμμα* – предписание) **речи**, изменяющимися в зависимости от **цели коммуникации**, то есть необходимости реализации определённого коммуникативного намерения¹⁸. Например, про-

¹⁸ Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс : учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Прогресс-Традиция : Инфра-М, 2004. – С. 37.

грамма разговорной речи заключается в том, чтобы вызвать у собеседника те или иные эмоции, программа публицистической речи – сформировать у адресата мнение о происходящем или случившемся, программа образно-художественной речи – создать в голове читателя определённый (художественный) образ и т. д. Обзор функциональных стилей и их речевых программ дан в главе 3.

Рис. 6. «Пятилистник» функциональных стилей

Жанрово-стилистическое наполнение функциональных стилей – это образующие их жанры, подстили и стили. **Жанром** (от фр. *genre* – род, разновидность) называется общность устных или письменных текстов по формально-содержательным признакам. **Текст** (от лат. *textum* – ткань) есть последовательность содержательно связанных высказываний, характеризующаяся смысловой завершенностью. Дополнительно выделяются макрожанры и метажанры. Примером **макрожанра**, распространённого во всех функциональных стилях, можно считать прозу (от лат. *prosa oratio* – простая речь) как свободный способ организации речевых произведений, не предполагающий их деление на метрически равные и зарифмованные отрезки (стихи, см. об этом подробнее § 2.7).

Метажанр простирается сквозь границы функциональных стилей, например жанр инструкции, существующий и в научной прозе, и в официально-деловой коммуникации, и в обиходной речи (как наставление ребёнку на аттракционах: «*Пристегнись и держись вот за этот поручень!*»).

Существует ещё и более узкое понимание жанра как **вида литературного произведения**. В этом смысле жанры разделяются по объёму, теме и роду литературы. **По объёму** выделяют крупные (*роман*), средние (*повесть*) и малые (*новелла*) жанры. **Тематическое деление** жанров весьма условно. Например, в лирических жанрах различают гражданскую, философскую, пейзажную лирику и пр. **По роду литературы** (см. об этом § 3.6) жанры разделяются на прозаические (от гр. *ἔπος* – повествование) (*роман, повесть, рассказ*), лирические (*ода, элегия, поэма*) и драматургические (*драма, комедия, трагедия*). В функциональной стилистике **жанры различаются** по видам и формам речи (см. об этом подробнее § 4.1, 4.2). Так, выделяют устные, письменные, монологические, описательные, повествовательные (нарративные) жанровые разновидности и др.

① *Помимо этого, жанр имеет сугубо социально-прагматическое значение, определяемое отношением друг к другу участников коммуникации, их общественным статусом, поведенческими ролями и т. п. (см. об этом § 3.2). Например, в общении с детьми говорящий может использовать одни жанры, в общении с лицами противоположного пола – другие, на производстве (службе) – третьи и т. д. Совокупность жанров и/или их ситуативных реализаций в коммуникативном поведении конкретного человека обозначается жанровым или прагматическим репертуаром.*

Стиль в широком понимании – это единство речи и сферы общения; в более узком – это **система выразительных средств**, отличающаяся от прочих систем по **лексическим, грамматическим, архитектурным** (см. об архитектонике текста § 2.8) и **фонетическим** особенностям, ср. религиозный стиль с высоким содержанием церковно-славянской и архаизированной лексики и жанрами службы, исповеди, причащения и пр. Стиль – всегда особый способ отбора и организации выразительных средств и жанров, которые образуют его основу (см. о стиле также § 3.1).

В основу любого стиля положены определённые принципы организации языковой материи, которые получили название **«стилеобразующие черты»**. Так, чертами административно-канцелярского стиля, который входит в официально-деловой функциональный стиль (см. об этом подробнее § 3.4), являются фактологичность, терминологичность, клишированность, детальность и безличность. Особое stileобразующее значение черта приобретает в индивидуальных (авторских) стилях (см. об этом также § 3.7). Термин **«стилеобразующая черта»**, как следует из его состава, используется в отношении стиля, в то время как в отношении текста или ряда текстов правильнее применять термин **«стилистическая черта»** (нем. *Stilzug*, англ. *stylistic feature*). Например, стилистическими чертами поэтических произведений поэтессы Б. Ахмадулиной выступают пронзительность, раскованность, чувственность.

Стили, которые входят в состав отдельного функционального стиля, обозначаются **подстилями** (нем. *Gattungsstil*, англ. *generic style*). Например, в составе функционального стиля науки выделяют *собственно научный, научно-учебный, научно-популярный* и *научно-технический* подстили. С точки зрения функционирования принципиальной разницы между стилями и подстилями не существует. Аристотель обозначает подстили родами речи и связывает их с ситуациями общения: *«Не один и тот же стиль в речи письменной и в речи полемической, в речи, произносимой перед народным собранием, и в речи судебной»*¹⁹.

Своеобразным «строительным камешком» стиля выступает **выразительное (стилистическое) средство** (нем. *Ausdrucksmittel*, англ. *expressive means*), выполняющее в речи ту или иную экспрессивную задачу (создать образ, выделить признак, рассмешить, заострить внимание и т. п.). В обиходе выразительные средства называют **выражениями**. В сущности, весь функциональный репертуар состоит из выразительных средств – образных, перифрастических, фразеологических, звукоизобразительных, грамматических и пр., которые отбираются в соответствии с определёнными принципами в инвентарь тех или иных стилей, а стили – в функциональные стили, образуя структурную «матрёшку» функционального репертуара. К примеру, одним из выразительных средств в поэзии Б.Л. Пастернака является *двучленная метонимия* (см. об этом также § 2.1), ср.:

¹⁹ Аристотель. Риторика. Поэтика : сборник / пер. с древнегр. Н. Платоновой, В. Аппельрота. – Москва : АСТ, 2018. – С. 259.

Поэзия, когда под краном
Пустой, как **цинк ведра**, трюизм,
То и тогда струя сохранна,
Тетрадь подставлена, – струись!
Б. Пастернак

① *Функциональная стилистика давно отказалась от такого критерия определения стиля, как понятийно-предметная (ономасиологическая) отнесённость, в силу его выраженного системного уклона: стиль не равен словарному множеству (терминологии). По этой же причине представляется неверным и расхожее отождествление стиля и социолекта (см. об этом § 1.4). Социолект противопоставлен идиолекту (от гр. ἰδιος – особый, своеобразный) и обозначает некий стандарт выражения отдельной группы носителей языка. Несмотря на то, что социолекты зачастую располагают собственным тезаурусом, вряд ли их можно признать системой отобранных выразительных средств по причине стихийности социолектных практик коммуникации, в которых традиционно перевешивают узואальное (от лат. usus – употребление) и социальное, в то время как любой стиль характеризуется наличием отчётливо различных, самобытных и исторически упроченных норм выражения (ср. дипломатический подстиль в составе официально-делового функционального стиля, см. об этом подробнее § 3.4). Главное же различие между социолектом и стилем проходит по соссюрианской дихотомии (от гр. διχότης – деление надвое) «синхрония vs. диахрония» (современность vs. история): социолект имеет подчеркнута синхронную природу, то есть зависит от коммуникативной мощности языка (количества говорящих), его социального варьирования, текущей экономической политики, характера и степени профессионализации говорящего коллектива и т. п., а стиль представляет собой продукт исторического развития и диверсификации норм национального языка. В иерархии терминов, образующих аппарат функциональной стилистики, интралингвистическое понятие «стиль» является гипонимом по отношению к понятию экстралингвистики «социолект» как коллективной форме существования функционального репертуара языка.*

На рис. 7 показана гипо-гиперонимическая **иерархия** терминов аппарата функциональной лингвистики, начинающаяся в интралингвистике, а заканчивающаяся в экстралингвистической плоскости. Тем самым

подтверждается вывод о наличии сформированной и самостоятельной **терминосистемы** данной макролингвистической дисциплины.

Рис. 7. Иерархия терминов аппарата функциональной стилистики

Вопросы для самоконтроля

1. Что представляет собой понятийно-терминологический аппарат функциональной стилистики?
2. Какие термины входят в аппарат данной дисциплины?
3. В чём состоит отличие функционального репертуара языка от речи?
4. Какие виды коннотаций выделяют?
5. Как располагаются выразительные средства на аксиологической оси?
6. Какие средства образуют функционально-стилистически дифференцированный репертуар языка?
7. Чем отличается функциональная окраска выразительных средств от экспрессивно-семантической?
8. Что обозначает термин «функционально-стилистическое значение»?
9. Какие оттенки экспрессивно-семантической окраски выделяют и каковы их признаки?
10. Какие оттенки экспрессивно-семантической окраски образуют литературную норму?
11. В чём состоит отличие языковых от стилистических норм?
12. Какие функциональные стили существуют?
13. Что понимается под жанрово-стилистическим наполнением функциональных стилей?
14. Существует ли разница между стилями и подстилями?
15. Что понимается под выразительным (стилистическим) средством?

1.4. Вопросы выделения и описания функционального репертуара языка

Создание выразительных средств, образующих в своей совокупности функциональный репертуар языка, – это извечный **поиск удачных способов выражения мыслей, чувств, состояний, настроений и пр.** и один из источников обогащения словарного состава, ср. *синекура* (от лат. *sine cura* – доходная должность, не требующая особого труда; досл. «без забот»). Аристотель подчёркивает, что «*изобретение изящных и удачных выражений – дело человека даровитого и приобретшего навык, а наиболее приятны нам те слова, которые несут какое-то знание*»²⁰.

Поиск удачных способов реализации экспрессивной функции языка, идущей рука об руку с номинативной (назывательной) функцией, осуществляется методом **комбинирования** элементов словарных множеств в речевой цепи, ср. пошаговый эвристический (от гр. *εὐρίσκω* – отыскиваю) подбор составляющих высказывания и отсортировку промежуточных вариантов а), б) и в) до получения искомого выражения г):

- А. Лица у всех мироедов одинаковые: в них нет совести. (–)
- Б. Лица у всех мироедов одинаковые: у них нет совести. (–)
- В. Лица всех мироедов одинаковые: бессовестные. (–)
- Г. Лица всех мироедов **одинаково бессовестные**. (+)

Отобранные продукты такой комбинаторики получили в языкознании обозначение «**единицы речи**», к которым традиционно относят производные (*tach + bar + keit* → *die Machbarkeit* – нем. *выполнимость*) и сложные слова (*paralympian* – англ. *паралимпиец*), словосочетания (*возобновляемые источники энергии*) и предложения (*j'ai mal à la tête* – фр. *у меня болит голова*). Однако функциональный репертуар языка, как социально-историческое явление, вмещает гораздо больше выразительных средств, чем производится *синхронными* способами речевой комбинаторики. Одним из таких средств являются фразеологизмы, входящие в так называемый **фразео-паремиологический (нереконструируемый) фонд** языка (см. об этом § 2.4). Особенностью данных выражений выступает невозможность их реконструкции в речи

²⁰ Аристотель. Риторика. Поэтика : сборник / пер. с древнегр. Н. Платоновой, В. Аппельрота. – Москва : АСТ, 2018. – С. 247.

при помощи правил грамматики, ср. немецкий оборот *nun gib mal Butter bei die Fische!* (нем. диал. *не юли, колись!*), где нарушена грамматическая сочетаемость после предлога *bei*, требующего дательного падежа (правильно: *bei den Fischen* – так называемая «опоясывающая флексия»). Следовательно, устойчивые сочетания не комбинируются в речи всякий раз заново, а заучиваются и воспроизводятся как магнитофонные записи с фиксированной последовательностью компонентов. Они содержатся во всех функциональных стилях и решают целый ряд экспрессивных задач: от передачи полезного опыта, конденсированного главным образом в пословицах (*загад не бывает богат*), до упрощения построения высказывания (*приводить в соответствие*). К тому же, фразео-паремиологический фонд регулярно пополняется новыми устойчивыми выражениями, которые были многократно отобраны языковым коллективом и признаны удачными комбинациями. Так, фразеологизмом стало некогда свободное сочетание *все, кому не лень*. Поэтому комбинирование элементов словарных множеств может быть как регулярной, так и разовой процедурой.

① Отсюда следует, что бытующая в языкознании демаркация единиц языка и речи нуждается в уточнении. Единицами языка традиционно считаются элементы структурных ярусов (уровней) языковой системы, существующие в готовом виде и образующие иерархическую зависимость: элемент нижнего уровня интегрируется в верхний и т. д. Известный советский лингвист А.А. Реформатский, выведший данную зависимость (рис. 8), указывает на качественные различия между единицами языка, определяемые их различными функциями: фонемы реализуют перцептивную (от лат. *perceptio* – восприятие) и сигнификативную (от лат. *significans* – выразительный) функции, морфемы – семасиологическую (выражение понятий), лексемы (слова) – номинативную (назывательную), а предложения – коммуникативную (от лат. *communicatio* – сообщение). Единицами речи признаются продукты речевой комбинаторики, свободно образуемые по определённым «формулам строения», или правилам комбинирования (см. далее), однако фразеологизмы в силу своей нереконструируемости не принадлежат ни к первым, ни ко вторым. Существуют попытки отнести их к грамматике²¹, с чем едва ли можно

²¹ Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. – Москва : Знак, 2008. – С. 73.

согласиться, даже признавая тот факт, что некоторые клише образованы и «упакованы» по особым правилам комбинирования, ср.: ничтоже сумняшеся (церк.-слав. ирон. устар. ничуть не сомневаясь), иду на вы (устар. объявляю войну, Святослав I). К тому же, как следует из типологии клише Г.Л. Пермякова, наиболее крупной единицей верхнего порядка для устойчивых сочетаний выступает не предложение, а цепь предложений (сверхфразовое единство)²², которое считается единицей и языка, и речи, как, собственно, и сам текст.

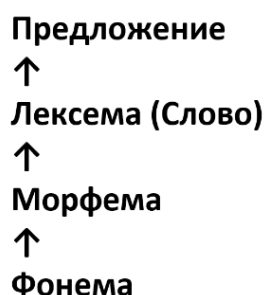

Рис. 8. Иерархия единиц языка по А.А. Реформатскому²³

Существование функционального полюса языка не очевидно рядовому пользователю, для которого слова в речи ничем не отличаются от слов в словаре. Однако стоит ему начать учить другой (иностраный) язык, как скоро обнаруживается, что при построении высказывания на изучаемом языке у слов, обозначающих привычные факты, объекты, явления и процессы окружающего мира, появляются совершенно другие оттенки значения, другая сочетаемость (ср. англ. *to celebrate a sportsman* – *праздновать спортсмена), другая частотность и т. п. Действительно, **функциональная сторона** элементов словарных множеств отражена в словарях зачастую неполно и требует для усвоения значительно больше времени и сил, нежели простое заучивание *словарных единиц* (нем. *Stichwörter*, англ. *terms*). Почему в немецком языке «относиться» – это «*halten von (Dat.)*», а не «**sich verhalten zu (Dat.)*», можно понять лишь в процессе наблюдения за речевой реализацией и комбинаторикой данных глаголов, то есть за их функционированием в речи.

Многое в языке складывается **исторически** (например, «90» по-французски «4·20 + 10» (*quatre-vingt-dix*); клавиши в немецком языке не

²² Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). – Москва : Наука, 1970. – С. 51.

²³ Реформатский А.А. Введение в языковедение / под ред. В.А. Виноградова. – Москва : Аспект Пресс, 1996. – С. 21.

западают, а «висят» – *Tasten hängen*), поэтому окончательное разграничение *langue* (системы) и *parole* (функции) вряд ли возможно, несмотря на то, что между ними пролегает целый свод правил речевого комбинирования²⁴, ср.: «школа» как учебное заведение и «школа» как выучка (*он прошёл суровую школу жизни*) – компоненты значения одного и того же словарного элемента с различными выразительными возможностями. И хотя структурная разница между словарным составом и функциональным репертуаром, проиллюстрированная в § 1.2, 1.3, бесспорна (словарный состав складывается из множеств тематически упорядоченных элементов, а функциональный репертуар – из удачных способов их комбинирования в речи), **непрерывное взаимодействие** исключает проведение непреодолимой границы между этими сторонами языка.

Суть взаимодействия системного и функционального полюсов – поддержание **коммуникативной пригодности языка**: элементы словарных множеств отбираются для производства новых выразительных средств, а полученные средства упорядочиваются в системе тематически. Отбор осуществляется при помощи **правил (приёмов) речевого комбинирования**. Неверно полагать, что данные правила (приёмы) бывают только грамматическими: они относятся и к фонетике, и прагматике, и к риторике. В последней они обозначаются *способами и принципами комбинирования* (см. об этом § 2.1, 4.5), которые соотносятся как общее и частное. Комбинируются элементы различных ярусов (уровней) системы: фонетического (*рукойводить*), морфологического (*чермет*), синтаксического (*Что? Где? Когда?*), лексико-семантического (*горькая чаша*).

Комбинацией (от лат. *combinatio* – совмещение) называется сочетание, соединение или взаимозависимое расположение однородных элементов системы. Любая комбинация реализует *дискретность* (от лат. *discretus* – дробный, разделённый) через множественность, то есть выражает многое в одном (см. о лаконичности § 1.1). В разных языках существуют свои собственные комбинации, совокупно образующие самобытные выразительные системы языков – функциональные репертуары, ср.: *Herbstmeister* (нем. *чемпион по футболу в осеннем сезоне*), *crocodile man* (англ. *охотник на крокодилов, специалист по крокодилам*), *l'amitié amoureuse* (фр. *романтическая дружба*). Чем больше создаётся новых комбинаций, тем «живее» и выразительнее язык. Музы-

²⁴ Алпатов В. Языкознание: От Аристотеля до компьютерной лингвистики. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2018. – С. 71.

кальных нот всего семь, а мелодий, создаваемых из их комбинаций, – бесконечное множество. Элементов же языка в сотни тысяч раз больше, и можно себе представить, насколько велик функциональный репертуар такого языка, как русский. В нем миллионы выразительных средств, многократно превосходящих словарный состав самой системы языка.

Следовательно, функциональный репертуар является **динамичным** панданом (от фр. *pendant* – соответствие, обратная сторона; букв. «маятник») **статичной** словарной системы, с которой они уравнивают друг друга, образуя диалектическое единство противоположностей (рис. 9). Взаимодействие между системой и функцией языка можно также охарактеризовать как **отношение абстрактного и конкретного**, общего и частного, диахронии и синхронии. Системный полюс выступает экраном интралингвистических (собственно языковых) процессов, а функциональный – экстралингвистических (социально обусловленных).

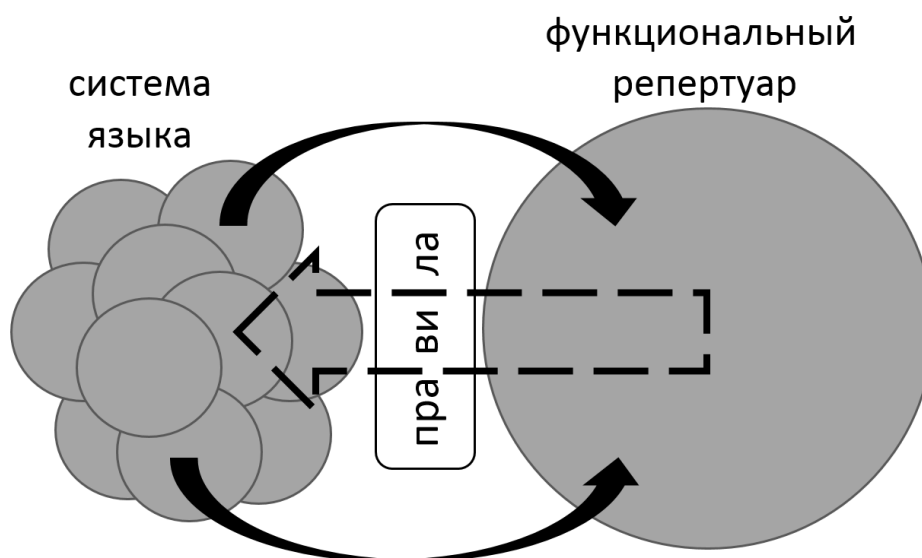

Рис. 9. Взаимодействие системного и функционального полюсов языка

Будучи объектом экстралингвистического уровня языка, **функциональный репертуар** существует в **разнообразных формах**. С точки зрения принадлежности к социуму выделяют коллективный и индивидуальный репертуар. В первом случае принято говорить о **социолекте**, во втором – об **идиолекте**. Социолект, несомненно, обширнее идиолекта, однако большинство пользуется лишь немногими, наиболее известными выразительными средствами (языком *WhatsApp*), в то время как в идиолекте агрегированы наиболее ценные для самого индивида выра-

зительные возможности. Таким образом, социолект – преимущественно продукт *коллекционный*, в то время как идиолект – *селекционный*. Как нет двух одинаковых мозгов, так нет и двух одинаковых идиолектов. Последние отличаются и по составу, и по качеству отобранных выразительных средств – индивидуальных «прожиточных минимумов». Классическим здесь выступает сравнение, иллюстрирующее амплитуду идиолектной вариативности, словарного запаса Элочки-людоедки в 30 междометных выражений и идиоглоссария И. Гёте объёмом в 90 000 словарных единиц.

Различают также территориальные (диалекты, койне) и исторические (историолекты) разновидности функционального репертуара. Главным признаком **диалекта** является консервативность языковых и стилистических норм, ср. баварский диалектизм *dramhappert* (нем. *полусонный*). **Койне́** (от гр. *κοινή* – общий) – это городское наречие, в котором нивелированы диалектные (региональные) различия. Ярким примером койне можно считать язык Одессы, исторически сложившийся в условиях её многонациональности, ср.: «У неё пошла ностальгия на организм тела» (одес. разг. *её душа затосковала по родине*)²⁵. **Историолекты** неотделимы от конкретной социокультурной ситуации в истории национального языка и содержат значительное количество историзмов и архаизмов (см. об этом подробнее § 1.5).

С точки зрения реализации определённой социальной функции, выделяют металекты, профессиолекты, акролекты, мезолекты, базилекты и криптолекты. **Металектами** (от гр. *μετά*- – между, после, через) называются территориальные варианты престижных языков-доноров, например английского языка в ФРГ или французского на Мадагаскаре. **Профессиолект** (от лат. *professio* – публичное признание) – язык, использующийся в определённой профессиональной среде. **Акролект** (от гр. *ἀκρως* – вершина) определяется как «язык дворца» в противоположность **базилекту** (от гр. *βάση* – основа) – «языку площади» («языку масс»), а **мезолект** (от гр. *μέσος* – средний) занимает в данной вертикали срединную позицию. **Криптолект** (от гр. *κρυπτός* – тайный, скрытый) – язык деклассированных элементов (так называемого «дна» общества), также известный как *арго* (см. об этом § 1.5).

По исконности различают пиджины, креольские языки и патуа́. **Пиджин** (англ. *pidgin*) – импортированный язык с упрощённой грамма-

²⁵ Язык Одессы. Слова и фразы : словарь. – 2-е изд., испр. и доп. – Одесса : Optimum, 2011. – С. 180.

тикой, облегчающий взаимодействие колонистов и аборигенов. **Креольский** (фр. *créole*) язык – это дальнейшая стадия пиджина, на котором говорит следующее поколение аборигенов, уже не владеющее местным (родным) языком. Термином «**пату́а**» (фр. *patois*) обозначается любая бесписьменная разновидность аборигенных языков. Как можно убедиться, в аспекте выделения разновидностей функционального репертуара стилистика тесно взаимодействует с социолингвистикой.

Существуют **два основных способа описания** функционального репертуара языка: по наличию коннотации и в соответствии с решаемой экспрессивной задачей. **Первый способ** предполагает разделение всей общности выразительных средств на функционально-стилистически дифференцированный или недифференцированный составы (см. об этом § 1.5). Он был предложен австро-советской учёной Э.Г. Ризель, внесшей значительный вклад в развитие теоретических основ функциональной стилистики²⁶. Согласно **второму способу** выразительные средства, решающие определённую экспрессивную задачу, объединяются в группы. Данный способ восходит к учению Аристотеля о «законах красноречия» (риторики) и «правильного мышления» (логики)²⁷. Ему целиком отведена глава 2 данной работы. Если первый способ ставит задачу описания текущего *лексического наполнения* функционального репертуара языка (системный уклон), то группирование выразительных средств сообразно с общей для них экспрессивной задачей даёт представление о том, какими *способами они образуются* (функциональный уклон). В работах теоретиков стилистики оба способа описания функционального репертуара зачастую объединяются для получения более полной картины выразительных возможностей языка.

Бельгийские учёные из так называемой Группы μ (от гр. μ – м, сокр. «метафора») предложили **третий способ** описания функционального репертуара языка в русле структурализма и систематизировали фигуры речи по парадигматическим (системным) и синтагматическим (функциональным) свойствам: метаплазмы (фонетика/графика), метасемемы (семантика), метатакис (синтаксис) и металогизмы (логика) (табл. 2)²⁸.

²⁶ Riesel E. *Stilistik der deutschen Sprache*. – Moskau : Verlag für fremdsprachige Literatur, 1959. – S. 65.

²⁷ Аристотель. Риторика. Поэтика : сборник / пер. с древнегр. Н. Платоновой, В. Аппельрота. – Москва : АСТ, 2018. – 352 с.

²⁸ Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкаенберг Ж.-М. и др. *Общая риторика* / пер. с фр. Е.Э. Разлоговой, Б.П. Нарумова ; ред. и вступ. ст. А. К. Авеличева. – Москва : Прогресс, 1986. – С. 90–91.

Данный способ представляет собой теоретическую попытку системного преобразования динамического состава функционального полюса языка.

Таблица 2
Классификация риторических фигур и тропов, предложенная Группой μ

		МЕТАБОЛЫ			
		ГРАММАТИЧЕСКИЕ (Код)		ЛОГИЧЕСКИЕ (Референт)	
		ВЫРАЖЕНИЕ		СОДЕРЖАНИЕ	
		А. Метаплазмы	В. Метатаксис	С. Метасемемы	Д. Металогизмы
		Морфологические	Синтаксические	Семантические	Логические
СУБСТАНЦИАЛЬНЫЕ	I. Сокращение	Афферезис, апокопа, синкопа, синерезис	Стяжение	Обобщающие синекдоха и антономазия, сравнение, метафора in praesentia	Литота 1
	I. 1. Частичное				
	I. 2. Полное	Упразднение, стирание	Эллипсис, зевгма, асиндетон, паратаксис	Асемия	Обрыв, приостановка, пауза (умолчание)
	II. Добавление	Протеза, диереза, аффиксация, эпентеза, «складное» слово Удвоение, подчеркивание, рифма, аллитерация, ассонанс, параномазия	Вводное слово (предложение), конкатенация, эксплиция, перечисление Реприза, полисиндетон, стихотворный размер, симметрия	Сужающие синекдоха и антономазия, архилексия —	Гипербола, гиперболическая пауза Повторение, плеоназм, антитеза
	II. 1. Простое				
	II. 2. Итеративное				
III. Сокращение с добавлением	III. 1. Частичное	Имитация детской речи, подмена аффиксов, каламбур	Силлепсис, анаколуп	Метафора in absentia	Эвфемизм
	III. 2. Полное	Синонимия без общей морфологической основы, архаизм, неологизм, создание новых слов, заимствование	Перевод в другой класс, хиазм	Метонимия	Аллегория, притча, басня
	III. 3. Отрицательное	—	—	Оксюморон	Ирония, парадокс, антифразис, литота 2
	IV. Перестановка	Акрофоническая перестановка, анаграмма, метатеза	Тмезис, гипербатон	—	Логическая инверсия, хронологическая инверсия
IV. 1. Обычная					
IV. 2. Инвертированная	Палиндром, верлан	Инверсия	—	—	

Если способ, предложенный Группой μ , напоминает квадратуру круга (приведение в систему палитры функционального репертуара как антипода системы, то есть систематизацию несистемного), то выделение групп выразительных средств есть не что иное, как *сегментация*

функционального полюса языка. **Сегментацией** (от лат. *segmentum* – отрезок) в лексикологии называется членение неких словарных множеств на относительно гомологические (от гр. *ομόλογος* – соответствующий) отрезки. Так, функционально-стилистическое расслоение речевого репертуара языка на функциональные стили представляет собой крупное сегментирование, а выделение групп выразительных средств или же самих средств – увеличение дробности сегментации и автоматически уменьшение выделяемых сегментов (рис. 10).

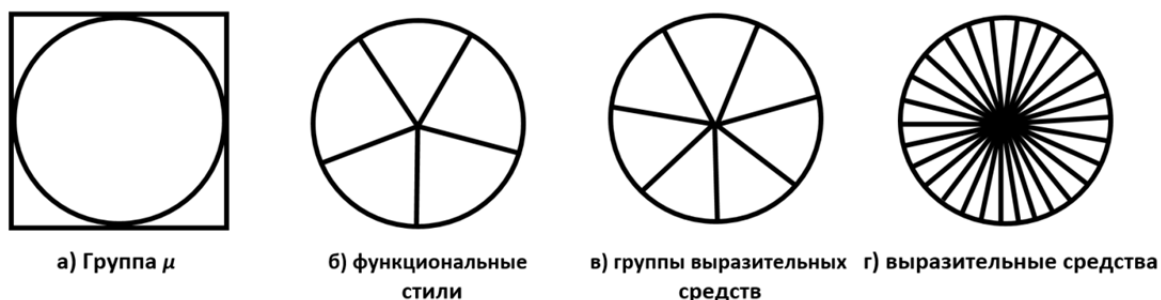

Рис. 10. Сегментация функционального репертуара языка

Вопросы для самоконтроля

1. Что понимается под созданием выразительных средств?
2. Как работает речевая комбинаторика?
3. В чём состоит отличие единиц речи от выразительных средств?
4. В какой фонд входят фразеологизмы?
5. Почему устойчивые сочетания называются нереконструируемыми?
6. Каким образом взаимодействуют словарный состав и функциональный репертуар языка?
7. Что обеспечивает их непрерывное взаимодействие?
8. Какие выделяют формы существования функционального репертуара?
9. Какие существуют способы описания функционального репертуара языка?
10. Что понимается под сегментацией?

1.5. Лексическое наполнение функционального репертуара языка

Лексическое наполнение любых языковых систем **неоднородно**. Данная неоднородность проявляется ярче всего в двух аспектах: в этимологическом и функциональном. С точки зрения этимологии исконная лексика сосуществует в языке с заимствованной, которая может быть полностью, частично или вовсе не ассимилированной. С точки зрения функции лексические единицы различаются по отнесённости к общеупотребительной лексике.

Главным признаком **общеупотребительной лексики** (нем. *Allgemeinwortschatz*, англ. *common vocabulary*) является *недифференцированное использование во всех функциональных стилях*, благодаря чему она получила обозначение **функционально-стилистически недифференцированный состав (репертуар)**. Его образуют главным образом выразительные средства нейтрального оттенка экспрессивно-семантической окраски, пригодные для использования в любых коммуникативных ситуациях.

Функционально-стилистически недифференцированный репертуар **регулярно пополняется** за счёт не только внешнего, но и так называемого внутреннего заимствования из периферийных (терминологических) областей словарной системы. Так, в цифровую эпоху в общеупотребительный фонд русского языка вошли английские термины *хештег (hashtag)*, *стрим (stream)*, кальки *облачное хранилище (cloud storage)*, *внешний накопитель (external memory)*, сокращения *Wi-Fi (Wireless Fidelity)*, *IT (Information Technology)* и многие другие. Благодаря непрерывному расширению состава, варьированию норм национального языка и отбору средств функционально-стилистически дифференцированного репертуара общеупотребительная лексика не имеет количественных ограничений и находится в постоянном изменении.

① *Зачастую общеупотребительную лексику ошибочно отождествляют с исконной (нем. *Erbwortschatz*, англ. *native word-stock*). Исконная лексика составляет словарное ядро языковой системы и роднит язык с более древними формами (древнерусский → русский) и в конечном итоге с праязыком (праславянский). Следовательно, её выделение служит задачам системного (этимологического) свойства, как то: противопоставление дополнительной (нем. *Lehnwortschatz*, англ. *borrowed stock of words*) и специальной лексики (нем. *Fremdwortschatz*,*

англ. *terminology*), в то время как общеупотребительная лексика имеет исключительно функциональную природу, как показано в § 1.3. Помимо этого, состав исконной лексики системно и функционально неоднороден. Системная неоднородность проявляется в наличии давно прижившихся заимствований (ср. кельтское слово *das Amt* в немецком языке, полагаемое сегодня германизмом), а функциональная неоднородность обусловлена функционально-стилистическим расслоением исконной лексики, как и любой другой части системы национального языка, например: *девка* (разг. *девушка*; устар. *служанка*, *горничная*; груб. *развратница*), *мóлодец* (поэт. *сильный и смелый молодой человек*, *храбрец*, *удалец*). Бóльшая часть исконной лексики в современных европейских языках архаизирована, что доказывает её принадлежность к функционально-стилистически дифференцированному репертуару.

Количественно **функционально-стилистически дифференцированный состав (репертуар)** значительно уступает общеупотребительной лексике благодаря ограничениям, связанным с употреблением и доступностью образующих его выразительных средств. Различают следующие виды ограничений функционально-стилистически дифференцированной лексики: а) временные, б) территориальные, в) социальные, г) профессиональные.

А. К **ограниченным временем** выразительным средствам относятся: i) архаизмы, ii) историзмы, iii) неологизмы.

I. **Архаизмы** (от гр. *ἀρχαῖσμός* – старинный) – это устаревшие или полностью вышедшие из оборота выражения, к примеру: *der Ernting* (нем. устар. *месяц август*; совр. *der August*). Архаизмы подразделяются на *лексические* (устаревшие слова: *брульон* – черновик), *морфологические* (устаревшие формы: англ. устар. *beauteous* – красивый; совр. *beautiful*) и *фонетические* (устаревшее произношение или ударение: устар. *творóг*; совр. *твóрог*).

II. **Историзмами** (от гр. *ιστορικος* – исторический) обозначаются реалии (артефакты) определённой эпохи, например: *десяти́на* (ист. *налог в пользу церкви*), *der Taler* (нем. ист. *талер* – *серебряная монета*), *tase* (англ. ист. *булава*).

III. **Неологизмами** (от гр. *νέος* – новый, *λόγος* – слово, речь) называются лексические единицы, которые в определённый момент истории воспринимаются носителями как новые, ср. неологизмы *инфоде-*

мия (информационная эпидемия), зумиться (общаться через интернет-платформу Zoom), сверчковая мука. Совокупно неологизмы конкретного периода образуют природу системы языка (в противовес языковой убыли).

① Неологизация и архаизация языковых ресурсов стремятся к равновесию и определяют билатеральную природу развития языка: невостребованные (низкочастотные) звенья его системы постепенно отмирают (архаизируются), а на их место приходят современные и высокопродуктивные. Нередко неологизмами становятся заимствования из престижных языков, имеющие характер «модных» выражений (англ. *buzzwords*), ср. англонеологизм бьюти-блогер (от англ. *beauty-blogger* – автор блога о красоте). Если неологизм является термином (цифровизация, ритейлер), то такую единицу обозначают терминовеологизмом.

Б. Территориально ограниченными средствами выступают: i) территориальные дублеты, ii) диалектизмы, iii) реалионымы.

I. **Территориальные дублеты**, или **территориализмы**, – это денотативно равноценные единицы, распространённые в разных ареалах проживания языкового коллектива, ср. дублеты мультифора (томск.) и файл (общерос.).

① Денотат (от лат. *denotatum* – обозначенное) есть представление о предмете или о классе предметов, получающее языковое выражение (медведь как любой мыслимый представитель медвежьих или сказочный персонаж). Референтом (от лат. *referens* – относящийся) называется сам обозначаемый объект окружающего мира (экстралингвистической реальности), предмет речи (конкретный наблюдаемый медведь). Денотат (представление о медведе) связан со знаком (рус. медведь, нем. *Bär*, англ. *bear* и т. п.) и понятием, или предметным значением (крупное хищное млекопитающее, покрытое густой шерстью), однако сам референт никак не связан со знаком или вовсе может не иметь языкового обозначения.

II. **Диалектизмы** (от гр. *διάλεκτος* – речь, наречие), или **регионализмы** (от лат. *regio* – область), – лексические единицы с выраженным разговорным характером, имеющие хождение только в определённых

ареалах (регионах) распространения национального языка, ср. немецкий диалектизм *kleechen* (вост.-нем. *вкalyвать*), использующийся севернее изоглоссы Шпайера, которая разделяет южнонемецкие (верхненемецкие) и средненемецкие диалекты.

III. **Реалиóнимы** (от лат. *realis* – существенный) являются обозначениями эндемических (от гр. *ἔνδημος* – местный) объектов, процессов и явлений, характеризующих определённый ареал (см. об этом также § 2.6), например: *Собор Василия Блаженного* (памятник древнерусской сакральной архитектуры на Красной площади), *Херсонес Таврический* (древнегреческий полис на территории Севастополя), *Таловские чаши* (памятник природы в Томской области).

В. К выражениям, имеющим **социальные ограничения**, относятся: i) арготизмы, ii) жаргонизмы, iii) вульгаризмы и обсценизмы, совокупно обозначаемые ненормативной лексикой. Все средства данной группы обладают экспрессивно-семантической окраской и образуют специальный лексический пласт в составе национального языка при полном отсутствии собственных фонетических и грамматических особенностей.

I. **Арготизмы** (от фр. *argot* – язык мелких жуликов и нищих) используются закрытыми социальными группами (ворами, бродягами, арестантами и т. п.) параллельно с общеупотребительной лексикой, но в собственном экспрессивном значении, понятном только узкому кругу лиц, ср.: *редиска* (рус. разг. *корнеплод растения рода Редьки, арг. плохой человек*), *douche* (англ. общ. *душ, арг. опущенный*), *der Polyr* (нем. общ. *полип, арг. полицейский*). Первоначально арго возникло как криптолект заговорщиков и антиобщественных групп и позже было подхвачено военными, студентами и некоторыми слоями европейской интеллигенции, находившимися на полулегальном положении. Русское арго известно как *феня*, английское называется *Cant* (кент), немецкое – *Rotwelsch* (рóтвельш). Ярким примером фени является строчка народной песни «С одесского кичмана бежали два уркана...», которую исполняли Л. Утёсов, В. Высоцкий и многие другие шансонье. В годы Великой Отечественной войны песня пользовалась большой популярностью и была одной из любимых у И. Сталина. Слово *уркан* происходит от сочетания *урóчный каторжанин*, некогда номенклатурного термина, обозначающего ссыльного каторжника, который трудился в определённом урочище (на руднике, лесоповале, в шахте и пр.). Арготизм *кичман* – производное от турецкого *gişe* (тур. *окошко, касса*).

II. **Жаргонизмы** (от фр. *jargon* – бормотание, щебет) – это выражения, встречающиеся в речи представителей обособленных социальных групп населения (субкультур): студентов, мигрантов, торговцев и пр., например: *стрелка* (жарг. *встреча*), *to diss* (англ. жарг. *неодобрительно отзываться о ком-либо*), *zutexten* (нем. жарг. *надоедать разговорами, прожужжать все уши*). В отличие от арготизмов, жаргонизмы – не обязательно признак связи с уголовным миром или языковая черта деклассированных элементов общества. Практически все социальные группы вырабатывают собственные жаргонизмы (см. далее), входящие в репертуар того или иного социолекта (см. об этом § 1.3, 1.4). Пожалуй, наиболее известным жаргоном можно считать язык молодёжи, характеризующийся экспрессивностью, гиперболичностью, иронией и в силу своей сниженности нередко обозначаемый английским термином *сленг* (от англ. *slang (simple language)* – жаргон, просторечие), ср.: *жизá* (мол. жарг. *жизненно*). Общей чертой многих молодёжных жаргонизмов в русском и немецком языках можно считать их англоязычное происхождение, ср.: *чúлить* (рус. жарг. *отдыхать*, амер. англ. *to chill out* – расслабляться), *bouncen* (нем. жарг. *танцевать, отжигать*, англ. *to bounce* – скакать, прыгать).

III. **Вульгаризмы** (от лат. *vulgaris* – общий, простонародный) и **обсценизмы** (от лат. *obscenus* – зазорный, неприличный) в функции социально ограниченных средств присущи речи представителей малообразованных или маргинальных слоёв общества. Если рядовыми пользователями языка вульгарные и обсценные выражения используются по назначению (ср. выражение «*приложить резким/крепким словом*»), то есть ситуативно и эпизодически, то в речи маргиналов ругательства заменяют обычные общеупотребительные слова и носят хаотичный характер.

Г. Лексику с **профессиональными ограничениями** образуют: i) термины, ii) профессиональные жаргонизмы.

I. **Термины** (от лат. *terminus* – цель, завершение) являются обозначениями понятий из специальных областей знаний (искусства, науки, техники) и единицами соответствующих терминологий, ср.: *каннелюра* (от фр. *cannelure* – желобок, арх. *вертикальный желобок на фусте колонны*), *зензубель* (от нем. *Simshobel* – рубанок для карниза, дер. *столярный рубанок для изготовления пазов и выступов*). Однако большинство терминов образуется на греко-латинской основе, например: *фагоцитоз* (от гр. *φαγεῖν* – пожирать, *κύτος* – клетка, мед. *поглощение клетками иммунной системы чужеродных частиц*), *абберация* (от лат.

aberro – сбиться с пути, опт. *искажение изображения*). Выделяют номенклатурную разновидность терминов – **номены** (лат. *terminus technicus*), выражающие более конкретное единичное понятие, ср. латинские обозначения растений в классификации (таксономии) К. Линнея: *Astragalus dasyanthus* Pall. (лат. бот. *астрагал шерстистоцветковый*), *Rumex thyrsiflorus* Fingerh. (лат. бот. *щавель пирамидальный*). В терминоведении термины и номены собирательно называются *специальными единицами*.

II. **Профессиональные жаргонизмы**, или **профессионализмы**, – это экспрессивно-семантически окрашенные выражения в речи представителей определённых профессий. В отличие от специальных единиц, лишённых всякой коннотации, профессиональные жаргонизмы занимают весь нижний отрезок шкалы оттенков экспрессивно-семантической окраски (от разговорного до вульгарного), ср.: *надуть шарик* (стомат. фам. *ввести обезболивающее средство*), *сушить бёдра* (спорт. разг. *наносить удары коленом по бёдрам противника в захвате*), *маньячная группа* (полиц. *следственно-оперативная бригада, занимающаяся поимкой маньяка*), *быть на ухе* (телев. *работать с аудиосуфлёром*), *das U-Boot* (нем. учит. *замкнутый ученик*, досл. «подводная лодка»), *baby catcher* (англ. мед. *акушер*, досл. «ловец младенцев»).

Вопросы для самоконтроля

1. Какую общую черту имеет лексическое наполнение всех языковых систем?
2. Какие выразительные средства входят в общеупотребительную лексику?
3. За счёт чего пополняется функционально-стилистически недифференцированный репертуар?
4. Какие ограничения свойственны функционально-стилистически дифференцированному составу?
5. Чем отличаются архаизмы от историзмов?
6. Какое явление противопоставлено языковой убыли?
7. Каковы особенности территориализмов, регионализмов и реалионимов?
8. Являются ли термины «арго» и «жаргон» синонимами?
9. Как совокупно обозначаются термины и номены?
10. Какими оттенками экспрессивно-семантической окраски обладают профессиональные жаргонизмы?

ГЛАВА 2. ГРУППЫ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ

2.1. Принципы группировки

Способы образования выразительных средств различаются в зависимости от решаемых в речи экспрессивных задач. Под **экспрессивной (выразительной) задачей** понимается такой характер «упаковки» мысли, который удовлетворяет определённой коммуникативной установке. Например, если установка – «разоружить» собеседника, то есть умиротворить его, уменьшить его агрессивность, настроить на дружелюбный лад, то экспрессивной задачей будет использование *мейозиса* и *тапейнозиса* (см. об этом подробнее § 2.3) как разновидностей перифраза, средства описания и выделения признака, ср.: «*Ребята, давайте жить дружно!*» (фраза кота Леопольда). При необходимости же кого-либо рассмешить используется один из многочисленных способов создания юмора и сатиры или их комбинация, как, к примеру, *аферёза* (см. об этом § 2.5) в сочетании с *антитёзой* (см. об этом § 2.8):

Шёл по улице удачник,
Весь в глиже, одетый брежно,
И на вид он очень взрачный,
Сразу видно, что годяй!

Он людимый, он имущий,
Удивительный дотёпа,
Он доумок и доучка,
И доразвитый вполне.

Ю. Басин

Как можно видеть, в речи **экспрессивные задачи часто пересекаются**, что приводит к феномену *многофункциональности* выразительных средств (см. об этом § 1.1), существенно затрудняющему отнесение того или иного выразительного средства к определённой группе, ср. выражение Платона «*двуногое существо без перьев*» (= человек), являющееся одновременно метонимическим перифразом, афоризмом и средством создания юмора и сатиры (см. об этом § 2.3–2.5). По этой причине достаточно часты практики выделения общих функций (наглядной, эстетической, коммуникативной и пр.) или наиболее важ-

ных стилистических средств (в том числе в текстах) без их дополнительной группировки: *метафоры, перифраза и эллипса*.

① *Под наглядностью Аристотель предлагает понимать способность стилистических средств «изобразить вещь в действии», ср. предлагаемые им выражения: «он находится в цвете сил», «греки, воспрянув своими быстрыми ногами», «отпрянула быстро пернатая злая стрела», «сквозь перси пробилось бурное жало, рея вперёд». Наглядность, метафора и противоположение (см. об этом § 2.8) являются по Аристотелю признаками эталонного стиля²⁹.*

Многофункциональность – это признак налаженных связей между отдельными словарными множествами (своего рода – сеть), участвующими в образовании определённого выразительного средства. Именно поэтому в ряде случаев нельзя установить его принадлежность к той или иной группе. Например, не ясно, является ли выражение «*всё чин чинарём*» (прост. *как следует, как полагается*) гендиадисом или полиптотомом (см. об этом подробнее § 2.4, 2.8). Наряду с многофункциональностью существует явление **вложенности**, когда для создания одного выразительного средства в него вкладывается другое по принципу матрёшки, ср. «нанесение обмана на лицо» (метонимия для перифразы). Данные структурные возможности системы языка позволяют создавать неограниченное количество выразительных средств, используя при этом ограниченное количество словарных элементов (принцип экономии).

Следует подчеркнуть, что группирование выразительных средств служит не столько теоретическим задачам функциональной стилистики, сколько **дидактическим**: умение распознавать тот или иной способ выражения в речи и локализовать его в функциональном репертуаре определённого языка в значительной степени определяет «калибр» будущего лингвиста и переводчика, а владение экспрессивными механизмами речи и вовсе влагает в длань филолога «меч языка», который «в сто крат грозней и более велик, чем меча язык», как это мастерски сформулировал персидский поэт Б. Хилали.

Механика экспрессии – это всегда сопряжение различных элементов словарных множеств, а также единиц различных ярусов (уровней)

²⁹ Аристотель. Риторика. Поэтика : сборник / пер. с древнегр. Н. Платоновой, В. Апельрота. – Москва : АСТ, 2018. – С. 249–253.

языковой системы. Любая экспрессивная задача предполагает некий **базовый, принципиальный** (от лат. *principium* – начало, происхождение, основа) **способ** их комбинирования: *метафора* – создание образа путём объединения элементов по принципу схожести обозначаемых (фр. *signifié*, например: *гребень волны*), *перифраз* – переформулирование означающего (фр. *signifiant*) по принципу выделения конкретного признака (*корабль пустыни*), *эллипс(ис)* – синтаксическая компоновка элементов по принципу минимализма (*Вижу!*) и т. д. Существует **семь основных способов группировки**, реализующих определённый принцип комбинирования, и, следовательно, семь базовых групп выразительных средств:

- 1) средства создания образности,
- 2) средства описания и выделения (умаления) признака,
- 3) фразео-паремиологические средства (клише),
- 4) средства создания юмора и сатиры (комического),
- 5) средства создания различного колорита,
- 6) звукоизобразительные средства,
- 7) грамматические и архитектурные средства.

Несмотря на то что каждая из групп решает свою **принципиальную задачу**, строгих границ между ними не существует. Так, в качестве промежуточного звена между перифразами, средствами архитектоники и создания юмора и сатиры можно выделить дополнительную группу **средств создания избыточности**, выразительный инвентарь которой образуют *верум (нельзя значит нельзя)*, *гендиадис* в функции пустоговорки (*ёк-макарёк*), *плеоназм (другая альтернатива)*, *пародия (невежество, не проходимое даже на вездеходе* – сатирическая модификация сочетания «*непроходимое невежество*») и др., а экспрессивной задачей выступает заострение внимания. Количество таких потенциальных групп в составе функционального репертуара языка не ограничено, ср. *графостилистические* средства (точка, запятая, двоеточие, тире и пр.), выделяемые М.П. Брандес³⁰.

Часть выразительных средств перекочевала в стилистику из риторики, поэтому многие из них по-прежнему называются фигурами речи. **Фигура речи** (от лат. *figura* – образ, явление) – это построение элементов

³⁰ Брандес М.П. Стилистика немецкого языка : учебник. – Москва : Высшая школа, 1983. – С. 147.

системы по определённому правилу (приёму) речевого комбинирования (см. об этом § 1.4), например: *гипóфора* (от гр. *ὑπόφορά* – предлог, отговорка) – вопрос оратора самому себе с последующим ответом («*Так что же нам дала рыночная демократия, товарищи? – Будем откровенны: нищету, безработицу и бесправие!*», из Рунета) или *эпанартóзис* (от гр. *ἐπανόρθωσις* – исправление) – отмена только что высказанной мысли («*Выстроим все крупы по росту... ой, нет, простите: конечно же, по вкусу!*», из Рунета). В классическом понимании, фигуры речи – принципы её *семиотической* (от гр. *σημεῖον* – знак, признак) организации ($ab + c = abc$, $abc \rightarrow cab$, $abab \rightarrow abba$ и т. п., см. об этом также § 4.5), стоящие на службе у элокуции (от лат. *eloquium* – красноречие), одного из пяти шагов превращения мысли в речь согласно риторике.

В риторике существуют собственные **принципы группировки** фигур и тропов, напоминающие систему μ (см. об этом подробнее § 1.4): *словесные фигуры* (эмфаза, гипербола, литота и др.), *синтаксические фигуры* (хиазм, асиндетон, климакс и др.), *фигуры мысли* (антитеза, оксюморон, парадокс и др.), *звуковые фигуры* (аллитерация, эпифора, ономапопея и др.). Тропы (образы) распадаются по ономасиологическому признаку на «*сдвигающие*» тропы (образ берётся из собственного словарного множества) и так называемые «*бегущие*» тропы (образ берётся из другого словарного множества), а по устойчивости – на *поэтические* (замены традиционных обозначений нетривиальными) и *языковые* (общеизвестные). В современной функциональной стилистике тропы и фигуры любого уровня языка (фонетического, морфологического, синтаксического и т. д.) собирательно обозначаются выразительными средствами и группируются сообразно с решаемой экспрессивной задачей.

① *Решение той или иной выразительной задачи довольно часто приводит к появлению новых словарных единиц. В этом состоит суть взаимодействия системного и функционального полюсов языка. В зависимости от того, какая сторона словарного элемента преобразуется (формальная или содержательная), выделяют лексические, семантические и смешанные (лексико-семантические) способы словопроизводства. Так, оба языковых тропа, метафора и метонимия, традиционно выступают семантическими способами (разг. эмоц. зомби – управляемый человек, пресс – большое количество), а перифраз (чёрное золото – нефть) и клише (зелёный водород – продукт электролиза воды) – лексическими. К смешанным (лексико-*

семантическим) способам можно отнести оксюморон (жидкие звезды) и пародию («кочка зрения», М. Горький).

Вопросы для самоконтроля

1. Что понимается под экспрессивной задачей?
2. Какова особенность решения экспрессивных задач в речи?
3. Каким нуждам служит группирование выразительных средств?
4. Как называется основной способ комбинирования словарных элементов в речи?
5. Какой способ комбинирования лежит в основе метафоры?
6. Сколько существует основных способов группировки выразительных средств?
7. Является ли такое количество групп окончательным?
8. Как определяется в риторике фигура речи?
9. Как подходит современная функциональная стилистика к описанию фигур речи?
10. Какие уровни языка участвуют в речевой комбинаторике?

2.2. Средства создания образности

Выразительные средства данной группы решают **экспрессивную задачу создания образа**. Образ создаётся путём объединения элементов различных словарных множеств на основе чувственного соотнесения, например:

***серп* (A_1 Сельскохозяйственные орудия) \cup *месяц* (A_2 Небесные тела) =
= *серп месяца*,**

где *серп* – элемент словарного множества A_1 «Сельскохозяйственные орудия»; *месяц* – элемент словарного множества A_2 «Небесные тела»; \cup – математический оператор объединения.

Полученные таким образом выразительные средства называются **образными** (нем. *bildlich*, англ. *figurative*), а тексты или речь, содержащие образные средства, – **изобразительными** (нем. *bildhaft*, англ. *illustrative*). **Изобразительность речи** – это её свойство порождать определённые чувственные (зрительные, слуховые, вкусовые и пр.) представления, образы, ассоциации, то есть быть наглядной, иллюстративной, ср.:

«Обращённый месячный серп светлел на небе. Робкое полночное сияние, как сквозное покрывало, ложилось легко и дымилось на земле. Леса, луга, небо, долины – всё, казалось, как будто спало с открытыми глазами» (Н. Гоголь).

К образным средствам относятся: 1) метáфора, 2) метонímия, 3) сравнение, 4) аллюзия. Два первых выразительных средства обозначаются в риторике *тропами*. Под **тропом** (от гр. *τρόπος* – оборот) понимается подмена привычного обозначения образным, ср.: *лететь* вместо *спешить*.

1. **Метáфора** (от гр. *μεταφορά* – перенесение) является образным выражением, созданным **на основе формальной схожести** денотатов, ср. *груша* в боксе, похожая на плод груши. Появившееся в результате метафорического переноса **значение** слова «груша» (боксёрская) называется **переносным** (нем. *übertragen*, англ. *transferred*).

Метафора – один из способов описания окружающей действительности. Соотнося различные объекты, человек раскрывает и познаёт их суть, ср.: *земля* → *шар*, *der Bau* → *der Würfel* (нем. строение → куб), *words* → *music to the ears* (англ. слова → музыка для ушей). Сложно переоценить роль метафоры в процессах неологизации словарных составов современных европейских языков: любой языковой прирост содержит неологизмы, полученные методом **метафорического переноса**, например: *orphan* (англ. разг. *сирота* → *висячая строка*), *Klick machen bei j-m* (нем. разг. *сделать клик* → *осенить кого-то*), *un carton rouge* (фр. *красная карточка* → *неприятие чего-либо*). При этом новые слова образуются не только в ядерной и дополнительной сферах (см. об этом § 1.5) с исконным и ассимилированным составом, но и в периферийных слоях языковой системы с высоким содержанием терминологической лексики, ср. (*дроссельная*) *катушка* (тех. *индуктивный элемент в электротехнике*), *mouse* (англ. тех. *компьютерная мышь*), *der Flutberg* (нем. гидрол. *приливно-отливный гребень*). Метафора встречается во всех сферах коммуникации без исключения, однако наибольшей концентрации и образной силы она достигает в художественной речи (см. об этом подробнее § 3.6), ср.: «Сквозь иней на стеклах было видно, как горит крыша мастерской, а за открытой дверью её вихрится кудрявый огонь. В тихой ночи красные цветы его цвели бездымно; лишь очень высоко над ними колебалось темноватое облако, не мешая видеть серебряный поток Млечного Пути. Багрово светился снег, и сте-

ны построек дрожали, качались, как будто стремясь в жаркий угол двора, где весело играл огонь, заливая красным широкие щели в стене мастерской, высовываясь из них раскалёнными кривыми гвоздями. По тёмным доскам сухой крыши, быстро опутывая её, извивались золотые, красные ленты; среди них крикливо торчала и курилась дымом гончарная тонкая труба; тихий треск, шёлковый шелест бился в стёкла окна; огонь всё разрастался; мастерская, изукрашенная им, становилась похожа на иконостас в церкви и непобедимо выманивала ближе к себе» (М. Горький).

Выделяют следующие **виды метафор**: а) катахрёза, б) просопопéя, в) аллегория, г) синестезия, д) двучленная метафора.

А. **Катахрёза** (от гр. *κατάχρησις* – злоупотребление) – это образное выражение, заполняющее отсутствующее обозначение, ср.: **ножка стула**, *das Fettauage* (нем. *капля жира на поверхности жидкости*, досл. «жировой глаз»), *river bed* (англ. *русло реки*, досл. «постель реки»). Так как из подобных номинаций нельзя изъять образ, данная разновидность метафоры часто обозначается «погашенной» (нем. *gelöschte Metapher*, англ. *deleted metaphor*).

Б. **Просопопéя** (от гр. *προσωποποιία* – олицетворение), или **персонификация** (от лат. *persona* – актёрская маска, роль, личность), придаёт неодушевлённым объектам черты одушевлённых, ср.: «**Буря** мглою небо **кроет...**» (А. Пушкин), «**Matt pulst der Bach...**» (нем. «**Слабеет пульс ручья**», Т. Фонтане, пер. наш – Ю. К.). Наиболее ярким случаем персонификации считается присвоение животным человеческих имён (кот **Васька**). Данный приём широко распространён в народном фольклоре, ср.: *Лиса Патрикеевна*, *Meister Petz* (нем. *сказочный медведь, Petz – уменьшительно-ласкательная форма имени Бернхард*). Персонификация зародилась в мифологии как обожествление сил природы (*Перун – бог-громовержец*) и является неотъемлемым элементом жанра сказки, ср. «12 месяцев» С. Маршака. Противоположный троп обозначается **деперсонификацией**, или **антипросопопéей**, и предполагает сопоставление определённых качеств человека с неодушевлёнными денотатами, например: *кремён (твёрдый человек)*, *лежащий камень (в пословице «под лежащий камень вода не течёт»: ленивый, безынициативный человек)*.

① Все современные европейские языки используют зоонимы (от гр. ζῷον – животное, ὄνομα – имя) в персонифицирующей функции, ср.: *дать леца* (разг. *оплеуху*), *einen Kater haben* (нем. разг. *страдать похмельем*, досл. «иметь кота»), *canard* (фр. разг. *газетная утка*), *rotten herring* (англ. разг. «гнилая селёдка», метод буржуазной пропаганды). Данная традиция берёт начало в басенном творчестве древнегреческого баснописца Эзопа, сопоставлявшего определённые качества человека с животными (*упрямство – осёл, храбрость – лев и т. п.*).

В. **Аллегория** (от гр. ἀλληγορία – иносказание) – это символическое представление абстрактного понятия, ср.: *объятия Морфея* (*сон*), *старуха с косою* (*смерть*). Для создания символа аллегория нередко объединяется с просопопеей, например: «*И опыт, сын ошибок трудных...*» (А. Пушкин), «*товарищ Время*» (Р. Рождественский). Большинство аллегорий обладает поэтическими или высокими оттенками экспрессивно-семантической окраски, ср.: *die zarte Knospe ihrer Liebe* (нем. *высок. нежный бутон её любви*, досл. «почка растения»). Однако известны случаи и разговорного характера, к примеру: *По ком носим траур под ногтями? По чистоте?*

Г. **Синестезией** (от гр. συναισθησιμα – соощущение) называется добавление к слову образного атрибута (от лат. *attribuere* – снабдить признаком), ср.: *сочные краски*, *süße Worte* (нем. *сладкие слова*), *stone heart* (англ. *каменное сердце*).

Д. **Двучленная метафора** является атрибутивным сочетанием основного и переносного (образного) понятий, в котором первое становится атрибутом последнего, например: *стена молчания*, *das Dunkel der Ignoranz* (нем. *тьма невежества*), *ocean of tears* (англ. *океан слёз*). Зачастую за основу двучленной метафоры берётся синестезия, ср.: «*Опять несёт по свету лесовоз / Дурман тайги и белый смех берёз*» (И. Кашежева).

2. **Метонимия** (от гр. μετωνυμία – переименование) – это замена обозначения на основе чувственной смежности заменяемого и переносного (образного) понятий. Под **смежностью** (от нем. *Kontiguität*, фр. *contiguïté*, лат. *contiguus* – граничащий, соседний) понимается семантическая близость комбинируемых элементов словарных множеств. Главное отличие метафоры от метонимии заключается в том, что первая **создаёт** новое обозначение, а последняя **заменяет** уже существующее. Так, сочетание *Млечный Путь* является метафорическим, а его эрзац (от нем. *Ersatz* – замена, суррогат) *галактика* – метонимическим.

Метонимия весьма широко распространена в обиходе. Забыв или вспоминая обозначение, говорящий автоматически заменяет его синонимом (*корпус* → *здание*, *душица* → *травя*) или универсальными эрзацами «штуковина», «это самое», «как его...». В немецком языке сложилась целая группа таких **гоме́онимов** (от нем. *Homöonum*, гр. *ὁμοῖος* – похожий, *ὄνομα* – имя): *der / die / das Dings / Dingsbums / Dingsda* (замена имени или названия, не приходящего на ум), *Dingens* (замена забытого слова), *Dingskirchen / Dingenskirchen* (замена забытого или неизвестного топонима). В повседневной речи часты экспрессивные замены с оттенком фамильярности, например: *жесть* (фам. *жестико*), *дай пять!* (фам. *ладонь*). Непреднамеренная замена созвучных слов порождает такое явление, как *парономазия* (см. об этом подробнее § 2.5), ср. паронимы: *ветеран* – *ветеринар*, *die Amnesie* – *die Amnestie* (нем. *амнезия* – *амнистия*), *insurrection* – *erection* (англ. *восстание* – *эрекция*, оговорка конгрессмена Чака Шумера в обвинительной речи в адрес бывшего президента США Дональда Трампа).

У метонимии **нет видов**, а замена обозначения осуществляется по ряду **логических отношений** между заменяющим и заменяемым словами (словосочетаниями): а) пространственному, б) временному, в) вещественному, г) каузальному, д) символическому, е) количественному. Вне данной логической парадигмы находится двучленная метонимия как фигура речи (см. об этом § 2.1).

А. Метонимия на основе **пространственного отношения** предполагает замену коллективного обозначения через соответствующий топоним (от гр. *τόπος* – место) или описательный оборот, ср.: *полгорода* (= горожане) *собралось на площади*, *соцсети* (= пользователи соцсетей) *обсуждают новость*, *Запад* (= политический истеблишмент западных государств) *вводит санкции*, «Дорогая *передача...*» (= съёмочная группа) (В. Высоцкий).

① Метонимический перенос на основе пространственного отношения нередко становится основным обозначением, ср. эймонимы (от гр. *εἶμα* – одежда, *ὄνομα* – имя): *сланцы* (резиновые шлёпанцы, от названия города *Сланцы* в Ленинградской области), *вьетнамки* (тапочки без задника), *чешки* (мягкая гимнастическая обувь), *панамка* (летняя матерчатая шляпка с мягкими полями), *кубанка* (низкая папаха); фитонимы: *берлинка* (сорт картофеля), *фуджи* (сорт яблок), *шардоне* (сорт винограда); гастронимы (от гр. *γαστήρ* – желудок,

бюва – имя): провансаль (майонез), тартар (соус), пломбир (мороженое) и др. Слово «венгерка» многозначное и может обозначать куртку с нашитыми поперечными шнурами, сорт слив, булочку с творогом, резинку для рыболовных дорожек и бальный танец.

Б. В основе метонимии **по временному отношению** лежит замена через хрононим (от гр. *χρόνος* – время) или описательный оборот, например: *эра мобильной связи* (= люди, пользующиеся мобильными устройствами), *Средние века* (= творцы, жившие в Средневековье), *мир плейстоцена* (= флора и фауна в эпоху плейстоцена).

В. Метонимическая замена может происходить на основе выделения **вещественного (качественного) признака** денотата, и в этом свойстве она предельно близка к перифразу (см. § 2.3), ср.: *пернатые* (=птицы), *das Quecksilber zeigt minus 28 Grad* (нем. *термометр показывает 28 градусов ниже нуля*, досл. «ртуть показывает...»), *the marble spoke* (англ. *статуя из мрамора оказывает определённое воздействие на созерцателя*, досл. «мрамор заговорил»).

Г. Метонимия на основе **каузального** (от лат. *causa* – причина) **отношения** предполагает замену причины следствием (предыдущего последующим) или наоборот, например: *hand* (англ. *почерк, подпись*, досл. «рука»), *ein Näschen für etw. haben* (нем. разг. *иметь нюх на что-то*, досл. «иметь носик...»), *язык чёрный от ежевики* (не от плодов, а их сока). В риторике данное логическое отношение называется **металепсисом** (от гр. *μετάλη(μ)ψις* – взятое из далека), или **transumptio** (лат. *перестановка*), ср. выражение: *до самой гробовой доски* (вместо: *до самой смерти*). Металепсис может пониматься и широко, как фигура речи, посредством которой соотносятся зачастую невзаимосвязанные понятия, к примеру: «*Verflucht sei der Berg, auf dem der Baum wuchs, aus dem der Mast dieses Schiffs gebaut wurde, das meine ganzen Sorgen verursacht hat!*» (нем. «*Будь проклята та гора, на которой росло то дерево, из которого сделали мачту этого корабля, который стал причиной всех моих бед!*»).

Д. Метонимия на основе **символического отношения** заменяет тривиальные обозначения возвышенными и поэтому используется главным образом как мелиоративное средство (см. об этом § 1.3), ср.: *хранительница очага* (= хозяйка), *лавры* (= почёт), *сталь* (= оружие).

Е. Метонимия **по количественному отношению** носит второе название **синекдоха** (от гр. *συνεκδοχή* – сопонимание) и существует в

двух разновидностях: *pars pro toto* и *totum pro parte*. **Pars pro toto** (лат. *часть за целое*) – это замена общего частным (родового видовым, холонима меронимом, см. об этом § 1.2: *путёвка в одни руки, стадо в сто голов, взять языка*), а **totum pro parte** (лат. *целое за часть*) – наоборот (*Китай выиграл олимпиаду, Советский Союз снимал добрые фильмы, Европа вооружает неонацистов*). *Pars pro toto* предполагает, помимо прочего, замену множественного числа единственным (*идёт уборка картофеля, одуванчик цветёт в мае, бурый медведь водится в Евразии и Северной Америке*), а также абстрактного конкретным (лат. *concretum pro abstracto*: «**Сосед** орёт, что он **народ**, / **Что** основной закон блюдёт...», В. Высоцкий). Замена конкретного абстрактным (лат. *abstractum pro concreto*) относится к *totum pro parte*, к примеру: *писать наверх* (= *начальству*). Чаще всего синекдоха используется для сокращения текста и в этом случае родственна *эллипсису* (см. об этом § 2.8) (*в его коллекции картин есть Шишкин*, вместо: *полотно Шишкина*), однако в художественной прозе она встречается преимущественно в идентифицирующей функции, например:

«В одном большом надднепрянском селе умерла 92-летняя женщина – мать четырёх сыновей, бабушка одиннадцати внуков, прабабушка двадцати двух правнуков. Трудной была её жизнь. В шести могилах – и в Восточной Пруссии, и в мазурских болотах, и в Карпатах, и под Берлином – её кровь, на шести солдатских обелисках – её фамилия, в каждой букве – её бессонные ночи, волнения и надежды» (В. Сухомлинский).

Частным случаем синекдохи выступает замена имён собственных на нарицательные, или **деонимизация** (*Рентген* → *рентген*), и наоборот – **онимизация** (*бахтиёр* → *Бахтиёр*, узб. *счастливец*). Слова, образованные такими способами, называются соответственно **деонимами** и **онимами**. Имена собственные (лат. *nomina propria*) отличаются от нарицательных, или апеллятивов (*nomina appellativa*, от лат. *appellatio* – обращение), тем, что никак не связаны с понятием. Замена имени собственного нарицательным обозначается **антономазией** (от гр. *ἀντονομασία* – другое обозначение), например: *отец русской космонавтики* (С. Королёв), *великий кормчий* (Мао Цзэдун, кит. 毛澤東). Противоположный приём называется **эпономазией** (от гр. *ἐπώνομασία* – название по имени); он превращает имена собственные в серийные (нарицательные, го-

вор щие), ср.: *местные эскулапы* (Эскулап – древнегреческий бог врачевания), «*И ночами сотни юных цирцей ненасытными дразнят очами*» (С. Шестаков, Цирцея – колдунья-соблазнительница). Результатом эпономазии являются **эпонимы**, входящие в Международную систему единиц (СИ), например: *паскаль* (единица измерения давления, по фамилии французского математика Б. Паскаля), *ватт* (единица измерения мощности, по фамилии шотландского изобретателя Дж. Ватта), *Ом* (единица измерения электрического сопротивления, по фамилии немецкого учёного Г. Ома).

① *Превращение имён нарицательных в собственные – давняя культурная традиция, зиждущаяся на увеличении объёма понятия. Классическими примерами такого рода в русской культуре являются женские имена Вера, Надежда, Любовь, а в западной – Глория (от лат. gloria – слава), Грация (от лат. gratia – обаяние), Конкордия (от лат. concordia – согласие), Виктория (от лат. victoria – победа). В логике принято различать содержание и объём понятия. Содержание понятия – это совокупность существенных признаков класса объектов (слон – крупное млекопитающее с длинным хоботом, бивнями, большими ушами и увесистыми ногами), а объём понятия – это круг объектов, существенные признаки которых отображены в понятии (бывают африканские, индийские слоны, а раньше жили шерстистые, называемые мамонтами). Нарекая новорождённую таким именем, её включали в круг обладательниц обозначаемыми качествами (славой, обаянием, согласием и пр.). Изучением имён собственных занимается такой раздел лексикологии, как ономастика (от гр. оноμαστική – имяречение).*

Двучленная метонимия является атрибутивным сочетанием, в котором образный признак объекта замещает сам объект, к примеру: *синие глаза* → **синева** глаз, *влажные росы* → **влага** рос.

3. **Сравнение** является стилистическим средством, в котором соотносятся элементы различных словарных множеств для усиления образительности речи, ср.: *работать как проклятый*, *essen wie ein Pferd* (нем. *есть за троих*, досл. «... как лошадь»), *busy as a bee* (англ. *занятой как пчела*). Образность выражения в значительной степени зависит от того, что берётся за основу сравнения. Чем пронзительнее **tertium comparationis** (лат. *третье в сравнении, основа сравнения*), тем крас-

норечивее и убедительнее получаемое выразительное средство. Тем самым **основа сравнения** (нем. *Vergleichsbasis*, англ. *comparative basis*) – это то, в чём схожи сопоставляемые денотаты. Все сравнения следуют образцу: *А и В равны друг другу на основе признака С*, ср.:

Анна (А) стройна (С) как берёзка (В),

где *А* и *В* – сравниваемые объекты (Анна и берёзка); *С* – *tertium comparationis* (качество – стройность). Синтаксическим признаком сравнения в русском языке выступают союзы **как, что** (устар. диал.), **словно** и др., в немецком – **wie** и **als** (тер., разг.), в английском – **as** и **like**.

В современных европейских языках существуют различные виды сравнений, которые пересекаются в речи. **По форме** различают: а) имплицитные, б) эксплицитные, **по структуре** – в) простые, г) распространённые, **по принадлежности к общеупотребительной лексике** – д) общезыковые, е) индивидуальные, **по целостности** – ж) устойчивые, з) реконструируемые сравнения.

А. В **имплицитных** (от лат. *implico* – вовлекать, вплетать) **сравнениях** отсутствуют соединительные элементы (союзы, связки), например: *тоже мне Казанова!* «*Du lächerlicher Cicero!*» (нем. «Ты, потешный Цицерон!»), К. Тухольский, пер. наш – Ю. К.).

Б. **Эксплицитные** (от лат. *explico* – расправлять, развёртывать) **сравнения** содержат помимо союза чёткую дифференциацию компонентов *А*, *В* и *С*, ср.: *он (А) глуп (С) как пробка (В)*, *er (А) ist herausgeputzt (С) wie ein Pfingstochse (В)* (нем. разг. *он вырядился как попугай*), *she (А) is innocent (С) as a lamb (В)* (англ. *она невинна как младенец*).

В. **Простые сравнения** состоят из одной группы слов, например: *он курит как паровоз*, *die Oma ist schlau wie ein Fuchs* (нем. *бабушка хитра как лиса*), *I'm thirsty as a camel* (англ. *я томим жаждою словно верблюд*).

Г. **Распространённые сравнения** включают придаточное или несколько придаточных предложений, ср.: «*На все происходящее она смотрела как будто со стороны, как будто её это не касалось*» (Н. Кравцова), «*Blutrot und gerade standen sie vor dem Hause, hoch in dem blauen und goldenen Tage, die Malven wie Lanzenschäfte, behängt mit purpurnen Schellen und grünen Knöpfen*» (нем. «Они высились перед домом – кроваво-красные прямые мальвы, устремляясь в голубой и золотистый день, словно древки пик, обвешанные, пурпурными колокольцами и зелёными пуговицами», А. Цвейг, пер. Л. Гинзбурга), «*And life is too much*

like a pathless wood / Where your face burns and tickles with the cobwebs / Broken across it, and one eye is weeping / From a twig's having lashed across it open» (англ. «И жизнь напоминает мрачный лес, / Где щёки залепляет паутина / И от хлестнувшей ветки невзначай / Слезится глаз и ноет беспрестанно», Р. Фрост, пер. С. Степанова).

Д. **Общеязыковые сравнения** пропитаны житейской мудростью, понятны и доступны всем пользователям языка и, как правило, имеют межъязыковые параллели, например: *дрожать как осиновый лист* = *zittern wie Espenlaub* (нем.) = *to tremble like an aspen leaf* (англ.), *быть упрямым как осёл* = *störrisch sein wie ein Esel* (нем.) = *to be stubborn as a mule* (англ.).

Е. **Индивидуальные, или окказиональные** (от лат. *occasio* – повод, случай), **сравнения** построены на субъективных (авторских) образах и характерны для художественной или идиолектной речи (см. об этом § 3.6, 3.7), ср.: «Звёзды в небе светили **июльски-устало...**» (Б. Пильняк), «**Eisern wie ein geschwungenes Schwert / Soll seine Hymne ertönen...**» («**Железно, будто меч воздетый, / Пусть грянет его гордый гимн...**», Э. Гайбель, пер. наш – Ю. К.), «*She thought of them both together, heard them still singing faintly a song like rising smoke, like a hymn, very remote in time and far away.*» (англ. «Она представила их вместе, тихо запевающими песню, эфемерную, как восходящая струйка дыма, как отголосок древнего чужеземного гимна», Ф. Фицджеральд, пер. И. Дорониной).

Ж. **Устойчивые сравнения** заучиваются в их полной лексической длине и имеют все признаки клишированных единиц: синтаксическую несократимость, фиксированный порядок следования компонентов, ограниченную заменимость синонимами, невыводимость значения общего из суммы значений компонентов (см. об этом подробнее § 2.4). Благодаря этим особенностям устойчивые сравнения получили второе обозначение – «**компаративные фразеологизмы**», например: *как с креста снятый* (разг. *уставший, осунувшийся, измождённый*), *hausen wie die Hunnen* (нем. *перевернуть вверх дном, разворотить* ≈ *будто Мамай прошёл*), *to swear like a bargee* (англ. *ругаться как извозчик*).

З. **Реконструируемые сравнения** могут свободно воссоздаваться в речи при помощи грамматических правил, имеют только дословное значение и, соответственно, низкую степень идиоматичности (см. об этом подробнее § 2.4), ср.: *мягкий как вата*, *schwarz wie Tinte* (нем. *чёрный как чернила*), *clear as water* (англ. *прозрачный как вода*). Вопре-

ки правилу логики о том, что определение не может быть отрицательным, реконструируемые сравнения могут содержать отрицание, например: *мы – не роботы, die Biker sind keine Chorknaben* (нем. байкеры – не мальчики, поющие на клиресе), *people are not profit maximizers* (англ. люди – не средство увеличения прибыли).

① Многие сравнения утратили связь с другими словарными множествами и стали самостоятельными выражениями, ср.: *бежать как угорелый* (разг. *стремглав*), *не по-детски* (разг., шутл. *серьёзно, основательно*). Данная тенденция особенно заметна в гастрономиях (от гр. *γαόντηρ* – желудок, брюхо, чрево, *ѡνοα* – имя), то есть названиях блюд, содержащих конфиксальные наречия (о конфиксах см. подробнее § 2.8), например: *рыба по-монастырски, лапша по-пастушьи, котлета по-киевски*.

4. **Аллюзия** (от лат. *alludo* – играть, намекать) представляет собой образную отсылку к известному историческому или культурному событию, литературному произведению или персонажу, реалиям общественного или политического уклада, фрагменту художественного или мультипликационного фильма и т. п., к примеру: *ку-коды*, вместо: *QR-коды* (аллюзия к приветствию «Ку!» в к/ф «Кин-дза-дза!», 1986, реж. Г.Н. Данелия), *К – коррупция* (аллюзия разучивания алфавита с детьми). Элементы В в структуре эксплицитных сравнений (см. выше) нередко содержат аллюзии, например: *er (A) ist wie Robin Hood (B) in Bezug auf die Gerechtigkeit (C)* (нем. *в вопросе справедливости (C) он (A) – настоящий Робин Гуд (B)*), *she (A) grinned like a Cheshire cat (B)* (англ. *она (A) улыбнулась как Чеширский Кот (B)*).

Различают языковые и литературно-книжные аллюзии. **Языковые аллюзии** отсылают, как правило, к единицам фразео-паремиологического состава (см. об этом подробнее § 2.4), к примеру: *жареный петух* (разг. *пока жареный петух не клюнет = пока не случится неприятность*). В разряде **литературно-книжных аллюзий** выделяют *мифологические* (*яблоко раздора, рог изобилия*), *библейские* (*Иуда, избивение младенцев*), *исторические* (*Ледовое побоище, залп «Авроры»*) и *философские* (*категорический императив, археология знания*) аллюзии. В литературоведении аллюзии зачастую обозначаются «заимствованными образами» или «образами литературы в литературе»³¹, ср.:

³¹ Хализев В.Е. Теория литературы. – Москва : Высшая школа, 1999. – С. 253.

Он не гордился нравом странным,
И было знать ему дано,
Что демоном и Дон-Жуаном
В тот век вести себя – смешно...
А. Блок

Вопросы для самоконтроля

1. Какую экспрессивную задачу решают образные средства?
2. Как создаётся образ?
3. Какие средства относятся к тропам?
4. Сколько видов у метафоры?
5. Бывают ли виды у метонимии?
6. Какие разновидности синекдохи существуют?
7. Чем отличается двучленная метафора от двучленной метонимии?
8. По какой схеме образуются сравнения?
9. Какие выделяют виды сравнений и по каким основаниям?
10. Что понимается под языковыми и литературно-книжными аллюзиями?

2.3. Средства описания и выделения (умаления) признака

Средства описания и выделения (умаления) признака решают **экспрессивную задачу иносказания или атрибутирования** (присвоения атрибута). Так как полная смена плана выражения не всегда возможна, зачастую иносказание достигается за счёт прибавления или изъятия определённого признака по следующей формуле:

$$A_2 = \{a_1, a_2, \dots\},$$

где A_2 – признак, удовлетворяющий коммуникативному намерению из набора признаков $\{a_1, a_2, \dots\}$. Все средства, решающие указанную экспрессивную задачу, подразделяются на четыре подгруппы: 1) перифразы на основе выделения (умаления) признака, 2) перифразы на основе различных видов иносказания, 3) перифразы как формы обращения, 4) эпитеты.

Перифраз, или **перифраза** (от гр. *περίφρασις* – иносказание), – это выразительное средство описания на основе переносного или прямого

значения. В риторике перифраз обозначается латинизмом **circumscriptio** (лат. *описание понятия*). Почти все перифразы **изобразительны** и лишь их часть – **образны** (метафорические или метонимические). Как и сравнения, перифразы могут быть общеязыковыми (поэт. *выспренный дол* = небо) или индивидуальными («*Человек, который смеётся*» – название романа В. Гюго, см. об идиолектных особенностях речи § 3.7). Примечательны случаи перефразирования личного местоимения «я» в различных языках, как и вообще прецеденты говорения о себе в третьем лице, выступающие основой для перифраза, ср.: *Vаш покорный слуга, meine Wenigkeit* (нем., досл. «моя малость»), *yours truly* (англ. досл. «Ваш преданный»), *mon humble personne* (фр., досл. «моя скромная персона»).

① *Перифраз не следует смешивать с парафра́зой (от гр. παράφρασις – пересказ), которой обозначают содержательное изложение (пересказ) текста доступными словами или метаязыком. В логике под метаязыком понимается язык исследования, описания (в противоположность описываемому языку-объекту). Зачастую парафра́зу можно распознать по сочетанию «то есть». Противоположностью парафра́зы является метафра́за, или метафра́з(ис) (от гр. μετὰφρασις – перефразировка), как дословная передача или перевод текста, максимально близкий к подлиннику. У термина «метафраза» имеется и другое значение (см. об этом подробнее § 2.8).*

1. **Перифразы на основе выделения (умаления) признака** бывают: а) образными, б) логическими, в) распространёнными, г) фразеологическими, д) народными, е) аллюзивными.

А. В **образных перифразах** выделяется признак, содержащий троп, ср.: *осень жизни (старость)*, *der König der Lüfte* (нем. *король вóздухов = орёл*), а *ship of the desert* (англ. *корабль пустыни = верблюд*). Большинство образных перифразов является поэтизмами, то есть патетически окрашенными средствами, однако известны и прецеденты разговорного характера, к примеру: «*великий и могучий*» (= *русский язык*, И. Тургенев).

① *В скандинавской поэзии бытуют собственные метафорические перифразы кённинг и хейти, которые различаются преимущественно по сложности композиции: хейти (от др.-сканд. heiti – имя) описывает признак односоставным поэтическим синонимом, к примеру: Alföðr (др.-сканд. отец всего = одно из имён бога Óдина), а*

кённинг (от др.-сканд. *kenning* – обозначение) использует, как правило, описательный оборот, ср.: *blik-meidendr bauga láðs* (др.-сканд. – разрушители блеска земли колец = благородные люди³²).

Б. Логические перифразы описывают объект на основе прямого значения, например: *маршал победы* (Г. Жуков), *l'avocat de la justice* (фр. адвокат справедливости = Вольтер), *the Bard of Avon* (англ. Эйвонский бард = У. Шекспир), *soldado de las ideas* (исп. солдат идей = Ф. Кастро).

① **Образный и логический перифразы** довольно часто встречаются в качестве параллельных и реже – основных названий, ср.: *город на семи холмах* (Рим), *Могучая кучка* (содружество петербургских композиторов), *Лисы пустыни* (название сборной Алжира по футболу). Использование в названиях спортивных команд зоонимов К. Саган связывает с тотемной атрибутикой, служившей для различия охотничьих племён прошлого³³. Как правило, все перифразы такого рода имеют мелиоративную семантику (↑), однако возможны и прецеденты пейоративного характера (↓), к примеру: *страна сэров и пэров* (Англия). В публицистической и разговорной речи (см. об этом § 3.3, 3.5) распространены монологемные (= однословные) метонимические перифразы, ср.: *Поднебесная* (Земля и позже Китай), *Незалежная* (Украина), *Непотопляемый* (А. Чубайс).

В. Распространённые перифразы состоят из ряда отдельных перифразов, объединённых игрой слов или двойным смыслом (см. об этом также § 2.5), например: *исследование чужих карманов* (воровство), *wilde Verrenkungen auf der Bühne* (нем. танец, досл. «дикие выворачивания конечностей на сцене»), «*the punctual servant of all work*» (англ. солнце, досл. «постоянный и аккуратнейший сотрудник человеческих дел и предприятий», Ч. Диккенс, пер. И. Введенского).

Г. Фразеологический перифраз представляет собой промежуточную форму между распространённым перифразом и клише с низкой степенью идиоматичности (см. об этом подробнее § 2.4), к примеру: *вылазка для тех, кто не боится замочить ноги*.

³² Гуревич Е.А., Матюшина И.Г. Поэзия скальдов / отв. ред. Е.М. Мелетинский. – Москва : Изд-во РГГУ, 2000. – С. 574.

³³ Саган К. Миллиарды и миллиарды: Размышления о жизни и смерти на рубеже тысячелетий / пер. с англ. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2017. – С. 32–42.

Д. Народные перифразы – это устоявшиеся в народе параллельные обозначения известных личностей, объектов, явлений, исторических событий и пр., ср.: «копейка» (разг. ВАЗ-2101), *die Goldelse* (нем. разг. «Золотая Эльза» = позолоченная статуя богини Виктории на вершине колонны Победы в Берлине), *Flatiron* (англ. разг. «Утюг» = небоскрёб и квартал в Нью-Йорке). Для народных перифразов характерны компактность, образность и разговорная окраска. Помимо этого, они могут существовать на интернациональной основе, ср. народный перифраз «рыбный суп», которым называют Красное море ввиду пёстрого многообразия его подводной фауны.

Е. Аллюзивные перифразы сочетают приёмы описания и аллюзию (см. об этом подробнее § 2.2), например: *вы знаете, о чём я; бери то самое и беги ко мне!*

2. К перифразам на основе различных видов иносказания относятся: а) эвфемизм, б) дисфемизм, в) литота, г) гипербола с подвидами элатив, гиперо́ха и адинáта, д) экстенуация, е) ирония, ж) бахувр́ихи.

А. Эвфемизм (от гр. *ἔμφημι* – благоречие) – это перифраз, скрадывающий (умаляющий) негативные стороны денотата, ср.: *быть в теле* (= иметь лишний вес), *einschläfern* (нем. усыпить (животное), вместо: умертвить), *collateral damage* (англ. воен. сопутствующие потери, вместо: невинные жертвы), *homo trium litterarum* (лат. человек из трёх букв, вместо: *fur* – вор).

① Родственными эвфемизму фигурами речи являются тапейно́зис и мейо́зис. Тапейно́зис (от гр. *ταπεινωσις* – умаление) нивелирует или релятивирует негативизм определённого явления или обстоятельства (пошумели и разошлись), а мейо́зис (от гр. *μείωσις* – уменьшение) переводит отрицательное в разряд положительного без использования отрицания (ну это нормально!). В классической риторике эвфемизм является подвидом мейозиса.

Б. Дифемизм (от гр. *δυσφήμη* – хула), или **какофемизм** (от гр. *κακός* – плохой, *φήμι* – говорю), – это противоположность эвфемизма, состоящая в выпячивании негативного признака денотата, например: пенсионеры **по старости**, *Kinder terrorisieren Erwachsene* (нем. дети терроризируют взрослых), *gueules noires* (фр. груб. закопчённые (чёрные) физиономии, вместо: шахтёры).

В. **Литота** (от гр. λιτότης – простота, умеренность) представляет собой средство выделения признака путём отрицания противоположного, ср.: в эвакуации кормили **не** разносолами, *so unrecht haben Sie nun wieder nicht* (нем. а Вы снова не так уж и не правы), «*Old but not useless*» (Дж. Кроучер) (англ. «Стар, но не бесполезен», пер. наш – Ю. К.). Многие удачные литоты стали общеязыковыми клише, например: *не резиновый, не из робкого десятка, не дурна собой, жизнь прожить – не поле перейти*. Некоторые «упакованы» в отдельные слова, как то: *небезосновательно, небезынтересно, немаловажно*.

Г. **Гипербола** (от гр. ὑπερβολή – превосходство) – это перифраз на основе преувеличения, ср.: *вусмерть пьяный* (простор.), *die Aktien schießen durch die Decke* (нем. разг. акции резко поднялись в цене, досл. «...пробили потолок»), *to be absolutely famished* (англ. разг. умирать от голода). Гиперболами являются и так называемые «народные суперлативы» (от лат. *superlativus* – выдающийся), образующие двух- или трёхкомпонентные *элативные* конструкции, например: *иссиня-чёрный, funkelnagelneu* (нем. разг. новёхонький), *stark naked* (англ. в чём мать родила). **Элативом** (от лат. *elatus* – возвышенный, патетический) называется суперлатив, не основанный на сравнении, к примеру: *наилучшие пожелания*. Гипербола может также формулироваться через сравнение, ср.: *больше, чем звёзд на небе; лучше не бывает; нет места милее родного дома*. Подвидами гиперболы выступают *гиперόха* и *адинάτα*. **Гиперόха** (от гр. ὑπεροχή – чрезмерность) – это преувеличение, возводящее описываемый объект в ранг исключительного, неповторимого, уникального, например: «*Гнуснейшие из гнусных*» (Е. Климковский), *das Nonplusultra* (нем. шутл. верх совершенства, от лат. *non plus ultra* – дальше некуда), *highend* (англ. высочайшего класса). Ярчайшие примеры гиперохы находим у В. Белинского: «*Итак, я теперь в новой крайности, – это идея социализма, которая стала для меня идеєю идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфюю и омегою веры и знания. Всё из неё, для неё и к ней*». **Адинάτα** (от гр. ἀδύνατος – невозможное), или **импоссиби́лия** (от лат. *impossibilis* – невозможный), – приём описания через признание невероятности чего-то, ср.: «*Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в Божье Царство*» (Евангелие от Матфея 19:24); *eher friert die Hölle zu, als...* (нем., шутл. скорее ад замёрзнет, чем...); «*I will sooner have a beard grow in the palm of my hand than he shall get one on his cheek*» (англ. «Скорее у меня вырастет борода на ладони, чем у него на лице», У. Шекспир, пер. Е. Бируковой).

Рис. 11. Царь-снеговик (фото 1966 г., г. Заречный, СССР)³⁴

① В повседневной речи гиперболизация достигается зачастую обиходными формулами «царь/царица», «король/королева» и т. п., ср.: лев – царь зверей, «кукуруза – царица полей» (лозунг аграрной инициативы Н. Хрущёва), король экрана, «Королева бензоколонки» (к/ф, 1963, реж. А. Мишурин). Помимо этого, «царь» в русском языке используется как атрибутивный элемент сложных слов (аффиксoid) в значении «что-то выдающееся среди подобных» (см. рис. 11), например: царь-колокол, царь-пушка, «царь-голод» (Н. Некрасов),

³⁴ Изображение взято с сайта: 1966. Царь-снеговик. СССР // Старые фотографии, фотографии, ретро-фотографии. – Режим доступа: <https://www.pinterest.dk/pin/111112315787166695>.

«царь-рыба» (В. Астафьев), «академик В.М. Глушков – царь советской кибернетики» (В. Зорза). В немецком языке заимствование «Zar» употребляется в похожем значении, но уже как основной (финальный) элемент композитов, ср.: *der Modezar* (законодатель мод), *der Medienzar* (медийный магнат). Близким по значению является слово «Papst» (Папа Римский), например: *der Musikpapst* (король музыки), *der Skikapst* (виртуоз лыж). В английском языке им соответствует гипербола «mogul» (*fashion mogul*). Сложные слова на «царь-» переводятся либо натуралистично (*der Zarenfisch*, *Tsar Cannon*), либо эквивалентами «König(in)» и «king-» соответственно, ср.: *die Schlangenkönigin* (царь-змея), «kingfish» («царь-рыба»). В римском праве чистосердечное признание называли «царицей доказательств» (лат. *regina probationum*), а само слово «царь», как и его немецкий эквивалент «Kaiser» (нем. кайзер), происходят от фамильного имени (когномена) и титула «Цезарь» патрицианского рода Юлиев в Риме.

Д. **Экстенуация** (от лат. *extenuatus* – уменьшенный) – это перифрастическое ослабление высказывания, основанное на минимизации описываемого признака, например: «Мне только **капельку** (добавки), я больше не буду!» (к/ф «Подранки», 1977, реж. Н. Губенко), *auf eine Tasse Tee vorbeikommen* (нем. разг. *зайти на чашечку чая*), *the beach is only a stone's throw away* (англ. разг. *до пляжа рукой подать*, досл. «пляж находится на расстоянии брошенного камня»).

Е. **Ирония** (от гр. *εἰρωνεία* – притворство) представляет собой перифраз на основе утверждения обратного. Решающая роль в создании иронии принадлежит интонации, при помощи которой говорящий даёт понять, что контекстное значение высказывания противоположно буквальному, ср.: *ну куда мне до тебя! du bist mir vielleicht ein Held!* (нем. разг. шутл. *тоже мне герой нашёлся!*), *what a wonderful day it is!* (англ. разг. шутл. *ну и денёк!*).

Разновидности иронии многочисленны: i) антифразис с его подвидами апофазия, паралипс(ис) и алогизм, ii) астейзм, iii) хариентизм, iv) сарказм, v) хлевазм, vi) миктеризм, vii) диасирм.

I. **Антифразис** (от гр. *ἀντίφρασις* – противоположное по смыслу высказывание) строится на контрасте утверждаемого и подразумеваемого, к примеру: «Мы знаем: вечная любовь / Живёт едва ли три недели...» (А. Пушкин). Подвидами антифразиса выступают **апофазия** (от гр. *ἀπό* – вопреки, *φάσις* – высказывание), заключающаяся в опровержении

только что сказанного («Кем был мой сын? Он был созданием божьим. Созданием божьим? / Нет. И это ложь...»), П. Антокольский), **пара́лipsis(ис)** (от гр. *παράλειψις* – выпущение), или **præteritio** (лат. упущение), как фигура мысли, выделяющая предмет, который предпочитают обойти в речи (уже *вовсе не говоря о...*), и **алогізм** (от гр. *ἄ* – отрицание, *λογισμός* – рассудок), под которым понимается нелогичное рассуждение (см. о рассуждении как форме речи в § 4.2), ср.: «Иван Иванович несколько боязливого характера. У Ивана Никифоровича, напротив того, шаровары в таких широких складках...» (Н. Гоголь).

II. **Астеізм** (от гр. *ἀστεϊσμός* – шутка) – это колкая, ироничная насмешка, например: «Ты всё пела? это дело. / Так поди же, попляши!» (И. Крылов).

III. **Хариентізмом** (от гр. *χάρη* – грация) называется тонкая, щадящая ирония, к примеру: «Кто ищет хорошую, понятливую и красивую женщину, тот ищет не одну, а трёх» (О. Уайльд).

IV. **Сарка́зм** (от гр. *σαρκάζω* – раздирать) – это горькая, язвительная ирония, ср.: «После сытного обеда, / В кабинете у Володи / Долго шла у нас беседа / О страдающем народе» (В. Князев).

V. Под **хлевáзмом** (от гр. *χλευασμός* – насмехаться) понимается ирония, обращённая на другого человека, например: «Да вы поэт, голубчик!» (Г. Шах).

VI. **Миктерізмом** (от гр. *μικτήρ* – ноздря, в основе термина лежит представление о раздувании ноздрей во время самохвальства) называется ирония, обращённая на себя, к примеру: «Мы почитаем всех нулями, / А единицами – себя» (А. Пушкин).

VII. **Диасі́рм** (от гр. *διασυρμός* – уничижение) – это опровержение правильности чего-то путём представления его в гротескном, утрированном виде, например: «Конечно, давайте ещё и Курильские острова отдадим японцам, и Сахалин в придачу! И что с того, что там есть нефть и рыба? Пусть НАТО строит там базы и разворачивает ПРО. Тогда время доставки ядерных ракет до Хабаровска будет 5–7 минут. Это очень хорошо!» (из Рунета).

① Сардонизм и цинизм являются не стилистическими средствами, а мировоззренческими или поведенческими установками, выражениями которых в речи зачастую становится ирония. Термином «цинизм» (от гр. *κύων* – собака) обозначают демонстративное пренебрежение общепринятыми нормами морали. Сардонизм (от гр.

σαρδόνιος – язвительный) – это остроумие, изобличающее несправедливость или маскирующее трагизм определённой ситуации, ср.: сардонический смех идущего на смерть (юмор висельника). Сардонический смех (сардоническую улыбку) не следует путать с гомерическим хохотом (гр. ἄσβεστος γέλος) как формой осмеяния чего-то несуразного и глупого. Клише «гомерический хохот» зародилось в трудах Гомера «Илиада» и «Одиссея» как описание хохота древнегреческих богов, наблюдающих с Олимпа за людской суетой.

Ж. Бахуврихи (от санск. बहुव्रीहि – богатый рисом) – перифраз путём названия характерного признака объекта в форме посессивного сочетания или композита, ср.: *Златоуст*, *le Petit Chaperon rouge* (фр. Красная Шапочка), *das Vierauge* (нем. груб. четырёхглазый = очкарик); *волоокий*, *слабонервный*, *мохноногий*, *sternbehangen* (нем. поэт. (о небе) увешанный звёздами), *zartbesaitet* (нем. шутл. чувствительный, досл. «с тонкими струнами души»), *silver-haired* (англ. высок. среброволосый), *boquituerto* (исп. разг. криворотый). Будучи гибридом перифразы и синекдохи, бахуврихи находят широкое применение в зоологической терминологии, например: *долгопяты* (род приматов), *трясогузка* (вид певчих птиц), *краснопёрка* (вид пресноводных рыб).

3. Перифразы как формы обращения используются в двух случаях: для выражения *вежливости* и *уничтожения*. В первом случае перифразы будут служить целям *мелиорации* и задействовать единицы соответствующих регистров (↑ высокого и напыщенного), а во втором случае – *пейорации* и использовать сниженную (разговорную, просторечную и вульгарную ↓) или табуированную лексику, ср. перифразы *Ваше Высокпреосвященство* (↑) и *пёс плюгавый* (↓). Особыми формами обращения выступают **просиопéза** (см. об этом § 2.8), **междометие эй** и **покровительственное «мы»**, или **pluralis majestatis** (лат. множественное величия), объединяющее говорящего и адресата, ср. фразы: «*Как поживает наш животик?*» (в кабинете врача) и «*Мы же не можем пройти мимо сладостей!*» (ироничный комментарий мамы сладкоежки).

Мелиоративные (вежливые) перифразы в функции обращения обозначаются **гонорификами** (от лат. *honorificus* – уважительный) и являются объектами изучения прагматики и грамматики. Грамматическая категория **гоноратива** (парадигмы форм вежливости) в различных языках неодинакова. Так, в английском языке существует лишь одно

нейтральное местоимённое обращение *you* (*ты, вы*) для всех ситуаций общения; в русском языке имеются два местоимения-обращения для второго лица единственного числа (*ты-, Вы-формы*), а в корейском языке используются четыре местоимённые формы обращений: три – для обозначения второго лица единственного числа *너* (кор. «*ты*» для статусно равных собеседников или в семейном общении), *자기* (кор. «*ты*» в обращении к супруге), *당신* (кор. «*ты*» как нежное обращение в общении людей среднего и старшего возрастов) и одна – для второго лица множественного числа *니* (кор. *вы*)³⁵.

В немецком языке гоноратив претерпел изрядные эволюционные изменения. Первоначальное равностатусное обращение *du* (нем. *ты*) с развитием феодальной системы сменилось на вежливое *Ihr* (нем. *Вы*), соответствующее второму числу множественного числа. В XVII в. форма *Ihr* уступает перифразу в третьем лице единственного числа в сочетании с именами существительными или местоимениями, который звучит так, будто собеседник вовсе отсутствует, к примеру: «*Ich fühl' es wohl, dass mich der Herr nur schont...*» («*Я чувствую, что вы жалеете меня...*», И. Гёте, пер. Н. Холодковского, досл. «..., что **господин** лишь **жалостлив** ко мне...»). С первой половины XVIII в. в ходе очередной ломки норм по французскому образцу перифраз вытесняет местоимённая форма третьего лица множественного числа *Sie* (нем. *Вы*), употребляющаяся и по сей день как основной гонорифик в немецком языке³⁶.

В **риторике** выделяют три фигуры обращения, допускающие использование перифразов: а) риторическое обращение, б) апострофу, в) авёрсию.

А. Риторическое обращение – это приём, служащий выражению отношения оратора к предмету речи, к примеру: «*О муза, друг мой гибкий, / Ревнивица моя*» (С. Есенин).

① *Риторическое обращение не тождественно риторическому вопросу (гр. ρητορική ἐρώτηση), под которым понимается утверждение, сформулированное в форме вопроса к себе или другому участнику коммуникации, ответ на который не ожидается или не предполагается*

³⁵ Антонова А.А. Местоименные формы обращений в английском, русском и корейском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Вып. 13, № 12. – С. 248–249.

³⁶ Riesel E. Stilistik der deutschen Sprache. – Moskau : Verlag für fremdsprachige Literatur, 1959. – С. 396–398.

ется, ср.: «Разве не прекрасна каждая травинка, наполненная пахучим соком, и каждое летучее семечко липы?» (К. Паустовский). Вопрос, который оратор задаёт самому себе и на который сам же отвечает, называется гипóфорой (см. определение в § 2.1).

Б. **Апострóфа** (от гр. *ἀποστροφή* – поворот), или **метабáз(ис)** (от гр. *μετάβασις* – переход), есть зачастую неожиданное, прерывающее повествование обращение автора или действующего лица к (потрясённому) слушателю, зрителю или читателю, например: «А вы, **друзья**, никогда не смотрели на себя со стороны?» (к/ф «Королевство кривых зеркал», 1963, реж. А. Роу).

В. **Авёрсия** (от лат. *aversio* – отход, отворачивание) представляет собой патетическое обращение к отсутствующему (умершему) или воображаемому лицу, абстрактному понятию или неодушевлённому предмету, природной стихии или жертвам трагедии и т. п., ср.:

Тебя замучили, примеряя
Как рукавицу на ладонь,
Земля Московская, земля сырая,
Тебя топтал татарский конь.
В. Инбер

4. **Эпитет** (от гр. *ἐπίθετον* – приложенное) – это сопутствующее слово, описывающее определённый признак денотата. Эпитеты встречаются во всех функциональных стилях языка в форме *определения в пре- или постпозиции* (**тот самый** вкус, парень **лет двадцати**), *причастного оборота* («И качнется бессмысленной высью / Пара фраз, **залетевших отсюда...**», А. Вознесенский), *приложения* (**граф** Потёмкин), *придаточного предложения* («Нарву цветов и подарю букет / Той девушке, **которую люблю**», А. Барыкин) или же ряда уточняющих самостоятельных предложений («Der fremde Mensch, seiner Schwere nachgebend, hatte sich unwillkürlich an die Wand gelehnt, es tropfte und triefte von seinem nassen Hut, seinen zerdrückten Kleidern. **Wie ein Ertrunkener, den man aus dem Fluß geholt, mit noch benommenen Sinnen, so stand er da, und um den kleinen Fleck, wo er lehnte, bildete sich ein Rinnsal von niederrieselndem Wasser. Aber er machte nicht die geringste Anstrengung, sich abzuschütteln, den Hut wegzuschwenken, von dem Tropfen immer wieder über Stirn und Gesicht niederliefen. Er stand vollkommen**

teilnahmslos...», нем. «Мой спутник, словно изнемогая под тяжестью собственного тела, прислонился к стене; вода капала с его мокрой шляпы и измятой одежды. Словно его только что вытащили из реки и ещё не привели в чувство, стоял он там, и у его ног образовался ручеёк стекающей воды. Он даже не пытался отряхнуться, скинуть шляпу, с которой капли одна за другой падали на лицо. Ему было всё равно.», С. Цвейг, пер. Л. Вольфсон).

Различают: а) конкретизирующие, б) оценочные, в) образные, г) тавтологические, д) любимые, е) устойчивые, ж) поэтические, з) народно-поэтические эпитеты.

А. **Конкретизирующие**, или **предметно-логические**, эпитеты описывают признаки денотата, выделяемые на основе прямого значения, например: «Продается аккордеон „*Weltmeister Stella*“ производства ГДР, чёрного цвета, 3/4, 5 регистров в правой руке, 3 регистра и 96 басов – в левой. Корпус, голоса, ремни в хорошем состоянии» (из Рунета).

Б. Посредством **оценочных (эмоциональных, усиливающих)** эпитетов даётся субъективная характеристика объекта или его деятельности, ср.: «Я, **ничтожный** пожиратель корней!» (м/ф «Маугли», 1973, дир. Р. Давыдов), «*Nichtswürdige Tintenleckser*» (нем. эмоц. «Никчёмные бумагомаратели», А. Шопенгауэр), «His latest **foul-mouthed outrage**» (англ. эмоц. «Его недавний **скабрёзный** выпад», «Гардиан»).

В. **Образный** эпитет идентичен **синестезии** (см. об этом § 2.2).

Г. **Тавтологические** эпитеты образуют с определяемым словом сочетание, дважды передающее одно и то же содержание, к примеру: великан **исполинского роста**, *weißer Schimmel* (нем. белый конь белой масти), *sick patient* (англ. больной пациент).

① **Тавтологию** следует отличать от **плеоназма**. Оба средства выражают избыточность (см. об этом также § 2.1, 3.6), однако имеют различные морфологические признаки. Тавтология (от гр. ταύτολόγος – повторяющий одно и то же) строится из однокоренных слов, принадлежащих к разным частям речи, ср.: «Экономика должна быть экономной...» (Л. Брежнев). Плеоназм (от гр. πλεονασμός – излишний) же состоит из разнокоренных слов одной части речи, например: «Униженные и оскорблённые» (Ф. Достоевский). Существуют, однако, и семантические разновидности плеоназма, обозначаемые периссологией (от гр. περισσολογία – многословие) и выходящие за данную

структурную схему, ср.: *коллеги по работе, бесплатный подарок, подняться вверх по лестнице*. Повторение одного и того же слова в разных значениях называется тавтологическим повтором (см. об этом подробнее § 2.8), к примеру: *рецензия находится на рецензии*.

Д. **Любимые** эпитеты регулярно и итеративно (см. об этом § 2.8) повторяются в речи отдельного говорящего и являются симптомом увлечённости яркими, «модными» выражениями или признаком бедности речевого репертуара, например: *обалденный отель!*

Е. **Устойчивые**, или **формальные**, эпитеты (от лат. *epitheta ornantia* – украшающие эпитеты) не несут дополнительной смысловой нагрузки и образуют единое целое с определяемым понятием (лат. *definiendum*), ср.: *зелёная трава, tiefes Tal* (нем. *глубокая долина*), *blue skies* (англ. *голубые небеса*).

Ж. **Поэтические** эпитеты несут оттенок напыщенности и хвalebности и свойственны патетической речи, например: *семивратные Фивы, волоокая Юнона, Москва белокаменная (златоглавая)*.

З. **Народно-поэтические** эпитеты – симбиоз двух последних групп. Они пришли в литературную речь из устного народного творчества и характеризуются тесной семантической связью определяемого и определения, ср.: *чистое поле, серый волк, красная девица*.

Вопросы для самоконтроля

1. Какую экспрессивную задачу решают средства описания и выделения (умаления) признака?
2. На какие подгруппы подразделяются средства данной группы?
3. Какие перифразы различают на основе выделения (умаления) признака?
4. В каких случаях взаимодействуют образный и логический перифразы?
5. Какие существуют перифразы на основе различных видов иносказания?
6. Чем отличаются гипероха и адината?
7. Сколько разновидностей иронии выделяют в функциональной стилистике?
8. В какой форме встречаются эпитеты в речи?
9. Какие виды эпитетов существуют?
10. В чём состоит отличие тавтологии от плеоназма?

2.4. Фразео-паремиологические средства (клише)

В силу своей многочисленности и неоднородности выразительные средства данной группы решают несколько экспрессивных задач: во-первых, **задачу передачи полезного опыта**, накопленного в языке (пословицы, поговорки, побасёнки); во-вторых, **задачу меткого, остроумного и образного описания** объекта, явления, ситуации и пр. (гендиадис, афоризмы, цитаты, крылатые слова); в-третьих, **задачу упрощения комбинирования элементов** высказывания (фразеологические обороты). Создание клишированных средств осуществляется по следующей формуле:

$$S_c \neq \sum \{S_1 + S_2 \dots\},$$

где S_c – общее значение клише (S – *signifiant*, C – *cliche*); S_1, S_2 – значения отдельных компонентов; \sum – математический знак суммы. Таким образом, *общее значение клише не равно сумме значений его компонентов*. Данное его свойство обозначается **идиоматичностью** (от гр. *ιδίωμα* – своеобразие). **Клише́** (от фр. *cliché* – подражание), или **речения** (устар. *устойчивое сочетание слов*), относятся к *нереконструируемому* фонду языка.

По воспроизводимости в речи весь словарный состав разделяется на реконструируемый и нереконструируемый фонды. Элементы **реконструируемого фонда** воспроизводятся при помощи правил грамматики, ср.: *läuft, lief, laufend, gelaufen, der Läufer, die Läuferin, der Laufschuh* (от нем. *laufen* – бежать). Единицы **нереконструируемого фонда** языка заучиваются и воссоздаются в речи в их полной лексической длине, например: *горе луковое, дать от ворот поворот, вот где собака зарыта*. Нереконструируемый фонд языка имеет второе обозначение: *фразео-паремиологический состав*. Как следует из самого названия, данный фонд состоит из *фразеологизмов и паремий*.

Согласно структурной классификации типов клише Г.Л. Пермякова (табл. 3), **фразеологизмы** (от гр. *φράση* – выражение) являются устойчивыми сочетаниями, которые образуют фрагмент предложения, ср.: *сломя голову, unverrichteter Dinge* (нем. *несолоно хлебавши*), *to take heart* (англ. *собраться с духом*). **Паремии** (от гр. *παροιμία* – притча) – это устойчивые сочетания, как правило, в форме предложения или нескольких предложений (побасёнки), например: *у семи нянек дитя без глаза, die Katze lässt das Mäusen nicht* (нем. *сколько волка ни корми, он всё в лес глядит*), *one apple a day keeps the doctor away* (англ. *кто ябло-*

ко в день съедает, у того врач не бывает). Исключения составляют только **поговорки** с одним «открытым» актантом (от фр. *actant* – действующий: зависящий от сказуемого член предложения, см. об этом также § 3.5), ср.: *пустить козла в огород* (+ 1): **начальник** (актант подлежащего) *пустил козла в огород*. Фразеологизмы и поговорки собирательно называются *клише*, или *клишированными единицами*.

Таблица 3

Структурная классификация типов клишированных единиц³⁷

Конструкция	Тип клише		Пример
элемент предложения	фразеологизм		<i>Мы бросились вперёд сломя голову.</i>
открытое предложение	паремии	поговорка (присловье)	<i>Начальник пустил козла в огород.</i>
закрытое предложение		пословица	<i>У семи нянек дитя без глазу.</i>
цепь предложений		побасёнка (сверхфразовое единство)	– <i>Тит, а Тит, пойдём молотить!</i> – <i>Спина болит.</i> – <i>Тит, пойдём мёд пить.</i> – <i>Дай поскорее шапку схватить!</i>

① Хотя количественное отношение реконструируемого и нереконструируемого фондов различается от языка к языку, число фразеологических и паремиологических средств прямо пропорционально возрасту языка и зачастую ассоциируется с понятием «богатства»: чем старше язык, тем богаче его сокровищница клишированных единиц. Если реконструируемый фонд целиком принадлежит общеупотребительной лексике, то некоторые слои фразео-паремиологического состава доступны не всем пользователям языка в силу наличия временных, территориальных, социальных и профессиональных ограничений (см. об этом подробнее § 1.5). Под «богатством» языка в языкознании понимается зачастую так называемый «рецептурный фонд», то есть все слова и сочетания (в том числе диалектные), которые можно отнести к определённому языку. Так, рецептурный фонд немецкого языка, по оценке германиста В. Кляйна, равен 5,3 млн слов³⁸.

³⁷ Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). – Москва : Наука, 1970. – С. 51.

³⁸ Klein W. Von Reichtum und Armut des deutschen Wortschatzes // Reichtum und Armut der deutschen Sprache : Erster Bericht zur Lage der deutschen Sprache. – Berlin : De Gruyter, 2013. – S. 15–56.

Выделяют **три признака фразеологизмов**: 1) комплексность, 2) стабильность, 3) идиоматичность.

1. **Комплексность** означает, что фразеологические единицы должны состоять минимум из двух компонентов, следовательно, образные однокомпонентные выражения вроде *одиссея (скитание)*, *маниловщина (беспочвенное благодушие)*, а также суггестивные деонимы (*меценат, ксантиппа*) к клишированной лексике не относятся (см. о деонимах подробнее § 2.2), что, однако, не мешает им выступать в роли цитат³⁹ (см. далее). *Суггестивными* (от фр. *suggestif* – внушающий определённые мысли) называются «говорящие» имена.

2. **Стабильность** предполагает, что изменить фразеологизмы значительно сложнее, чем свободно комбинируемые сочетания. Стабильность включает три подпризнака: а) последовательность, б) расширяемость/сокращаемость, в) заменимость синонимами.

А. **Последовательность** подразумевает фиксированное следование компонентов фразеологизмов, к примеру: *to separate¹ the sheep² from the goats³* (англ. *отделять полезное от вредного*, досл. «отделять овец от козлиц», Евангелие от Матфея 25:32), а не * *to separate¹ the goats³ from the sheep²*.

Б. **Расширяемость/сокращаемость** означает, что в состав фразеологизма нельзя произвольно включать дополнительные элементы либо изымать из него имеющиеся, например: **ohne Strichpunkt (und Komma) reden*, вместо: *ohne Punkt und Komma reden* (нем. разг. *говорить без умолку*).

В. **Заменимость синонимами** предполагает, что компоненты фразеологизмов нельзя заменять синонимичными элементами без потери содержания, ср.: *без царя в голове*, а не **без короля в голове*.

3. **Идиоматичность** есть степень утраты фразеологизмом дословного значения.

Чем старше фразеологизм, тем больше степень его идиоматичности и, следовательно, тем менее понятным он становится для потомков. По **степени идиоматичности** фразеологические единицы разделяются на **четыре группы явлений** (табл. 4). Наиболее идиоматичными являются **идиомы** с отсутствующим дословным значением (неизвестно, имел ли место вообще такой ритуал в прошлом), например: *j-m einen Floh ins Ohr setzen* (нем. *заинтриговать кого-то, подкинуть сумасбродную*

³⁹ Афонькин Ю.Н. Русско-немецкий словарь крылатых слов: около 1200 единиц / Ю.Н. Афонькин / под ред. В. Шаде. – Москва : Русский язык, 1985. – С. 5.

идею, а после разочаровать, досл. «посадить блоху в ухо»). Явления групп II и III обозначаются **фразеологическими оборотами** и различаются лишь наличием связи с денотатом, ср.: *j-m einen Korb geben* (нем. разг. *отшить жениха*, досл. «вручить лукошко») и *j-m die Pistole auf die Brust setzen* (нем. разг. *вынудить принять какое-либо неудобное решение, взять за горло*, досл. «приставить пистолет к груди»). Наименее идиоматичными являются клише группы IV, называемые **оборотами речи** (от фр. *façon de parler* – способ говорить), к примеру: *herzlichen Glückwunsch!* (нем. *сердечные поздравления!*). Данные явления находятся в самом начале пути потери дословности значения и используются пока исключительно ритуализованно. В терминологии В.В. Виноградова идиомы обозначаются **фразеологическими сращениями**, фразеологизмы II и III групп – **фразеологическими единствами**, а обороты речи – **фразеологическими сочетаниями**⁴⁰.

Таблица 4

Группы фразеологизмов по степени идиоматичности

Группа I	Группа II	Группа III	Группа IV
<i>j-m einen Floh ins Ohr setzen</i>	<i>j-m einen Korb geben</i>	<i>j-m die Pistole auf die Brust setzen</i>	<i>Herzlichen Glückwunsch!</i>
Нет дословного значения.	Есть дословное и недословное значение, между которыми синхронно отсутствует связь.	Есть дословное и недословное значение, между которыми синхронно присутствует связь.	Есть только дословное значение.
идиома	фразеологический оборот		оборот речи
Степень идиоматичности			
высокая	←————→		низкая

По экспрессивно-семантической окраске нереконструируемый фонд разделяется на две большие группы: 1) группу нейтральных клише, 2) экспрессивных сочетаний.

1. Первая группа охватывает функционально-стилистически нейтральные эквиваленты отдельных слов, в большинстве случаев *лишённые образности*. **Нейтральные клише** имеют сквозной характер и

⁴⁰ Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Лексикология и лексикография: избранные труды. – Москва : Наука, 1986. – С. 35–76.

не ограничены репертуарными рамками отдельных функциональных стилей. Лексическое наполнение данного сегмента фразеопаремиологического фонда варьируется от языка к языку. Например, в немецком языке к нейтральной клишированной лексике относятся помимо основных типов также устаревающие адвербиально-генитивные сочетания (*stehenden Fußes* – без суда и следствия, на месте) и глагольные композиты, именные компоненты которых имеют тенденцию к слитному написанию (*kopfrechnen* – считать в уме). В английском языке в данную группу входят глагольные сочетания, больше известные как «фразовые глаголы» (англ. *phrasal verbs*), ср.: *come down with sth* (англ. слечь с какой-либо болезнью). В межъязыковом срезе основными разновидностями нейтральных клише выступают **атрибутивные сочетания**, например: *зелёный чай*, *zweite Lautverschiebung* (нем. второе передвижение согласных), *power plant* (англ. электростанция) и **устойчивые глагольно-именные сочетания**, состоящие из абстрактного существительного и (вспомогательного) глагола (нем. *Funktionsverbgefüge*, англ. *empty verb construction*), ср.: *иметь в виду*, *in Erfahrung bringen* (нем. доводить до сведения), *to find one's feet* (англ. прочно закрепиться).

2. Вторая группа значительно обширнее первой и содержит **образные клише**, совокупно обозначаемые **экспрессивной фразеологией**. К **экспрессивным клише** относятся: а) сочетания, выражающие отдельные понятия, б) сочетания, содержащие завершённую мысль в формате предложения, в) сочетания, занимающие промежуточное положение между первыми двумя подгруппами.

А. Экспрессивные сочетания, **выражающие отдельные понятия**, называются **фразеологизмами** и представлены: i) идиомами, ii) фразеологическими оборотами, iii) оборотами речи, iv) гендиадисом.

Типы экспрессивных сочетаний с I по III описаны выше (см. группы фразеологизмов по степени идиоматичности).

IV. **Генди́адис** (от гр. *ἓν διὰ δυοῖν* – один через два) – это сдвоенное тавтологическое клише с функцией усиления признака посредством аллитерации, рифмы, ассонанса (см. об этом подробнее § 2.7) и т. п., например: *полюшко-поле*, *niet- und nagelfest* (нем. крепко-накрепко), *law and order* (англ. закон и порядок). Просторечное удвоение возможно и через редупликацию при помощи фонемы «м» (см. об этом § 2.8), ср.: *шуры-муры*, *der Kuddelmuddel* (нем. разг. кавардак), *rêle-mêle* (фр. разг. пёстро, вперемешку). Гендиадис бывает **общезыковым** и **контекстуальным**. Последний типичен для жанров образно-художественного и

официально-делового стилей, ср.: «В России есть две беды: дороги и дураки» (Н. Гоголь); «*Schlacht oder Schlichtung?*» (нем. «Сражение или примирение?»), название репортажа ARD). В контекстуальном употреблении встречаются многокомпонентные сочетания, которые известны как **гендиатрис** (от гр. *ἓν διὰ τρεῖς* – один через три) и **гендиатетракис** (от гр. *ἓν διὰ τετράκις* – один через четыре), например: *сегодня молодежь практикует разнузданность¹, разболтанность², расхлябанность³*; «*Frisch¹, fromm², fröhlich³, frei⁴*» (нем. «Свежи, náбожны, радостны, свободны», лозунг лейпцигского «Общества Яна»).

Б. Сочетания, **содержащие завершённую мысль в формате предложения**, совокупно обозначаются **паремиологическими единицами (паремиями)**. К ним относятся: i) цитаты и крылатые слова с разновидностями лозунг, девиз, слоган и речовка, ii) афоризмы, iii) пословицы, iv) пародированные паремии.

1. **Цитаты** (от лат. *citatum* – приведённое) и **крылатые слова** (гр. *ἔλεα πτερόεντα*) – это образные, афористичные выражения, вошедшие в речь из литературных произведений, а также изречения известных исторических личностей, «отлитые» в оригинальной и ёмкой форме, ср.: «*Чем меньше женщину мы любим, / Тем легче нравимся мы ей...*» (А. Пушкин). Многие цитаты превосходят формат простых предложений и никогда не употребляются без сноски на автора, к примеру: «*Grau, teurer Freund, ist alle Theorie / Und grün des Lebens goldner Baum*» («*Суха, мой друг, теория везде, / А древо жизни пышно зеленеет!*», И. Гёте, пер. Н. Холодковского). Разновидностями цитат являются: **лозунг, девиз, слоган и речовка**. **Лозунг** (от нем. *Losung*, свн. *lōzngē* – жеребьёвка) – это лаконичный призыв, выражающий политические требования, к примеру: «*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*» (нем. «*Proletarier aller Länder, vereinigt Euch!*», К. Маркс, Ф. Энгельс). **Девизом** (от фр. *devise* – элемент герба в виде краткого изречения) называется руководящая идея чьей-либо деятельности, например: «*Будь готов! – Всегда готов!*» (девиз пионеров СССР). **Слóган** (от гэл. *sluagh-ghairm* – зов рати, боевой клич) представляет собой запоминающуюся фразу, как правило, рекламного характера, преследующую цель создания устойчивых речевых образов товаров и услуг, например: «*Будущее зависит от тебя*» (Мегафон), «*Alle reden vom Wetter. Wir nicht*» (нем. «*Все говорят о погоде. Мы – нет.*», Deutsche Bahn), «*Taste the Rainbow!*» (англ. «*Попробуй радугу!*», Skittles). **Речовка** – это ритмически организованный текст, исполняемый в такт определённому действию, ср. спортив-

ную речовку: «*Мы сегодня победим, / Мы команда – как один!*» Совокупно все разновидности цитат, реализующие призывную (апеллятивную) функцию, обозначаются гиперонимом **призыв**, под которым понимается обращение, побуждающее к действию.

II. **Афоризмы** (от гр. *ἀφορισμός* – определение) представляют собой меткие, остроумные, запоминающиеся и компактные изречения в поэтической или прозаической форме, передающие определённое познание, умозрение или наблюдение, ср.: «*Есть ещё порох в пороховницах*» (Н. Гоголь). Л. Толстой считал афоризмы лучшей формой изложения философских суждений. В афоризмах сконцентрирован полезный и поучительный авторский опыт, поэтому они редко выходят за рамки простого предложения. Цитата, крылатое изречение или афоризм, автор которых забыт или неизвестен рядовому пользователю языка, переходит в разряд пословицы или фразеологизма, ср. выражение «*родила гора мышь*», принадлежащее перу древнегреческого баснописца Эзопа. Фразео-паремиологический фонд современного русского языка содержит множество клише, берущих своё начало в античности и использующихся сегодня без ссылки на источник, ср.: *волк в овечьей шкуре* (Евангелие от Матфея 7:15); *подливать масло в огонь* (Гораций); *где хорошо, там и родина* (Цицерон).

① Функционально родственными явлениями выступают апоф(т)эгма и максима. Апоф(т)эгма (от гр. *ἀπόφθεγμα* – сказанное напрямик) – это нравоучительный афоризм, к примеру: «*Не судите, да не судимы будете*» (Евангелие от Матфея 7:1). Максима (от лат. *maxima (regula)* – наивысшее (правило)) представляет собой жизненное правило, поведенческий принцип, личное убеждение, кредо (от лат. *credo* – верю) автора, ср.: «*Лучше зажечь одну маленькую свечу, чем клясть тьму*» (Конфуций).

III. **Послóвицы**, или **прислóвья**, являются «квантами» народной мудрости, возникшими анонимно и «упакованными» в формат простого предложения для удобства запоминания и устной передачи, ср.: *с волками жить – по-волчьи выть*, *hinterher ist man am klügsten* (нем. *после драки кулаками не машут*), *birds of a feather flock together* (англ. *рыбак рыбака видит издалека*). К пословицам относятся и так называемые **народные приметы** и **поверья** (нем. *Bauernregeln*, англ. *country sayings*), существующие в пословичном фонде как бытовые прогнозы погоды,

характеристики жизнеустройства, хозяйственного уклада и пр., например: *залетела ласточка в дом – к свадьбе*, *Mairegen bringt Segen* (нем. *майский дождь идёт на благо*), *spilling salt is bad luck* (англ. *соль просыпать – к неудаче*).

Вслед за выдающимся русским лексикографом В.И. Далем в пословичном фонде различают также **поговóрки** (*быть тише воды, ниже травы*), **приговóрки**, или **пустоговóрки** (*близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли*), **прибаўтки**, или **прибасёнки**, **пустобáйки** (*не по дням, по часам растёт, как пшеничное тесто на опаре киснет*), **скороговóрки**, или **чистоговóрки** (*рапортовал, да не дорапортовал, а стал дорапортовывать, зарапортовался*), **присказки**, **загадки**, **считалки**, **колыбельные** и другие разновидности паремий, относящиеся к жанрам устного народного творчества.

① *Пословицы – это конечная станция трансформации удачных образцов речи мастеров слова (цитат, крылатых слов) в общезыковые клише, промежуточная станция – это потеря ссылки на автора (афоризм). Таким образом, весь маршрут трансформации можно изобразить следующим образом: крылатое слово (цитата) → афоризм → пословица.*

IV. **Пародированными паремиями**, или **эрративами** (от лат. *erratum* – заблуждение, ошибка), называются трансформации паремиологических сочетаний главным образом с целью создания юмора и сатиры (см. об этом подробнее § 2.5), например: *большому кораблю – большая торпеда* (вместо: *большому кораблю – большое плаванье*); *wer Katalog sagt, muss auch Kataster sagen* (нем. *кто сказал «каталог», должен сказать «кадастр»*), по аналогии с пословичным выражением *wer A sagt, muss auch B sagen* – *взялся за гуж, не говори, что не дюж*, досл. «кто сказал А, должен сказать Б»); *beauty is in the hands of the scalpel holder* (англ. *красота – в руках держателя скальпеля*, вместо: *beauty is in the eyes of the beholder* – *красота – в глазах созерцателя*). Если в результате трансформации образуется антоним оригинала, принято говорить об **антипословице** (нем. *Antispruchwort*, англ. *anti-proverb*), ср.: *у семи детей нянька без глаза*, *Morgenstund' ist ungesund* (*кто рано встаёт, тот вредит здоровью*, вместо: *Morgenstunde hat Gold im Munde* – *кто рано встаёт, тому бог даёт*), *in the rich world invention is the mother of necessity* (*в мире богатых изобретательность – мать нужды*, вместо:

necessity is the mother of invention – голь на выдумки хитра, досл. «нужда – мать изобретательности»).

В. Сочетаниями, **занимающими промежуточное положение между первыми двумя подгруппами**, выступают *устойчивые сравнения*, рассмотренные в § 2.2.

① *Фразео-паремиологический фонд регулярно пополняется новыми явлениями, среди которых следует выделить мемы (от англ. meme – единица памяти, по аналогии с gene – ген) (...? – Нет, не слышал; лёгкие здорового человека – лёгкие курильщика), в том числе интернациональные (нельзя просто взять и... – так называемый «мем Боромира»), интернациональные фразеологизмы (сидеть в одной лодке, нем. im selben / gleichen / in einem Boot sitzen, фр. être dans le même bateau, англ. to sit in the same boat) и др. Массово тиражируемые клише со временем превращаются в речевые штампы (от нем. Stampfe – штемпель, чекан), то есть «удобные» шаблонные выражения, позволяющие сэкономить речевые усилия, но содержащие «выцветшие» и «затёртые» образы, ср.: поставить во главу угла, богатый внутренний мир, ты с ума сошёл?*

Вопросы для самоконтроля

1. Какие экспрессивные задачи решают фразео-паремиологические средства (клише)?
2. Как создаются клишированные единицы?
3. Как разделяется словарный состав по воспроизводимости средств в речи?
4. Какие структурные типы клише образуют фразео-паремиологический фонд?
5. Какие признаки фразеологизмов выделяют?
6. На какие группы явлений распадаются фразеологизмы по степени идиоматичности?
7. Какие группы клише выделяют в нереконструируемом фонде по экспрессивно-семантической окраске?
8. Какие сочетания входят в группу нейтральных клише?
9. Какие группы явлений конституируют экспрессивную фразеологию?
10. Как называются парные тавтологические клише?
11. Почему паремиологические единицы, как правило, имеют форму простого предложения?
12. Какие паремии выделяют в пословичном фонде?

13. Каков маршрут трансформации цитаты в поговорку?
14. В чём состоит отличие эрративов от антипоговорок?
15. Какие устойчивые сочетания образуют промежуточное звено между фразеологизмами и поговорками?

2.5. Средства создания юмора и сатиры (комического)

Средства создания юмора и сатиры (комического) решают **экспрессивную задачу вызова смеха, улыбки и радости** у адресата. Для средств данной группы нет единой формулы создания, они производятся главным образом за счёт **разрыва определённого мыслительного шаблона** (нем. *Schemadissonanz*, англ. *(cognitive) pattern dissonance*) или **обострения противоречия** между формой и содержанием объекта комизма, различными его сторонами, самим объектом и окружающим миром и т. п. Нередко разрыв шаблона достигается за счёт разного рода **жанровых несоответствий**, случайных или умышленных, ср. фрагмент сказки Ш. Перро «Красная Шапочка» (фр. «*Le Petit Chaperon rouge*», 1695–1697) на юридический лад:

«Отправляясь в место назначения, гражданка Красная Шапочка проследовала через лесной массив – район с повышенной криминогенной обстановкой. В то время как вышеназванная гражданка проходила упомянутый участок пути, к ней приблизилось незнакомое лицо, которое, как выяснилось позже, оказалось нигде не работающим гражданином Волком (настоящее имя не установлено), имевшим в прошлом три судимости за вымогательство материальных ценностей как у физических, так и у юридических лиц»⁴¹.

Под **юмором** (от лат. *(h)umor* – жидкость) в функциональной стилистике понимается изображение денотата или его характеристик в проигрышном (нелепом) виде при сохранении серьёзности самой формы изложения или же при смене её на сочувствие. **Сатира** (от лат. *satura* – пёстрая смесь, досл. «миска с различными фруктами») – это литературный макрожанр, которым критикуются или высмеиваются определённые личности, общественные явления, устои, мировоззренческие прин-

⁴¹ Новикова Л.И., Соловьёва Н.Ю. Готовимся сдать ЕГЭ на «отлично»: практический курс. – Москва: Российская академия правосудия, 2009. – С. 183.

ципы и т. п. посредством иронии, пародии, гиперболизации и пр. К сатирическим жанрам относятся: *эпиграмма, юмореска, бурлеск, фарс, водевиль* и др. В литературоведении эффект, порождаемый средствами юмора и сатиры, обобщённо называется *комическим*. **Комизмом** (от гр. *κωμικός* – смешной) считается общее для всех жанров раскрытие противоречий путём гротескного усиления контраста между ними.

Средства создания юмора и сатиры распадаются на две группы: 1) группу ситуативных, 2) собственных средств создания комического.

1. **Ситуативные средства** весьма обширны и имеют контекстную обусловленность, то есть могут служить выражению комизма в зависимости от ситуации общения. К ним принадлежат тропы, перифразы, эпитеты, клише, термины и др., например: *шутка юмора* (периссология), *мурашки у мурашек* (гиперболический перифраз), *зубодробительный экшен* (эпитет), *сказка про белого бычка* (клише), *дешайтанализация* (термин). Довольно часто средством создания комического эффекта в речи выступает **дефигурализация** (от лат. *de* – раз-, от-, *figura* – образ, очертание), то есть использование образного выражения в прямом значении, к примеру: «*Серёжка, а ну поди-ка сюда! Пил, курил? Ба! Так от тебя пахнет как от **хорошего мужика!** – А что, должно пахнуть как от **плохого?***» (из Рунета). Выраженным юмористическим потенциалом обладают **анахронизмы** (от гр. *ἀναχρονισμός* – по ту сторону времени), под которыми понимаются выражения, использующиеся вне временной привязки, ср.: *Арина Родионовна была **бэбиситтером** Пушкина* (от англ. *babysitter* – няня), *Ян Амос Коменский преподавал **офлайн***. Особая роль в создании комического отводится звукоизобразительным средствам (см. о них подробнее § 2.7), усиливающим мелиоративный эффект, к примеру: «*Тебя послушать, брак – сплошное «**тра-ля-ля**», это, милый друг, большой вопрос!*» (оперетта «Королева чардаша», 2005, реж. М. Бурцев). Репертуарные рамки данной группы необозримы: фактически любое выразительное средство, помещённое в определённый контекст, может создавать юмор и сатиру, ср. пародию-дистишье (от гр. *δίστιχον* – двустишие): *тяжела и неказиста жизнь российского ... (лингвиста, юриста и пр., вместо: советского / народного артиста)*. Ситуативные средства создания комического эффекта представляют собой, как правило, удачные **комбинаторные находки**, изменяющие стереотипные представления о мире, например: «*Я знаю, где зимуют раки*» (Р. Карцев), «*Меня пригласили на церемонию награждения победительниц конкурса красоты „Мисс Кривой Рог“*» (М. Задорнов).

2. К **собственным средствам** создания юмора и сатиры относятся: а) игра слов, б) нелогичное соединение, в) стилистический парадокс.

А. **Игра слов** – это стилистический приём комического обыгрывания различных форм или значений слов в одном контексте, при этом комбинации форм слов обозначаются **адноминáцией** (от лат. *ad* – от, *poten* – имя) (*пила́ пéла, графиня и графин, эталонно оталонить*), а комбинации значений слов – **двойным смыслом** (нем. *Doppelsinn*, англ. *ambiguity*) (*закат солнца вручную, посолить на глаз, такса не кусается, сапоги нужно чистить вечером и утром надевать на свежую голову*). Довольно часто проводниками игры слов становятся омонимия и полисемия, ср.: *дача показаний и забор воды; Arme haben Arme, Arme haben Beine, Beine haben keine Arme, arme Beine* (нем. *у бедных (рук) есть руки, у бедных (рук) есть ноги, у ног нет рук, бедные ноги*); *a frog feels well in a cool well* (англ. *лягушке хорошо в прохладном колодце*).

Разновидностями игры слов являются: i) амфиболія, ii) анаграмма, iii) метаграмма, iv) параграмма, v) пантограмма, vi) палиндром, vii) анноминáция, viii) парехéза, ix) каламбур, x) шарáда, xi) мондегрин, xii) какэмфатон, xiii) количественные изменения звукового состава слова.

I. **Амфиболія** (от гр. *ἀμφιβολία* – двусмысленность) основана на такой смене расположения слов, их функций, значений и т. п., которая даёт комическую смену перспективы, ср.: *каждое утро даму выгуливает собачка, «Wag the Dog»* (англ. к/ф «Хвост виляет собакой», 1997, реж. Б Левинсон).

II. **Анаграмма** (от гр. *αναγράμμα* – перестановка букв) – это изменения порядка следования букв в слове, дающее новое слово, например: *апельсин* → *спаниель*. Произведения комбинаторной литературы (литературы формальных ограничений), основанные на анаграмме, обозначаются *гетерограммами* (от гр. *ἕτερος* – иной, различный, *γράμμα* – буква), например:

L'arc n'ose	Не (выстрелит) лук,
l'arcon se	Свою жизнь (готова)
sacre l'on	Отдать лоза ради
n'a l'or sec	Злата сухого...
l'or en sac	Мешками – злато,
l'os: carne	Костьюми (легло) из
en roc las.	Усталой породы ребро.
Ж. Перек	Пер. В. Кислова

III. Загадки и головоломки, построенные на изменении одной буквы, обозначаются **метаграммами** (от гр. *μετα* – между, *γράμμα* – буква), к примеру: «С „г“ я очень высока, / С „н“ – жилище для зверька» (*гора – нора*).

IV. Замена одной буквы или одного слова другим называется **параграммой** (от гр. *παράγραμμα* – добавление), ср.: «Сделать хотел грозу, а получил – козу...» (Л. Дербенёв).

V. **Пантограмма** (от гр. *πάντη* – всюду, *γράμμα* – буква), или **олорифма** (от гр. *ὅλος* – полный, целый, *ῥυθμός* – течение), – это игра слов, основанная на изменении слогоразделов в словах или сочетаниях с попарно идентичным буквенным или звуковым составом, например: *мы женаты – мы же на ты́*, *Изольда – изо льда́*, *Reformhaus – Reh vorm Haus* (нем. *магазин продуктов здорового питания – косуля перед домом*), *for I scream – for ice-cream* (англ. *чтобы я закричал(а) – для мороженого*). Отличие пантограммы от мондегринна (см. далее) состоит в возможности смены ударения в разлагаемом слове и написания отдельных букв.

VI. **Палиндромом** (от гр. *παλινδρομός* – бегущий назад) является слово, словосочетание или текст, одинаково читающиеся вперёд и назад, к примеру: *искать такси, Reittier* (нем. *животное для верховой езды*), *do geese see God?* (англ. *видят ли гуси Бога?*).

VII. **Анноминация** (от лат. *anominatio* – подобословие), или **парономазия** (от гр. *παρα-* – смежное, *ὀνομάζω* – называть), – это адноминация, построенная на комическом сближении слов с разницей в одной букве или одном слоге (паронимов), например: под *патронташем* (вместо: *патронажем*) *мэрии*, *Scharfschürze* (от нем. *scharf* – эротический, *Schürze* – передник, вместо: *Scharfschütze* – *снайпер*). Анноминация – главный союзник адноминации, ср.: «**Поучайте** лучше ваших **паучат!**» (к/ф «Приключения Буратино», 1976, реж. Л.А. Нечаев).

VIII. Частным случаем паронимазии выступает **парехéза** (от гр. *παρήχησις* – созвучие) как сочетание слов с переставленными буквами или ударениями, ср.: **Осип охрип, а Архип осúp**, «**Запéл и зáпил – от любви к науке...**» (В. Высоцкий).

IX. **Каламбур** (от фр. *calembour(g)* – французское название города Калау в земле Бранденбург) является разновидностью двойного смысла, в основе которой лежит смысловая коллизия (от лат. *collisio* – столкновение) различных по значению слов зачастую в форме паремии или загадки, например: «**Лет до ста расти нам без старости**» (В. Маяковский), *Wie*

lang ist eine Elle? – Ellenlang (нем. *Как велик локоть (мера)? – С локоть в длину*, досл. «очень длин»), *Where did the cat go after losing his tail? – To the retail store* (англ. *Куда пошла кошка после того, как потеряла хвост? – В розничный магазин*, досл. «в магазин обновления хвостов»).

X. **Шарáда** (от фр. *charade* – лёгкое общение, болтовня) – это разновидность загадки, которая предполагает разбиение слова на слоги, приобретающие самостоятельное значение (слоги-слова), ср.: «Суровый оклик часового, / И то, что любят грызть собаки, / А в целом – доблесть рядового / Бойца в походе иль атаке» (стой-кость), «кукла – вино – вата» (кукла виновата).

XI. **Мондегрíн** (от англ. *mondegreen* – ослышка) представляет собой неверно разложенное на слух сочетание, ср. анекдот:

Таксист: «**Куда Вам?**»

Пассажир: «**К удавам** не хочу!»

Таксист: «**Куда Вам** надо?»

Пассажир: «Ну надо так надо, поехали **к удавам!**»

Мондегрин может существовать и как межъязыковое явление. Так, международный сигнал бедствия *mayday* восходит к французскому *m'aidez!* (фр. *помогите мне!*) и никак не связан с календарём. Родственным явлением выступает *уподобление* (см. об этом § 1.3), состоящее в переложении фразы иностранного языка на близкую по звучанию, но семантически неродственную на родном языке, например: «*в ту степь*» (вместо: *тустеп*, от англ. *two-step* – двушаговый (танец), к/ф «Свадьба в Малиновке», 1967, реж. А.П. Тутьшкин).

XII. **Какэмфатон** (от гр. *какэмфатос* – неблагозвучный) – это случайное или намеренное использование выражений, вызывающих ассоциации с обценизмами (см. об этом § 1.3, 1.5), ср.: *я папе по нос*.

XIII. **Количественные изменения звукового состава слова** могут достигаться путём преобразований звукового состава слова, связанных как с увеличением, так и сокращением его лексической длины. Увеличение происходит за счёт звуковых вставок, которые в зависимости от позиции в слове носят различные обозначения. Наиболее частыми в разряде средств создания юмора и сатиры являются: *эпентéза*, *эпитéза*, *парагóга*, *протéза*, *метатéза* и *метаплазм* с подвидами *аферéза*, *синкóпа*, *апокóпа*, *элúзия*, *гаплóлогия*, *диерéза* и *эписиналéфа*. **Эпентéза** (от гр. *ἐπένθεσις* – включение) – это звуковая вставка внутри

слова, используемая зачастую для придания речи просторечного оттенка, например: «*Будет тебе и ванна, и кофэ, будет и какава с чаем!*» (к/ф «Бриллиантовая рука», 1969, реж. Л. Гайдай); «*Тысячи расписок тихо лежат в прочных сейфах, а освобождённые от «груза ответственности» руководители наслаждаются безнаказанностью в красивейших местах российской земли*» (В. Поздняков). В случае добавления согласного звука, говорят об *excrementium* (лат. нарост), при добавлении гласного – об *анаптыксисе* (от гр. ἀνάπτυξις – вставка), или *сварабхакти* (санс. स्वरभक्ति). **Эпитэза** (от гр. ἐπίθεσις – наложение) представляет собой добавление звука в конце слова, ср.: *хорошая мысль приходит опосля*. В народной речи широко распространена **парагога** (от гр. παραγωγή – удлинение) – разновидность эпитезы, упрощающая произнесение слов на стыке, к примеру: «*Жизня, жизнь, когда ты похужеешь?..*» (М. Шолохов). **Протэза** (от гр. πρόθεσις – постановка впереди, выставление напоказ) предполагает появление звука в начале слова, ср.: *вумный, ишла*. **Метатэзой** (от гр. μετάθεσις – передвижение) обозначается такая перестановка слогов, которая комически искажает начальную форму слов или словосочетаний, например: *карахтер*, «*Вагоноуважаемый Глубокоуважатый!*» (С. Маршак), «*Начинацию операю!*» (м/ф «Приключения поросёнка Фунтика», 1986, дир. А. Солин), «*предсказамус настрадал*» (из Рунета). **Метаплазм** (от гр. μεταπλασμός – преобразование) – это собирательное название различного рода преобразований морфемного состава слова для достижения большей выразительности, ср.: *безарбузие, уравнибешенный, браковычитание*. Нередко метаплазм сопровождается выпадением одного или нескольких звуков в разных частях слова, то есть сокращением его лексической длины. Если усекается начало слова, то принято говорить об **аферэзе** (от гр. ἀφαίρεσις – отнятие, лишение), к примеру: *'lection* (англ. шутол. звуковое приближение к *lack* – недостаток, вместо: *election* – выборы). Выпадение звука в середине слова называется **синкóпой** (от гр. συκοπή – стяжение), ср.: *халва* (вместо: *халява*), а в финали слова – **апокóпой** (от гр. ἀποκόπη – отсечение), например: «*На горе Фернандо-По, / Где гуляет Гуппо-по...*» (вместо: *Гиппопотам*, К. Чуковский), «*Tschü mit „ü“ sagt Erdoğan / und er reitet in den Sonnenuntergang.*» (нем. «*Покю с «ю» говорит Эрдоган / и скачет к закату своего могущества*», вместо: *tschüss* – пока, Д. Кауп и Й. Фридрих, пер. наш – Ю. К.). Выпадение одного или нескольких звуков с целью облегчения произношения, благозвучия или стихотворной ритмизации в любых частях слова обозначается

элизией (от лат. *elisio* – вытеснение), ср.: *Atombe* (нем. шутл. *атомная бомба*, вместо: *Atombombe*). Если происходит усечение одинаковых звуков на морфемном шве, то говорят о **гаплогло́гии** (от гр. *ἀπλόος* – простой, *λόγος* – слово, речь), к примеру: *минералогия* (вместо: *минералология*), *shamateur* (англ. шутл. *профессиональный спортсмен, выступающий в соревнованиях любителей*: *sham* – притворщик, *amateur* – любитель). **Диерéза** (от гр. *διαίρεσις* – членение, разделение) представляет собой «сглатывание» звуков – особенно согласных в местах их скопления – с целью упрощённого произнесения слова, например: **солнце*, **чувство*, **праздник*. Просторечное стяжение двух слогов в один обозначается **эписиналэфой** (от гр. *επισύναψη* – слияние гласных), к примеру: *ероплан*.

① *Диереза не тождественна диерезису, которым обозначают диактирический знак, указывающий на отдельно читаемую букву, ср.: atbigüedad (исп. двусмысленность), héroïque (фр. героический). В качестве синонима слова «диерезис» в романском языкознании используется термин «трема» (от гр. τρήμα – дыра, отверстие).*

Качественные изменения звукового состава слова связаны, во-первых, с процессами и тенденциями изменения звукового строя, характерными для тех или иных языков или языковых ареалов. В германских языках это законы передвижения согласных: первое общегерманское передвижение согласных (*закон Раска–Гримма*, V в. до н. э. – I в. н. э., ср.: лат. *pater* → англ. *father*) и второй верхненемецкий перебой согласных (*закон Вернера*, V–VIII вв., ср.: англ. *to have* → нем. *haben*). Во-вторых, указанные изменения находят выражение в следующих явлениях: **аблáuте**, или апофонии (англ. *spin* – *span* – *spun*); **умлáuте**, или перегласовке (нем. *Vaum* – *Väume*); **преломлении** (нем. *ich helfe* – *du hilfst*); **сингармонизме** (*дюдюктив*, см. об этом также § 2.8); **сáндхи**, изменением качества звуков на морфемных швах (*лётчик*); **ассимиляции** (ср. регрессивную ассимиляцию предлога *с* в русском языке: *с Сашей* [с], *с Зиной* [’з], *с Щукарём* [щ], *с Чбановым* [’ж]); **ударении** (прост. мн. ч. *деды́* вместо: *дэды́*, *два разá* вместо: *два ра́за*) и др. Многие качественные изменения звукового состава слова могут быть источником комизма, ср.: *шпиён* (умлаут), *каласо* (диссимиляция вследствие подражания детской речи), *ишшо* (сандхи).

① Основой комического переразложения слов выступает псевдомотивация как соотнесение звукового облика слова с произвольным значением, ср.: прихватизация, обрезательные реформы, депардировать. В письменных текстах псевдомотивированные морфемы зачастую выделяются графически (капитализируются), к примеру: «Америка БУШует» (газетный заголовок), ШОКландия. Подвергаться псевдомотивации может и грамматическая форма слов, ср. немецкие псевдоконверсивы (см. о конверсии также § 2.8) *zwischen* – *zwasch* – *gezwischen* (три формы предлога *zwischen*, похожего на глагол), *noch* und *nöcher* (нем. очень много, изменение наречия «ещё» по степеням сравнения). Псевдомотивация используется также как игровой приём интерпретации значения и обозначается в этом случае де-, реэтимологизацией или ложной этимологией, например: брюква – штанина, головоломка – драка, перипетия (от глагола «перепить»). Схожим приёмом, основанным на псевдомотивации, является бэкронимизация (от англ. *backronymization* – обратная акронимизация), представляющая собой комическую расшифровку как акронимов (см. об этом там же), так и обычных слов или имён, ср.: СНГ – Союз Нищих и Голодных, *Italy – I trust and love you* (англ. я тебе доверяю и люблю тебя). Псевдомотивация может быть в том числе источником ошибок, особенно когда речь идёт о словах, вышедших из употребления, в составе клишированных единиц, например: попасть, как кур *во щи (вместо: ...в ощёп); на тебе, *Боже, что мне не гоже (вместо: на тебе, убоже...).

Б. **Нелогичными** называются **соединения** семантически неоднородных словарных элементов. В данной подгруппе различают: i) силлэпс с разновидностью адъюнкция, ii) оксюморон, iii) ложный атрибут, iv) шлагзác, v) гистерон-прóтерон.

I. **Силлэпс** (от гр. *σύλληψις* – захват) – это использование различных по содержанию слов в качестве однородных членов предложения, к примеру: «У кумушки глаза и зубы разгорелись» (И. Крылов), «*Die Stadt Göttingen, berühmt durch ihre Würste und Universität...*» (нем. «Город Гёттинген, прославленный своими колбасами и университетом...»), Г. Гейне, пер. В. Зоргенфрея), «*Miss Bolo ... went straight home, in a flood of tears and a sedan-chair*» (англ. «Мисс Боло ... отправилась прямо домой в слезах и в портшэзе», Ч. Диккенс, пер. И. Введенского).

Разновидностью силлепса выступает **адьюнкция** (от лат. *adiungere* – подчинить), или **апокойнү** (от гр. *αποκοινοσ* – разобщать), как приём синтаксического сопряжения двух неоднородных дополнений, ср.: «Я люблю Дашу и мороженое» (из популярной композиции 1990-х гг.), «*Man führt das Kind und Protokoll*» (нем. «Ведут дитя и протокол», Г. Гиппель, пер. наш – Ю. К.), «*You held your breath and the door for me*» (англ. «Ты задержал дыхание и дверь для меня», А. Мориссетт, пер. наш – Ю. К.), «*Il y a trois choses qu'une femme est capable de réaliser avec rien: un chapeau, une salade et une scène de ménage*» (фр. «Женщина способна сделать три вещи из ничего: шляпку, салат и скандал», французский афоризм, приписываемый М. Твену, пер. наш – Ю. К.).

II. **Оксюморон** (от гр. *ὀξύμωρον* – остроумно-глупый) обозначается сочетание семантически взаимоисключающих слов, ср.: *заклятый друг*, *Hassliebe* (нем. *любовь-ненависть*), *eloquent silence* (англ. *красноречивое молчание*). Вопреки своей известности в риторике как **contradictio in adjecto** (лат. *противоречие в определении*), оксюморон может выходить за рамки простого сочетания и образовывать основу целых предложений, например: *помни слово «забудь!»*, «*Schwarze Milch der Frühe, wir trinken sie abends...*» («Чёрное молоко рассвета, мы пьём его вечерами...»), П. Целан, пер. О. Седаковой), *hoping against hope* (англ. *надеясь вопреки надежде*).

III. **Ложный атрибут** – это образный эпитет, в основе которого лежит нелогичное укрупнение объёма понятия, то есть расширение класса объектов, содержащих выделяемый признак, ср.: *моторизированные браконьеры*, *ein möbliertes Herr* (нем. устар. *съёмщик мебелированной комнаты*, досл. «меблированный господин»), *conquered shame* (англ. *завоёванный позор*).

① *Ложный атрибут не следует смешивать с солецизмами (см. об этом § 2.8), прецедентами нарушения грамматической сочетаемости, которые тоже могут выступать средствами создания юмора и сатиры, однако примыкают к группе ситуативных средств. Наиболее частым случаем здесь является грамматически неверное составление/использование причастий или имён прилагательных, к примеру: *невыспанный (вместо: невыспавшийся) ребёнок, *женатая (вместо: замужняя) женщина, ein *studierter Kaufmann (нем. дипломированный экономист, досл. «*выученный экономист»), *for all intensive purposes (англ. во всех отношениях, вместо: for all intents and purposes).*

IV. **Шлагзác** (от нем. *Schlagsatz* – ударное предложение) является высказыванием, инициальная и финальная части которого логически опровергают друг друга, например: «*Die Stadt ist schön und gefällt einem am besten, wenn man sie mit dem Rücken ansieht*» («*Сам город красив, но он лучше всего, если станешь к нему спиной*», Г. Гейне, пер. В. Зоргенфрея). Функциональное назначение шлагзаца – ошеломить и потрясти адресата, обличая противоречивость или парадоксальность какого-либо явления.

V. **Гíстерон-прóтерон** (от гр. *ὑστερον πρότερον* – позже раньше) представляет собой инверсию (см. о синтаксической инверсии § 2.8) логической последовательности описываемых событий, в результате которой более поздние происшествия выдаются за предшествующие, ср.: «*Нам в сорок третьем / Выдали медали, / И только в сорок пятом – / Паспорта*» (Ю. Воронов), «*Moriamur et in media arma ruamus...*» (лат. «*Погибнем в бою, но горящему граду поможем!*», Вергилий, пер. С. Ошерова), «*Ihr Mann ist tot und lässt Sie grüßen*» (нем. «*Ваш добрый муж велел Вам долго жить на свете*», И. Гёте, пер. Н. Холодковского, досл. «*Ваш муж почил и шлёт Вам привет*»).

В. **Стилистическим парадоксом** (от гр. *παράδοξος* – невероятный) является высказывание, представляющееся вначале бессмысленным, но при более внимательном рассмотрении – истинным. К данной подгруппе собственных средств создания комического относятся: i) стилистический разрыв, ii) ирония, iii) пародия с её подвидами сущэ́нция, апросдоке́за и веллерíзм.

I. **Стилистический разрыв** (нем. *Stilbruch*) подразумевает неожиданный «скачок» оттенка экспрессивно-семантической окраски на два и более порядка или резкую смену функционально-стилистической разновидности, например: «*Я взбешён, разъярён, / И летит моя трость / Прямо к морде его, / В переносицу...*» (высокий↑ – вульгарный↓) (С. Есенин). Стилистический разрыв не тождественен рядовому понижению или повышению стиля (мелиорации или пейорации), обусловленному решением тех или иных экспрессивных задач, а осуществляется преднамеренно для достижения стилистического контраста (см. об этом также § 2.8).

II. **Ирония** и её разновидности подробно описаны в § 2.3.

III. **Пародией** (от гр. *παρωδία* – подпевание), в широком смысле называется комическое подражание стилю определённого автора; в узком смысле – выразительное средство, полученное в результате переосмысления (переразложения) оригинального, к примеру: *я в этом не*

Копенгаген (фам. вместо: *не компетентен*). **Сустѐнция** (от лат. *sustentio* – поддержка) – это неожиданное завершение или расширение высказывания, не оправдывающее ожидания адресата, ср.: *наибольшее количество витаминов содержится в аптеке; ничто так не красит женщину, как перекись водорода; ein Mann, ein Wort; eine Frau, ein Wörterbuch* (нем. досл. «мужчина – слово, женщина – словарь»; пародийное расширение пословицы «мужчина сказал – мужчина сделал»), «*I owe my longevity to the sport. I've never done that*» (англ. «Своим долголетием я обязан спорту. Я им никогда не занимался», У. Черчилль). Если эффект неожиданного достигается в пародии одним лишь словом или словосочетанием, то говорят об **апродокѐзе** (от гр. *ἀπροσδόκητον* – неожиданное), к примеру: *the early bird gets the skimmed milk* (англ. *ранняя птичка получает обезжиренное молоко*, вместо: *the early bird gets the worm*). **Веллеризмом** (от англ. *wellerism* – высказывание Сэмюэля Уэллера, литературного героя «Посмертных записок Пиквикского клуба» Ч. Диккенса) называется шутивно-просторечное добавление к известной паремии слов автора, начинающихся глаголом «сказать» (см. об авторской речи § 4.1), ср.: «*Да будет свет!*» – *сказал электрик и сделал замыкание*; «*Aller Anfang ist schwer*», *sagte der Dieb, da stahl er einen Amboss* (нем. «*Луха беда начало*», – *сказал вор и украл наковальню*, досл. «*Всякое начало тяжелое...*»); «*I stand corrected*», *said the man in the orthopedic shoes* (англ. «*Я признаю свою ошибку*», – *сказал человек в ортопедической обуви*, досл. «*Я стою правильно...*»).

Вопросы для самоконтроля

1. Какую экспрессивную задачу решают средства создания юмора и сатиры?
2. За счёт чего образуются выразительные средства данной группы?
3. Что понимается под юмором, сатирой и комизмом?
4. Какие выделяют группы средств создания комического?
5. Какие средства имеют контекстную обусловленность?
6. Какие различают подгруппы собственных средств создания комического?
7. Какие выделяются разновидности игры слов?
8. Что является основой комического переразложения слов?
9. Какие выразительные средства называются нелогичными соединениями?
10. Какие существуют виды стилистических парадоксов?

2.6. Средства создания различного колорита

Выразительные средства создания различного колорита решают **экспрессивную задачу подражания языковым особенностям некой обособленной или иноязычной коммуникативной среды** и производятся путём копирования главным образом формальной стороны чужой речи (звучания, словоупотребления, реже грамматики). Тем самым данная группа стилистических средств образует своего рода экстралингвистический пандан к средствам создания образности: тропы и сравнения – это собственно языковые (словесные) образы, а средства создания колорита – образы внешнего (средового) порядка, иллюстрирующие оригинальные черты чужой речи.

По характеру создаваемого колорита данные стилистические средства разделяются на две подгруппы: 1) группу средств с различными ограничениями, 2) группу иноязычных слов. Средства первой группы создают временной, локальный (местный), социальный и профессиональный колорит, а средства второй группы – только локальный колорит. **Временной колорит** связан с созданием образа определённой эпохи, **локальный (местный)** – с изображением территориальных (национальных, народных) языковых черт, а **социальный и профессиональный** – с иллюстрацией социолектных и профессиональных особенностей речи соответственно.

1. К **группе средств с различными ограничениями** относятся лексические единицы, подробно описанные в § 1.5. Среди всего многообразия стилистических средств данной группы следует особо выделить а) архаизмы, б) диалектизмы (регионализмы), в) вульгаризмы (общенизмы), обладающие наибольшим выразительным потенциалом, ср.:

А. *«Чего надо, то вижу, а чего не надо, того знать не знаю, ведать не ведаю. Так-то. Тоже и тётка Матрёна молодая была. Тоже с своим дураком, **ведашь**, умеючи прожить надо. Все семьдесят семь увёрток знаю. Вижу, ягодка, **зачиврёл**, зачиврел твой-то старик»* (Л. Толстой).

Б. *«А между тем тут-то вот именно, на этой полянке, вовсе прекращалось сплетение растений, тут была **елáнь**, то же самое, что зимой в пруду прорубь. В обыкновенной елани всегда бывает видна хоть чуть-чуть водица, прикрытая белыми прекрасными водяными лилиями, купавами»* (М. Пришвин).

В. «Да потому, что я для них белая ворона. У них – руки, а у меня – от старых музлей – **копыто!** Они ногами шаркают, а я как ни повернусь – за всё цепляюсь. От них личным мылом и разными **бабьими притирками** пахнет, а от меня **конской мочой и потом**. Они все учёные, а я с трудом церковную школу кончил. Я им чужой от головы до пяток» (М. Шолохов).

2. Группу иноязычных слов образуют: а) иноязычные вкрапления, б) псевдозаимствования.

А. **Иноязычные вкрапления** (заимствования) носят параллельное название **ксенизмы** (от гр. ξένος – чужой, гость) и подразделяются на *варваризмы* и *экзотизмы*. **Варваризмы** (от гр. *βάρβαρος* – варвар, иноземец) представляют собой слабоассимилированные заимствования, сохранившие морфологический и фонетический облик языка-донора, ср. галлицизмы *Œuvre* ['ø:vʁə] (*творческое наследие*) в немецком и *шерше ля фам* (*cherchez la femme* – «ищите женщину», афоризм А. Дюма) в русском языках. **Экзотизмами** (от гр. *εξωτικός* – иностранный) являются ассимилированные заимствования, описывающие особенности уклада жизни другого народа, например: *идальго* (от исп. *hidalgo* – чей-то сын; *выходец из благородной семьи в Испании*), *дирндль* (от нем. *Dirndl* – молодая девушка; *народная женская одежда в Баварии*), *тандыр* (узб. *кувшинообразная печь-жаровня в Средней Азии*). В лингвистической литературе экзотическая лексика также обозначается *реалионимами* (см. об этом также § 1.5). Многие ксенизмы в текстах образно-художественного и обиходно-разговорного стилей носят эпизодический (разовый) характер, имитируют зачастую лишь звучащую сторону иноязычной речи и никогда не заимствовались в принимающий язык, ср.: «Я не говорю уже о дворянах и прочих синьорах, то есть разных ихних офицерах; но возьмите нарочно простого тамошнего мужика, который перетаскивает на шее всякую дрянь, попробуйте скажите ему: «Дай, братец, хлеба», – не поймёт, ей-богу не поймет; а скажи по-французски: «**Dateci del pane**» или «**portate vino!**» – поймёт, и побежит, и точно принесёт» (Н. Гоголь).

Помимо этого, передача иноязычных слов может быть неточной, искажённой, произвольной, с оттенком просторечия и признаками псевдомотивации. Такие вкрапления, преобразённые «на народный лад», занимают промежуточную позицию между средствами создания колорита и звукоизобразительными средствами, например: «*Кафтаны шитые, парики, трости, духи, ладеколон первого сорта, табакерки, картины такие большущие, из самого Парижа выписывал. Задаст*

банкет, – господи, владыко живота моего! **фейвирки** пойдут, катанья! Даже из пушек палят» (И. Тургенев).

① Типологически схожим приёмом является иноязычный акцент, широко используемый в синхронизации кино- и видеопродукции для разделения в речи элементов «своего» и «чужого» (см. об этом также § 4.1). В письменных текстах иноязычный акцент передаётся в виде графона (от англ. *graphon* – графическая функция), то есть умышленного отступления от норм орфографии, ср.: зарэжю (на кавказский манер). Данный приём может быть отнесён как к средствам создания юмора и сатиры, так и ко звукоизобразительным средствам.

Б. Псевдозаимствования образуются на основе заимствованного иноязычного материала в принимающем языке и являются симптомом подражания определённой культуре средствами языка, ср. псевдославизм *Püttek* (нем. диал. *шахтёр*; *Pütt* – рейнско-вестфальское обозначение шахты, *-ек* – суффикс, имитирующий западнославянские фамилии шахтёров). Главным признаком псевдозаимствований выступает необратимость, то есть отсутствие прототипа (лексической единицы с такой же формой и значением) заимствования в языке-доноре, например: *смокинг* (рус. *костюм* – псевдоанглицизм), *Luftikus* (нем. *ветреник* – псевдолатинизм), *nom de plume* (англ. *литературный псевдоним* – псевдогаллицизм).

① Локальный (народный) колорит создают в том числе различные фольклорные жанры и стихотворные формы (см. о метре § 2.7). К жанрам устного народного творчества относятся былины, сказки, заговоры, считалки, загадки, частушки, прибаутки, песни и пр. По форме народный стих может быть метрическим (четырёх- и шестидольник) и дисметрическим (тактовик, фразовик, ударник, раёшник и акцентный стих). Раёшник со свободным количеством слогов и расположением ударений получил широкое распространение в России и Европе в XVIII–XIX вв. как стих, сопровождавший выступления райка, ящика с увеличительными стёклами, через которые показывались картинки религиозного содержания, ср.: «А вот, господа, разыгрывается лотерея. / Воловий хвост да два филея!.. / Ещё разыгрываются часы о двенадцати камнях / Да на трёх кирпичах...». Немецкий раёшный верлибр называется *Knittelvers* (досл. «комканый стих»), английский – *rhyting couplets* (досл. «рифмующиеся куплеты»).

Вопросы для самоконтроля

1. Какую экспрессивную задачу решают средства создания различного колорита?
2. Чем отличаются средства данной группы от средств создания образности?
3. На какие подгруппы разделяются средства создания различного колорита?
4. Какие виды колорита существуют?
5. Какие лексические единицы относятся к средствам с различными ограничениями?
6. Какие виды колорита создаются средствами данной подгруппы?
7. Какие средства образуют группу иноязычных слов?
8. В чём состоит отличие варваризмов от экзотизмов?
9. Какими особенностями обладают ксенизмы в текстах образно-художественного и обиходно-разговорного стилей?
10. Каков главный признак псевдозаимствований?

2.7. Звукоизобразительные средства

Звукоизобразительные средства решают **экспрессивную задачу звукового инструментирования речи** преимущественно за счёт использования инструментов *супрасегментного* (от лат. *supra* – сверху, *segmentum* – отрезок) уровня языка: интонации, ударения, долготы и краткости звуков, слогоделения, мелодики, ритмики. Изобразительный потенциал звуков оказывает эмоционально-эстетическое воздействие на адресата и используется для передачи эмоциональных состояний, интенсивности движения, величины явлений и т. п., обрисовки сложных образов окружающего мира (например, добра и зла) и характеристики участников коммуникации, ср.:

Он говорит: подымите мне веки! –
Как не поднять, пропадёшь ни за грош.
Дырбала-арбала, дырбала-арбала,
Что он бормочет, ещё не поймёшь.

А. Тарковский

① Любые утверждения о том, что звуки и комплексы звуков имеют заданные (априорные) семантические характеристики («тёмное/светлое звучание» и т. п.), универсальные для всех языков, несостоятельны. Звуковой символизм, существующий под псевдонимами «фоносемантика» и «фонестезия», по своей природе является лженаучным. Каждый язык в процессе исторического развития вырабатывает собственную систему звуковых обозначений, в той или иной мере отличную от других систем, однако общих правил звукового инструментирования в звучащих языках не существует.

По характеру звукового преобразования речи звукоизобразительные средства разделяются: 1) на комбинаторные, 2) интонаторные.

1. Общим для **комбинаторных средств** является звуковое инструментирование в пределах фонемного состава слов. К таким средствам относятся: а) ономатопéя, б) аллитерация, в) ассонáнс, г) рíфма, д) хиáтус.

А. **Ономатопéя** (от гр. *ὀνοματοποιία* – творение имени), или **звукопись**, – это подражание в речи звукам окружающего мира, например: *шмыгать, rascheln* (нем. *шелестеть, шуршать*), *bark* (англ. *лаять*), *grogner* (фр. *бурчать, хрюкать*). Полученные таким способом слова называются **идеофо́нами** (от гр. *ἰδέα* – идея, *φωνή* – звук). Звукоподражание является не только способом словообразования, но и художественным приёмом, выходящим за границы отдельных слов (см. об этом также § 3.6), ср. скопление сибилантов (свистящих согласных), передающих атмосферу осени в стихотворении Б. Пастернака «Из поэмы»:

Я тоже любил, и она пока ещё
Жива, может статья. Время пройдёт,
И что-то большое, как осень, однажды
(Не завтра, быть может, так позже когда-нибудь)
Зажжётся над жизнью, как зарево, сжалившись
Над чащей. Над глупостью луж, изнывающих
По-жабы от жажды. Над заячьей дрожью
Лужаек, с ушами ушитых в рогожу
Листвы прошлогодней. Над шумом, похожим
На ложный прибор прожитого. Я тоже
Любил, и я знаю: как мокрые пожни
От века положены году в подножье,
Так каждому сердцу кладётся любовью
Зноблящая новость миров в изголовье.

Б. Пастернак

Б. **Аллитерация** (от лат. *ad* – от, *littera* – буква) представляет собой повторение схожих согласных звуков в начале слова, ср. скороговорку «четыре чёрненьких чумазеньких чертёнка чертили чёрными чернилами чертёж чрезвычайно чётко». Чаще всего аллитерация встречается в гендиадисе, общеязыковом и контекстном, а также в других клишированных единицах (см. об этом § 2.4), например: *пан или пропал*, *mit Kind und Kegel* (нем. *со всем скарбом*, досл. «с детьми, рождёнными в браке, и внебрачными»), *bread and butter* (англ. *чей-то хлеб, средство к существованию*).

В. **Ассонанс** (от лат. *assonare* – звучать складно) – это совпадение схожих гласных ударных звуков в середине слова, например: *немолчный говор волн*, *von echtem Korn und Schrot sein* (нем. *быть надёжным, порядочным* (о человеке); *быть подлинным, истинным* (о монете, приключении и пр.)), «*Clasp a rare and radiant maiden whom the angels name Lenore...*» («*Встречу ль образ идеальный, что меж ангелов всегда? / Ты мою Линор, чьё имя шепчут ангелы всегда?*», Э. По, пер. В. Брюсова).

Г. **Рифмой** (от гр. *ῥυθμός* – течение) называется созвучие финалей двух или нескольких слов, ср.: «*сам погибай, а товарища выручай*» (А. Суворов); «*hätte, hätte Fahrradkette*» (нем. «*если бы да кабы*», пародия на заявления политиков Социал-демократической партии Германии К. Капек и др., пер. наш – Ю. К.); *why mess with success?* (англ. *от добра добра не ищут*). Рифмование широко используется в единицах фразеопаремиологического фонда для запоминания и зависит в значительной степени от морфологического строя языка, например: *гол как сокол, а остёр, как топор*; *Lieben und Singen lassen sich nicht erzwingen* (нем. *насильно мил не будешь*); *no pain, no gain* (англ. *без труда не выловишь и рыбку из пруда*). Зарифмованные фразы имеют все шансы стать афоризмами, ср.: «*Догнать и перегнать*» (В. Ленин), «*У Шпака – магнитофон, у посла – медальон...*» (к/ф «Иван Васильевич меняет профессию», 1973, реж. Л. Гайдай). В зависимости от позиции ударного слога различают: *мужскую* (последний слог), *женскую* (предпоследний слог), *дактилическую* (от гр. *δάκτυλος* – палец, третий слог с конца) и *гипердактилическую* (четвёртый слог с конца) рифмы. По типу рифмовки выделяют: *смежную*, или *парную*, рифму, при которой первая строчка рифмуется со второй, а третья – с четвёртой (аабб); *перекрестную*, или *попеременную*, предполагающую рифмование первой строчки с третьей, а второй – с четвёртой (абаб); *кольцевую*, или *опоясывающую*, при которой первая строчка рифмуется с четвёртой, а вторая – с третьей

(абба); *сквозную*, которая предполагает рифмование и окончаний строк, и их середин, ср.:

Я был простёрт, я был как мёртвый. Ты богомольными
руками мой стан безвольный обвила.
Ты распалёнными устами мне грудь и плечи, лоб и губы,
как красным углем, обожгла.

В. Брюсов

Рифма бывает *точной* (вновь – любовь) и *неточной* (правда – награда); рифмоваться могут слова одной части речи (*поэты – силуэты*) или разных (*нелюдим – один* и т. п.). К тому же рифма может служить средством динамизации речи, ср. *панторифму* (от гр. *πάντη* – всюду), в которой рифмуются целые слова или фразы («*Ели, пили, сели, пели...*» К. Малышева) и рифму через три строчки (абвг – абвг), например:

Давай распахнём подземелье, –
Пусть настезь раскроются двери!
Пусть вырвутся скрытые силы,
Воспрянут живые ключи...
И воздух наполнится хмелем.
Исход... Невозможность потери...
Кто тут толковал о могиле?..
Побудем вдвоём... Помолчим...

Л. Козлова

Древнегерманской поэзии свойственна **аллитерационная** рифма (нем. *Stabreim*), ср. строки «*Песни о Хильдебранде*»: «*ferahes frotoro – / her fragen gistuont / fohem uuortum, / hwer sin fater wari...*» (др.-в.-нем. «Юношу он вопрошал: / «Какого ты племени-роду, / кличешь отцом ты кого?»», пер. Т. Сулиной). Неточная рифма, основанная на совпадении ударных слогов при непохожих финалях, называется **ассонансной**, к примеру: «*Он долго одиночествует в мире / и всё на ощупь пробует вперёд...*» (О. Берггольц). **Диссонансная** (от лат. *dissonare* – звучать несладно) – это неполная (бедная) рифма, при которой рифмующиеся слова различаются позицией ударения и набором согласных, например: «*Где наряды людей баскующие. / Где люди ходят насупившись и сүмные...*» (В. Хлебников). В восточной поэзии распространена **эпифорическая** (см. об этом § 2.8) рифма, получившая название *редиф*

(от араб. رديف – сидящий позади всадника), ср.: «Слёзы неба текли, едим дымом **пролиты**, / Чадным облаком, в выси гонимым, **пролиты**» (А. Навои, пер. С. Иванова). Существует также так называемый **белый стих**, не имеющий рифмы, но обладающий метром (белый ямб, хорей и т. п., см. о метре далее), к примеру: «Что, певунья пташечка, / Замолчала? / Как ты, сердце, сведалось / С черным горем?» (А. Дельвиг). **Свободный стих**, или **верлибр** (фр. *vers libre*), отличается от белого стиха **астрофизмом**, то есть отсутствием деления на строки, а зачастую – рифмы и метра, ср.: «Оказалось, что большой пёстрый кот / С трудом лепится по краю крыши, / Подстерегая целующихся голубей» (А. Блок).

Д. Хи́атус (от лат. *hiatus* – зев, зияние) представляет собой неблагозвучное стечение нескольких гласных в слове или на стыке слов, например: **Иоанн**, «Любви и очи и ланиты...» (К. Батюшков). В поэзии выделяют **хиатус высокого тона** (нем. *Hochtonhiatus, Hebungsprall*) как столкновение двух ударных гласных, ср.: «Und dein nicht zu achten, / **Wie ich!**» (нем. «И презирать тебя, / Как я!», И. Гёте, пер. К. Бальмонта).

2. Интонаторные (просодические) средства соотносятся с фонетическими последовательностями слов в речевой цепи и представляют собой единство мелодики, продолжительности, интенсивности, темпа и тембра произнесения звукового ряда. Здесь выделяют: а) эмфазу, б) экскламацию, в) ритм, г) метр.

А. Эмфа́за (от гр. *ἔμφασις* – выразительность) – это выделение значимой части высказывания, которое достигается интонацией, особым ударением, использованием усилительных частиц, местоимений, вспомогательных глаголов, инверсии (см. об этом § 2.8) и пр., например: **чтоб духу** твоего здесь не было! *und komm mir ja nicht näher!* (нем. разг. *и даже не вздумай приближаться!*), «**Thrice did** I give you of my mercу» (англ. «Я три раза жалел тебя», О. Уайльд, пер. И. Сахарова).

Б. Эксклама́ция (от лат. *exclamatio* – восклицание) представляет собой трансформацию повествовательного высказывания в восклицательное с целью выражения страха, восторга, печали и пр., ср.: «Увы, на разные забавы я много жизни погубил!» (А. Пушкин); «O Mutter, Mutter! Hin ist hin!» (нем. «О мать, о мать! Всему конец...», Г. Бюргер, пер. В. Левика); «**Circumstances had changed!**» (англ. «Обстоятельства изменились...», Дж. Голсуорси, пер. Э. Пименовой).

В. Ритмом (от лат. *rhythmus* – размеренность) называется мелодическая организация речи, основанная на регулярном повторении схожих или соразмерных её единиц (о единицах речи см. § 1.4). В прозе ритм проявляется в членении речевого произведения на синтагмы, в

поэзии – на слоги и строфы. *Синтагмой* (от гр. *σύνταγμα* – сопорядок) в языкознании обозначается группа связанных элементов высказывания, совпадающих по длине и объёму с фразой, ср.: {вчера на собрании} **S1** {обсуждали кандидатуру Иванова} **S2** {предложенную к участию в конкурсе...} **S3**. Ритмическое строение стихотворений реализуется в метре, частном случае ритма.

① По мнению Аристотеля, стиль не должен быть ни метрическим, ни лишённым ритма: «В первом случае речь не имеет убедительности, так как кажется выдуманной и, вместе с тем, отвлекает внимание слушателей, заставляя следить за возвращением сходных повышений и понижений. Стиль, лишённый ритма, имеет незаконченный вид, и следует придать ему вид законченности»⁴².

Г. **Метр** (от гр. *μέτρον* – мера) является структурной единицей стиха, которую образует группа слов, объединённых ритмическим ударением. В античной поэзии метр назывался **стопой** (лат. *pes*, нем. *Vers*, англ. *verse*), взятой за основу ритмического деления стиха и восходящей к единству поэзии, музыки и танца. Деление стиха на стопы осуществляется соответственно с **иктом** (от лат. *ictus* – удар), главным ритмическим ударением. Ритмическая пауза между стопами помечается вертикальной чертой (/), пауза между тактами стиха, **цезура** (от лат. *caesura* – срубание), – двумя вертикальными чертами (//), ударный (сильный, долгий) слог – знаком ´, безударный (слабый, краткий) – нижней чертой (_), при этом ударность и безударность могут передаваться и другими знаками. Несовпадение границы синтагм и стихотворных строк принято обозначать термином **анжабемáн** (от фр. *enjambement* – перескок), например:

Не бродить, **не мять в кустах багряных**
Лебеды и не искать следа.

С. Есенин

Сегодня по объёму понятия метр идентичен **стихотворному размеру**, то есть определённой комбинаторной схеме звукового ритма стиха. По способу организации стихотворения различают *силлабо-тоническую* и *акцентную системы* стихосложения. В **силлабо-тонической** системе ударные и безударные слоги чередуются в неизменном порядке, ср.:

⁴² Аристотель. Риторика. Поэтика : сборник / пер. с древнегр. Н. Платоновой, В. Аппельрота. – Москва : АСТ, 2018. – С. 240.

Ангел бледный, синеглазый, ́ _ / ́ _ / _ _ / ́ _
Ты идёшь во мгле аллеи. _ _ / ́ _ / ́ _ / ́ _
Звёзд вечерние алмазы ́ _ / ́ _ / _ _ / ́ _
Над тобой горят светлее. _ _ / ́ _ / ́ _ / ́ _

В. Брюсов

Для **акцентной** системы характерны приблизительное равенство числа ударений в строках и меньшая метрическая строгость.

Балда, с попом понапрасну не споря, _ ́ / _ ́ / _ _ ́ / _ _ ́ _
Пошёл, сел у берега моря; _ ́ / ́ _ / ́ _ _ / ́ _
Там он стал верёвку крутить _ _ ́ / _ ́ / _ ́
Да конец её в море мочить. _ _ ́ / _ ́ / ́ _ / _ ́

А. Пушкин

В зависимости от частоты повторения ударных слогов различают *одно-, двух-, трёх-, четырёх- и пятисложные* стихотворные размеры, пришедшие из античной метрики. Схемы стихотворных размеров силлабо-тонической системы приведены в табл. 5.

Таблица 5

Схемы стихотворных размеров силлабо-тонической системы

Односложные		Четырёхсложные		Пятисложные	
́	брахиколон	_ _ _ _	прокелевсматик	́ _ _ _ _	промакр
Двусложные		́ _ _ _	пеон первый	_ ́ _ _ _	парапик
́ _	хорей	_ ́ _ _	пеон второй	_ _ ́ _ _	месомакр
_ ́	ямб	_ _ ́ _	пеон третий	_ _ _ ́ _	пиррихотрохей
_ _	пиррихий	_ _ _ ́	пеон четвёртый	_ _ _ _ ́	пиррихиямб
́ ́	спондей	́ _ _ ́	хориямб	_ _ ́ ́ _	антамебей
Трёхсложные		_ _ ́ ́	ионик восходящий	_ _ _ ́ ́	дасий
́ _ _	дактиль	́ ́ _ _	ионик нисходящий	_ ́ _ _ ́	киприй
_ ́ _	амфибрахий	_ ́ ́ _	антиспаст	́ ́ _ _ ́	амебей
_ _ ́	анапест	_ ́ ́ ́	эпитрит первый	_ ́ ́ _ ́	дохмий
_ _ _	трибрахий	́ _ ́ ́	эпитрит второй	́ ́ ́ _ _	молоссопиррихий
́ _ ́	кретик	́ ́ _ ́	эпитрит третий	_ ́ _ ́ ́	париамбод
_ ́ ́	бакхий	́ ́ ́ _	эпитрит четвёртый	_ ́ ́ ́ ́	пробрахий
́ ́ _	антибакхий	́ ́ ́ ́	диспондей	́ ́ _ ́ ́	месобрахий
́ ́ ́	молосс			́ ́ ́ _ ́	молоссиямб
				́ ́ ́ ́ ́	молоссоспондей

Односложным размером является **брахико́лон** (от гр. *βραχύς* – короткий, *κῶλον* – звено), состоящий из одних ударных слогов (´), к примеру:

Шёл,	´ /
вдруг	´ /
встал.	´ /
В шёлк	´ /
рук	´ /
сталь.	´ /

В. Маяковский

Двусложными размерами выступают: i) хорей, ii) ямб, iii) пиррихий, iv) спондей.

I. **Хорей** (от гр. *χορεῖος* – плясовой метр) – это метр с ударным первым слогом (´ _), ср.:

Мама! глянь-ка из окошка... ´ _ / ´ _ / _ _ / ´ _
А. Фет

II. В **ямбе** (от гр. *ἵαμβος* – музыкальный метр) ударный слог второй (_ ´), например:

Опять, как в годы золотые... _ ´ / _ ´ / _ _ / ´ _
А. Блок

III. **Пиррихией** (от гр. *πυρρίχιος* – военный танец), или **дибрахи́ем** (от гр. *δι* – два, *βραχύς* – короткий), называется стопа с двумя безударными слогами (_ _), к примеру:

Проклятой памяти безвольник... _ ´ / _ ´ / _ _ / _ ´ _
З. Гиппиус

IV. **Спондей** (от гр. *σπονδή* – возлияние) – это стопа с двумя ударными слогами (´ ´), ср.:

Когда передо мной, как будто бы **сквозь сон**...
_ ´ / _ _ / _ ´ / _ ´ / _ _ / ´ ´
М. Лермонтов

Трёхсложными метрами являются: i) **дактиль**, ii) **амфибрахий**, iii) **анapest**, iv) **трибрахий**, v) **кретик**, vi) **бакхий**, vii) **антибакхий**, viii) **молосс**.

I. **Дактиль** (от гр. *δάκτυλος* – палец) состоит из одного долгого и двух безударных слогов (́ _ _), например:

Поздняя осень. Грачи улетели... ́ _ _ / ́ _ _ / ́ _ _ / ́ _
Н. Некрасов

II. **Амфибрахий** (от гр. *ἀμφίβραχος* – краткий с обеих сторон) – это стихотворный метр, в котором ударный слог окружён двумя краткими (_ ́ _), к примеру:

Есть в русской природе усталая нежность...
_ ́ _ / _ ́ _ / _ ́ _ / _ ́ _
К. Бальмонт

III. **Анапестом** (от гр. *ἀνάπαιστος* – отражённый назад), или **антидактилем**, называется стопа с двумя безударными и одним ударным гласным (_ _ ́), ср.:

До рассвета поднявшись, коня оседлал...
_ _ ́ / _ _ ́ / _ _ ́ / _ _ ́
В. Жуковский

IV. **Трибрахий** (от гр. *τρι* – три, *βραχύς* – короткий) включает три безударных слога (_ _ _), например:

Неистошимые, неисчислимые... _ _ _ / ́ _ _ / _ _ _ / ́ _ _
Ф. Тютчев

V. **Кретик** (от гр. *κρητικός* – критская стопа), или **амфимакр** (от гр. *ἀμφίμακρος* – обоюдно-долгий), – это стопа с одним кратким слогом, окружённым двумя ударными (́ _ ́), к примеру:

Чур меня – сгинь, пропади! ́ _ ́ / ́ _ / _ ́
А. Фет

VI. **Бакхий** (от гр. *βακχεῖος* – вакхическая стопа) – название стихотворного размера с одним кратким и двумя ударными слогами (_ ́ ́), ср.:

Ну что, брат: успели ли с мёдом убраться?

_ ῥ ῥ / _ ῥ _ / _ ῥ _ / _ ῥ _

И. Никитин

VII. **Антибáкхий** (от гр. ἀντιβάκχειος – противоположный бакхию), или **палимбакий** (от гр. πάλινβάκχειος – обратный бакхию), – это трёх-стопный размер, состоящий из двух ударных и одного безударного слога (ῥ ῥ _), например:

И молвил: «**Спи, друг** одинокой! _ ῥ _ / ῥ ῥ _ / _ ῥ _

А. Пушкин

VIII. **Моло́сс** (от гр. μολοσσός – по имени царя Эпирской области в древнегреческой мифологии), или **трима́кр** (от гр. τρι – три, μακρός – длинный), содержит три долгих слога (ῥ ῥ ῥ), ср.:

Зря жду год – все злы дни... ῥ ῥ ῥ / ῥ ῥ ῥ

М. Любавин

В качестве примеров **четырёхсложных** размеров можно привести i) хория́мб, ii) антиспа́ст.

I. **Хория́мб** (от гр. χορίαμβος – сочетание хорей и ямба) – название четырёхсложной стопы с двумя слабыми гласными, окружёнными двумя ударными (ῥ _ _ ῥ), например:

На грудь **убийцы** своего... _ ῥ _ / ῥ _ _ ῥ

М. Лермонтов

II. **Антиспа́ст** (от гр. αντίσπαστος – противоположный), или **ямбохо-рэй**, является размером, в котором два срединных слога ударные, а первый и последний краткие (_ ῥ ῥ _), к примеру:

В красе грозной блестит полдень... _ ῥ ῥ _ / _ ῥ ῥ _

С. Висковатов

Пятисложные метры достаточно редки и используются для выражения сильных эмоций (волнений, переживаний, страданий и пр.). Пример такого размера – **до́хмий** (от гр. δόχμιος – кривой) со схемой _ ῥ ῥ _ ῥ, ср.:

Сквозь мглу	_ ń ń
Транспаранты	_ _ ń /
В косом	_ ń
Прут дожде.	ń _ ń

Д. Андреев

① Параллельно с античной метрикой в арабской поэзии сложилась собственная система размеров, известная как *аруд* (араб. *الأَعْرُوض*). Здесь выделяют восемь основных ритмообразующих элементов (рукнов) с трёх- и четырёхсложными схемами. Рукны (стопы) складываются в 16 бахров (метров), содержащих одно- или трёхстопную основу, которая повторяется в стихе от одного до четырёх раз. Важной составляющей бахров является мелодия, имеющая определённое тональное и ритмическое оформление⁴³. Вслед за русским композитором Н.Ф. Соловьёвым под мелодией (от гр. *μελωδία* – распев) понимается певучее последование звуков, имеющее определённую ритмико-симметричную форму⁴⁴, ср. строчку «Байкал многоводный, могучий, свободный!» из песни «Матросы Байкала» (муз. Б. Мокроусаова, слова Л. Кондырёва), исполняемой в ритме набегающих волн.

Вопросы для самоконтроля

1. Какую экспрессивную задачу решают звукоизобразительные средства?
2. Что понимается под инструментами супрасегментного уровня языка?
3. Существуют ли общезыковые правила звукового инструментирования?
4. На какие группы разделяются звукоизобразительные средства?
5. Что объединяет звукоизобразительные средства комбинаторного разряда?

⁴³ Фролов Д.В. Классический арабский стих. История и теория аруда. – Москва : Наука, 1991. – С. 185–222.

⁴⁴ Соловьёв Н.Ф. Мелодия // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. В 86 полутамах с иллюстрациями и дополнительными материалами : т. XIX (1896) / под ред. К.К. Арсеньева и Ф.Ф. Петрушевского. – Санкт-Петербург : Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон, 1890–1907. – С. 40.

6. С какой целью используется онома́топия в художественной литературе?
7. Чем различаются аллитерация, ассонанс и рифма?
8. Каким термином обозначается неблагозвучное стечение гласных?
9. Какие звукоизобразительные средства относятся к разряду интонаторных?
10. Что общего у эмфазы и экскламации?
11. Как проявляется ритм в прозе и поэзии?
12. В чём состоит отличие ритма от метра?
13. Какие существуют системы стихосложения?
14. Какой сложности бывают стихотворные размеры?
15. Какими особенностями обладают пятисложные метры?

2.8. Грамматические и архитектурные средства

Грамматические и архитектурные средства решают **экспрессивную задачу композиционного преобразования составляющих высказывания или целого текста**. Если такое преобразование осуществляется в пределах отдельных слов, его называют *морфологическим*; преобразование предложения любой длины – *синтаксическим*; преобразование, выходящее за рамки отдельных предложений, – *архитектурным*. Морфологические и синтаксические преобразования совокупно обозначаются *грамматическими*. В западной языковедческой традиции принято выделять наряду с морфологией и синтаксисом третий аспект грамматики – *словообразование* (нем. *Wortbildung*, англ. *word formation*), в отечественном же языкознании преобладает тенденция включения словообразования в морфологию.

① *Некоторые выразительные средства перешли не в систему языка, а в грамматику. К ним относятся средства выражения времени, воли, желаемого, необходимости, неодушевлённости, множественности и др. В этом случае они становятся грамматическими правилами, например, склонения, спряжения, согласования и т. п. Собственно, любые композиционные приёмы (фигуры речи) тоже являются правилами, однако степень их прескриптивности (от лат. *prescriptio* – объявление, предписание) значительно ниже таковой грамматических правил. Если же правило – составляющая отдельных речевых актов и выражает характер отношения говорящего к слу-*

шающему, оно считается прагматическим, к примеру, местоимение *Ihr* в немецком языке, использовавшееся ранее для вежливого обращения к отдельному лицу (см. об этом подробнее § 2.3).

Архитектоника (от гр. *αρχιτεκτονικός* – зодческий) – термин функциональной стилистики, применяемый к членению текста, его внешнему построению, которое противопоставляется его внутренней структуре (см. об этом подробнее § 4.3): в прозе – это количество частей, разделов, глав, абзацев; в поэзии – стих, строф; в драме – сцен, актов. Э.Г. Ризель и Е.И. Шендельс определяют **архитектоническую функцию** лексических единиц как «их вклад в композицию тематического и мыслительного содержания текста в любой коммуникативной сфере»⁴⁵.

Таким образом, в зависимости от характера композиционного преобразования различают следующие группы средств: 1) морфологические, 2) синтаксические, 3) архитектурные.

1. **Морфологические средства** направлены на преобразование отдельных слов и словосочетаний и совокупно обозначаются *экспрессивной морфологией*. Как отмечает А.А. Зализняк, средства морфологической экспрессивности реализуют определённую установку говорящего к упоминаемым объектам действительности: пейоративную или мелиоративную⁴⁶ (см. об этом § 1.3). Инвентарь экспрессивной морфологии варьируется от языка к языку, однако общими средствами для большинства европейских литературных языков выступают: а) экспрессивные аффиксы, б) средства словосложения, в) сокращения, г) антипто́зис, д) аллеотёта, е) антимёрия, ж) анастрóфа.

А. К **экспрессивным аффиксам** (от лат. *affixus* – прикреплённый) относятся вспомогательные морфемы с позиционными различиями и разнообразными оттенками экспрессивно-семантической окраски: i) прёфиксы, ii) сýффиксы, iii) йнфиксы, iv) интерфíксы, v) по́стфиксы, vi) ко́нфиксы.

I. **Прёфиксом** (от лат. *praefigere* – прикреплять спереди), или **приставкой**, называется морфема, стоящая перед корневой и изменяющая её значение, ср.: *подустать*, *urkomisch* (нем. разг. *уморительный, потешный*), *supergirl* (англ. разг. *девушка-огонь, вострушка*).

⁴⁵ Ризель Э.Г., Шендельс Е.И. Стилистика немецкого языка : учебник. – Москва : Высшая школа, 1975. – С. 267.

⁴⁶ Зализняк А.А. Механизмы экспрессивности в языке // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты : сборник статей в честь 80-летия И.А. Мельчука ; под ред. Ю.Д. Апресяна и др. – Москва : ЯСК, 2012. – С. 651.

II. **Су́ффикс** (от лат. *suffigere* – прикреплять снизу) располагается обычно после корня и образует либо форму слова (*дом* → *домище*), либо новое слово (*показывать* → *показуха*). В разговорной речи большой популярностью пользуются **деминутивные** (от лат. *deminutio* – уменьшение), или **уменьшительно-ласкательные**, суффиксы (см. об этом также § 3.5), например: *сестричка*, *das Spieglein* (нем. устар. *зеркальце*), *animalito* (исп. *зверушка*). Помимо формо- и словообразующих в экспрессивной морфологии выделяют **элативные** суффиксы (см. о средствах гиперболизации § 2.3), ср.: *шикарнецкий*, *новёхонький*, *elegantissimo* (итал. разг. *чрезвычайно элегантный*). В немецком языке элативную функцию выполняют в том числе префиксы и префиксоиды, например: *erzdumm* (разг. *преглупый*), *stockfinster* (*непроглядный*), *potthässiglich* (разг. *отвратительный*).

III. **И́нфикс** (лат. *infixus* – «вставленный») встраивается внутрь основы, ср.: *ходить* → *хождение*, *stehen* → *stand* (нем. *стоять* → *стоял*). В разговорном английском языке отмечаются случаи экспрессивной инфиксации, родственные диакопе и метаплазмам (см. об этом подробнее далее и § 2.5), например: *unbe-flipping-lievable* (эмоц. *неверопроклятье-ятно*), *com-pretty-hensively* (эмоц. *исчерпы-довольновующе*), *abso-bloody-lutely* (эмоц. *абсо-чертовски-лютно*).

IV. **Интерфи́ксы** (от лат. *interfixus* – прикрепленный между) соединяют основы на морфемном шве и функционально схожи с эпентезой (см. об этом подробнее § 2.5), ср.: *пароход*, *das Museumsführer* (нем. *музейный гид*), *statesman* (англ. *государственный деятель*).

V. **По́стфиксы** (от лат. *postfixus* – прикрепленный после) – это морфемы, стоящие после окончания, например: *подержи-ка*, *на-те*.

VI. **Ко́нфиксы** (от лат. *confixus* – скрепленный), или **циркумфи́ксы** (от лат. *circumfixus* – укрепленный кругом), а также **амбифи́ксы** (от лат. *ambi* – вокруг), опоясывают корневую морфему, ср.: *изловчиться*, *подружески*, *das Gerede* (нем. презр. *болтовня*), *legnadyobb* (венг. *величайший*).

① В немецком языке в разряд суффиксов перешли некоторые употребительные (народные) имена собственные, например: *Grüßaugust* (нем. разг. *официальное лицо, приглашённое для приветственного слова*), *Heulsuse* (нем. разг. *плакса*), *Provinzheini* (нем. разг. *деревенщина*), *Schmalhans* (нем. разг. *в выражении: hier ist Schmalhans Küchenmeister – здесь живут впроголодь, досл. «здесь повар – тощий Ханс»*), «*Struwwel-*

peter» (персонаж стихотворений Г. Гофмана нем. разг. «Стёпка-растрёпка», пер. Д. Минаева), *Werbefritze* (нем. разг. рекламщик). Такие средства экспрессивной морфологии принято обозначать деонимизированными суффиксидами (см. о деонимизации § 2.2). Суффиксид – это корневая морфема или целое слово в функции суффикса (вспомогательного элемента), ср. суффиксиды *-man* / *-woman* в английских названиях профессий: *congressman* / *congresswoman* (конгрессмен), *police man* / *police woman* (полицейский). Если же такой элемент стоит в начале слова, его называют аффиксидом (см. об этом также § 2.3), например: *бой-баба*, *царь-бомба*. Морфемы с единичными случаями использования во всём функциональном репертуаре языка обозначаются унификсами (от лат. *unus* – единственный, один, *figo* – прикреплять), ср.: *Жар-птица*, *Himbeere* (нем. малина), *cobweb* (англ. паутина).

Б. Экспрессивное словосложение предполагает соединение двух и более основ для выражения определённой оценки обозначаемых понятий, например: *интернет-психоз*, *Todesangst* (нем. разг. смертельный ужас), *ill-luck* (англ. разг. неудача). Его разновидностями выступают: i) контаминация, ii) универбация.

I. Контаминация (от лат. *contamino* – портить, осквернять, смешивать неоднородное) – это своего рода «скрещивание» слов на основе структурной или семантической близости, ср.: *человек* + *муравейник* – капиталоемкий дом), *jein* (нем. разг. *ja* + *nein* – да и нет), *brunch* (англ. разг. *breakfast* + *lunch* – поздний завтрак).

II. Универбацией (от лат. *unum verbum* – одно слово) называется такое словосложение, в результате которого из целого словосочетания образуется однословное наименование, например: *Ордынка* (разг. *Ордынская улица*), *купальник* (разг. *купальный костюм*). В русском языке универбаты содержат, как правило, лишь одну из соединяемых основ и встречаются главным образом в разговорной и жаргонной речи, к примеру: *мобильник* (разг. *мобильный телефон*), *научка* (студ. жарг. *научная библиотека*). В английском и немецком языках универбация более известна как **словостяжение** (нем. *Zusammenrückung*, англ. *univerbation*) и распространена практически во всех функциональных стилях, ср.: *Sau-re-Gurken-Zeit* (нем. разг. *мёртвый сезон*, *политическое затишье*, досл. «время соления огурцов»), *e-mail* (англ. *электронная почта*). Так как в основе таких образований лежит усечение лексической длины синтагмы, данное явление зачастую рассматривается в разряде средств сокращения.

Подавляющее большинство всех сложных слов образуют **детерминативные** (от лат. *determinare* – определять), или **определительные, компóзиты** (от лат. *componere* – составлять), которые состоят из главного (родового) и определяющего / определяющих (видового/видовых) компонентов, например: *водораздел* (*водо-* – видовая часть, *-раздел* – родовая часть), *zurechtflicken* (нем. *залатать*: *zurecht-* – видовая часть, *-flicken* – родовая часть), *hag-ridden* (англ. *измученный, одержимый*: *hag-* – видовая часть, *-ridden* – родовая часть). **Копулятивные** (от лат. *copula* – связка) **компози́ты** относительно редки и объединяют равноправные (родовые) основы, ср.: *свинья-копилка*, *blaugrün* (нем. *синезелёный*), *radio clock* (англ. *часы-радио*). О родовых и видовых понятиях см. также § 1.2.

Рис. 12. Вывеска в Гамбурге
«Прокат паркетшлифовальных машин»⁴⁷

① В ряде языков, в том числе и в немецком, словосложение является ведущим способом словообразования. В своём сатирическом эссе «*The Awful German Language*» («Об ужасающей трудности немецкого языка», пер. Р. Гальпериной) 1880 г. М. Твен иронически характеризует длинные немецкие композиты как «алфавитные процессии» и «грандиозные горные цепи», предлагая упразднить их вовсе или «преподносить по частям – с перерывами на завтрак, обед и ужин»⁴⁸, ср. вывеску

⁴⁷ Изображение взято с сайта: Deutsche Sprache : Dinge, für die uns die Worte fehlen // Augsburger Allgemeine. 07.09.2018. – Режим доступа: <https://www.augsburger-allgemeine.de/meldungen/Dinge-fuer-die-uns-die-Worte-fehlen-id52111471.html>.

⁴⁸ Twain M. *The Awful German Language* // *A Tramp Abroad*. – New York and London : Harper and Brothers Publishers, 1879. – P. 290–307.

в Гамбурге на рис. 12 «Fußbodenschleifmaschinenverleih» (нем. «Прокат паркетошлифовальных машин»). Однако финский и шведский языки несколько не уступают немецкому по громоздкости сложных слов, например: *lentokonesuihkuturbiinimoottoriarumekaaniikoaliupseerioppilas* (фин. ученик помощника младшего офицера-механика по турбинам реактивных самолётов в Вооружённых силах Финляндии), *spårvagnsaktiebolagsskenskmutsskjutarefackföreningspersonalbeklädnadsmagasinsförrådsförvaltarens* (швед. заведующий складом форменной одежды для персонала союза уборщиков путей трамвайной компании). Многокомпонентные композиты используются преимущественно в официально-деловом и научном стилях и входят в состав отраслевых терминологий (номенклатур), ср.: *anticonstitutionnellement* (фр. антиконституционный), *umweltverträglichkeitsprüfungspflichtig* (нем. подлежащий проверке на предмет загрязнения окружающей среды), *pneumonoultramicroscopicsilicovolcanoconiosis* (англ. силикоз). Однако самое длинное слово в мире образовано на санскрите поэтом Тирумаламбой в XIV в. и относится к образно-художественному стилю. Оно состоит из 195 букв и представляет собой метафорическое описание южноиндийского региона Тамилнад: «*निरन्तरान्धकारित-दिगन्तर-कन्दलदमन्द-सुधारस-बिन्दु-सान्द्रतर-घनाघन-वृन्द-सन्देहकर-स्यन्दमान-मकरन्द-बिन्दु-बन्धुरतर-माकन्द-तरु-कुल-तल्प-कल्प-मृदुल-सिकता-जाल-जटिल-मूल-तल-मरुवक-मिलदलघु-लघु-लय-कलित-रमणीय-पानीय-शालिका-बालिका-करार-विन्द-गलन्तिका-गलदेला-लवङ्ग-पाटल-घनसार-कस्तूरिकातिसौरभ-मेदुर-लघुतर-मधुर-शीतलतर-सलिलधारा-निराकरिष्णु-तदीय-विमल-विलोचन-मयूख-रेखापसारित-पिपासायास-पथिक-लोकान्*» (санск. «В нём страдания путешественников, причинённые жаждой, облеγχаются лучистой яркостью глаз девушек, стыдящей потоки света, сладкой и холодной водой, заряженной духовитостью кардамона, гвоздики, шафрана, камфары и мускуса и струящейся из кувшинов в лотосоподобных руках красавиц, сидящих в райских водоёмах-чашах из толстых корней ветивера, сплетённого с майораном у песчаного берега, похожего на ложе из гроздей недавно взошедших и густо затеняющих селения деревьев манго и прельщающего капелью цветочного сока, идущего, кажется, из вереницы густых дождевых облаков, налитых райским нектаром», пер. на англ. Дж. Лоу, на рус. наш – Ю. К.).

В. Сокращение, или **аббревиация** (от лат. *abbreviatio* – усечение), служит целям укорочения лексической длины словарных элементов и, следовательно, самого высказывания. Результатом аббревиации является **аббревиатура** (от лат. *abbreviatura* – краткая нотариальная запись), под которой понимается укороченная форма определённого слова или словосочетания, например: *д.г.-м.н.* (*доктор геолого-минералогических наук*), *etc.* (от лат. *et cetera* – *и другие / другое*). Аббревиатуры делятся i) на сложносокращённые слова, ii) акрónимы с подвидами *бэкрónим* и *апрónим*.

I. Сложносокращённые, или **слоговые**, слова состояются из инициальных морфем словосочетания, ср. *райизбирком* (*районная избирательная комиссия по перевыборам в советы депутатов трудящихся в СССР*), *Kripo* (от нем. *Kriminalpolizei* – криминальная полиция), *TriBeCa* (от англ. *Triangle Below Canal Street* – микрорайон Манхэттена).

II. Акрónимом (от гр. *ἀκρῶς* – вершина, *ὄνομα* – имя) называется слово, состоящее из начальных букв сокращённого словосочетания, например: *СССР* (*Союз Советских Социалистических Республик*), *GmbH* (от нем. *Gesellschaft mit beschränkter Haftung* – общество с ограниченной ответственностью, ООО), *laser* (от англ. *light amplification by stimulated emission of radiation* – усиление света с помощью индуцированного излучения, лазер). Между слоговыми словами и акрónимами существует множество промежуточных форм, включая гибриды с нумерической (числовой) частью, ср.: *КАМАЗ* (*Камский автомобильный завод*), *BAFöG* (от нем. *Bundesausbildungsförderungsgesetz* – *Федеральный закон о содействии образованию в ФРГ*), *COVID-19* (от англ. *Corona Virus Disease 2019* – *коронавирусная инфекция 2019 года*). **Бэкрónим** (от англ. *back* – назад, *acronym* – акрónим) – это слово, расшифровка буквенного состава которого ведёт к неожиданной группе слов, к примеру: *зима* – *затянувшаяся и монотонная аномалия* (из Рунета) (см. также о бэкрónимизации § 2.5, 3.4). **Апрónим** (от фр. *a propos* – вовремя, гр. *ὄνομα* – имя) является акрónимом, омонимичным уже существующему слову, ср.: *САГА* (*Самарская гуманитарная академия*), *Elster* (нем. *сорока* и сокращение сочетания «*Elektronische Steuererklärung*» – *налоговая декларация, подаваемая в электронном виде*).

Частным случаем аббревиации выступает **омиссия** (от лат. *omissio* – опущение) **главного слова** в словосочетаниях, например: *выходной (день)*, *die Öffentlichen* (нем. разг. общественный транспорт, вместо: *die öffentlichen Verkehrsmittel*), *manual* (англ. разг. *ручное управление*, вместо: *manual steering*). В зависимости от того, какая часть слова усекается, говорят об *инициальных* (*Lokomotive* → *Lok*), *финальных* (*robot* → *bot*) и

медиальных (от лат. *medius* – средний) сокращениях (*физкультура* → *физра*). **Инициál** (от лат. *initialis* – начальный) – это начальная буква имени, отчества, фамилии (*Ф. Э. Д.* – *Феликс Эдмундович Дзержинский*) или первая (прописная) буква текста (бúквица).

① *Потребность в сокращении лексической длины высказывания обусловлена экономией усилий, затрачиваемых мозгом на мыслительную и речевую деятельность. Так как данный орган, составляющий всего 1/50 от массы тела человека, может потреблять до 25 % энергии и 39 % кислорода (в режиме интенсивной эксплуатации), он всячески старается избежать их неоправданного расходования, что является также причиной лености и неусидчивости*⁴⁹.

Г. **Антипóзис** (от гр. *ἀντίπῳσις* – смена падежа) представляет собой использование падежного окончания, отличного от требуемого грамматикой, ср.: *запустить дрона* (воен. жарг. вместо: *дрон*), «*Когда с салцо́й её намять...*» (В. Высоцкий, вместо: «с салцом»). Данный приём связан с расширением семантической парадигмы слова (переводом его в категорию одушевлённости, сменой рода и пр.) с целью создания местного колорита или эффекта комического.

Д. **Аллеотéта** (от гр. *ἀλλοτης* – различие), или **грамматический троп**, состоит в использовании какой-либо грамматической формы в непрямом значении, например: «*И как судьба меня ни хлопай, / Я устремлён душою всей / К тебе, о синий Енисей!*» (И. Северянин); «*Завтра была война*» (к/ф, 1987, реж. Ю. Кара). Помимо этого, в риторике аллеотетой обозначается также противопоставление однокоренных слов или форм слова в высказывании, к примеру: «*Служить бы рад, прислуживаться тошно*» (А. Грибоедов); «*Уходя – уходи*» (к/ф, 1978, реж. В. Трегубович).

Е. **Антимéрия** (от гр. *αντιμεριο* – создавать в ответ), или **металлáга** (от гр. *μεταλλαγή* – смена), – это употребление слов одной части речи вместо другой, ср. использование имени собственного *Freiburg* вместо превосходной степени имени прилагательного *grün* – *am grünsten* в немецком языке: «*Grün, grüner, Freiburg*» (нем. «*Зелёный, зеленее, Фрайбург*»): лозунг южнонемецкого города Фрайбург, лидера перехода ФРГ на экологические источники энергии, см. о лозунге § 2.4). Наиболее ярко антимерия проявляется при переводе и называется в этом случае

⁴⁹ Савельев С.В. Нищета мозга. – Москва : ВЕДИ, 2014. – С. 11.

грамматической трансформацией (заменой)⁵⁰, к примеру: *She is a bad driver* → Она плохо **водит** (автомобиль). К антимерии примыкают случаи конверсии (от лат. *conversio* – обращение, превращение), то есть перехода из одной части речи в другую, построенные на онимизации или деонимизации (см. об этом подробнее § 2.2), ср.: *рулон обоев* → *Рулон Обоев* (имя, фамилия). Подобные конверсивы массово используются в качестве псевдонимов («никнов», от англ. *nickname* – прозвище, кличка) в электронной среде сети Интернет для анонимизации пользователей.

Ж. Пограничным явлением между средствами экспрессивной морфологии и синтаксиса является **анастро́фа** (от гр. *ἀναστροφή* – переворачивание), предполагающая изменение порядка следования слов в словосочетании или предложении, например: *чего ради* (вместо: *ради чего*), *hernach* (нем. *потом*, вместо: *nachher*), *excepté lui* (фр. *кроме него*, вместо: *lui excepté*).

2. **Синтаксические средства** преобразуют определённый отрезок речевой цепи и обозначаются собирательно **экспрессивным синтаксисом**. В зависимости от реализуемой синтаксической функции различают: а) средства изменения порядка слов и б) конструкции, в) соединительные, г) разъединительные средства, д) средства повтора, е) контраста, ж) перечисления.

А. К **средствам изменения порядка слов** относятся: i) инвёрсия, ii) эналла́га, iii) гипалла́га.

I. **Инвёрсия** (от лат. *inversio* – обращение) – это изменение обычного порядка слов, начинающегося с подлежащего. При инверсивном (обратном) порядке слов предложение/высказывание может начинаться с любого члена предложения. О.А. Кострова подчёркивает связь инверсии с ритмической организацией предложения/высказывания, то есть характером чередования ударных и безударных гласных: если чередование происходит равномерно, порядок слов будет нейтральным/обычным (*Маша любит кашу*↓); при эмфатически ритмизированном порядке слов (см. об эмфазе подробно § 2.7) фразовое ударение, как правило, смещается в начало предложения⁵¹ (*кашу*↓ *любит Маша*). Чем дальше выделенное слово от своего привычного места, тем сильнее фразовое ударение. В зависимости от языка и строгости син-

⁵⁰ Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. – Москва : Международные отношения, 1980. – С. 140.

⁵¹ Кострова О.А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка : учебное пособие. – 4-е изд., испр. – Москва : Флинта, 2021. – С. 65–66.

таксических норм в инициальную позицию могут выдвигаться различные члены предложения/высказывания. В немецком языке с фиксированным расположением изменяемой (*verbum finitum*) части сказуемого на втором месте в предложении/высказывании инверсии подвергаются: неизменяемая часть сказуемого (*verbum infinitum*: **ab geht's!** – *погнали!*), дополнение (**dem Volk gehört die Macht** – *власть принадлежит народу*) и обстоятельство (**ganz verwirrt fragte ich** – *в полном смятении спросил я*). Инверсивное смещение подлежащего в финальную позицию называется *рема-тематизацией* и восходит к теории актуального (тема-рематического) членения высказывания, предложенной основателем Пражской лингвистической школы В. Матезиусом⁵². При обычном порядке слов *темой* (от гр. *θέμα* – установленное), или исходным пунктом высказывания, выступает подлежащее (Петров *празднует сегодня день своего рождения*↓). В случае же инверсии оно переходит в позицию *ремы* (от гр. *ῥῆμα* – высказывание), или ядра, ради которого само высказывание и порождается (*сегодня празднует день своего рождения* Петров↓). Таким образом, рема-тематизация подлежащего связана с его эмфатическим выделением и служит целям создания напряжения, ср.: «К доске пойдёт... **Василькин!**» (В. Ледерман); «...und über mein Haupt, wie himmlischen Segen, goß seine süßesten Lyraklänge **Phöbus Apollo**» (нем. «...и на мое чело, как благословение рая, излил сладчайшие звучания своей лиры **Феб-Аполлон.**», Г. Гейне, пер. В. Зоргенфрея); «And then came **a curious experience.**» (англ. «А потом произошел **любопытный случай**», Г. Уэллс, пер. В. Лачинова). Примечательно, что инверсия дизъюнктивных (от лат. *disjunctus* – разобщённый) вопросов в английском (*isn't it?*) и немецком (*nicht (wahr)?*) языках невозможна в отличие от русского языка, где перенос частицы *не правда ли* в инициальную позицию служит средством эмфатизации высказывания, к примеру: **не правда ли, сегодня хорошая погода?**

① С тема-рематическим членением высказывания связано понятие *линейной прогрессии* (от лат. *progressus* – движение вперёд), введённое представителем Пражской лингвистической школы Ф. Данешем, который понимает под таковой коммуникативную развёртку речи и выделяет пять её разновидностей с различными отношения-

⁵² Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок: Сборник статей. – Москва : Прогресс, 1967. – С. 239–245.

ми темы (Т) и ремы (R)⁵³: 1) простую прогрессию (Кириллу (Т₁) купили велосипед (R₁). Велосипед (Т₂) стоит на балконе (R₂)); 2) прогрессию с константной темой (Мой велосипед (Т₁) – новый (R₁). Он (Т₁) – подарок моей мамы (R₂). Он (Т₁) стоит на балконе (R₃)); 3) прогрессию с производной темой (Его сидение (Т₁) – очень удобное (R₁). Багажник (Т₂) – прочный (R₂). Цепь (Т₃) – смазана (R₃)); 4) прогрессию с совмещённой ремой (У него (Т₁) два колеса (R₁ = R₁' + R₁'')). Одно (Т₂') – накачано (R₂'), другое (Т₂'') спустило (R₂'')); 5) прогрессию с тематическим «скачком» (Кирилл (Т₁) катался до позднего вечера (R₁). Двор (Т₃) опустел (R₃). Предложение «Кирилл (Т₁) катался во дворе (R₂)» отсутствует, однако легко восстанавливается из контекста).

II. Под **эналла́гой** (от гр. *ἐναλλαγή* – перемещение) понимается такая перестановка слов и их связей, которая придаёт высказыванию искомый экспрессивный оттенок, к примеру: *тяжёлые годы осады* → *осады тяжёлые годы*. Если при этом слова сохраняют свою частеречную принадлежность, принято говорить о **гетеро́зисе** (от гр. *ἑτεροίωσις* – превращение), при изменении же частеречной принадлежности слов – об **алло́йзисе** (от гр. *ἀλλοίωσις* – изменение), ср. переход имени прилагательного *direkt* (нем. *прямо́й*) в наречие *direkt* (нем. *напрямую*): *eine direkte Wortübernahme* → *ein Wort direkt übernehmen* (нем. *прямое заимствование слова* → *заимствовать слово напрямую*). Наиболее частым случаем энналагии является использование генитива (от лат. *casus genitivus* – притяжательный (родительный) падеж) в препозиции, например: «*Это – **армии советской** / Боевое торжество!*» (Д. Бедный); «***Keiserens** nye Klæder*» (дат. «*Новое платье короля*», Х. Андерсен, пер. М. Лялиной); «***Des Knaben** Wunderhorn*» (нем. «*Волшебный рог мальчика*», название сборника немецких народных песен, подготовленного А. фон Арнимом и К. Brentano, пер. Л. Гинзбурга); *the world's best universities* (англ. *лучшие университеты мира*).

III. **Гипалла́гой** (от гр. *ὕπαλλαγή* – смешение) называется перенос определения (лат. *definiens*) с определяемого (лат. *definiendum*) на смежное слово, ср.: «*Давно меж листьев налились / **Истомой розовой** тюльпаны...*» (И. Анненский). Эрративная природа гипаллагии позволяет рассматривать её как добавочное средство создания комического, к примеру:

⁵³ Daneš F. Zur linguistischen Analyse der Textstruktur // Folia Linguistica. – 1970. – Vol. IV. – P. 72–78.

ein siebenköpfiger Familienvater* (нем. *семиголовый** отец семейства, вместо: *Vater einer siebenköpfiger Familie* – глава семейства семерых).

Б. Средствами изменения конструкции выступают: i) апозиопéза и её подвид просиопéза, ii) солецизм, iii) анаколúф, iv) эллипс и его разновидности зéвгма и синтаксическая аллюзия.

I. **Апозиопéзой** (от гр. *ἀποσιώπησις* – умолчание) называется намеренный обрыв высказывания и замена его финальной части молчанием или паузой, например: *хоть до...; if the mountain won't come to Muhammad...* (англ. *если гора не идёт к Магомеду...*). Её противоположность – **просиопéза** (от гр. *πρόσιώπησις* – смолкание), предполагающая опущение начала высказывания или клишированной единицы, ср.: *Abend!* (нем. разг. *Добрый вечер!* Вместо: *Guten Abend!*). Просиопезой считается также обращение к человеку по отчеству или фамилии («фамильничание»), например: *Петрович; «Штирлиц, я Вас задержу ещё на минуточку...»* (Ю. Семёнов).

II. Под **солецизмом** (от гр. *σολοικισμός* – свойственный диалекту колонии Соли) понимается неверная связь элементов высказывания, в том числе фразеологическая, ср.: **это гроша выеденного не стоит* (вместо: *яйца выеденного* или *гроша ломанного не стоит*), **wildes Tanzen und lautes Singen ist untersagt* (нем. **песни и пляски запрещено*, вместо: *...sind untersagt*), **your body will stay stronger* (англ. **ваше тело останется сильнее*, вместо: *...get stronger*).

① Источником ошибок в речи могут быть различные комбинаторные нарушения, совокупно обозначаемые в риторике метáболами (от гр. *μεταβολή* – перемена). Помимо солецизмов в ряду стилистических ошибок следует упомянуть акиролóгию, антистéкон, асхемáтон, какозелúю, какосиндéтон, парéлкон и пойкиолóгию. Акиролóгия (от гр. *α-καίρος* – неуместный), или *impropria dictio* (лат. *несвойственное высказывание*), – это использование неточного или неподходящего по смыслу слова зачастую как результат паронимазии (см. об этом подробнее § 2.5), к примеру: **одеть очки* (вместо: *надеть очки*). Антистéкон (от гр. *ἀντί-* – против, *στάση* – стоять) представляет собой метатезу (см. об этом § 2.5), носящую характер ошибки, например: **пертубация* (вместо: *пертурбация*). Под асхемáтоном (от гр. *ἀ-όχημων* – безобразный) понимается неумелое употребление фигур речи, ср.: «*времена ударили в пах*» (Д. Нагиев). Какозелúей (от гр. *κακοζήλεια* – неразумное усердие) обозначается искажение слов или обо-

ротов речи, к примеру: *сугево́й вопро́с (вместо: вопро́с по сути). Какосиндэ́тон (гр. какоσύνδετοσ – «неупорядоченный»), или синх́изис (от гр. σύγχισισ – слияние), – это такое расположение элементов высказывания, которое ведёт к двусмысленности, ср.: «Форма для изготовления вареников из алюминия» (из Рунета). Парэ́лкон (от гр. παρέλκω – тянуть в сторону) представляет собой добавление к высказыванию лишних слов, например: конечно же (вместо: конечно), почему таки? (вместо: почему?). Пойкиоло́гией (от гр. ποίκιλοσ – пёстрый) называется неумелая, неграмотная речь, к примеру: «депутат Госдумы пополнил зоопарк Кадырова» (из Рунета). Приведённые эрратологические явления отнюдь не исчерпывают весь спектр стилистических ошибок, главным признаком которых считается нарушение стилистической сочетаемости и выразительности. В этом состоит их отличие, например, от грамматических ошибок, характер которых определяет отступление от правил использования. В то же время намеренное отступление от норм может способствовать решению различных экспрессивных задач коммуникации, ср. эрративное сочетание «*красивый женщина», служащее созданию локального колорита.

III. **Анаколúф** (от гр. ἀνακόλουθον – непоследовательность) – это грамматическая несогласованность частей или членов предложения, свойственная эмоциональной речи, например: «Хочешь встать – и ночь» (А. Блок); *es geschieht oft, dass, je freundlicher man ist, nur Undank wird einem zuteil* (нем. часто происходит так, что, чем ты дружелюбнее, тебе платят лишь неблагодарностью); *mi compañera, sus padres son de Murcia* (исп. мой партнёр, её родители из Мерсии).

IV. **Эллипс(ис)** (от гр. ἔλλειψισ – недостаток) производится за счёт редукции лексической длины высказывания, не искажающей его смысла, ср.: «Доктор, сколько вам лет? – **Мне? Тридцать два**» (А. Чехов); «**Du aus Westhofen? Hast du die ganze Zeit dort gesteckt?**» (нем. «**Ты? Из Вестгофена? Ты всё время сидел там?**»), А. Зегерс, пер. В. Станевич); «**Words! Mere words! How terrible they were! How clear, and vivid, and cruel!**» (англ. «**Слова! Простые слова – но как они страшны! От них никуда не уйдёшь. Как они ясны, неотразимо сильны и жестоки!**»), О. Уайльд, пер. М. Абкиной).

Разновидностями эллипса являются **зэ́вгма** и **синтаксическая аллюзия**. **Зэ́вгмой** (от гр. ζεύγμα – связь) называется такая фигура речи, в которой общее (опорное) слово (как правило, сказуемое) используется всего

один раз, а в остальных случаях подразумевается и опускается, например: «Марья Александровна **сидит** у камина в превосходнейшем расположении духа и в светло-зелёном платье, которое к ней идёт» (Ф. Достоевский); «*Der See kann **sich**, der Landvogt nicht **erbarmen***» (нем. «Скорей пучина **сжалится** – не фохт», Ф. Шиллер, пер. Н. Славятинского); «*Here Thou, great Anna! whom three realms obey, / Dost sometimes counsel **take** – and sometimes tea*» (англ. «Здесь королева Анна невзначай / Советам **внемлет и вкушает чай**», А. Поуп, пер. В. Микушевича). В зависимости от положения общего слова в высказывании различают *протозевгму* (в начальной позиции: «**Звенят** дни-денёчки, / Песни-провожайки», В. Каменский), *мезозевгму* (в срединной позиции: «И опять по обеим сторонам столбового пути **пошли** вновь писать вёрсты, станционные смотрители, колоды, обозы, серые деревни с самоварами...», Н. Гоголь) и *гипозевгму* (в конечной позиции: «...пряники же, самовары и невесты **стали падать в цене...**», А. Чехов). Если после общего слова перечисляются несоразмерные понятия, то принято говорить о комических фигурах *силлэпс* или *апокойну́* (см. об этом § 2.5), к примеру: «Мелькают мимо будки, бабы, / Мальчишки, лавки, фонари...» (А. Пушкин). **Синтаксическая аллюзия** (см. об аллюзии также § 2.2) предполагает упоминание лишь некоторых (ключевых) слов определённого клише, например: *ich weiß: **der Teufel, Fliegen...*** (нем. знаю: **безрыбье, рак...**, досл. «**чёрт, мухи**»; намёк на пословицу *in der Not frisst der Teufel Fliegen* – на безрыбье и рак рыба, досл. «в нужде и чёрт ест мух»).

В. К **соединительным средствам** относятся: i) гипотаксис, ii) паратаксис. В грамматике под паратаксисом и гипотаксисом, как правило, понимают сложносочинённое и сложноподчинённое предложения, однако в риторике и функциональной стилистике данные термины имеют несколько иное значение.

I. При **паратáксисе** (от гр. *παράταξις* – выстраивание рядом) простые предложения соединяются в одно сложное имплицитно, то есть без помощи союзов, относительных местоимений и прочих формальных средств связи, ср.: «Вы чего-нибудь спрячете тут, я вернусь – найду» (к/ф «Джентльмены удачи», 1971, реж. А. Серый). Решающую роль в паратаксисе играет *интонация*, разделяющая сложную конструкцию на *протáзис* (от гр. *πρότασις* – представление), первую часть, обычно произносимую с небольшим повышением голоса (↑), и *аподóзис* (от гр. *αποδοσις* – возвращение), вторую часть, содержащую вывод/заключение (↓), к примеру: *Вы меня попросили (↑) – я сделал (↓)*.

II. При **гипотаксисе** (от гр. *ὑποτάξις* – подчинение) простые предложения соединяются в одно сложное эксплицитно, то есть при помощи союзов, относительных местоимений и прочих формальных средств связи, например: «*Парусный корабль качался и рос, и **когда** поравнялся с ними, **то** Лозинский увидел на нём весёлых людей, **которые** смеялись и кланялись иплыли себе дальше, **как будто** им не о чем думать и заботиться, **и** жизнь их будто всегда идёт **так же** весело, **как** их корабль при попутном ветре...*» (В. Короленко). Гипотаксис существует благодаря такому явлению, как *рекурсия* (от лат. *recursio* – обратный бег), под которым в лингвистике понимается возможность языка образовывать вложенные конструкции. Достаточно ярко рекурсия выражена в английском народном стихотворении «*This Is the House That Jack Built*» (англ. «*Дом, который построил Джек*», пер. С. Маршака), ср.:

Вот два петуха,
Которые будят того пастуха,
Который бранится с коровницей строгою,
Которая доит корову безрогую,
Лягнувшую старого пса без хвоста,
Который за шиворот треплет кота,
Который пугает и ловит синицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в тёмном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

Г. **Разъединительными средствами** являются: i) тмэзис, ii) диакóпа, iii) гипербáтон, iv) метафра́за, v) парентéза, vi) анапóдотон, vii) парцелляция.

I. **Тмэзисом** (от гр. *τμήσις* – рассечение) называется синтаксически обусловленное разделение частей слова или сочетания, свойственное обиходной речи, например: **какие** Вам известны **разновидности** повязок? (вместо: **какие разновидности повязок** Вам известны?); **da** hab ich keine Zeit **für** (нем. у меня на это нет времени, вместо: *dafür...*), **what** are you looking **for**? (англ. что вы ищете?).

II. **Диакóпа** (от гр. *διακοπή* – порез, рана) – это рассечение вставкой сложного слова или словосочетания, к примеру: «*Гонят всех бюджетников на **этот** – прости Господи – **праймериз** под угрозой увольнения, вот и вся причина!*» (из Рунета).

III. **Гипербáтон** (от гр. *ὑπέρβατον* – перестановка) предполагает изменение естественного порядка слов путём разъединения их вставными словами, ср.: «В **восторге** только музы **томном...**» (Г. Державин, вместо: *в восторге томном только музы...*).

IV. **Метафра́за** (от гр. *μετάφρασις* – перефразировка) – это уточнение или пояснение, приводящее к разрыву конструкции (см. об этом также § 2.3), например: *сейчас, **нет сейчас же**; ich habe dir vieles... **alles gegeben*** (нем. *я дал тебе многое... всё*); *it is incomprehensible, **now irritating in the extreme*** (англ. *невразумительно, даже досадно в высшей степени*).

V. **Парентéзой** (от гр. *παρένθεσις* – вставка) называется вводная конструкция, интегрируемая в предложение без грамматической связи, ср.: «Вместо того чтобы поощрять в вас... **ну, как бы это сказать получше?..** благородные чувства, что ли?» (И. Тургенев); «*So bitt ich – ein Versehen war's, weiter nichts – / für diese rasche Tat dich um Verzeihung.*» (нем. «*Прошу – **ошибка то была, не больше,** – / Прощения за быстрый наш поступок*», Г. фон Клейст, пер. Ф. Сологуба и А. Чеботаревской); *the wedding reception (**what a fiasco!**) ended abruptly* (англ. *свадебный приём – **какое фиаско!** – закончился внезапно*).

VI. **Анапóдотон** (от гр. *αναπόδοτον* – невозвратный) основан на расчленении структуры высказывания путём включения конструкции большей протяжённости, к примеру: «**Вы хотите читать – любящая жена с вздохом говорит вам, что она знает, что вы её не послушаетесь, будете сердиться на неё, но она уж привыкла к этому, – вам лучше не читать...**» (Л. Толстой).

VII. **Парцелляция** (от фр. *parcelle* – частица, доля, участок) представляет собой намеренное разделение связной конструкции на синтаксически самостоятельные отрезки, например: «**Дали премию. Тыщу. На драку собаку**» (из Рунета).

① На границе между соединительными и разъединительными средствами находятся приёмы синтаксической перестановки, изменяющей смысл высказывания на противоположный. Наиболее типичным средством такого свойства здесь следует признать амбигю́ (от лат. *ambiguo* – двусмысленно) со смыслоразличительной запятой, например: *казнить нельзя помиловать; поставить статую золотую пику держащую; делегация выезжает утром встречайте.*

Д. **Повтор**, или **repetitio** (лат. *повторение*), является самой популярной синтаксической опцией в речи и используется для формального усиления экспрессивности текста по принципу: *чем больше формы, тем больше содержания (экспрессии)*. Различают группы **позиционных**: i) ана́фора, ii) э́пифора, iii) анаэ́пифора, iv) эпана́фора, v) э́пистро́фа, vi) рефре́н, vii) симплóка, viii) параллелизм, ix) эпа́нодос, x) анадиплóзис, xi) эпанадиплóзис, xii) кольцо, xiii) гомойа́рктон, xiv) гомойоте́левтон; **усилительных**: xv) эпаналéпсис, xvi) редупликация, xvii) э́пизéвксис, xviii) полиптóтон, xix) антанаклáсис с разновидностями диа́фора, плóка и э́пифо́нема, xx) антиэ́ллипсис, xxi) гомеология, xxii) э́пифра́за, xxiii) амплификация; **кумулятивных** (от лат. *cumulus* – куча, избыток) **повторений**: xxiv) рифмованный повтор, xxv) синонимический повтор с подвидами плеона́зм, тавтоло́гия и гендиáдис и разновидностями тавтологии ве́румом, этимологической фигурой и парегме́ноном, xxvi) гомеопро́форон, xxvii) проле́псис, xxviii) ката́фора, xxix) зарамочный член, xxx) языковой лейтмотив, xxxi) э́пимóна, xxxii) итерация, xxxiii) миметический повтор.

I. **Ана́фора** (от гр. *ἀναφορά* – возведение, отсылка) – это повторение слова, словосочетания или группы слов в начале строки или нового предложения, ср.:

И не так селёдок ловят,
И не так борщи готовят,
И не так мосты мостят,
И не так детей растят!

С. Маршак

II. **Э́пифорой** (от гр. *ἐπιφορά* – принесение) называется повторение слова, словосочетания или группы слов в конце строки или нового предложения, например:

Тихо вечер догорает,
Горы золотя;
Знойный воздух холодает, –
Спи, моё дитя!

Соловьи давно запели,
Сумрак возвестя;
Струны робко зазвенели, –
Спи, моё дитя!

Смотрят ангельские очи,
Трепетно светя;
Так легко дыханье ночи, –
Спи, моё дитя!

А. Фет

III. **Ан(а)эпифора** (от гр. *ἀναέπιφορά* – прибавление через возведение) предполагает совмещение анафоры и эпифоры, к примеру:

В мире горы есть и долины **есть**,
В мире хоры есть и низины **есть**,
В мире моры есть и лавины **есть**,
В мире боги есть и богини **есть**.

М. Цветаева

IV. **Эпанáфора** (от гр. *επαναφορά* – вынесение наверх) – это повторение слова, словосочетания или группы слов и в начале, и в конце строки или нового предложения, ср.: **Wespen stechen Wespen, Wespen fressen Wespen** (нем. *осы жалят ос, осы едят ос*). Сочетание эпанафоры и омонимии даёт игру слов (см. об этом подробнее § 2.5), например: *tragen Tragen Tragen, tragen Tragen Tragen* (нем. *если носилки несут носилки, то носилки несут носилки*).

V. Под **эпистрóфой** (от гр. *ἐπιστροφή* – вращение) понимается повтор целой строки, например:

Томилось небо так светло,
Легко, легко, легко темнея.
Звезда зажглась, дрожа и мрея.
Томилось небо так светло,
Звезда мерцала так тепло,
Как над улыбкой вод лилея.
Томилось небо так светло,
Легко, легко, легко темнея.

Ф. Сологуб

VI. **Рефрén** (от фр. *refrain* – отскок) – это ритмизированный повтор слова в строке или в конце строки, целой строки или нескольких зарифмованных строк (стихов), ср.:

Рыдай, буревая стихия,
В столбах громового огня!
Россия, Россия, Россия, –
Безумствуй, сжигая меня!

А. Белый

Многолетних дубов величаявая стать.
Отрок-ландыш в тени, чей-то клад стерегущий...
Дети зубров твоих не хотят вымирать,
Беловежская пуца, Беловежская пуца.

Н. Добронравов

VII. Если строка или фраза повторяется с изменениями или вариациями, то такая фигура называется **симплóкой** (от гр. *συμπλοκή* – сплетение), или **complexio** (лат. *усложнение*), например: «**Некому берёзу заломати, / Некому кудряву заломати...**»; **Heidschnucken lieben Sternschnuppen, Heidschnucken sind Sternschnuppen schnuppe** (нем. *степные барашки любят звездопады, звездопады безразличны степным барашкам*).

VIII. **Параллелизм** (от гр. *παράλληλισμός* – соположение) представляет собой симметричное расположение элементов текста, повторяющихся или схожих по форме и содержанию, ср.: «*Какой светильник разума угас! / Какое сердце биться перестало!*» (Н. Некрасов); «*Sie hören weit. Sie sehen fern.*» (нем. «*Всё видят и слышат вблизи и вдали...*», Э. Кестнер, пер. Р. Нудельман); *give a man a fish and you feed him for a day; teach a man to fish and you feed him for a lifetime* (англ. *дай человеку рыбу, и он будет сыт один день; дай человеку удочку, и он будет сыт всю жизнь*).

IX. **Эпáнодос** (от греч. *ἐπάνοδος* – отход), или **regréssio** (лат. *отступление*), – это повтор слов в зеркальном порядке, к примеру: *ich will gehen, gehen will ich* (нем. *я хочу идти, идти хочу я*).

X. **Анадиплóзис** (от гр. *ἀναδίπλωσις* – сдвоенность) представляет собой повторение финали предшествующего предложения в начале последующего и служит для усиления связи предложений, ср.: «*Я на башню всходил, и дрожали ступени. / И дрожали ступени под ногой у меня...*» (К. Бальмонт); «*Mit dem Schiffe spielen Wind und Wellen; Wind und Wellen nicht mit seinem Herzen...*» (нем. «*С кораблем играют ветер и волны, / Ветр и волны не играют мужем...*», И. Гёте, пер. А. Струговщикова).

XI. **Эпанади́плóзис** (от гр. *ἐπιαναδίπλωσις* – удвоение сверху и снизу), или **кíклос** (от гр. *κύκλος* – круг), – это повторение начального слова в конце предложения или определённого смыслового отрезка текста, например: «**Le Roi est mort, vive le Roi!**» (фр. «**Король умер, да здравствует король!**»), традиционная фраза, которой провозглашается новый монарх); «**A horse! A horse! My kingdom for a horse!**» (англ. «**Коня, коня! Венец мой за коня!**»), У. Шекспир, пер. А. Радловой).

XII. Повторение в начале и в конце отрезка речи синтагмы, строки или предложения обозначается **кольцом**, к примеру:

Ночь, **улица, фонарь, аптека**,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи ещё хоть четверть века –
Всё будет так. Исхода нет.

Умрёшь – начнёшь опять сначала
И повторится всё, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

А. Блок

XIII. **Гомойáрктон** (от гр. *ὁμοίαις* – одинаковый, *ἀρχή* – начало), разновидность *аллитерации* (см. об этом подробнее § 2.7), – повторение инициальной части следующих друг за другом слов, например: **про-**мокшая и **про**дрогшая, **Mädchen mähen** (нем. *девушки косят*), **relevant research** (англ. *соответствующее исследование*).

XIV. **Гомойотéлевтон** (от гр. *ὁμοιοτέλευτος* – одинаково оканчивающийся) – это повторение финальной части следующих друг за другом слов, ср.: «...und verschlang die kleine **fade** / **Made ohne Gnade**. – **Schade**.» (нем. «...и склевал малютку **жадно**, / **Беспощадно**. Как **досадно!**»), Г. Эрхард, пер. Е. Федосюк). Если повтор финали слова связан с одинаковым падежным окончанием, то принято говорить о **гомеоπτόтоне** (от гр. *ὁμοίς* – одинаковый, *πτῶσις* – случай, падеж), к примеру: **omnibus viribus** (лат. *изо всех сил*).

XV. **Эпаналéписис** (от гр. *ἐπανάληψις* – возобновление), или **палилóгия** (от гр. *παλλογία* – повторное говорение), – многократное повторение слова в начале или в конце следующих друг за другом синтагм, ср.: «**Je l'ai vu, dis-je, vu, de mes propres yeux vu, / Ce qu'on appelle vu...**»

(фр. «Я **видел, видел** всё, поймите – **видел** сам, / Вот так, как **вижу** вас...», Ж.-Б. Мольер, пер. М. Лозинского).

XVI. **Редуплика́ция** (от лат. *reduplicatio* – удвоение) состоит в удвоении какого-либо слога, основы или целого слова, например: «**Летит, летит** степная кобылица...» (А. Блок).

XVII. **Эпизёвксис** (от гр. *ἐπί* – при, *ζευγνυvai* – закреплять) предполагает эмфатическое повторение слова или словосочетания три или более раз подряд, к примеру: «**Вместе с нами повторять готовы / Все друзья – Мир, Мир, Мир!**» (М. Пляцковский); «**Как на выставке картин: / Залы, залы, залы, залы...**» (Б. Пастернак), «**Aber wehe, wehe, wehe, / Wenn ich auf das Ende sehe!**» (нем. «Ах, за то судьба жестоко / Наказала шалунов!», В. Буш, пер. К. Льдова).

XVIII. **Полиптот(он)** (от гр. *πολύς* – много, *πτῶσις* – случай, падеж) – это повторение слова с разными падежными окончаниями, ср.: «**Ното homini lupus est**» (лат. «**Человек человеку волк**», Плавт); «**Хороши политические экономы! Дурак на дураке сидит и дураком погоняет**» (Н. Гоголь).

XIX. **Антанакл́асис** (от гр. *αντανакλασις* – преломление, отражение) представляет собой повтор одного и того же слова в разных значениях, например: «**В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог**» (Евангелие от Иоанна 1:1). Разновидностями антанакласиса являются: **диáфора**, **плóка** и **эпифонéма**. **Диáфорой** (от гр. *διαφορά* – различие) называется вариант контекстной антонимии, предполагающий повтор слова в значении, отличном от первого употребления, к примеру: «**Лучше гор могут быть только горы, / На которых ещё не бывал...**» (В. Высоцкий); «**O child, O child, my soul and not my child!**» (англ. «**Дитя моё! – нет, не дитя, душа!**», У. Шекспир, пер. Д. Михаловского). Контраст диафоры нередко создаётся за счёт внутрисловной антонимии, или **энантисеми́и** (от гр. *εναντίους* – противоположный, *σημία* – значение), ср.: «**Поздравляю вас! Вы прослушали курс, целиком его прослушав...**» (завершили курс, но упустили его содержание). **Плóка** (от гр. *πλοκή* – сюжет) – это повторение слова с эмфатическим усилением значения в сторону мелиорации или пейорации, к примеру: «**Нельзя требовать от грязи, чтобы она не была грязью**» (А. Чехов). Плокой считается в том числе обыгрывание в речевой цепи различных форм и значений повторяющегося слова, ср.: «**Милый мой, Ванюша, Ваня, Ванечка...**» (Россияне). **Эпифонéма** (от гр. *ἐπιφώνημα* – восклицание), или **эксплэ́ция** (от лат. *expletio* – наполнение), представляет собой повтор

слова или сочетания с вариациями формы, основанными на игре слов, например: «*Оказалась невидимкой – / Нет, **не тронутый** я – / Эта самая блондинка, / Мной **нетронутая!***» (В. Высоцкий).

XX. **Антиэллипсис** (от гр. *ἀντί* – против, *ἔλλειψις* – недостаток) – это повторение, демонстрирующее избыточность выразительных средств, ср.: «*Но только одно условие: как **угодно**, что **угодно**, когда **угодно**, но чтоб это была такая бумажка, при наличии которой ни Швондер, ни кто-либо другой не мог даже подойти к двери моей квартиры!*» (М. Булгаков).

XXI. Повторение однотипных морфем обозначается **гомеологией** (от гр. *ὁμοίος* – одинаковый, *λόγος* – слово, речь), ср.: «*Любовь такая штука: в ней так легко пропасть, / **зарыться**, **закружиться**, **затеряться...***» (Б. Окуджава).

XXII. **Эпифраз(а)** (от гр. *ἐπι* – при, *φράσις* – речь, говорение) есть повтор слова или сочетания с целью уточнения или дополнения, например: «*Спокойное и радостное **чувство**, **чувство** удовлетворения, пронизывает всё его существо...*» (И. Тургенев).

XXIII. **Амплификация** (от лат. *amplificatio* – расширение) – это повтор высказывания с различных углов зрения для создания глубины образа, к примеру:

Когда в листве сырой и ржавой
Рябины заалееет гроздь, –
Когда палач рукой костлявой
Вобьёт в ладонь последний гвоздь, –
Когда над рябью рек свинцовой,
В сырой и серой высоте,
Пред ликом родины суровой
Я закачаюсь на кресте...

А. Блок

XXIV. В прикладном литературном жанре считалок распространён **рифмованный повтор**, в основе которого лежит необходимость увеличения лексической длины высказывания, ср.: «***Эники, беники** ели вареники...»*; «***Engel, Bengel, lass mich leben, / Will dir meine Schwester geben***» (нем. «*Ангел-озорник, не забирай меня, а возьми мою сестру*»); «***Eeny, meeny, miny, moy, / Catch a tiger by the toe.***» (англ. «*Ини, мини, мани, мо, / Поймай тигра за палец*»).

XXV. **Синонимический повтор** является повторением одной и той же мысли различными средствами и существует в следующих подвидах: *плеона́зме*, *тавтоло́гии* и *гендиáдисе*. Плеоназм и тавтология описаны в § 2.3, гендиадис – в § 2.4. В разряде тавтологии выделяют *в́ерум*, *этимологическую фигуру* и *парегмéнон*. **В́ерумом** (от лат. *verum* – истинное) называется сложное общезначимое высказывание, состоящее, как правило, из двух повторяющих себя частей, например: *я не могу забыть и простить того, чего забыть и простить не могу*; *wir können nicht wissen, was wir nicht wissen können* (нем. *мы не можем знать того, что мы не можем знать*); *it is what it is* (англ. *оно такое, какое есть*). **Этимологическая фигура**, или **figura etymologica**, – это повтор корневой морфемы в устойчивых сочетаниях, ср.: «Я думал, вы тут **бе-ду бедуете**, а вы как принцессы живёте» (В. Телухова); «*Stell dir vor, du träumst einen Traum, in dem jeder deiner Wünsche in Erfüllung geht*» (нем. «Представь, что **ты мечтаешь и в этих мечтах** любое твоё желание исполняется», В. Kast, пер. наш – Ю. К.); *that's the way I want to live my life* (англ. *вот так я хочу прожить мою жизнь*). **Парегмéнон** (от гр. *παρημένον* – подобословие) предполагает повторение однокоренных слов в предложении, например: «плоть от плоти» (Бытие 2: 23); «Крутой круче крутого; Буйнов буйнее буйного» (из российской прессы); «Это ещё Вопрос Вопросович Вопросов» (из Рунета); «Олигарх Олигархович (Олигархов)» (популярный в Сети никнейм/псевдоним); *my loving and beloved wife* (англ. *моя любящая и любимая жена*).

XXVI. **Гомеопро́форон** (от гр. *ὁμοίσις* – одинаковый, *профорá* – произнесение) представляет собой частое повторение похожих звуков в предложении, к примеру: «*о du, die du die Tugend liebst!*»⁵⁴ (нем. поэт. «о ты, влюблённый в добродетель!», пер. наш – Ю. К.).

XXVII. **Пролéпсис** (от гр. *πρόληψις* – предположение, предвидение), или **anticipatio** (лат. *предвосхищение*), – это повтор имени существительного в форме местоимения, например: «Воздушный змей, **его** полёт высок...» (Дюна); *der Regen, er fällt jeden Tag* (нем. *дождь, он идёт каждый день*); *my leg, it hurts* (англ. *моя нога, она болит*). Если же имя существительное немотивированно повторяется в местоимённой форме, принято говорить об **иллеизме** (от лат. *ille* – тот, упомянутый) как стилистической ошибке.

⁵⁴ Homöopropheton // Meyers Konversations-Lexikon. Eine Encyclopädie des allgemeinen Wissens. – 4., gänzl. umgearb. Aufl. – Leipzig : Verlag des Bibliographischen Instituts, 1885–1890. – Bd. 3. – S. 698.

XXVIII. **Ката́фора** (от гр. *κατά* – вниз, *φορέω* – носить) противопоставлена проlepsису в том, что имя существительное замещается (повторяющимися) местоимениями вначале, к примеру: «*Dieser Baum ist jetzt **ihr** Zuhause. Wir sollen **sie** Sascha nennen. **Ihren** Namen will uns **die 21-jährige nicht verraten**» (нем. «Это дерево стало **её** домом. **Она** просила называть **себя** Сашей. **Своё** настоящее имя **двадцатиоднолетняя девушка** выдавать не хочет», из репортажа DW).*

XXIX. **Зарамочный член** (нем. *Nachtrag*) раскрывает через повтор член предложения, выраженный местоимением, ср.: «*Да кто ж **его** знает, **дурака***» (И. Серков); «*Wer hat **sie** vertrieben, **die Angst?***» (нем. «Кто же **его** прогнал, **этот страх?**», Л. Фюрнберг, пер. наш – Ю. К.).

XXX. **Языковой лейтмотив** (нем. *Leitmotiv*) – элемент языкового портрета (см. об этом § 4.2), представляющий собой периодическое повторение черты героя в произведении, ср. фразу «*Das Mädchen sah in die Tasse...*» (нем. «*Девушка смотрела в чашку...*», В. Борхерт, пер. Н. Ман), повторяющуюся в тексте рассказа «*Der Kaffe ist undefinierbar*» (нем. «*Кофе, он неопределим*») с небольшими вариациями девять раз, или фразу Фигаро «*Potzblitz, da wär ich!*» (нем. «*Эх, чёрт побери, вот и я!*», Л. Фейхтвангер, пер. С. Апта) в романе «*Die Füchse im Weinberg*» (нем. «*Лисы в винограднике*») 1946 г.

XXXI. **Эпимόна** (от гр. *επιμονή* – упорство), или **commoratio** (лат. *задержка*), состоит в избыточном повторении высказанной мысли, ср.: «*Человек – свободен... он за всё платит сам: за веру, за неверие, за любовь, за ум – человек за всё платит сам, и потому он – свободен!..*» (М. Горький); «*Пять девчат, пять девочек... Было всего, всего пятеро... Да старшина с наганом... А не прошли немцы, никуда не прошли... А зори здесь тихие и чистые – чистые, как слёзы*» (Б. Васильев).

XXXII. **Итерация** (от лат. *iteratio* – повторение) имеет несколько значений. Во-первых, ею обозначают регулярное повторение в тексте слова или словосочетания. В этом плане итерация отличается от антиэллипсиса монотонностью изложения мысли и обнажает бедность индивидуального речевого репертуара, например: «*The absorption of cosmic radio waves by the ionosphere **becomes** more important as wavelength increases. At wavelength longer than about 10 meters, the ionosphere **becomes** opaque to incoming signals. Below wavelengths of a few centimeters, absorption in the atmosphere **becomes** increasingly critical*» (англ. «Поглощение космических радиоволн ионосферой **становится** более значительным по мере увеличения длины волн. При длинах волн более

10 метров ионосфера **становится** непроницаемой для входящих сигналов. При длинах волн в несколько сантиметров поглощение в атмосфере **становится** всё более критическим», Национальная радиоастрономическая обсерватория). Во-вторых, итерацией называют навязчивое и избыточное повторение слов или целых конструкций с целью гиперболизации высказывания, например: «*Gibt denn **keiner** Antwort? Gibt **keiner** Antwort? Gibt denn **keiner** – **keiner** – Antwort?» (нем. «Неужто **никто** мне не ответит? **Никто, никто** не ответит??? Неужто **никто, никто** мне не ответит???»», В. Борхерт, пер. Н. Ман). В-третьих, итерация используется как синоним редупликации в пределах тождества слова. В этом значении её можно рассматривать как средство морфологического преобразования составляющих высказывания, ср.: няня, *soso lala* (нем. разг. *так себе*, как ответ на вопрос «Как дела?»), *dada* (фр. *дада*, подражание детской речи и название модернистского течения в искусстве первой трети XX в.).*

XXXIII. **Миметический повтор** (см. о мимезисе § 4.3) используется в ответных репликах или словах автора с целью подражания чужой речи, создания юмора и сатиры, иронизирования, опровержения высказывания и пр. и предполагает воспроизведение как фразы целиком, так и отдельных её фрагментов, например: «**Он... уцелел?** – **Он уцелел, но изменился**» (А. Ливадный). Вариациями миметического повтора выступают различного рода иронические рифмовки, пародии, звукоподражания и т. п., употребляемые в качестве пустоговорок, ср.: «**Откуда?** – **От верблюда**» (К. Чуковский) **А (что) потом?** – **Суп с котом. Где?** – **На бороде.**

① Функционально приближены к повтору сингармонизм, иррадиация и аналёписис. Сингармонизмом (от гр. *συν-* – с, вместе, *ἄρμονία* – созвучие, гармония) называется повтор (уподобление) гласных (реже согласных) в составе слова, к примеру: *geltek* (тур. *приходить*). Повторение – зачастую ошибочное – одинаковых членов предложения или целого синтаксического отрезка, а также их зеркальное отражение обозначается иррадиацией (от лат. *irradio* – освещаю, сияю), ср: «*Das hängt 'n bisschen davon ab, wie stark man sich auch wirklich und engagiert und ambitioniert man das Thema vorantreibt*» (нем. «Это немного зависит от того, как сильно в действительности и ангажированно, и амбициозно продвигать эту тему», из репортажа DW). Иррадиацией также считается повторение определённых элементов слов у последующих составляющих высказывания, например: «И была у них собачка-чка / По прозва-

ню *Кукарачка-чка...*» (пионерская песня). Под *аналéписом* (от гр. *αναλεψιξ* – восстановление) понимается возвращение к ранее сказанному (повтор уже забытого), ср.: «*Revenons à nos toutons*» (фр. «Вернёмся к нашим баранам», П. Патлен, пер. Н. Соколовой).

Е. **Стилистический контраст** строится на противопоставлении экспрессивно-семантических окрасок слов, сочетаний или высказываний внутри текста. К средствам контраста относятся: i) б́атос, ii) энантиóзис, iii) антitéза, iv) антitéтон, v) антиметáбола, vi) хиáзм, vii) антонимíя, а также группы нелогичных соединений и стилистических парадоксов, подробно описанные в § 2.3, 2.5.

I. **Б́атос** (от гр. *βάθος* – глубина) заключается в неожиданной смене мелиоративной окраски на пейоративную (см. об этом § 1.3), к примеру: «*Того же мнения придерживался, видно, и попугай в красных подштанниках*» (И. Ильф и Е. Петров).

II. **Энантиóзис** (от гр. *έναντίωσις* – противодействие) состоит в объединении взаимоисключающих понятий в двучленное сочетание, ср.: «...в **чести** и **бесчестии**, при **порицаниях** и **похвалах**: нас почитают обманщиками, но мы верны...» (Второе послание к Коринфянам 6:8); *ob bei Sonne oder Regen, immer gibt es viel Bunt es in der Natur zu bestaunen* (нем. **в ясную погоду** или **во время дождя** – в природе всегда найдётся что-то яркое и достойное восхищения); *reporters do not reveal their sources, **dead** or **alive*** (англ. репортёры – **живые** или **мёртвые** – не раскрывают свои источники).

III. **Антitéза** (от гр. *άντίθεσις* – противопоставление) – это резкое противопоставление контрастных понятий, образующее противоречие, например: «*Я вас не люблю, но буду вам верна...*» (А. Чехов); «*Ich schlafe, aber mein Herz wachet*» (нем. «Я сплю, а сердце моё бодрствует», Песнь Песней 5:2); «*For contemplation hee and valour formd, / For softness shee and sweet attractive Grace...*» (англ. «Для силы сотворён / И мысли – муж, для нежности – жена...», Дж. Милтон, пер. А. Штейнберга). В лирических жанрах распространена рифмованная антитеза, к примеру: «*Вам же грозами жить, а не грёзами...*» (М. Александрова).

IV. **Антitéтон** (от гр. *άντίθετον* – противопоставление), или **синерéза** (от гр. *συναίρεσις* – сопоставление), строится на контрасте двух мыслей, не образующих противоречие, ср.: «*Стрельба в казанской школе: делать выводы ещё рано, делать выводы уже поздно...*» («Накануне.ru»); *дай бог пережить развод и не дай бог пережить развод!*

V. **Антиметабола** (от гр. *ἀντί-* – против, *μεταβολή* – перемена) – это противопоставление пар антонимов, опосредующее определённое познание, к примеру: «Подобно тому, как бывает иногда милосердие, которое наказывает, так бывает и жестокость, которая щадит» (А. Аврелий); «Звери, живя вместе с нами, становятся ручными, а люди, общаясь друг с другом, становятся дикими» (Гераклит). Упроченная антиметабола может модифицироваться в оксюморон (см. об этом § 2.5), ср.: *наказывающее милосердие, щадящая жестокость, ручные звери, дикие люди*.

VI. **Хи́змом** (от гр. *χιάσμος* – подобие букве χ) называется противопоставление определённых двух понятий путём их синтаксического скрещивания, например: «*Non ut edam vivo, sed ut vivam edo*» (лат. «Я ем, чтобы жить. А некоторые живут, чтобы есть», Сократ); «Культура отмены на Западе превратилась в отмену культуры» (В. Путин); *Krieg braucht Kapital – Kapital braucht Krieg* (нем. войне нужен капитал – капиталу нужна война); «*Pleasure's a sin, and sometimes sin's a pleasure*» (англ. «Удовольствие – это грех, а иногда грех – это удовольствие», Дж. Байрон, пер. Т. Гнедич). На морфологическом уровне хи́зм трансформируется в игру слов, к примеру: *очеловечивание – это разживочивание, а расчеловечивание – это оживочивание*; «Капитализм – это бездомные люди при безлюдных домах» (советский плакат), «*Wir atmen ein, was Bäume ausatmen, und sie atmen ein, was wir ausatmen. Wir sind Natur*» (нем. «Мы вдыхаем то, что выдохнули деревья, а они вдыхают то, что выдохнули мы. Мы – природа», из немецкоязычного сегмента Интернета).

VII. **Антонимия́** (от гр. *ἀντί-* – против, *ὄνομα* – имя) – это базовое средство создания контраста, предполагающее противопоставление слов внутри предложения или смысловых отрезков текста друг другу. В первом случае речь идёт, как правило, о двучленном ряде (контекстных) антонимов, ср.: «**Новое** – это хорошо забытое **старое**» (мадемуазель Бертён, модистка королевы Марии-Антуанетты); «Ничто так не **постоянно**, как **изменение**» (Гераклит); «*Eine kleine goldene Krone, ganz unscheinbar, aber bedeutungsvoll, saß in Ihrem Haar und blinkte...*» (нем. «Маленькая золотая корона, **невидимая**, но **полная значения**, сияла у вас в волосах...», Т. Манн, пер. С. Апта). Во втором случае зачастую противопоставляются элементы трёхчленных рядов, образующие определённые трёхсоставные понятия, или *трихотомии* (от гр. *τριχτομία* – трёхчастность), к примеру: *Ещё **вчера** это был обыч-*

ный узбекский посёлок, **сегодня** – это благоухающий оазис в пустыне, а **завтра** этот город станет туристической Меккой Средней Азии.

① Антонимия бывает контрарной и контрадикторной. Контрарные (от лат. *contrarium* – противоположность) антонимы противопоставляют крайние точки определённой шкалы, на которой возможны и промежуточные (переходные) состояния, например: холодный vs. горячий (но возможен и тёплый). Контрадикторные (от лат. *contradictio* – противоречие) антонимы исключают промежуточные формы и обозначают понятия, находящиеся в непреодолимом противоречии, ср.: демократический vs. недемократический. Если контрарная антонимия выражает естественное положение вещей, то контрадикторная по своей сути сугубо искусственна и используется преимущественно для нужд пропаганды (см. об этом также § 3.3).

Ж. Перечисление – это фигура множественности, состоящая в обособлении ряда денотатов или их свойств, полагаемых семантически однородными. Так как признаком множественности выступает отношение между частным и общим, средства перечисления целесообразно рассматривать по следующим дифференцирующим основаниям: i) по наличию обобщающего слова, ii) по типу синтаксической связи, iii) по характеру эмоционального нагнетания, iv) по сложности компоновки.

I. **По наличию обобщающего слова** перечисления делятся на *видовые* и *родо-видовые*. Видовое перечисление обозначается **аккумуляцией** (от лат. *accumulatio* – скопление) и не предполагает наличие родового (обобщающего) понятия (гиперонима, холонима, см. об этом подробнее § 1.2), ср.: «Ось бублики, маковники, вертычки, буханцы хороши! ей-богу, хороши! на меду! сама пекла!» (Н. Гоголь); «*Nenn's Glück! Herz! Liebe! Gott!*» (нем. «Зови его, как хочешь: / Любовь, блаженство, сердце, бог!», И. Гёте, пер. Н. Холодковского). Если перечисление подчинено родовому понятию, находящемуся в начале или в конце ряда гипонимов (меронимов), то такое средство называется латинизмом **enumeratio** (лат. *перечисление*), например:

С Россией кончено... На последях
Её мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях...
М. Волошин

Утратить разум, сделаться больным,
живым и мёртвым стать одновременно,
хмельным и трезвым, кротким и надменным,
скупым и щедрым, лживым и прямым;

всё позабыв, жить именем одним,
быть нежным, грубым, яростным, смиренным,
весёлым, грустным, скрытным, откровенным,
ревнивым, безучастным, добрым, злым;

в обман поверив, истины страшиться,
пить горький яд, приняв его за мёд,
несчастья ради, счастьем поступиться,

считать блаженством рая адский гнёт:
всё это значит – в женщину влюбиться,
кто испытал любовь, меня поймёт.

Л. де Вега, пер. В. Резниченко

II. По типу синтаксической связи перечисления бывают *бессоюзные* и *многосоюзные*. Бессоюзное перечисление называется **асиндэтон** (от гр. *ἄσύνδετον* – бессвязное), или **бессоюзи** («*Мы молоды. Мы будем вечно молодо / смотреться в реки, в книги, в зеркала...*», Р. Казакова), союзное – **полисиндэтон** (от гр. *πολυσύνδετον* – многосвязное), или **многосоюзи** («*Шагаем отрядом / и мы, и ты, и я*», В. Маяковский).

III. По характеру эмоционального нагнетания перечисления делятся на *восходящие* и *нисходящие*. Восходящие обозначаются **кλί́максом** (от гр. *κλίμαξ* – лестница), или **градацией** (от лат. *gradatio* – построение ступеней), ср.: «*Путеец подскакивает к нему и, подняв вверх кулаки, готов растерзать, уничтожить, раздавить...*» (А. Чехов). **Антикλί́макс** (от гр. *ἀντί-* – против, *κλίμαξ* – лестница) представляет собой перечисление с нисходящей выразительностью, к примеру: «*Все грани чувств, все грани правды стертые; / В мирах, в годах, в часах...*» (А. Белый).

IV. По сложности компоновки перечисление бывает случайным и заданным. Случайная компоновка свойственна всем нenumerованным перечислениям, ср.:

Афиши, ниши, крыши, трубы,
Гостиницы, театры, клубы,
Бульвары, скверы, купы лип,
Дворы, ворота, номера,
Подъезды, лестницы, квартиры...

Б. Пастернак

Нумерованными выступают: *ординальные перечисления, изоколón и «кормовой упор»*. **Ординальные** (от лат. (*nomen*) *ordinale* – слово, расположенное по порядку) перечисления снабжены либо нумерической частью (1, 2, 3...), либо вводными словами «во-первых», «во-вторых», «в-третьих» и т. д. **Изоколón** (от гр. *ἴσος* – равный, *κῶλον* – звено), или **равночленность**, – это фигура симметрии, использующая равное количество элементов в сопоставляемых отрезках высказывания. В зависимости от количества элементов изоколón может быть выражен *биколóном, триколóном, тетракóном* и т. д. Так, известное изречение Ю. Цезаря «*Veni, vidi, vici!*» (лат. «*Пришёл, увидел, победил!*») является *триколóном*. **Триколón** (от гр. *τρι* – три, *κῶλον* – звено) может состоять из повторяющихся слов или сочетаний с функцией климакса, например: «*Учиться, учиться и ещё раз учиться!*» (В. Ленин), «*К учёбе, к станку, к общественной жизни!*» (советский плакат). «**Кормовой упор**» (нем. *Achtergewicht*) – термин, заимствованный из морского дела датским фольклористом А. Ольриком и обозначающий заданное число культурно значимых элементов, которое варьирует от культуры к культуре. Так, в русском и английском фольклоре это число **три** («*Три богатыря*», «*Три медведя*», «*The Three Little Pigs*» (англ. «*Три поросёнка*»)), в немецком народном творчестве – **семь** («*Der Wolf und die sieben jungen Geißlein*» – «*Волк и семеро козлят*», *sieben Köche verderben den Brei* – **семь** поваров портят кашу, *Siebensachen* – **пожитки**, досл. «**семь** вещей»), в легендах и сказаниях Востока – **сорок** («*Али-Баба и сорок разбойников*», **сорок** дружинников в киргизском народном эпосе «*Манас*», **сорокакосая** Дехцун в средневековом армянском эпосе «*Давид Сасунский*», об эпосе см. § 3.6).

Особняком стоит такое средство перечисления, как **гипонимия** (см. о гипонимах § 1.2), называющая (зачастую тавтологично) части целого и решающая одновременно несколько экспрессивных задач (выделения признака, создания юмора и сатиры и пр.), ср.: «*У меня дети. У*

меня их двое: *мальчик* и тоже *мальчик*. Два мальчика» (к/ф «Служебный роман», 1977, реж. Э. Рязанов). В сочетании с триколом гипонимия создаёт эффект *интроспекции* (от лат. *introspecto* – смотрю внутрь), к примеру: «Москва. Кремль. Путин» (название телевизионной программы).

3. **Архитектонические** средства выходят за рамки предложения и преобразуют внешнюю структуру текста. В силу зыбкости границы между архитектурой и синтаксисом архитектурную функцию могут выполнять также многие средства повтора, контраста и перечисления, однако в классическом понимании архитектура связана с двумя типами членения текста: *объёмно-прагматическим* и *контекстно-вариативным*. **Объёмно-прагматическое членение текста** предполагает разделение его по композиционному признаку на *сверхфразовые единства* (см. об этом § 1.4), *абзацы, параграфы, главы, разделы, прологи, эпилоги, книги и тома*⁵⁵. **Контекстно-вариативное членение** отталкивается от видов речи (см. об этом подробнее § 4.1)⁵⁶ и делит текст на сюжетно значимые отрезки по следующим основаниям: *по способу изложения* (от лица автора или особого рассказчика, см. об этом также § 4.3), *роли диалога/монолога в произведении, хронологии событий, наличию в ткани повествования различных описаний, авторских рассуждений, ремарок, лирических отступлений* и т. п. Следовательно, объёмно-прагматическая опция соответствует количественному членению текста, а контекстно-вариативная – качественному. Таким образом, архитектурными средствами в зависимости от характера членения текста могут выступать *абзацирование, рубрицирование* (от лат. *rubrica (terra)* – заголовок, досл. «красная земля, при помощи которой писались заголовки»), *расслоение* текста на планы повествования, хронологические отрезки, переходы от монологической к диалогической речи и т. п.

Архитектура текста находит выражение в его связности, важнейшими индикаторами которой являются *когезия* и *когерентность*. **Когезия** (от лат. *cohæsum* – связанный) обеспечивает внутреннюю (линейную) связность текста преимущественно семантико-синтаксическими (синтагматическими) способами и может достигаться

⁵⁵ Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – Москва : Наука, 1981. – С. 50.

⁵⁶ Горшков А.И. Русская стилистика и стилистический анализ произведений словесности. – Москва : Изд-во Лит. ин-та им. А.М. Горького, 2008. – С. 52.

эксплицитно, при помощи так называемых *слов-связок*, и имплицитно, за счёт *тáксиса* и *дéйксиса*. *Слова-связки* (нем. *Verbindungswörter*, англ. *linking words / devices*) могут быть самостоятельными (ср. наречия: *с одной стороны, таким образом*) и служебными частями речи (ср. союзы: *так как, следовательно*). *Тáксисом* (от гр. *τάξις* – устройство, определение, назначение) обозначается в грамматике согласование изменяемой и неизменяемой частей сказуемого (см. инверсию выше) в лице, времени, наклонении и залоге, к примеру: *er ist eingetroffen* (нем. *он прибыл*, не **hat / sind / wurde* и т. д.). *Дéйксис* (от гр. *δείξις* – указание) – это использование лексических единиц, указывающих на участников (*я, ты, он*), их удалённость (*этом – том*) и пространственно-временную локализацию акта коммуникации (*здесь – там, сегодня – завтра*). **Когерентность** (от лат. *cohærentia* – примыкание, сцепленность) предполагает связность текста вертикального (нелинейного, парадигматического) типа (от начала до конца), которая достигается главным образом за счёт использования средств повтора и контекстной синонимии. В более широком смысле термин «когерентность» используется в значении «связь текста и времени». Так, большинство современников встречает сообщения о кометах и астероидах с рутинным хладнокровием или с исследовательским любопытством в отличие от наших далёких предков, считавших кометы предвестниками неурожайности, голода, войн и т. п. Когерентность выступает также причиной периодического перевода определённых литературных произведений, выполняемого с целью приобщения современного поколения к мировой литературе, ср. пять переводов фантастической повести Н. Гоголя «Вий» (1835) на немецкий язык с 1908 по 1984 г., в которых фореинизированная (от англ. *foreign* – чужой) версия имени главного героя Хома (*Choma*) постепенно переходит в доместицированную (лат. *domesticus* – «домашний») / германизированную Томас (нем. *Thomas*).

① *Архитектоническая функция метрики наиболее выпукло проявляется в так называемом фигурном стихе как типичном представителе зрительной, или конкретной, поэзии (леттризма, от фр. *lettre* – буква), рис. 13. Примечательна архитектоника и математического стихосложения, в котором слова заменены числами (рис. 14).*

Вопросы для самоконтроля

1. Какую экспрессивную задачу решают грамматические и архитектурные средства?
2. Какие преобразования называются грамматическими?
3. Что понимается под архитектурной функцией лексических единиц?
4. Какие средства относятся к экспрессивной морфологии?
5. В чём состоит отличие префиксов от конфиксов?
6. Какие виды композитов существуют?
7. Что понимается под аббревиатурой?
8. Чем различаются слоговые слова и акронимы?
9. Какие группы средств относятся к экспрессивному синтаксису?
10. В чём состоит отличие эналлаги от гипаллаги?
11. Какие разновидности эллипсиса существуют?
12. Каким термином обозначается эксплицитное соединение простых предложений в одно сложное?
13. Чем различаются парентеза и анаподотон?
14. В чём состоит суть повтора?
15. Какие разновидности антанакласиса существуют?
16. Какие выделяют подвиды синонимического повтора?
17. Что лежит в основе стилистического контраста?
18. В чём выражается архитектурная функция антонимии?
19. По каким дифференцирующим основаниям рассматриваются перечисления?
20. В чём выражается архитектура текста?

ГЛАВА 3. КАЧЕСТВЕННЫЕ ПРИЗНАКИ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ

3.1. Композиционные характеристики и структурная схема функционального стиля

В языке функциональное закономерно определяет системное. Данное свойство языка получило в языкознании обозначение **функциональный детерминизм** (от нем. *Determinismus* – обусловленность). Решающее значение для коммуникации имеет амплуа (от фр. *emploi* – роль, занятие) слова в функциональном репертуаре языка, в соответствии с которым ему присваивается то или иное место в системном конструкте – семантическая позиция гипо-гиперонимического характера. Однако данное место не является окончательным, а постоянно корректируется текущим узусом, ср. иерархическую разницу семантических позиций слов *народ* и *власть* при социалистическом (*народ* ↑ – *власть* ↓) и капиталистическом (*народ* ↓ – *власть* ↑) строе. Не остаётся константной и ономаσιологическая принадлежность (см. об этом § 1.2) словарных элементов, которые в своём функционировании свободно преодолевают границы предметно-тематических областей, входя в состав более сложных форм и их коммуникативно-ситуативных гибридов. Такими формами являются **функциональные стили**, их подстили и разновидности.

Как отмечают классики функциональной стилистики Е.Г. Ризель и Е.И. Шендельс, стиль является **коммуникативно значимой конфигурацией языка и речи**, своего рода способом их преобразования и оформления⁵⁹. Тот или иной стиль даёт ответ на вопрос «**Как** организуется языковая материя для нужд конкретной коммуникации?». При этом акцент делается на **качественной** стороне такой организации, не на количественной, которая была бы попросту повторением самой системы. Исторически стили складывались в рамках определённых бытовых и производственных сфер и/или в различной степени ритуализированных ситуаций человеческого общения. Социальное всегда было основой коммуникативного взаимодействия людей, в котором языку отводилась роль «цемента общества», обозначаемая А.Д. Швейцером и Л.Б. Никольским «интегративной функцией языка», которую зачастую выдают

⁵⁹ Ризель Э.Г., Шендельс Е.И. Стилистика немецкого языка : учебник. – Москва : Высшая школа, 1975. – С. 15.

за коммуникативную⁶⁰. По мере укрупнения социальных контактов, алфabetизации населения и унификации литературных норм расширялись и границы стилей, некогда совпадавшие с границами производственных (ремесленных) социолектов (о разнице стиля и социолекта см. § 1.3). Результатом данного процесса стало формирование системы **функциональных стилей** как разновидностей литературного языка, обеспечивающих коммуникативное взаимодействие членов языкового коллектива в той или иной сфере общественной жизни. Во многих старописьменных языках таких сфер и, следовательно, функциональных стилей – пять: 1) наука и техника (производство), 2) публицистика (СМИ), 3) официальное и деловое общение (этикет), 4) обиход, 5) художественная литература.

Границы между функциональными стилями зыбки, их объёмы и соотношения в разных языках неодинаковы и напрямую зависят от изменяющихся социально-культурных условий использования языка. Однако ряд факторов во всех языках остаётся константным: каждая из таких разновидностей литературного языка решает свою общественно значимую задачу, имеет собственный набор функций, выполняемых языком, и является результатом **отбора выразительных средств** в ходе общественно-речевой практики **языкового коллектива**. Механика данного отбора подробно описана в § 1.4: словарные элементы комбинируются в речи для создания актуальных способов выражения, а полученные способы упорядочиваются в системе по предметно-тематическому (ономасиологическому) признаку. Именно благодаря диалектике взаимодействия системного и функционального полюсов обеспечивается жизнеспособность языка и существует возможность формирования и переформирования стилей.

Существование «пятилистника» функциональных стилей является выражением **неоднородности функционального репертуара языка**, проистекающей из ситуативной обусловленности живого общения, в котором стилевые репертуары зачастую накладываются друг на друга, образуя ситуативно-функциональные гибриды. К примеру, в своей профессиональной среде инженер использует репертуары различных стилей в зависимости от условий и характера общения, социальных установок и коммуникативных ролей: в беседе с коллегами на производственные темы – репертуар стиля науки, на бытовые темы – обиходно-

⁶⁰ Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику : учебное пособие. – Москва : Наука, 1978. – С. 22–23.

разговорного стиля, на заседании и при взаимодействии с руководством – официально-делового, в письменной речи – репертуары научного и публицистического стилей. Неоднородность функционального репертуара языка определяет **композиционную (структурную) неоднородность** функциональных стилей и побуждает ставить вопрос об их качественных и количественных **признаках**. Под *качественными признаками* понимаются стилеобразующие черты (о понятии стилистической черты см. § 1.3), под *количественными* – выразительные средства, входящие в функциональный репертуар того или иного стиля. Очевидно, что количественные признаки имеют второстепенное значение для вопросов выделения композиционных характеристик функциональных стилей.

Качественные признаки разделяются на *первичные* и *вторичные* и образуют структурную иерархию гипо-гиперонимического характера. Древоподобный конструкт стиля, схематично изображённый на рис. 15, выстраивается в логике от первичного (системообразующего) ко вторичному (общефункциональному), тем самым повторяя рисунок словарного множества (центр и периферию), присущий всем языковым системам: в центре сконцентрированы первичные признаки стиля (номера 1–3), а на периферии (в зонах пересечения стилей, выделенных серым цветом) – вторичные (номера 4–6).

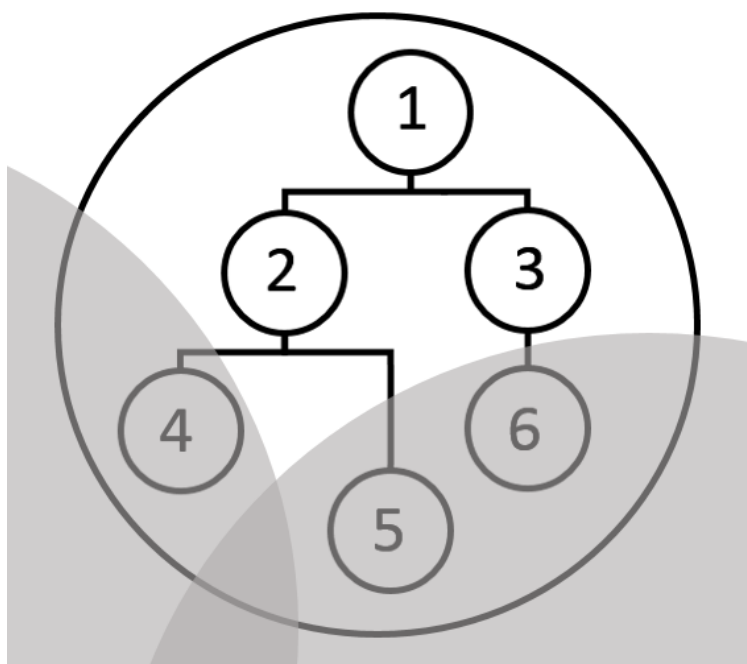

Рис. 15. Качественные признаки функционального стиля

Аналогичную структуру обнаруживает и **система жанров** внутри функционального репертуара языка, системообразующей чертой которой, однако, выступает частотность. Выдающийся русский мыслитель М.М. Бахтин выделяет в качестве центральных жанры бытовой сферы (первичные), а в качестве периферийных – официально-публичные (вторичные), характеризующиеся более сложной структурой⁶¹. Несмотря на то, что системы функциональных стилей и жанров существуют в функциональном репертуаре языка независимо друг от друга, многие жанры прочно закреплены за стилевыми конструктами.

С целью лучшего понимания, запоминания и различения композиционных характеристик функциональных стилей их структуру целесообразно представить в виде схематического изображения **иерархии их системообразующих (первичных) признаков** (рис. 16), которая начинается в экстра-, а заканчивается в интралингвистической плоскости (см. об этом § 1.2, 1.3). Указанные признаки обеспечивают ритуализацию речевого общения в определённой сфере общественной жизни, позволяя признать каждый из пяти функциональных стилей самостоятельной разновидностью литературного языка, неотделимой от сферы его использования. Именно поэтому иерархию первичных признаков возглавляет термин **сфера** как область применения того или иного стиля. **Характер речи** складывается из тех видов речи (см. об этом § 4.1) и нормативных установок, которые определяют стиль как самостоятельную подсистему языка. Под **тональностью речи** понимают её эмоционально-оценочный фон (см. об этом подробнее § 4.3), а под **программой речи** – цель коммуникативного взаимодействия. Определения понятий **стилеобразующие черты, подстили и жанры** приведены в § 1.3. **Языковые особенности** представляют собой **характерные отличия** конкретного функционального стиля лексического, грамматического, архаично-фонетического и фонетического свойства от других функционально-стилистических разновидностей. **Характер отношений между адресантом и адресатом информации** дополняет картину языковых особенностей сведениями прагматического свойства (см. об этом также § 2.3). **Вторичные признаки** функциональных стилей в силу их общефункционального характера (использование метафор, перифразов, композитов и т. п.) остаются за рамками композиционной схемы.

⁶¹ Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Собрание сочинений. В 7 т. Т. 5. Работы 1940–1960 гг. – Москва : Русские словари, 1996. – С. 159.

1. Сфера
- ↓
2. Характер речи
- ↓
3. Тональность
- ↓
4. Программа речи
- ↓
5. Стилеобразующие черты
- ↓
6. Характер отношений между адресантом и адресатом
- ↓
7. Подстили / стили
- ↓
8. Жанры
- ↓
9. Языковые особенности

Рис. 16. Схема структурной композиции функционального стиля

Вопросы для самоконтроля

1. Что понимается под функциональным детерминизмом языка?
2. На какой вопрос отвечает стиль?
3. Каково назначение функциональных стилей?
4. Как отбираются выразительные средства для репертуара функционального стиля?
5. В чём выражается неоднородность функционального репертуара языка?
6. Что понимается под качественными признаками функционального стиля?
7. Какова структурная организация стиля?
8. Как соотносятся системы функциональных стилей и жанров?
9. Какие признаки конституируют структурную схему функционального стиля?
10. По какой причине понятие сфера является гиперонимом в системе стилевых признаков?

3.2. Качественные признаки стиля науки

Стиль науки используется главным образом в **академической и производственной сферах** и **характеризуется** монологичностью, нормированностью и подготовленностью речи. **Тональность стиля** – нейтральная. Данному функциональному стилю свойственны письменный и устный способ коммуникации (см. об этом также § 4.1), однако в силу вышеперечисленных характеристик он реализуется преимущественно в письменной форме. **Программа речи** научного стиля состоит в опосредовании познания действительности и её законов. **Стилеобразующими чертами** выступают: *логичность, доказательность, отвлечённость, последовательность, ясность.*

Существенную роль в определении того или иного стиля играет **характер отношений между говорящим (адресантом) и слушающим (адресатом)**. Российский лингвист В.М. Алпатов предлагает различать два полярных класса ситуаций: обращение к конкретному лицу (конкретным лицам) и к абсолютно неопределённому собеседнику (неопределённым собеседникам). Второй класс ситуаций не предполагает какой-либо ответной реакции и чаще всего реализуется на письме и монологично⁶² (см. о видах речи § 4.1). **Для научного стиля в целом характерны ситуации второго класса**, однако вероятность ответа в виде отзыва, рецензии, критической рефлексии (заметки) и т. п. достаточно высока, но и в этом случае закономерны письменный способ и монологический вид коммуникации. Исключением можно считать дискуссии и полемики на конференциях, заседаниях диссертационных советов и т. п.

Разновидностями научного стиля являются: 1) собственно научный, 2) научно-учебный, 3) научно-популярный, 4) научно-технический. Их **жанровое наполнение** обусловлено характером ролевых отношений автора и адресата, а также функциональным назначением научного текста: сообщающим, оценивающим, воздействующим или инструктирующим. Жанры подстилей 1–3 относятся к *научной литературе*, а четвёртого подстиля – к *научной документации* (от лат. *documentum* – доказательство). Жанровая картина подстилей 1–3 изменяется в зависимости от принадлежности адресата текста к научному сообществу. Жанры научного стиля обладают собственными формально-структурными при-

⁶² Алпатов В. Языкознание: От Аристотеля до компьютерной лингвистики. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2018. – С. 60.

знаками, общими для всех отраслей науки и категорий научных дисциплин: естественной, технической, общественной и гуманитарной.

1. **Жанры собственно научного подстиля** используются внутри научного сообщества главным образом для сообщения и оценки (оперативной) научной информации, а также для аттестации научных и научно-педагогических кадров: *диссертация, монография, научная статья, (авто)реферат, отзыв, рецензия, тезисы, аннотация* и другие жанры.

2. **Жанры научно-учебного подстиля** распространены в сфере образования и подготовки (переподготовки) кадров и решают задачи воздействия и инструктирования: *учебник, компендиум, хрестоматия, справочник, словарь, учебное пособие, методические рекомендации* и пр.

3. **Жанры научно-популярного подстиля** используются в диалоге научного сообщества с широкой общественностью преимущественно с целью ознакомления с научными открытиями и передовыми достижениями, а также с целью просветительского воздействия на широкие массы (антиклерикализации, деполитизации и пр.): *трактат, очерк, научное сообщение, сводка, отчёт, доклад, учёные записки* и другие жанры.

4. **Жанры научно-технического подстиля** присущи научно-производственной сфере и реализуют сообщающую, воздействующую и инструктирующую функции: *руководство, патент, лицензия, инструкция* и пр.

Языковые особенности функционального стиля науки разделяются на: а) лексические, б) грамматические, в) архитектурные, г) фонетические. В данном и последующих разделах, включая § 3.7, даны общие языковые особенности, характерные для большинства современных европейских языков. Некоторые лексические и морфологические особенности стиль науки разделяет с официально-деловым и отчасти публицистическим функциональными стилями (см. об этом подробно § 3.3, 3.4).

А. Лексическими особенностями научного стиля являются: i) использование терминов и профессионализмов, ii) нейтральных клише, iii) конкретизирующих эпитетов, iv) контекстных синонимов, v) деонимизация имён собственных.

I. Использование в устных и письменных текстах обще- и частнонаучных (отраслевых) **терминов** и **профессионализмов** (см. об этом подробнее § 1.5) позволяет достичь точности и однозначности формулировок, к примеру: «***Aplasia** of the whole labyrinth (**Michel's type**) is very rare and is probably due to non-formation of the **otic vesicle** in the first*

month of foetal life» (англ. «**Аплазия** всего лабиринта (**тип Мишеля**) встречается очень редко и связана, вероятно, с недоразвитием **слухового пузырька** в первый месяц жизни плода», Дж.С. Фрейзер⁶³, пер. наш – Ю. К.). Многие известные термины и профессионализмы прочно закреплены за фамилией создателя, ср. «**архаллаксис**» А.Н. Северцова, «**церебральный сортинг**» С.В. Савельева, «**мем**» Р. Докинза. По мере популяризации научного знания некоторые термины детерминологизируются, то есть становятся единицами общеупотребительной лексики, например: *атом*, *вакцина*, *дефолт*.

II. **Клише** научного стиля принадлежат нейтральному регистру (см. о понятии регистра § 1.3) и представлены преимущественно терминологическими **атрибутивными сочетаниями**, например: *высоковольтный выключатель*, *dynamische Speicherzuweisung* (нем. *динамическое распределение памяти*), *artificial intelligence* (англ. *искусственный разум*), и **устойчивыми глагольно-именными сочетаниями**, ср.: *вводит в эксплуатацию*, *in Erwägung ziehen* (нем. *принять во внимание*), *put into test* (англ. *подвергать проверке*).

III. **Конкретизирующие эпитеты** призваны экстенсивно (от лат. *extentus* – пространный, обширный), то есть путём увеличения количества выделяемых признаков, сузить объём описываемого понятия (см. об объёме понятия § 2.2), к примеру: *coherent cross-sectoral smart energy systems concept* (англ. *согласованная когерентная межотраслевая концепция интеллектуальных энергетических систем*, пер. Э. Соколовой).

IV. **Контекстные синонимы** позволяют избежать тавтологических повторов (см. об этом § 2.3, 2.8), в том числе в рематической части определений (см. о тема-рематическом членении высказывания § 2.8) и пояснениях к иллюстрациям, ср. рис. 17 и подпись к нему.

V. **Деонимизация имён собственных** (см. об этом также § 2.2) стоит на службе терминообразования и выражается в создании не только эпонимов (см. там же), но и сложных конверсивов (см. далее), ср. термины *die Draisine* (нем. *дрезина*, по фамилии К. Дреза), *Darwinism* (англ. *дарвинизм*, по фамилии Ч. Дарвина), *pasteurisation* (фр. *пастеризация*, по фамилии Л. Пастера).

⁶³ Fraser J.S. The Pathology of Deaf-Mutism // The Journal of Laryngology & Otology. – 1932. – Vol. 47 (8). – P. 538–545.

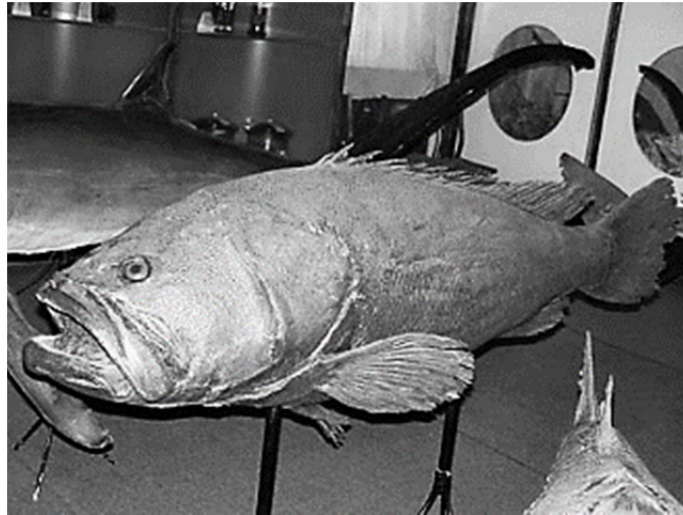

Рис. 17. **Малоглазый группер** (*Epinephelus itajara*). **Один из крупнейших представителей каменных окуней** (сем. *Serranidae*). Обитает в тропической зоне Африки и Америки. Максимальная длина составляет 250 см, масса – свыше 300 кг. **Наш экземпляр**, составляющий в длину 220 см, был пойман в районе Гвинейского залива⁶⁴

Б. Грамматические особенности научного стиля распадаются на *морфологические* и *синтаксические*.

К общим **морфологическим особенностям** относятся: i) использование синекдохи, ii) отымённых предлогов, iii) детерминативных композитов, iv) интернациональных аффиксов, v) аббревиатур, vi) отглагольных имён существительных, vii) *pluralis modestiæ*.

I. Синекдоха обеих разновидностей – *pars pro toto* и *totum pro parte* (см. об этом подробнее § 2.2) – предполагает замену множественного числа единственным и наоборот, осуществляя тем самым транзит имён собственных между категориями *singularia tantum* (лат. *единица, используемая только в единственном числе*) и *pluralia tantum* (лат. *единица, используемая только во множественном числе*), ср.: «В травостое преобладают: **вейник Лангсдорфа** (*Calamagrostis langsdorffii*) и таёжное высокотравье: **осот разнолистный** (*Cirsium heterophyllum*), **борец высокий** (*Aconitum excelsum*), **василистник простой** (*Thalictrum simplex*) и др.»⁶⁵, «**Кожные бородавки передаются при прямом кон-**

⁶⁴ Изображение и описание взяты с сайта: Коллекция // АтлантНИРО. – Режим доступа: <http://atlant.vniro.ru/index.php/atlantniro/kollektsiya>.

⁶⁵ Елизарьева М.Ф. Луговая растительность // Природные биологические ресурсы Томской области и перспективы их использования / под ред. Б.Г. Иогензена. – Томск : Изд-во ТГУ, 1966. – С. 132.

такте от человека к человеку или при контакте с контаминированными поверхностями и объектами окружающей среды»⁶⁶.

II. **Отымённые предлоги**, или **релятивы** (от лат. *relatus* – (со)отнесённый), функционируют в речи как производные служебные единицы, осуществляющие подчинительную связь внутри высказывания и отражающие особые семантические отношения между его элементами, ср.: *в соответствии с*, *kraft* (нем. *в силу*), *in the face of* (англ. *с учётом, в условиях*). Отымённые релятивы сохраняют нейтральность повествования и относятся к частеречному классу частиц.

III. **Детерминативные композиты** рассмотрены в § 2.8. Нормой для научного стиля являются многокомпонентные терминологические композиты гибридного образца, организованные детерминативно, то есть по родо-видовому признаку, и содержащие нумерические (числовые) символы, онимную часть (имя собственное) или аббревиатуру (акроним), например: *5-Phasen-Modell* (нем. *пятифазная модель*), *exhaust heat waste Stirling engine* (англ. *двигатель Стирлинга для утилизации тепла отходящих газов*), *холестерин альфа-ЛП/α-ЛП* (*липопротеиды высокой плотности*).

IV. **Интернациональные аффиксы**, или **аффиксоиды**, происходят главным образом из греческого и латинского языков и используются как компоненты детерминативных композитов с константным значением, ср.: *анти-* (*антиоксидант*), *макро-* (*макроэкономика*), *пьезо-* (*пьезокерамический*), *супра-* (*супратенториальный*), *ультра-* (*ультразвуковой*) и другие аффиксы.

V. **Аббревиатуры** в стиле науки (см. об этом подробнее § 2.8) носят социолектный характер и, как правило, неизвестны рядовому пользователю языка. Большинство используемых сокращений принадлежат международным отраслевым номенклатурам и существуют в латинской графике, например: *MCV* (от англ. *mean corpuscular volume* – объём эритроцита), *CRT* (от англ. *cathode ray tube* – электронно-лучевая трубка), *LM* (от англ. *limiting magnitude* – предельная звёздная величина).

VI. Использование **отглагольных имён существительных** в текстах научного стиля реализует присущую ему тенденцию к номинализации, то есть превращению глаголов в имена существительные, а полученные конверсивы относятся к разряду *nomen actionis* (лат. *имя действия*).

⁶⁶ Лопухов П.Д. Научно-методическое обоснование направлений оптимизации эпидемиологического надзора и профилактики папилломавирусной инфекции : дис. ... канд. мед. наук. – Москва, 2018. – С. 33.

В русском языке такие единицы образуются при помощи суффиксов *-ание / -ение* (*сгорание / насыщение*), в немецком – посредством субстантивации (конверсии) глаголов и глагольных форм, получающих средний род, например: *das Interagieren* (нем. *взаимодействие*), *das Sichvergewissern* (нем. *утверждение в чём-либо*), *das Eingesetztwerden* (нем. *использование*), а в английском языке – при помощи такой нефинитной (от лат. *infinitus* – неопределённый) формы глагола, как герундий (от лат. *gerundium* – исполняемое), ср.: (*analogous to the*) **twinkling** (англ. (*аналогичный*) **мерцанию**), (*risk of*) **being exposed** (англ. (*риск*) **угрозы**), (*after*) **having detected** (англ. *после обнаружения*).

VII. В научных текстах вместо местоимения *я/ich/I* принято использовать так называемый **pluralis modestiæ** (от лат. *modestia* – скромность), то есть местоимение *мы/wir/we*, например: «**Нам** думается, что подобные опасения неосновательны, ведь речь идёт здесь, как **мы** уже знаем, не о мертвом химизме, присущем неорганическому миру, а о химизме живом, самосовершающемся, химизме, снятом, преломленном через призму биологических закономерностей»⁶⁷; «*Das gilt vor allem für die Dampfzu- und -ableitungskanäle, in der Hauptsache also das, was **wir** früher als schädlichen Raum bezeichnet haben*»⁶⁸ (нем. «*В первую очередь это относится к каналам подачи и отвода пара, то есть главным образом к тому, что **мы** ранее обозначили вредным пространством*», пер. наш – Ю. К.); «*Earlier **we** noticed that imaginative projects are often cooperative, social rather than solitary*»⁶⁹ (англ. «*Ранее **мы** отмечали, что творческие проекты часто носят скорее совместный, социальный, нежели индивидуальный характер*», пер. наш – Ю. К.). Как следует из этимологии латинского термина, данная практика предполагает дипломатическое отождествление себя с аудиторией и зародилась задолго до пастеровской (интернациональной) науки⁷⁰.

⁶⁷ Афанасьев В.Г. Мир живого: системность, эволюция и управление. – Москва : Политиздат, 1986. – С. 54.

⁶⁸ Winkel H., Ruegg K. Der praktische Maschinenbauer. Ein Lehrbuch für Lehrlinge und Gehilfen, ein Nachschlagebuch für den Meister. Bd. 3 : Maschinenlehre, Kraftmaschinen, Elektrotechnik, Werkstattförderwesen / H. Frey, W. Gruhl, R. Hänchen (Hrsg.). – Berlin ; Heidelberg : Springer, 1925. – S. 63.

⁶⁹ Maynard P. The Engine of Visualization : Thinking through Photography. – Ithaca and London : Cornell University Press, 2000. – P. 95.

⁷⁰ The royal order in Norwegian diplomas, 1202–1263 // Collegium medievale. – 2009. – Vol. 22. – P. 55–86.

Общие синтаксические особенности стиля науки определяются: i) формализацией главных членов предложения, ii) использованием пассивных конструкций, iii) развёрнутых синтаксических структур.

I. Главные члены предложения формализуются в языках неэквивалентно: в русском языке формализация приходится преимущественно на финитную (от лат. *finitus* – изменяемый, досл. «конечный») часть сказуемого и выражается в использовании копулативных глаголов (глаголов-связок) *являться, выступать, фигурировать, представлять собой* и пр.; в немецком и английском языках, наоборот, зачастую формализуется подлежащее, в результате чего конструкция становится безличной, например: *es muss darauf hingewiesen werden, dass...* (нем. *следует указать на то, что...*), *it must be considered that...* (англ. *необходимо учесть, что...*). Однако общим для таких конструкций во всех указанных языках является определённый оттенок клишированности, благодаря которому главные предложения выглядят вводными оборотами речи, ср.: *следует подчеркнуть, что...*; *festzuhalten bleibt, dass...* (нем. *можно резюмировать, что...*); *it should be pointed out that...* (англ. *следует отметить, что...*). Формализация подлежащего ведёт к информативной несамостоятельности главных предложений сложноподчинённых конструкций и смещению основного смыслового содержания в позицию придаточного, к примеру: «*Необходимо отметить, что в настоящее время поиски в этом направлении ведутся рядом психологов в разных странах*»⁷¹.

II. Тенденция к безличности в текстах научного стиля реализуется в том числе в многочисленных пассивных конструкциях, в которых *пациенс* (от лат. *patiens* – страдающий), то есть семантическая характеристика пассивного участника действия, выражен подлежащим, а *агенс* (от лат. *agens* – действующий), то есть семантическая характеристика инициатора действия, может не называться вовсе, ср. типичные инвертированные (см. об инверсии подробнее § 2.8) пассивные конструкции в русском языке: *в данной работе исследуется / рассматривается / изучается / анализируется...* Страдательный залог удобен в частности тем, что агенс зачастую неизвестен или не может быть (однозначно) определён, например: «*Мозг позвоночных **дотраивался** на протяжении миллионов лет*»⁷². Если же агенс необходимо указать или подчерк-

⁷¹ Лубовский В.И. Развитие словесной регуляции действий у детей (в норме и патологии). – Москва : Педагогика, 1978. – С. 182.

⁷² Савельев С.В. Церебральный сортинг. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : ВЕДИ, 2018. – С. 35.

нуть, то в русском языке для этого, как правило, используются беспредложный творительный падеж или обороты с предлогами *посредством, с помощью / при помощи*, ср.: «Препарат длительно сохраняется в организме, не метаболизируется, выделяется в основном (80–90 %) **почками** в неизменённом виде в течение 24 часов»⁷³; «Действие маргинальных фильтров приводит к тому, что в морях господствуют не взвешенные, а растворённые формы элементов (в отличие от рек), потребляемые планктоном и переводимые **с помощью** этого механизма в биогенную взвесь»⁷⁴.

III. **Развёрнутость синтаксических структур** подчинена тенденции к экстенсивности (распространённости) научных рассуждений, позволяющей создать целостную картину объекта описания (см. об этом также § 4.2), и выражается главным образом в рекурсивном (см. о рекурсии § 2.8) усложнении высказывания, то есть использовании придаточных предложений, причастных и вводных оборотов, к примеру: «Такие чисто речевые связи, не требующие «перешифровки» на движения, образуются у многих больных с поражением лобных долей мозга несравненно быстрее и оказываются значительно более прочными, чем двигательные; однако и они не выполняли нужной регулирующей роли, организуя движения больного, поэтому, когда в специальных опытах (Е.Д. Хомская, 1959; Е.Д. Хомская, Ю.В. Коновалов, А.Р. Лурия, 1961) пытались укрепить сигнальное значение раздражителей, предлагая больному сопровождать движения собственной речевой командой (словами «надо» или «не надо»), то оказывалось, что речевые реакции больного не нормализовали его движений»⁷⁵.

В. Несмотря на то, что **архитектоника** стиля науки следует общим тенденциям объёмно-прагматического структурирования текста (см. об этом § 2.8), то есть выделения в нём вводной, содержательной и заключительной частей, для композиции научных текстов характерно строгое *системное построение*, предполагающее в большинстве случаев последовательную рубрикацию подразделов текстового произведения (3.1, 3.1.1, 3.2, 3.2.1 и т. п.), оформляемых в едином стиле и облегчающих понимание взаимосвязи общего и частного.

⁷³ Машковский М.Д. Лекарственные средства : в 2 т. Т. 2. – 14-е изд., перераб., испр. и доп. – Москва : Новая Волна : Издатель С.Б. Дивов, 2002. – С. 241.

⁷⁴ Короновский Н.В. Общая геология : учебник. – Москва : КДУ, 2006. – С. 329–330.

⁷⁵ Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека. – Москва : Изд-во Московского университета, 1962. – С. 219.

Г. Фонетическая сторона научной речи не имеет принципиального значения для реализации речевой программы стиля. **Фонетические особенности** функционального стиля науки сводятся к стандартизации инструментов супraseгментного порядка (см. об этом § 2.7): подчинению интонации синтаксису, замедленности темпа и стабильности ритмико-интонационного рисунка речи. Главную сложность представляет прочтение труднопроизносимых интернационализмов и терминонеологических (оказиональных) новообразований (терминонеологизмов), ср.: *циклопентадиенилтрикарбонилгидридвольфра́м* ($C_5H_5W(CO)_3N$), *фотоэлектрOLUMИнесценция*, «*стереотелевизиофо́н*» (И. Ефремов).

Вопросы для самоконтроля

1. В каких общественных сферах используется стиль науки?
2. Каковы его стилеобразующие черты?
3. Какие разновидности и жанры научного стиля выделяются?
4. Какой характер отношений между говорящим и слушающим реализует научная речь?
5. Что относится к лексическим особенностям стиля науки?
6. Какими морфологическими особенностями обладает научный стиль?
7. Каковы синтаксические особенности научной речи?
8. Как выражается безличность в научных текстах?
9. Чему подчиняется архитектоника стиля науки?
10. Чем характеризуется фонетическая сторона научной речи?

3.3. Качественные признаки стиля публицистики и прессы

Стиль публицистики и прессы находит применение в **общественно-политической сфере** и **характеризуется** аргументативностью и информативностью речи. **Тональность** стиля – нейтральная и сниженная. Данному функциональному стилю свойственны письменный и устный способ коммуникации (см. об этом также § 4.1): письменный способ присущ периодической печати, политической литературе и документалистике; устный – пропагандистским выступлениям, публичным речам и дебатам, теле- и радиопередачам. **Программа речи** публицистического стиля заключается в формировании и манипуляции общественным мнением. **Стилеобразующими чертами** выступают: *нешаблонность*,

конкретность, эмоциональность, оценочность, призывность. Данный функциональный стиль представляет собой симбиоз двух противоположных принципов организации речи: *объективности* и *эмоциональности*, служащих всестороннему убеждению адресата/адресатов.

По **характеру отношений между говорящим и слушающим** публичная речь является полиадресатной, что определяет, во-первых, её высокий социально-педагогический потенциал, направленный на воздействие на широкие массы, и, во-вторых, обширный спектр общественно значимых тем, поднимаемых в публицистике: политика, экономика, идеология, философия, мораль, воспитание, культура, искусство, быт, производство и т. д.

Разновидностями стиля публицистики и прессы являются: 1) собственно публицистический, 2) агитационно-пропагандистский, 3) подстиль электронных СМИ⁷⁶. Их **жанровое наполнение** обусловлено характером воздействия на адресата и функциональным назначением публицистического текста: комментативным (от лат. *commentatio* – обдумывание, рассуждение), фасцинативным (от лат. *fascinatio* – завораживание) и информирующим. Общим признаком публицистических текстов выступает поиск баланса между рациональностью и эмоциональностью, объективностью и субъективностью, официальностью и персональностью стиля. Жанровое многообразие стиля публицистики и прессы не позволяет отнести его к строго моно- или диалогическим видам речи (см. об этом § 4.1): монологичность свойственна информационным и пропагандистским текстам, а диалогичность – дискуссионным и агитационным⁷⁷.

1. Некоторые **жанры собственно публицистического подстиля** взаимодействуют с другими функциональными стилями, как, например, научным (*статья, обзор, очерк*), официально-деловым (*наблюдение, дневник, отчёт*) и образно-художественным (*фельетон, памфлет, зарисовка*). Основной же функциональный контур подстиля образуют жанры информационно-аналитического свойства: (*газетная заметка, репортаж, обозрение, хроника, интервью, письмо*).

2. **Жанры агитационно-пропагандистского подстиля** служат идейному осмыслению общественно-политических процессов и разъясне-

⁷⁶ Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. *Стилистика русского языка* : учебник. – 4-е изд., стер. – Москва : Флинта: Наука, 2008. – С. 130.

⁷⁷ Брандес М.П. *Стилистика немецкого языка* : учебник. – Москва : Высшая школа, 1983. – С. 195, 199.

нию задач, стоящих перед обществом или его отдельными классами. Идеологическое воздействие на массы осуществляется путём агитации и пропаганды. *Агитацией* (от лат. *agitatio* – приведение в движение) называется побуждение к действию, а *пропагандой* (от лат. *propagare* – распространять) – распространение (правдивых или ложных) взглядов с целью формирования общественного мнения. Базовыми жанрами данного подстиля выступают: *воззвание, призыв, прокламация, выступление на митингах, критическая рефлексия*.

3. Жанры подстиля электронных СМИ распространены в электронных каналах коммуникации и мультимедийной (от англ. *multimedia* – данные различной формы: звук, анимация, видео) среде глобальной информационно-компьютерной сети Интернет. В качестве жанров электронных СМИ могут фигурировать таковые двух предыдущих групп, если канал распространения информации (публикации) – электронный. Жанры интернет-коммуникации образуют самостоятельный кластер (от англ. *cluster* – скопление, группа, блок) жанровой системы подстиля, наделяя любого пользователя сети Интернет статусом самобытного СМИ, ср.: *блог* (от англ. *blog* – онлайн-дневник), *паблик* (от англ. *public* – публичная страница в социальных сетях), *обзор, рецензия, форум* (от лат. *forum* – центральная площадь: мероприятие, посвящённое поиску решений определённой проблемы), *чат* (от англ. разг. *chat* – обсуждение: система обмена информацией в режиме реального времени), *пост* (от англ. *post* – отправление, объявление: публикация на личной странице), *комментарий*. Их главной особенностью является смешанный (устно-письменный) способ коммуникации: речь носит все признаки устной (см. об этом подробнее § 4.1), однако передаётся в цифровой среде печатными буквами и символами зачастую со значительными нарушениями письменных (литературных) норм (см. о видах норм § 1.3).

① *Не следует смешивать жанр электронной коммуникации и образ действия пользователей сети Интернет, среди которых появились такие формы виртуального поведения, как хейтинг (от англ. to hate – ненавидеть: высказывания, порождаемые ненавистью), моббинг (от англ. to mob – нападать толпой, гнобить: психологическое насилие над отдельным пользователем, коллективный террор), буллинг (от англ. bully – хулиган, бандит: агрессивное преследование, организованная травля, дедовщина), секстинг (от англ. sexting – обмен*

интимными фотографиями и откровенными сообщениями) и др. Наличие речевого оформления таких поступков ещё не делает их жанрами, стилистическая сторона предполагает не формально-структурную общность всех подобных посланий, свойственную всем жанрам, а всего лишь использование отдельных единиц функционально-стилистически дифференцированного состава языка (см. об этом подробнее § 1.3).

Языковые особенности функционального стиля публицистики и прессы разделяются: а) на лексические, б) грамматические, в) архитектурные, г) фонетические.

А. Лексические особенности данного стиля определяются: i) обобщением единиц функционально-стилистически дифференцированного состава всех типов ограничений, ii) метафоризацией терминов и терминологизацией метафор, iii) контрадикторной антонимией, iv) клишированием высказываний, v) использованием иноязычных вкраплений, vi) неологической лексики.

I. Единицы функционально-стилистически дифференцированного состава всех типов ограничений (см. об этом подробнее § 1.5) попадают в общественное поле благодаря телевизионной, электронной и печатной журналистике. Данное явление известно в языкознании как **обобществление**, или **дрейф** (от гол. *drijven* – отклоняться от курса) **периферийной лексики**, ср. термин *минный трал* (навесное оборудование танка для проделывания проходов в минных полях), профессионализм *цешка* (ампервольтметр Ц-20), историзм *нуворíши* (от фр. *nouveau riche* – новый богач: быстро разбогатевшие дельцы, например, 90-х гг.), реалионим *Верхняя Елань* (исторический район в городе Томске), жаргонизм *кринж* (чувство вины за чужие поступки).

II. Метафоризация терминов является одним из способов обобществления периферийной лексики, укрупняющим область использования специальных единиц за счёт расширения их значения, или *эксемии* (от гр. *ἐκ* – из-, *σημα* – знак), ср.: **десант** пенсионеров, **агония** Запада, управленческая **близорукость**. Эксемии подвергаются в том числе единицы, ограниченные либо репертуарными рамками отдельных стилей, либо представлениями о референте (см. об этом подробнее § 1.5), например: «*l'abbaiare della NATO alla porta della Russia*» (итал. «лай НАТО у ворот России», папа римский Франциск). **Терминологизация метафор** задаёт обратный вектор движения лексических единиц, связанный с по-

явлением у них специального (узкого) значения, или *энсемью* (от гр. *έν* – внутри), ср. индивидуально-авторские метафоры (см. об этом также § 3.7): «крысиные тропы» (англ. *rat lines*: маршруты бегства нацистов), «пятая колонна» (исп. *quinta columna*: внутренний противник, агентура неприятеля в рядах соратников), «black swan» (англ. «чёрный лебедь»: невероятное событие, которое никто не мог предвидеть, Н. Талеб), «gray rhino» (англ. «серый носорог»: высоковероятное событие, которое все игнорируют, М. Вукер). Оба противоположных процесса обеспечивают коммуникативно значимый обмен лексическими единицами между ядерной и периферийной сферами словарного состава.

III. **Контрадикторная антонимия** (см. об этом подробнее § 2.8) традиционно стоит на службе агитации и пропаганды, ср. англо-русские антонимы времён холодной войны: *Mother of All Bombs* (англ. *мать всех бомб*; собственно, бэкронимизация акронима *MOAB = GBU-43/B Massive Ordnance Air Blast* (США о вакуумной бомбе)) – *папа всех бомб* (СССР о собственной авиационной вакуумной бомбе повышенной мощности (АВБПМ)).

IV. **Клиширование высказываний**, то есть придание им характера крылатых выражений, лозунгов, афоризмов и т. п. (см. об этом § 2.4) зачастую посредством рифмования или подражания классикам, выполняет главным образом две задачи: во-первых, меткая иллюстрация освещаемого события и, во-вторых, оптимальная репликация (от лат. *replicatio* – повторение), то есть распространение новоявленного клише по каналам коммуникации за счёт пронзительности, остроты и наглядности (см. об этом § 2.1), обеспечивающих его скорейшее запоминание, например: «Перчатки, маски и штрафные отмазки» («Комсомольская правда»), «Преступления и доказательства: как работают военные следователи на освобождённых территориях Донбасса» («Россия 24»). Публицистическому клишированию могут подвергаться выразительные средства всех групп, ср. персонификацию «Раскрепощение рубля» («Известия»), оксюморон «Вернуть невозвратные» («Аргументы и факты»), триколон «Холст, масло, срок» («Коммерсантъ»), адноминацию «Одоризацию задаром!» («Советская Россия»), аккумуляцию «Город ухи, арбузов и хороших людей: что туристу делать в Волгограде» («РИА Новости»), гистерон-прóтерон «Чем моложе блогер, тем хуже ему жилось при Сталине и тем чаще его расстреливал Берия» (из Рунета).

V. **Иноязычные вкрапления** (см. об этом подробнее § 2.6) служат в публицистических текстах средством создания различного колорита,

ср.: *глобал рашнз* (от англ. *global Russians* – дети российских олигархов, социальный колорит), *фольксштурм* (от нем. *Volkssturm* – отряды народного ополчения в нацистской Германии, временной колорит), *кравчучка* (укр. *ручная тележка на Украине, локальный колорит*). Реалионимы могут приводиться даже в латинской графике, например: «В середине октября, за месяц до встречи „Большой двадцатки“, Эбботт как хозяин саммита в Брисбене пообещал жёстко обсудить с Путиным катастрофу малайзийского Boeing, в результате которой погибли 27 австралийцев. При этом он использовал термин **shirtfront** из австралийского футбола – жёсткий прием, когда один игрок сбивает другого, чтобы завладеть мячом» («РИА Новости»).

VI. Использование **неолексики** теснейшим образом связано с неогенностью содержания публикуемых материалов, то есть их потенциальной новизной, обеспечивающей актуальность и востребованность потребляемой информации, ср. *прокси-война*, *Fleischdrink* (нем. *смужи из мяса*), *jobfishing* (англ. *незаконная практика вербовки людей для работы в несуществующей компании*). В эпоху медиатизации общества, то есть переноса социальной коммуникации в виртуальное пространство сети Интернет, основными проводниками неолексики выступают новостные таблоиды, агрегаторы данных, социальные сети и мессенджеры. Массовое порождение и тиражирование нововведений электронными СМИ носит сегодня соревновательный характер и обозначается в лингвистике **неологическим бумом** (от англ. *boom* – взлёт, подъём).

① *Стиль публицистики и прессы во многих современных европейских языках подвержен ряду тенденций, наиболее значимыми из которых являются сокращение лексического объёма высказывания, свойственное в том числе обиходно-разговорному функциональному стилю (см. об этом § 3.5), и коллоквиализация. Сокращение лексического объёма высказывания служит цели экономии медийного ресурса (ранее – бумаги) и достигается в целом двумя способами: опущением вспомогательных слов – преимущественно в заголовках («Präsidentenwahl begonnen» – нем. «Начались выборы президента», «Зюддойче цайтунг», пер. наш – Ю. К., вместо: «Die Präsidentenwahl hat begonnen») – и при помощи сокращений (см. об этом подробнее § 2.8), ср. слоговые слова «Центризбирком», «полпред», «справедливоросс» и контаминации с усечённым детерминативным компонентом «гумшаг» (гуманитарный шаг), «маткапитал» (материнский капитал), «допиндексация» (дополнительная индексация). В отличие от функ-*

ционального стиля науки (см. об этом § 3.2) в публицистическом стиле используются общепринятые сокращения интернационального (UNO = United Nations Organization – англ. ООН = Организация Объединённых Наций, OSCE = Organization for Security and Co-operation in Europe – англ. ОБСЕ = Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе) и локального характера (МО – Министерство обороны, ААА = Akademisches Auslandsamt – нем. отдел международных связей (в вузах ФРГ), RN = Rassemblement National – фр. НО = Национальное объединение (политическая партия во Франции)). Коллоквиализацией (от лат. colloquium – разговор, беседа, переговоры) обозначается тенденция употребления лексических единиц разговорной окраски за рамками обиходно-разговорного функционального стиля, например: фейк, шумиха, всёпропальщики. Наиболее выраженными признаками коллоквиализации стиля публицистики и прессы в современном русском языке выступают заимствование обиходных клише («Нервничает даже Псаки, которой два дня до дембеля», «Вести.Ru») и использование средств экспрессивной морфологии: аффиксов («Полянский заявил о псевдомиротворческих призывах Запада по Украине», «Общественная служба новостей»), композитов («К вопросу о „шапкозакидательстве“ и другие проблемы нашего менталитета», «Русское Агентство Новостей»), эпитетов («Россияне пришли в исступление от подлых слов обнаглевшего Алексея Панина в День Победы», «Комсомольская правда»), метаплазмов («Как наглосаксы используют скакуасов», Пикабу), производных («Франция привычно „макронит“ решения НАТО», «Россия 1») и терминов (Кургинян: «байденизация» и «ковидизация» мира – огромный вызов для РФ», «Красная Весна»).

Б. Грамматические особенности функционального стиля публицистики и прессы распадаются на *морфологические* и *синтаксические*.

Общей **морфологической особенностью** является экспрессивно-оценочное преобразование морфемного состава лексических единиц, получившее в современных лингвистических исследованиях различные обозначения: языковая игра, словотворчество, словоёрничество⁷⁸, ономапопя (см. об этом § 2.7). Суть данного явления – семантическое обыгрывание морфемного состава слов с целью выдвижения на первый

⁷⁸ Ильясова С.В. Словотворчество? Словоёрничество? К оценке игровых стратегий в языке современных российских СМИ // Уральский филологический вестник. Серия «Язык. Система. Личность: лингвистика креатива». – 2017. – № 2. – С. 68.

план неявных, вторичных смыслов или демонстрации определённых параллелей между сопоставляемыми явлениями, ср.: «Служить бы рад, пресс-служиваться тошно...» («Тюльские новости»), белоленточные черви (по аналогии с «ленточные черви»), *verbärbockt* (нем. испорчено в силу упрямства главы МИД ФРГ А.Ш.А. Бербок; игра слов с глаголом *verbocken* (испортить), именем прилагательным *verbockt* (упрямый) и фамилией *Vaerbock*), *Trumpocalypse* (англ. трампокалипсис).

К общим **синтаксическим особенностям** публицистического стиля относятся: i) структурная простота синтаксических построений, ii) использование нейтрально окрашенных вводных конструкций, iii) средств контраста с функцией призывности, iv) вопросно-ответных построений агитационного характера.

I. Синтаксический строй публицистической речи стремится к **структурной простоте построений**⁷⁹, которая обеспечивает смысловую прозрачность текста, необходимую для его беспрепятственного понимания получателями информации. Типичными синтаксическими конструкциями выступают SVO (*subject – verb – object*, англ. подлежащее – сказуемое – дополнение) и инверсивная (см. об этом § 2.8) OVS (*object – verb – subject*, англ. дополнение – сказуемое – подлежащее), ср.: Порывы ветра достигали 40 метров в секунду (SVO). Главными причинами пожаров стали сбои в системе электроснабжения (SOV, «РИА Новости»).

II. Использование **нейтрально окрашенных вводных конструкций** «по словам...», «по оценке...», «как отмечает...» и т. п. служит средством повышения объективности и достоверности передаваемой информации за счёт указания её непосредственного источника. В публицистических текстах данные конструкции могут трансформироваться в слова автора или пояснения редакции (см. об этом § 4.1) в пре- и постпозиции, например: «**Источник Reuters информирует, что речь идёт о сумме 55 млрд рублей**» («РБК»); «**Крупнейшая нефтяная компания Японии Eneos Holdings прекращает закупки нефти из России, передаёт агентство Kyodo со ссылкой на главу компании Такэси Сайто**» («Ведомости»).

III. Ведущими **средствами контраста**, реализующими призывную функцию в публицистической речи, являются *антитеза* и *антиметабола* (см. об этом подробнее § 2.8), ср.: «Если исчезнут все менеджеры, блогеры, финансовые аналитики, никто этого не заметит. А вот если исчезнут металлурги и шахтёры, заметят все» (из Рунета); «В то

⁷⁹ Валгина Н.С. Теория текста. – Москва : Логос, 2003. – С. 131.

время, когда человечество умирает внутри людей, животные приводят нас к принципам человечности» (А. Прабхакар).

IV. В **вопросно-ответных построениях агитационного характера** закладываются желаемые поведенческие сценарии, поэтому такие построения весьма распространены в текстах рекламы, к примеру: *«Хотел в ЧВК (частную военную компанию)? – Работа для всех ВУС (военно-учётных специальностей)! ЗП (заработная плата) от 240 тысяч в месяц»* (из Рунета). Однако наиболее полно агитационный потенциал вопросно-ответных конструкций раскрывается в призывных речениях (см. об этом § 2.4), ср. пионерскую речовку времён СССР:

Кто шагает дружно в ряд? – Пионерский наш отряд!
Кто впереди? – Мы впереди, галстуки ярко горят на груди!
Что впереди? – Жизнь впереди! Нам открыты все пути!
Пионерская речовка помогает нам идти!

V. **Архитектонические особенности функционального стиля публицистики и прессы** определяются *гибким комбинированием единиц контекстно-вариативного членения* (см. об этом § 2.8), зачастую изменяющим привычную последовательность структурных блоков диспозиции речевого произведения (см. об этом подробнее § 4.3). Так, изложение событий может начинаться с прямой речи, после которой следует обобщающий фрагмент текста в виде слов автора, ср.: *«„Вы опорочили память предков, которые воевали в годы Великой Отечественной войны за нашу Родину. Сейчас у вас есть возможность искупить вину и своим трудом облагородить этот памятник“.*

В городе Бериславе Херсонской области националистов, воевавших в Донбассе ещё с 2014-го, привлекли к восстановлению памятника советским воинам-освободителям от немецко-фашистских захватчиков. До этого монумент и территорию рядом с ним в одиночку облагораживал местный житель – из самого только танка выгреб около 30 килограммов мусора. Константин Кириллов очень хотел приняться за эту работу и в прежние годы, но боялся реакции властей. Говорит, СБУ и полиция «повязали бы по рукам и ногам». Теперь же восстановление идёт полным ходом. Закончить планируют к 9 мая» (из Рунета).

После собственно новостной части текста возможен добавочный стереотипный блок, освещающий предысторию события и функционально схожий с преамбулой (см. об этом также § 4.3), например:

«24 февраля Россия начала спецоперацию по денацификации и демилитаризации Украины. Как подчеркнул Владимир Путин, её цель заключается в «защите людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима». По заявлению Минобороны, российские военные наносят удары только по военной инфраструктуре и украинским войскам, гражданскому населению ничего не угрожает. Главной целью операции в ведомстве назвали освобождение Донбасса» («Mail.ru»).

Г. Главной **фонетической особенностью** функционального стиля публицистики и прессы, проявляющейся в устных речевых произведениях новостных жанров и жанров телевизионной и электронной журналистики (репортаж, сводка, обзорение и т. п.), выступает *аффицированная* (от лат. *afficio* – воздействую, влияю), то есть отчётливая, подчёркнуто членораздельная, артикуляция элементов сегментного ряда (звуков), исключая «кашу во рту», при этом процессы супrasegmentного уровня (см. об этом § 2.7) подчинены, как правило, общим фонетическим нормам литературного языка.

Вопросы для самоконтроля

1. В какой сфере используется стиль публицистики и прессы?
2. Какова его тональность?
3. Какой характер отношений между говорящим и слушающим реализует публицистика?
4. Какие разновидности и жанры публицистического стиля выделяются?
5. Что относится к лексическим особенностям публицистического стиля?
6. Каким тенденциям подвержен стиль публицистики и прессы?
7. Какова общая морфологическая особенность публицистической речи?
8. К чему стремится синтаксический строй текстов стиля публицистики и прессы?
9. Чем определяются архитектурные особенности данного стиля?
10. Чем характеризуется фонетическая сторона устных публицистических текстов?

3.4. Качественные признаки официально-делового стиля

Официально-деловой функциональный стиль используется в **сферах служебного общения, правовых отношений и государственного управления** и характеризуется формализованностью, стандартизованностью и консервативностью речи. **Тональность стиля** – нейтральная и возвышенная. Возвышенная тональность свойственна для дипломатического и церемониального общения и предписывает использование «высокой» (комплиментарной, этикетной) лексики (см. об этом подробнее § 1.3), ср.: *Мы рады приветствовать **высоких гостей** из дружественной Белоруссии!* Данный функциональный стиль обеспечивает устное и письменное взаимодействие между органами государственной власти, а также между общественными организациями и населением. **Программа речи** официально-делового стиля состоит в передаче информации, урегулировании и легитимизации отношений между государственными учреждениями, различными группами людей и отдельными лицами⁸⁰. **Стилеобразующими чертами** выступают: *точность, обстоятельность, фактологичность, стереотипность, однозначность.*

Характер отношений между адресантом и адресатом в деловой коммуникации определяется *волюнтаривной* (от лат. *voluntarius* – добровольный, волевой), или *волеизъявляющей*, функцией речи, заключающейся в воздействии на адресата путём уведомления, предписания, вменения обязанностей, долженствования и т. п. Участники коммуникации большей частью обезличены и упоминаются метонимично через исполняемые ими гражданские или ведомственные роли (*налогоплательщик обязан..., лицензиар имеет право..., председатель комиссии выбирается...*). В коммуникативном взаимодействии на первый план выдвигается не личное (индивидуальное), а официальное (коллективное), поэтому между адресантом и адресатом устанавливаются формальные (общественные, институциональные) отношения, обусловленные причастностью к производственному, хозяйственному, военному и прочим секторам государственной деятельности, а также юридическо-правовой составляющей такой деятельности. Такого рода коммуникативное взаимодействие стремится к минимизации экспрессивности и индивидуально-авторского начала в речи⁸¹. Если в телевизионной (новостной) журналистике допус-

⁸⁰ Введенская Л.А., Черкасова М.Н. Русский язык и культура речи : учебное пособие. – 11-е изд. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2011. – С. 89–90.

⁸¹ Маслов В.Г. Культура русской речи. – Москва : Флинта: Наука, 2010. – С. 16.

кается использование обиходных форм обращения (*ты, Маша, Мария*), то в официально-деловом общении показано употребление гонорификов (*Вы, Мария Ивановна*) (см. об этом подробнее § 2.3).

① *Сегодня в деловой коммуникации на немецком языке помимо устоявшихся форм обращения используются так называемые «гамбургское Вы» и «мюнхенское ты». «Гамбургское Вы» (нем. das Hamburger Sie) предполагает использование личного местоимения «Вы» при обращении по имени, а «мюнхенское ты» (нем. das Münchner Du), или «ты кассирши» (нем. das Kassiererinnen-Du), – личного местоимения «ты» при обращении по фамилии⁸², ср.: «Sie, Frank!» (нем. «Вы, Франк!») и «Du, Müller!» (нем. «Ты, Мюллер!»). Данные гибридные формы обращений являются продуктами естественного смешения различных репертуаров функциональных стилей немецкого литературного языка в условиях многоаспектной современной коммуникации.*

Разновидностями официально-делового функционального стиля являются: 1) административно-канцелярский, 2) законодательный, 3) дипломатический подстили. В их жанровом наполнении отчётливо выделяются две крупные жанровые общности: *официально-документальные* и *деловые жанры*. **Официально-документальные жанры** используются в служебной переписке между организациями и учреждениями, в дипломатической корреспонденции, в законотворческой деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, а также в сфере международных отношений. К данным жанрам относятся законодательные документы и нормативно-правовые акты, устанавливающие правовые нормы и/или регламентирующие правила взаимоотношений в определённой области: *конституции, международные договоры, законы, кодексы, указы, приказы и постановления*. **Деловые жанры** связаны с работой административных (аппаратных), исполнительных и контролирующих органов, служб неотложной помощи, коммунальных хозяйств, профессиональной и бытовой деятельностью граждан и т. п., ср.: *заявление, справка, доверенность, расписка, автобиография, акт, протокол* и т. п. Жанровая картина подстилей 1–3 изменяется в зависимости от сферы коммуникации в следующей логике: 1 – локальный, 2 – государственный и, соответственно, 3 – международный уровень.

⁸² Besch W. Duzen, Siezen, Titulieren. Zur Anrede im Deutschen heute und gestern. – 2. Aufl. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1998. – S. 149.

1. **Жанры административно-канцелярского подстиля** находят применение в документообороте учреждений и органов локального управления (администраций), в практике ведения документов организации (канцелярии) и персональных деловых бумаг: *приказ, предписание, объявление, решение, протокол, выписка, заключение, ходатайство, заявление, регламент*.

2. **Жанры законодательного подстиля** распространены в сфере управления государством и представлены текстами законодательных, правовых актов и распоряжений высших должностных лиц государства, гражданских и уголовных процессуальных актов, уложений, кодексов и т. п. Жанры данного подстиля принадлежат к официально-документальным: *закон, указ, постановление (законный, подзаконный, нормативный правовой), акт, распоряжение, мораторий*.

3. **Жанры дипломатического подстиля** обеспечивают взаимодействие между правительством и дипломатическим корпусом, а также между представителями различных стран в сфере международной дипломатии. В отличие от двух предыдущих подстилей, дипломатические жанры существуют как в устной, так и в письменной форме⁸³: *нота, петиция, коммюнике (официальное соглашение), международное соглашение, конвенция, меморандум, договор, демарш, протест*.

① *Официально-деловой функциональный стиль делит со стилем науки ряд первичных признаков, к которым относится использование отымённых предлогов (вследствие), отглагольных имён существительных (указание), аббревиатур (врио), синекдох (научное мероприятие проходит при поддержке администрации, вместо: конкретных лиц), пассивных (вывоз отходов осуществляется...), релятивных (условия, указанные в пункте...) конструкций и т. д. (см. об этом подробнее § 3.2). Данное обстоятельство вызвано функциональной родственностью программ речи данных стилей и таких их стилеобразующих черт, как точность, доказательность и фактологичность.*

Языковые особенности официально-делового функционального стиля разделяются: а) на лексические, б) грамматические, в) архитектурные, г) фонетические.

⁸³ См.: Кожина Н.М. Жанры официально-делового стиля // Стилистический энциклопедический словарь русского языка ; под ред. М.Н. Кожинной. – 2-е изд., стер. – Москва : Флинта: Наука, 2011. – С. 71.

А. **Лексическими особенностями** данного стиля выступают: i) использование номенклатурных терминов, ii) канцеляризм, iii) мейозиса.

I. Использование **номенклатурных терминов**, или **номенов** (см. об этом также § 1.5), как элементов отраслевых терминологий, характерно в первую очередь для жанров административно-канцелярского подстиля, ср.: *самостоятельно устанавливаемые требования (СУТ) к основным образовательным программам подготовки (ООП) аспирантов; die Entscheidungen des Bundesgerichtshofs in Strafsachen (BGHSt)* (нем. решения Верховного суда ФРГ по уголовным делам); *Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination Against Women (CEDAW)* (англ. Конвенция по ликвидации дискриминации в отношении женщин). В ведомственных бумагах номенклатурные термины и их сокращения приводятся и поясняются обычно в начале документа.

II. **Канцеляризмы** (от лат. *cancelli* – решётка, загородка, помост для оглашения распоряжений властей), или **канцелярские штампы**, являются собственными средствами репертуара официально-делового стиля и присущи главным образом письменным жанрам, например: *находиться в состоянии алкогольного опьянения, nach Maßgabe von (Dat.)* (нем. в соответствии с чем-либо), *aforementioned* (англ. вышеупомянутый). Значительную часть канцелярских выражений образуют устойчивые глагольно-именные сочетания, относящиеся к нейтральным клише (см. об этом подробнее § 2.4), ср.: *возбудить дело, zur Verlesung bringen* (нем. нотар. зачитать вслух), *to deliver a speech* (англ. выступать с речью). К канцелизмам примыкают и так называемые «пустые» глаголы (нем. *Schwammverben*, англ. *empty verbs*), которые практически утратили собственное значение и используются в качестве вспомогательных (см. об этом также § 2.4), ср.: *осуществляться, erfolgen* (нем. происходить), *to provide* (англ. обеспечить).

① Чрезмерное увлечение канцелярскими выражениями обозначается термином «канцелярит», введённым в оборот К. Чуковским по образцу медицинских диагнозов «менингит, дифтерит и т. п.». Главная особенность «канцелярита» состоит в немотивированном усложнении конструкции канцелярскими штампами, например: «оказать содействие» (вместо: «помочь»), «в целях» (вместо: «для»), «данный» (вместо: «этот»). Вопреки расхожему мнению «канцелярит» является не стилем, а скорее стилистической чертой текстов, пестрящих канцелярскими «узорами» (ср. нем. *Floskel* – пустая фраза,

риторическое украшение), одним из которых является образование длинных атрибутивно-именных (генитивных) цепочек слов, к примеру: порядок государственного планирования и финансирования хозяйства союзных республик. В немецком языке «канцелярит» известен как «*Papierdeutsch*» (нем. казённый (суконный) немецкий), в английском языке – как «*legalese*» (англ. юридическая заумь).

III. **Мейозис** (см. об этом подробнее § 2.3) используется преимущественно в устных и письменных текстах дипломатических жанров с целью соблюдения норм делового этикета и недопущения *моветона* (от фр. *mauvais ton* – дурной тон), ср. фразу министра иностранных дел РФ С. Лаврова «*наши зарубежные партнёры*» (собственно: «*представители недружественных стран Запад*»).

Б. **Грамматические особенности** официально-делового функционального стиля представлены *морфологическими* и *синтаксическими*.

Важнейшими общими **морфологическими особенностями** данного стиля можно признать: i) широкое использование имён существительных, обозначающих лицо по признаку действия или отношения, ii) элементов когезии, iii) перформативных глаголов.

I. **Имена существительные, обозначающие лицо по признаку действия или отношения**, используются в официально-деловом стиле метонимично вместо имён собственных, так как подразумевается не конкретный человек, а его социально-правовая функция, и относятся к разряду *nomen agentis* (лат. *имя субъекта*) (см. об этом также § 3.2), ср.: *истец*, *der Ermächtigende* (нем. *доверитель*), *bearer* (англ. *предъявитель*), а также сложные: *лжеминёр*, *выгодоприобретатель*, *налогоплательщик*.

II. Элементы **когезии** (см. об этом подробнее § 2.8), в качестве которых зачастую используются канцелярские штампы, усиливают связность письменных текстов официально-делового стиля, например: *в связи с этим*, *hierfür* (нем. *для этих целей*), *whereupon* (англ. *после чего*).

III. **Перформативные** (от лат. *performare* – образовывать, создавать) **глаголы** наглядно реализуют поведенческую функцию речи (см. об этом также § 4.1), эквивалентны поступкам и заменяют действие (*клянусь*, *удостоверяю*, *согласен взять в жёны*). В текстах отечественных приказов, постановлений, решений и т. п. они используются в повелительном наклонении и выделяются разрядкой (п р и к а з ы в а ю), полужирным шрифтом (**утвердить**) или обоими способами (рис. 18), к примеру: «**Правительство Российской Федерации п о с т а н о в л я е т: ...**».

В зарубежных законодательных актах, перформативные глаголы, напротив, не выделяются, ср.: «*Der Bundestag hat das folgende Gesetz beschlossen: ...*» (нем. «*Бундестаг принял следующий закон: ...*»); «*The Congress decided the following: ...*» (англ. «*Конгресс решил следующее: ...*»).

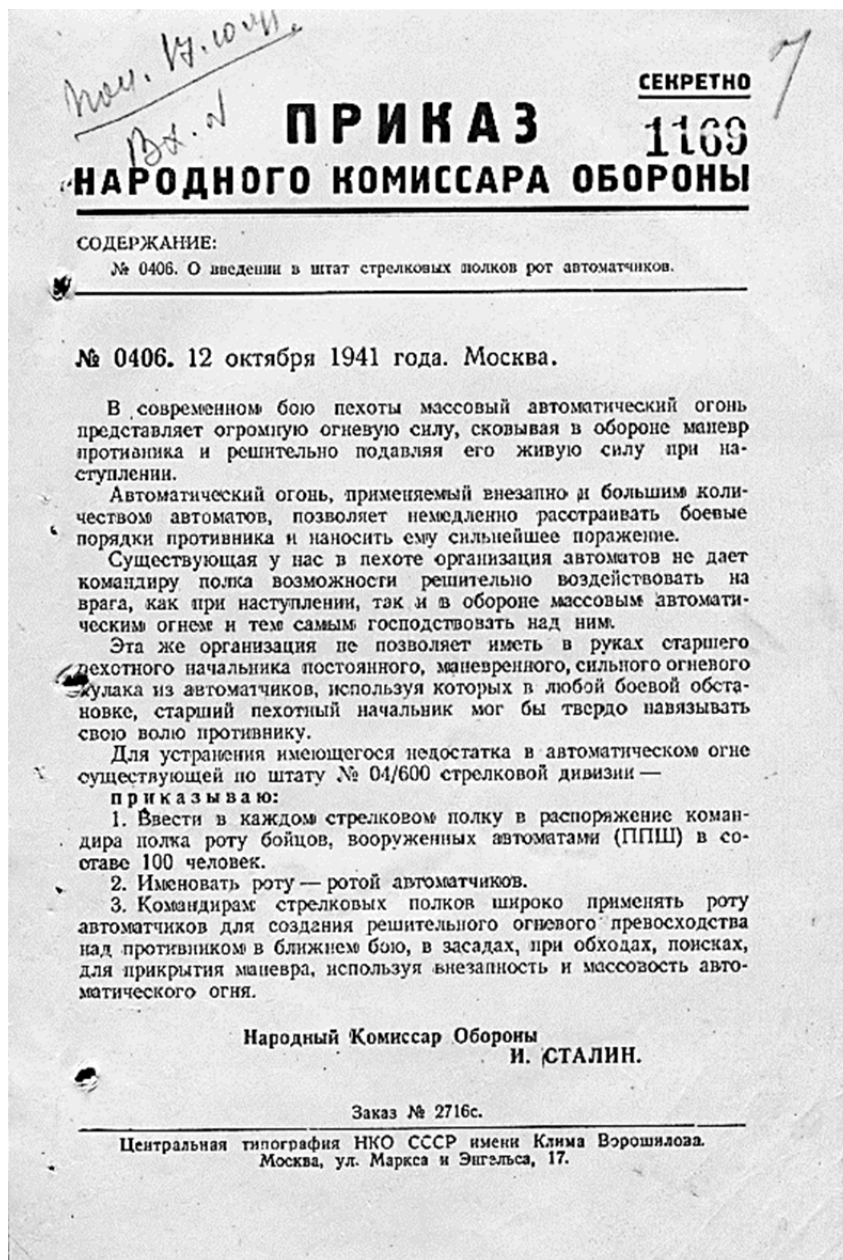

Рис. 18. Приказ И.В. Сталина № 0406 от 12 октября 1941 г.⁸⁴

⁸⁴ Документ взят с сайта: Приказ Народного Комиссара Обороны Союза ССР № 0406 от 12 октября 1941 г. о введении в штат стрелковых полков рот автоматчиков // Электронная библиотека исторических документов. — Режим доступа: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/217781>.

① В деловых телефонных разговорах отмечаются случаи бэкромимизации (см. об этом также § 2.5), то есть побуквенной передачи (нем. *Buchstabierung*, англ. *spelling*) сложных для восприятия или неизвестных слов, фамилий, топонимов и т. п. через распространённые имена личные, ср.: «лофт» (от англ. *loft* – чердак, технический этаж) – Леонид, Ольга, Фёдор, Тимофей. Данный приём характерен для официально-делового общения в удалённом режиме (например, сотрудниками автоинспекции) и предполагает использование нейтрально окрашенной лексики.

К общим синтаксическим особенностям публицистического стиля относятся: i) сложная конкатенация элементов высказывания, ii) использование волюнтаривных эллиптических конструкций, iii) итеративного, iv) миметического повтора.

I. Несмотря на то, что синтаксическая сторона письменных текстов данного функционального стиля отличается чётким членением конструкций и выраженной связностью, **конкатенация** (от лат. *concatenatio* – сцепление) **элементов высказывания** в данных текстах грамматически самая сложная в силу предельной строгости нормативных предписаний. В основном её усложняют релятивные конструкции, обусловленные информационной избыточностью, ср.: «*Единовременные выплаты военнослужащим Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – военнослужащие), принимающим участие в специальной военной операции на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Украины, военнослужащим, выполняющим специальные задачи на территории Сирийской Арабской Республики, получившим ранение (контузию, травму, увечье) в ходе проведения специальной военной операции (при выполнении специальных задач), а также членам семей военнослужащих в случае гибели (смерти) указанных военнослужащих либо смерти военнослужащих до истечения одного года со дня их увольнения с военной службы, наступившей вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных ими при исполнении обязанностей военной службы, назначаются и осуществляются в размерах, установленных пунктом 1 Указа Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 98 «О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членам их семей» (Собрание законодательства Российской Федерации от 05.03.2022 № 10-ст.)*

Федерации, 2022, № 10, ст. 1475)» (из текста приказа Министра обороны Российской Федерации С. Шойгу).

II. **Волеуказательные эллиптические конструкции**, размещаемые в местах общественного пользования, а также на упаковках товаров массового потребления, носят предписательный, запрещающий и предупреждающий характер, например: *не прислоняться!* (надпись на двери в метро), *zum Ausgang* (нем. к выходу), *caution: hot!* (англ. осторожно: горячее!). Их эллиптичность вызвана пространственными ограничениями поверхностей, на которых они выполняются, и, следовательно, требованием к компактности. Примечательно, что в некоторых запрещающих и предупреждающих формулировках с целью предотвращения нежелательных последствий сохраняется синтаксическая полнота: *Unbefugten ist der Zutritt verboten!* (нем. посторонним вход воспрещён!), *trespassers will be prosecuted* (англ. лица, вторгающиеся на данную территорию, будут преследоваться по закону). В особенности полнота построения свойственна надписям просветительского, rogativного (от лат. *rogatio* – просьба) и увещательного содержания, которые отражают прямое отхождение от императивности (от лат. *imperativus* – приказной, чрезвычайный), обозначаемое Н.С. Валгиной «раскрепощением стиля»⁸⁵, ср. вывеску в зоопарке: «*Пожалуйста, не кормите животных! Они могут умереть!*»

III. **Итерация** (см. об этом подробнее § 2.8) является симптомом реализации принципов точности, обстоятельности и однозначности (ср. стилеобразующие черты) и характерна для документальных жанров официально-делового стиля, например:

«В соответствии с Положением о Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, **утверждённым постановлением Правительства Российской Федерации от 15 июня 2018 г. № 682**, Положением о присвоении учёных званий, **утверждённым постановлением Правительства Российской Федерации от 10 декабря 2013 г. № 1139**, Порядком оформления и выдачи аттестатов о присвоении учёных званий профессора и доцента, **утверждённым приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 16 августа 2019 г. № 611** (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 10 января 2020 г., регистрационный № 57119),

⁸⁵ Валгина Н.С. Теория текста. – Москва : Логос, 2003. – С. 123.

Административным регламентом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по присвоению учёных званий профессора и доцента, **утверждённым приказом** Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 2 марта 2020 г. № 268 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 21 августа 2020 г., регистрационный № 59376)...» (из текста приказа Высшей аттестационной комиссии РФ).

IV. **Миметический повтор** (см. об этом подробнее § 2.8) используется главным образом в переговорах полицейских, военных, служб охраны и т. п. – в том числе в качестве позывного – и обеспечивает точность передачи и понимания команд, ср.: «„**Сетунь**“, „**Сетунь**“, я „**Байкал**“!.. „**Сетунь**“!.. – *Слушаю, Григорий Иванович, я „Сетунь“, я „Сетунь“...»* (братья Вайнеры); «*Rotfuchs an Mutterhenne! Rotfuchs an Mutterhenne! – Hier Mutterhenne! Wird gemacht, Rotfuchs!*» (нем. «*Рыжий Лис Наседке! Рыжий Лис Наседке! – Наседка на связи! Докладываю, Рыжий Лис!*», Sniper Elite 4); «*Bravo Six Four, this is Bravo Six Actual. Come in, over. – Bravo Six Actual, this is Bravo Six Four. Go ahead, over»* (англ. «„**Браво 6 4**“, это „**Браво 6 дежурный**“. Приём. – „**Браво 6 дежурный**“, „**Браво 6 4**“ на связи. Слушаю вас», WordSense).

В. Тексты официально-делового стиля характеризуются самой высокой **жанрово-структурной заданностью** (см. об этом также § 4.3) во всём функциональном репертуаре языка. Особенно данный вывод справедлив в отношении текстов документальных жанров, которые должны быть оформлены шаблонно, то есть по установленному образцу. Следовательно, **архитектонические особенности** данного функционального стиля целиком определяются теми или иными предписаниями к построению текстов, обусловленными их жанровой спецификой (рис. 19).

Г. **Фонетические особенности** устной деловой речи обусловлены значительным «давлением» письменных норм в данном функциональном стиле. Главной установкой выступает строгое следование правилам книжной орфоэпии (от гр. *ὀρθός* – правильный, *ῥητος* – речь). Официальная обстановка и должностная субординация предписывают соблюдение говорящим нейтральной интонации и недопущение им экспрессивных «нот» в общении.

Наименование организации

СПРАВКА

_____ № _____

Дана _____
(И.О. Фамилия)

в том, что он (она) действительно работает в _____

_____ .
(наименование организации)

должности _____ .
(наименование должности)

Справка дана для представления в _____

_____ .
(наименование места представления)

Наименование
должности
работодателя

(личная подпись)

И.О. Фамилия

Рис. 19. Образец справки с места работы⁸⁶

Вопросы для самоконтроля

1. В каких сферах используется официально-деловой стиль?
2. Какова тональность данного функционального стиля?
3. Чем характеризуются отношения между адресантом и адресатом в деловой речи?
4. Какие разновидности и жанры официально-делового стиля различают?
5. Какие крупные общности выделяют в жанровой картине данного стиля?
6. Какие особенности делят стиль науки и официально-деловой стиль?
7. Что относится к лексическим особенностям данного функционального стиля?
8. Каковы грамматические особенности деловой речи?
9. Чем определяются архитектурные особенности данного стиля?
10. Что характерно для фонетической стороны устного делового общения?

⁸⁶ Бланк взят с сайта: Справка с места работы // Бланкер.ру. – Режим доступа: <https://blanker.ru/doc/spravka-rabota>.

3.5. Качественные признаки обиходно-разговорного стиля

Центральной сферой использования обиходно-разговорного стиля является **быт** (семейный, групповой, коммунальный, производственный и т. п.). **Характер речи** – спонтанный, диалогический, ситуативно обусловленный. Большую роль в общении играют мимика и жесты, указывающие на значительно бóльшую свободу самовыражения, нежели в предыдущих стилях (см. далее). Данному функциональному стилю присущ устный способ коммуникации (см. об этом также § 4.1), письменное же выражение разговорная речь находит главным образом в жанрах личного дневника и частной переписки (корреспонденции). **Тональность обиходно-разговорного стиля** – сниженная, **программа речи** состоит в воздействии на эмоциональное состояние (чувства) собеседника. **Стилеобразующими чертами** выступают: *нерегламентированность, непринужденность, неофициальность, эмоциональность, простота.*

По **характеру отношений между говорящим и слушающим** разговорная речь является большей частью моноадресатной, то есть направленной на конкретного собеседника, при этом важнейшим условием коммуникативного взаимодействия здесь выступает **подобность** адресанта и адресата, их бытовое, классовое и пр. равенство, обуславливающее использование общепринятых (*ты, Маша, Марьиванна, Ивановна*), частных (*доченька, зайка, солнце*) и ситуативных (*товарищ, девушка, молодой человек*) формул обращения неформального характера.

Разновидностями обиходно-разговорного стиля выступают: 1) литературно-разговорный, 2) обиходно-бытовой подстили. Жанровая граница между ними определяется принадлежностью к письменным нормам литературной речи: традиционно литературно-разговорные жанры являются письменными, а обиходно-бытовые – устными, однако смешение способов коммуникации – письменного и устного – при переносе речевой практики в электронную среду (см. об этом также § 3.3) способствует последовательному размытию данной границы. В конкретных речевых произведениях возможно сочетание нескольких жанров⁸⁷, обусловленное тематической разноплановостью разговорной речи⁸⁸. В работах языковедов ведущей функцией всей палитры обиходных жанров

⁸⁷ Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк. – Свердловск : Изд-во Уральского университета, 1990. – С. 112.

⁸⁸ Земская Е.А. Политематичность как характерное свойство непринужденного диалога // Разновидности городской устной речи. – Москва : Наука, 1988. – С. 234–240.

обычно признаётся коммуникативная (сообщающая), однако наличие особой программы речи, а также собственной экспрессивной системы данного функционального стиля позволяет заключить, что коммуникация здесь лишь опосредует реализацию базовой и самой древней функции языка – *экспрессивной* (см. об этом § 1.1).

1. **Жанры литературно-разговорного подстиля** имеют общественно-культурную направленность и являются как моно-, так и полиадресатными: *частное письмо, дневник, блог в Интернете*. Средства данного подстиля используются также для стилизации разговорной речи в художественных произведениях (см. об этом подробнее § 3.6).

2. **Жанры обиходно-бытового подстиля** обеспечивают межличностное общение в широком спектре ситуаций непрофессиональной и неофициальной коммуникации: *беседа (в том числе по телефону или видеосвязи), совет, просьба, комплимент, поздравление, обсуждение, сплетни, навет, откровение, замечание, выговор, ссора, спор*.

① *Обиходно-разговорный стиль не требует специального обучения⁸⁹, им начинают овладевать с раннего детства путём активного подражания ближайшему окружению, при этом «впитанные» выражения нередко не имеют нормативной освоенности, ср. популярные речевые ошибки в современном русском языке, ставшие «вирусными» (см. об этом подробнее § 4.5): *ихний (вместо: их), *größer wie (нем. больше чем, вместо: größer als), *have went (англ. ушёл, вместо: have gone) и т. п. Поскольку выбор слов в данном стиле случаен, произволен и подчинён проявлению сиюминутной (стихийной) экспрессии, здесь наблюдаются самая высокая эрозия (от лат. erosio – разъедание) и неустойчивость норм во всём функциональном репертуаре, способствующие выработке собственной выразительной системы, которая, однако, не является замкнутой, а активно взаимодействует с репертуарами других функциональных разновидностей литературного языка (см. об этом также § 3.3).*

Языковые особенности обиходно-разговорного стиля разделяются: а) на лексические, б) грамматические, в) архитектурные, г) фонетические.

⁸⁹ Сиротина О.Б. Разговорный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка ; под ред. М.Н. Кожин. – 2-е изд., стер. – Москва : Флинта : Наука, 2011. – С. 320.

А. **Лексическими особенностями** данного стиля выступают: i) широкое использование экспрессивной лексики, ii) жаргонизмов и «модных» выражений, iii) заимствований, iv) детерминологизация терминов.

I. В разговорной речи используется **экспрессивная**, или **сниженная лексика** всех трёх пейоративных регистров: разговорного, просторечного и вульгарного оттенков (см. об этом подробнее § 1.3), ср.: *братик* (разговорный оттенок), *братушка* (просторечный оттенок), *брателла* (вульгарный оттенок). Сама экспрессивность как качество лексических единиц антагонистична книжности, то есть литературному качеству речи (см. там же), и присуща всем группам средств, ср. **метафору цирк** (нелепое событие или факт), **метонимию железяка** (металлический предмет), **сравнение орать как резаный**, **перифраз женские штучки** (манипуляции), **эпитет залипательный** (затягивающий) *сайт*, **клише наводит марафет**, **метаплазм бешенцы**, **ономатопею фыркать** (дуться, сердиться), **пародию удои** (от англ. DOI: Digital Object Identifier – цифровой идентификатор объекта).

II. **Жаргонизмы** и «**модные**» выражения проникают в разговорную речь из репертуаров относительно замкнутых слоёв общества и отражают особенности уклада их жизни (см. об этом также § 1.5), ср.: *зашкв́ар* (позор), *der Ehrenmann* (нем. *благодетель*), *hobo* (англ. *трудо-вой мигрант в США*, от приветствия «*Ho, boy!*» – «Привет, малый!»). В то время как «модные» выражения ограничены лишь социально, жаргонизмы имеют и социальные, и профессиональные ограничения, ср. единицы русского военного жаргона: *задвухсотить* (убить, от номенклатурного термина «*груз 200*» – труп), *птурщик* (оператор противотанковой управляемой ракеты, ПТУР), «*СУшка*» (самолёт конструктора П. Сухова). Разговорная лексика пополняется в том числе из жаргонов женских и мужских сообществ, которые в рыночных условиях враждуют друг с другом, например: *олень/алень* (подкаблучник), *сундучить* (скупиться на подарки женщине), *РСП* (разведёнка с прицепом/прицепами: *разведённая женщина с ребёнком/детьми от прошлого брака*). К жаргонизмам примыкают также имена собственные в функции нарицательных (см. о деонимизации § 2.2), ср.: *Геннадий* (дамский угодник), *Venjamin* (нем. *младший ребёнок в семье*).

III. Жаргонизация репертуара обиходно-разговорного стиля способствует в том числе притоку **заимствований**. Главными проводниками иноязычной лексики различной степени ассимиляции выступают жаргон молодёжи и Интернета с общим языком-донором – английским, ср.: *вайб* (по-

ложительная энергетика → от англ. *vibe* – вибрация), *swag* (нем. *броский, привлекательный, харизматичный* → от англ. *to swagger* – хвалиться, важничать, слоняться без дела). Значительно реже заимствуются лексические единицы других языков, например: *гелик* (от нем. *Geländewagen* – внедорожник), *сюр* (фр. *sur* → *surréalisme* – «сюрреализм», разг. *что-то странное, необычное, абсурдное*), *ёк* (узб. *нет, закончилось*). Жаргонизмы и заимствования в репертуаре обиходно-разговорного стиля образуют его **собственную экспрессивную терминологию**, которая, несмотря на общедоступность разговорной лексики, знакома не всем группам пользователей, ср.: *хайп* (от англ. *hype* – шумиха, надувательство, трюк: навязчивая реклама, привлечение внимания), *фиолетово* (безразлично), *вписка* (вечеринка на квартире или даче в отсутствие взрослых).

① *Выделяют три степени ассимиляции иноязычных заимствований в языке-реципиенте: на первой ступени слово сохраняет «чужеродный» облик, то есть все грамматические, фонетические и орфографические признаки языка-донора (das Stemmeisen); на второй ступени единица фонетически, грамматически и орфографически интегрирована в систему языка-реципиента, но по-прежнему носит отпечаток иноязычного строя – усвоена (штемайзен); на третьей ступени слово признаётся «своим» и становится «незаметным» – освоенным (стамеска)⁹⁰.*

IV. Существенную роль в обогащении выразительных средств данного функционального стиля играет **детерминологизация** (см. об этом также § 3.2) как результат межстилевого заимствования, к примеру: «*Видел же на автовокзале водил-зазывал у входа? Вот этот **факультет** я заканчивал*» (Из Рунета). Так, благодаря посреднической роли публицистики многие специальные единицы перешли в разговорную лексику (см. об этом § 3.5), ср.: *тяжёлая артиллерия (корифеи), раковая опухоль (очаг социальной напряжённости), сухой остаток (квинтэссенция)*. Как правило, детерминологизация сопровождается популяризацией того или иного понятия в социуме и/или его *десемантизацией*, то есть потерей лексического значения (обесмысливанием), например: *профиль, архаровцы, ориентация*.

⁹⁰ Реформатский А.А. Введение в языкознание / под ред. В.А. Виноградова. – Москва : Аспект Пресс, 1996. – С. 140.

Б. Грамматические особенности обиходно-разговорного стиля обозначаются в языкознании «экспрессивной грамматикой»⁹¹ (нем. *Grammatik der Umgangssprache*, англ. *colloquial grammar*) с разделами *экспрессивная морфология* и *экспрессивный синтаксис* (см. об этом также § 2.8). Экспрессивным потенциалом располагают не только грамматические средства, но и грамматические категории (рода, числа, падежа, одушевлённости, модальности и т. д.), ср. пренебрежительное употребление местоимения среднего рода *воно (оно)* в украинском языке по отношению к лицам обоих полов. Экспрессивная грамматика разговорной речи охватывает весь спектр явлений, описанных в § 2.8. В аспекте **экспрессивной морфологии** среди прочего обращают на себя внимание следующие общие явления: i) деминуация и гипокоризм, ii) глагольность разговорной речи, iii) использование усилительных частиц и междометий.

I. **Деминуация** (см. об этом § 2.8) и **гипокоризм** (от гр. *ὑποκόρισμα* – имя ласкательное) выступают продуктивными механизмами образования общеупотребительной лексики преимущественно путём суффиксации (см. там же) и несвойственны терминообразованию. Деминуации подвергаются не только имена прилагательные и существительные (*плюгавенький мужичонка*), но и наречия (*ладненько*), и глаголы (*спаточки*), и междометия (*hallöchen!* – нем. разг. *приветик!*). Деминуацию имён собственных обозначают *гипокоризмом*, ср. *Светланочка Владимировночка Сидоровочка*, *Susi* (нем. разг. *уменьшительно-ласкательная форма женского имени Susanne*), *Leenukka* (фин. разг. *уменьшительно-ласкательная форма женского имени Leena*).

II. **Глагол** – одно из наиболее ярких средств создания выразительности речи (см. об этом § 1.1). Если стили науки, публицистики и делового общения носят выраженный именной характер, то разговорную речь следует признать наиболее «глагольной», к примеру: «*Погрелся, ушёл, вернулся... и давай ревновать*» (к/ф «Родная кровь», 1963, реж. М.И. Ершов). Её **глагольность** достигается не только за счёт значительной плотности слов данной части речи в разговорных текстах, но и высокого грамматического потенциала глагола (центрального места в предложении, обилия категорий, разнообразия синтаксических связей

⁹¹ Тошович Б. Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/хорватского языков. – Москва : Языки славянской культуры, 2006. – С. 76.

и т. д.), а также богатства его семантических оттенков⁹², динамичности и образности, ср.: *фурычить* (жарг. *работать, функционировать*), *absaufen* (нем. фам. *утонуть*), *to groke* (англ. разг. *пристально смотреть на кого-то во время приёма пищи в надежде получить кусок*). Существенную роль в этом играют морфологическая «прозрачность» глагола, то есть его производность и продуктивность (*knacks* → *anknacksen* → *angeknackst* – нем. разг. *хрусть* (междометие) → *надламываться* (глагол) → *надломленный* (в прямом и переносном значениях, причастие)), семантическая двуплановость, то есть наличие переносного значения (см. об этом также § 2.2), а также местоимённость, функционально приближенная к метонимии (см. там же), ср. глаголы-эрзацы *разэтовать* (жарг. *распаковать, раскрыть, раздвинуть и т. п.*), *tun* (нем. *выполнять*), *to do* (англ. *делать*).

① *Вербоцентристская теория трактует сказуемое как грамматический и смысловой центр предложения, управляющий другими его членами и в том числе подлежащим. Само слово «подлежащее» свидетельствует о том, что данный член не является главным в предложении, однако главным среди прочих актантов, то есть глагольных связей (см. об этом также § 2.4). От их количества зависит валентность (от лат. *valentia* – сила, крепость) глагола, то есть его способность вступать в синтаксические связи с другими словами в предложении, ср. трёхвалентный глагол «называть» в русском языке: он (1) называет его (2) лучшим другом (3).*

III. **Усилительные частицы** (нем. *Abtönungspartikel*, англ. *modal particles*) не только «приперчивают» разговорную речь, но и выполняют прагматическую функцию, определяя характер отношений между участниками коммуникации, ср.: «**А ну-ка, девушки!**» (разг. *название популярной игровой телепрограммы-конкурса в СССР*), *das hab' ich doch gemeint!* (нем. разг. *именно это я и имел(а) в виду*), *just don't give up!* (англ. *только не сдавайся!*). **Междометные слова и фразы** передают эмоциональные или волевые состояния, например: *ядрёна Матрёна! Potz Blitz!* (нем. фам. устар. эмоц. *ба! / батюшки мои!*), *holy crap!* (англ. фам. эмоц. *японский городской!*).

⁹² Маслова В.А. Лингвистический анализ текста. Экспрессивность : учебное пособие для вузов / под ред. У.М. Бахтикиреевой. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2020. – С. 84.

В качестве общих **экспрессивно-синтаксических** особенностей данного функционального стиля следует отметить скачкообразность и «рубленность» (термин Ф.М. Достоевского⁹³) конструкций, преобладание эллиптических, простых и сложносочинённых предложений с бессоюзной связью, незавершённых построений, средств повтора и изменения конструкции, восклицательных, побудительных и вопросительных высказываний⁹⁴, ср.: «*Вот это драка была! Думал, каюк. – Как аппарат? – Мировой! Захожу ему в хвост, а он сзади как... Ёлки-палки! Хвостом помаhal – только и видел. – Слушай, ты почему так оторвался далеко? – Да, понимаешь, показалось, заклинило пулемёты. – Ну, давай заправляться. – А он на левом вираже так и тянет, тянет... – Да вареники же стынут, товарищ комбат! – С вишнями? – Да нет, с творогом*» (к/ф «В бой идут одни старики», 1974, реж. Л.Ф. Быков).

В. Архитектонические особенности разговорной речи изменяются в зависимости от жанра: в литературно-разговорных жанрах структурирование подчинено общим закономерностям объёмно-прагматического членения письменного текста (см. об этом подробнее § 2.8, 4.3). В заключительном блоке возможно наличие полей *post scriptum* (лат. *после написанного*) и *post post scriptum* (лат. *приписка*). Контекстно-вариативное допускает бóльшую подвижность в письменных жанрах, а в устных фактически заменяет объёмно-прагматическое в силу диалогического характера речи. Тем не менее обиходно-бытовые жанры свободны от него не полностью, однако зависят в большей степени от собственной структуры и набора средств, которыми и различаются.

Г. Фонетическая сторона разговорной речи обнаруживает особенности главным образом супрасегментного уровня (см. об этом § 2.7): изменчивость интонационно-ритмического рисунка, экспрессивная паузация, эмфатизация, динамичность (ускоренный темп речи), вследствие чего на сегментном уровне отмечаются скольжение и нечёткость артикуляции.

⁹³ Синтаксис современного русского языка: словарь-справочник / Г.Н. Акимова, С.В. Вяткина, Д.В. Руднев и др. ; отв. ред. Г.Н. Акимова, С.В. Вяткина. – Санкт-Петербург : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – С. 40.

⁹⁴ Граудина Л.К., Ширяев Е.Н. Культура русской речи : учебник. – Москва : НОРМА-ИНФРА М, 1999. – С. 108.

Вопросы для самоконтроля

1. В какой сфере чаще всего используется обиходно-разговорный стиль?
2. Какой способ коммуникации присущ данному стилю?
3. Каковы его стилеобразующие черты?
4. Что является важнейшим условием обиходного общения?
5. Какие разновидности и жанры обиходно-разговорного стиля различают?
6. Лексика каких регистров используется в разговорной речи?
7. Каковы общие морфологические особенности данного функционального стиля?
8. Что характерно для экспрессивного синтаксиса?
9. Как взаимодействуют виды архитектурного членения в данном стиле?
10. В чём состоят фонетические особенности разговорной речи?

3.6. Качественные признаки образно-художественного стиля

Образно-художественный функциональный стиль используется в **эстетической сфере общения** для создания произведений словесного искусства. Художественная речь **характеризуется** образностью и многозначностью. Её многозначность связана с особенностями образного смыслопорождения, пропущенного сквозь призму авторского миропонимания: живописуя окружающий мир, художник слова зачастую вкладывает в уже существующие (узуральные) формы собственные (индивидуально-авторские) значения (см. об этом далее и § 3.7), ср. значение слова «шинель» в одноимённой повести Н. Гоголя. **Тональность** образно-художественного стиля – возвышенная. **Программа речи** состоит в построении словесного образа, который выступает одновременно средством и объектом искусства⁹⁵. **Стилеобразующими чертами** данного стиля являются: *идейность, эстетичность, символичность, субъективность, чувственность*.

① *Существуют две полярные точки зрения на природу образно-художественного стиля. Приверженцы первой, устаревшей, отка-*

⁹⁵ Валгина Н.С. Теория текста. – Москва : Логос, 2003. – С. 73.

зывают ему в статусе функционального стиля, обосновывая это многостильностью художественной речи и отсутствием собственных выразительных средств. Сторонники второй, фундированной (от лат. *fundus* – основа), напротив, исходят из возможности применения к данному стилю системообразующих (первичных) признаков функционального стиля (см. об этом подробнее § 3.1), как и к прочим разновидностям литературного языка. Многостильность подчинена эстетической функции художественной речи, а отдельные выразительные средства ещё не образуют стиль⁹⁶. Неверными представляются также отождествление образно-художественного стиля с литературным языком, которые соотносятся как частное (1/5) и целое, и воззрение на данный стиль как на конгломерат индивидуальных стилей (см. об этом § 3.7)⁹⁷. В западной лингвистике принято противопоставлять художественные и нехудожественные (нем. *nichtschöngeistig*, англ. *non-fiction*) тексты, жанры и стили. Признаками нехудожественности выступают объективность, однозначность и одноплановость, следовательно, нехудожественными считаются все стили, кроме образно-художественного⁹⁸.

По характеру отношений между адресантом и адресатом художественная речь является односубъектной: автор может говорить с читателем напрямую и через персонажей (см. о способах представления речи § 4.1), однако всё это происходит исключительно по воле автора⁹⁹. Реакция же читателя лишь угадывается, предвосхищается, программируется – во многом через создаваемый (чувственный) образ, – однако всегда остаётся за рамками художественного произведения. В процессе

⁹⁶ Кожина М.Н., Баженова Е.А. Художественный стиль речи // Стилистический энциклопедический словарь русского языка ; под ред. М.Н. Кожинной. – 2-е изд., стер. – Москва : Флинта: Наука, 2011. – С. 594–596.

⁹⁷ Riesel E. *Stilistik der deutschen Sprache*. – Moskau : Verlag für fremdsprachige Literatur, 1959. – S. 17.

⁹⁸ Astmuth B. *Sachlichkeit* // *Hitorisches Wörterbuch der Rhetorik* ; G. Ueding (Hrsg.). – Bd. 8: *Rhet–St.* – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 2007. – S. 387; Marckworth M.L., Baker W.J. *A Discriminant Function Analysis of Co-Variation of a Number of Syntactic Devices in Five Prose Genres* // *American Journal of Computational Linguistics*. – 1975. – Vol. 11. – P. 18.

⁹⁹ Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк. – Свердловск : Изд-во Уральского университета, 1990. – С. 134.

коммуникативного взаимодействия художественная речь выполняет ряд функций: *эстетическую* (формирование у адресата чувства прекрасного), *аксиологическую* (утверждение в сознании адресата системы ценностей и духовно-нравственных ориентиров), *познавательную* (опосредование познания окружающего мира через образы) и *воздействующую* (влияние на чувства и мысли адресата с помощью образов).

Разновидностями образно-художественного стиля сообразно с тремя родами художественной литературы – лирикой, эпосом и драмой – выступают: 1) поэтический, 2) прозаический, 3) драматургический. Два первых жанра различаются лишь способами организации речи – прежде всего ритмостроением – и обозначаются, – а иногда лишь один прозаический, – *беллетристикой* (от фр. *belles lettres* – изящная словесность). Ранее беллетристикой обобщённо называли все художественные жанры (как типы искусства), противопоставляемые научной, исторической и догматической литературе. В современном мире слово «беллетристика» используется в значении «развлекательная литература», к которой относятся в том числе драматургические жанры. Большинство художественных жанров – письменные, устными являются некоторые старые фольклорные (от англ. *folklore* – народное предание) разновидности: *сказ* (эпическое произведение, в котором повествование ведётся от лица рассказчика), *песня, шванк* (от ср.-в.-нем. *swanc* – весёлая задумка: жанр немецкой сатирической поэзии Средневековья) и др.

1. **Жанры поэтического** (от гр. *ποίησις* – сотворение) **подстиля** характеризуются отчётливым делением на стихи, соизмеримые отрезки, которые могут не совпадать с синтаксическим делением речи¹⁰⁰ (см. об этом подробнее § 2.7): *стихотворение, песня, поэма, ода, эпиграмма, басня, сонет, баллада, элегия* и др. В литературоведении различают множество этнических и национальных жанров поэзии, зачастую исполняемых под аккомпанемент (от фр. *accompagnement* – (музыкальное) сопровождение), ср.: *мадригál* (от итал. *madrigale* – любезность, комплимент: небольшое стихотворение хвалебного содержания), *вирелé* (от ст.-фр. *virelai* – вираж, разворот: старофранцузская песенная форма танцевального происхождения), *пеán* (от гр. *παῖνον* – гимн в честь какого-либо бога, первоначально – Аполлона: хоровой лирический жанр в Древней Греции).

¹⁰⁰ Советский энциклопедический словарь ; гл. ред. А.М. Прохоров. – 2-е изд. – Москва : Советская энциклопедия, 1983. – С. 1046.

2. В **жанрах прозаического** (от лат. *prosa oratio* – прямая, свободная речь), или **эпического** (от гр. *ἔπος* – слово, изречение, повествование), **подстиля** речь не делится на метрические отрезки. В этом смысле проза как макрожанр (см. об этом также § 1.3), сформировавшийся лишь в XVIII в., может использоваться во всех функциональных стилях литературного языка, художественной же её делает реализация указанных выше функций. Ритмизация речевых произведений прозаического подстиля опирается на приблизительную соотнесённость синтаксических конструкций. От *лиричной* (от гр. *λυρικός* – чувственный, досл. «исполняемый под звуки лиры») и *эмоциональной* поэзии тексты прозы отличаются относительно объективное и беспристрастное изложение содержания, охватывающее прошлое в его событийной полноте, и наличие повествователя (см. об этом подробнее § 4.3), ср. жанры *сказки, рассказа, мемуаров, романа, повести, детектива, эпопеи, эссе, новеллы, очерка, фельетона, утопии*. В связи с возросшим влиянием науки и техники на развитие общества в XX в. возникает жанр *научной фантастики* (англ. *science fiction*), основным приёмом которого выступает научный эксперимент, роднящий данный жанр с *футурологией* (от лат. *futurus* – будущий), то есть философской практикой предсказания будущего.

① *Утопия* (от гр. *οὐ* – не, *τόπος* – место, досл. «место, которого нет») представляет собой жанр, описывающий совершенное и справедливое ко всем гражданам устройство государства и общества. Изображение такого устройства в будущем обозначается *ухронией* (от гр. *οὐ* – не, *χρόνος* – время), а в действительно или якобы существовавшей стране – *гетеротопией* (от гр. *ἕτερος* – иной, различный, *τόπος* – место). Если изображаемая реальность превосходит объективную действительность, то жанр называют *эвтопией* (от гр. *εὖ* – благо). Если же реальность произведения значительно уступает действительной, то говорят о *дистопии* (от гр. *δυσ-* – приставка со значением разделения, отрицания, утраты), или *антиутопии* (от гр. *αντι-* – против, вместо). Основателем данного жанра является английский писатель-гуманист Т. Мор, автор книги «Утопия» (англ. «*Utopia*»), изданной в 1516 г. на латинском языке.

3. Специфику **жанров драматургического** (от гр. *δραματοῦργία* – постановка драматических произведений) **подстиля** составляют сюжетность, конфликтность действия и его членение на эпизоды, сплошная

цепь высказываний персонажей и отсутствие повествовательного начала. Литературный род драмы (от гр. *δρᾶμα* – действие) зародился в античности и принадлежит одновременно двум искусствам – литературе и театру. Драматические тексты ориентированы на зрелищную выразительность (мимику, жесты, движение) и сценическое звучание¹⁰¹. Жанры данного подстиля иногда совокупно обозначаются нейтральным термином «пьеса» (от фр. *pièce* – произведение, часть), синонимом слова «драма». Помимо трёх основных, классических жанров драматургии (*драмы, трагедии и комедии*) различают жанры *трагикомедии, фарса* (от фр. *farce* – злая шутка, проделка: литературный жанр бытового комедийно-сатирического характера), *феерии* (от фр. *féerie* – волшебство: первично театральный жанр с элементами фантастики, ср. повесть А. Грина «Алые паруса») и др.

Языковые особенности образно-художественного функционального стиля определяются комплексным использованием возможностей языковой системы для создания особой, эстетической, языковой реальности (нем. *Sprachwirklichkeit*, англ. *language reality*) и разделяются: а) на лексические, б) грамматические, в) архитектурные, г) фонетические.

А. К **лексическим особенностям** данного стиля относятся: i) широкое применение образных средств, ii) художественно-образная речевая конкретизация, iii) стилизация репертуаров других функциональных стилей.

I. Художественная речь задействует все **средства создания образности** (см. об этом подробнее § 2.2), а также многофункциональные выразительные средства с **вложенным образом** (см. об этом § 2.1), ср. **просопопею** «Сквозь волнистые туманы / Пробирается луна...» (А. Пушкин), **метонимию** «И зари вишнёвый клей / Застывает в виде сгустка» (Б. Пастернак), **сравнение** «Первая любовь придёт и уйдёт, / Как прилив и отлив» (Л. Куклин), **аллюзию** «По моему суждению, / Пожар способствовал ей много к украшенью» (намёк на пожар в Москве 1812 г., А. Грибоедов), **образный перифраз** «Сладкой ягоды – только горстка. / Горькой ягоды – два ведра» (= радости и горести жизни, Р. Рождественский), **пословицу** *либо грудь в крестах, либо голова в кустах* (= была не была, досл. «либо получить награды за отвагу, либо

¹⁰¹ Советский энциклопедический словарь ; гл. ред. А.М. Прохоров. – 2-е изд. – Москва : Советская энциклопедия, 1983. – С. 410.

пасть на поле боя»), **глагол** «*поскрести*» в выражении «*поскреби русского – найдёшь татарина*».

II. **Художественно-образной речевой конкретизацией** обозначается перевод слова-понятия в слово-образ¹⁰² за счёт подчинения узуального значения слова его индивидуально-авторскому пониманию. Если такой образ охватывает всё художественное произведение, то говорят об экфрасисе (см. об этом подробнее § 4.3), ср. экфрастический образ молока как «таинственной и животворной жидкости», созданный в одноимённом стихотворении поэтессой Б. Ахмадулиной:

Вот течёт молоко. Вы питаетесь им.
Запиваете твёрдые пряники.
Захочу – и его вам открою иным,
драгоценным и редким, как праздники.

Молоко созревает в глубинах соска,
материнством скупым сбережённое,
и девчонка его, холодея со сна,
выпускает в ведёрко лужёное.

Я скажу вам о том, как она молода,
как снуют её пальцы русалочки,
вы вовек не посмеете пить молока,
не подумав об этой рязаночке.

Приоткройте глаза: набухают плоды
и томятся в таинственной прихоти.
Раздвигая податливый шорох плотвы,
осетры проплывают по Припяти.

Где-то плачет ребёнок. Утешьте его.
Обнимите его, не замедлите.
Необъятна земля, но в ней нет ничего.
Если вы ничего не заметите.

¹⁰² Кожина М.Н. Художественно-образная речевая конкретизация // Стилистический энциклопедический словарь русского языка ; под ред. М.Н. Кожинной. – 2-е изд., стер. – Москва : Флинта : Наука, 2011. – С. 585.

① Многие исследователи ошибочно отождествляют мотив и экфрасис произведения (см. об этих понятиях § 4.3). Мотив создания (замысел) текста связан с социальной задачей, решаемой автором произведения: развлечь, просветить, обратить внимание читателя на определённое явление, научить (отучить) что-либо делать, выявить противоречие, обличить двойную мораль и т. д. Экфрасис – сугубо семантическая, то есть языковая величина, суммарное содержание всех словесных образов в тексте произведения, имеющее символическое (аллегорическое) значение. Его суть – сравнение или отождествление событий фабулы с определёнными социальными явлениями или процессами. Так, аллегорический образ буревестника (буреглашатая) отождествляется с революционной силой народа, пробуждающейся в царской России и несущей весть о грядущих грандиозных преобразованиях социалистического характера, сравниваемых М. Горьким в «Песне о буревестнике» с бурей.

III. Стилизация репертуаров других функциональных стилей преследует реализацию эстетической функции языка, в результате чего создаётся впечатление многостильности, или стилевой неоднородности, образно-художественного стиля, используемой зачастую против признания его функциональным стилем. Следовательно, стилизация есть не что иное, как функциональная переориентация «чужих» репертуаров, которая, однако, имеет и свои ограничения, например отказ от излишней терминологичности (стиль науки), точности информации (стиль публицистики) и высокой жанрово-структурной заданности (официально-деловой стиль, см. об этом также § 4.3). Следствием стилизации может быть образование межстилевых гибридов, как то: литературно-разговорного подстиля с собственной жанровой картиной (см. об этом подробнее § 3.5), тем не менее прецеденты стилизации носят скорее характер *аппликации* (от лат. *applicatio* – приложение, присоединение), то есть цитирования других стилей в художественных произведениях, ср.: «Я торопливо записывал, боясь упустить хоть одно слово, хотя мне и непонятно было, кому нужны эти тонкости, и без того очевидные. Но Панкову, думаю, лучше известно, что надо делать. – Медицинская экспертиза, – диктовал он. – Вопросы. Возможно более точное установление времени смерти... Стоматологически – изготовить слепок следа укуса на шоколаде для последующего сравнения с контрольными образцами... Получить таковой у обвиняемого Грузде-

ва... Далее. Исследовать групповую принадлежность слюны на окурках папирос «Дели»... Дактилоскопическая экспертиза. Проявить все обнаруженные отпечатки пальцев, сравнить с отпечатками потерпевшей, её мужа, сестры на предмет идентификации... Комплексная химическая и органолептическая экспертиза...» (братья Вайнеры).

Б. **Грамматические особенности** образно-художественного функционального стиля представлены *морфологическими* и *синтаксическими*.

Морфология художественной речи допускает индивидуально-авторское формообразование (формотворчество)¹⁰³, следующее тем же принципам, что и идиолектная речь (см. об этом подробнее § 3.7): сознательному отступлению от литературных норм («*Пятками с облаков свежюсь, / Прокопытю тучи, как лось...*», С. Есенин), поиску новых экспрессивных (ярких) формулировок («*Было нищее величье / И задёрганная честь...*», А. Тарковский), изобретению эгологизмов («*лимонничать*» – шутил.-ирон. «нежничать, любезничать», Ф. Достоевский) и пр. Особая роль здесь принадлежит средствам описания и выделения (умаления) признака (см. об этом § 2.3), участвующим в живописании образов («*безъякорный пловец*», В. Бенедиктов), а также глаголам, делающим такое описание динамическим («*Началось обсуждение. Говорили много, хвалили, горячились...*», К. Паустовский, см. об описании § 4.2).

Главной **синтаксической особенностью** художественных текстов выступает *избыточность*, состоящая в линейном увеличении лексической длины высказывания для более объёмного (выпуклого) представления образа. Для этого используется обширный арсенал имеющихся в языке синтаксических средств: вводные и определительные конструкции, средства повтора, контраста и перечисления, рекурсия и т. п. (см. об этом также § 2.8, 2.1), ср.: «*Я отдал себя всего тихой игре случайности, набегавшим впечатлениям; неторопливо смеясь, протекали они по душе и оставили в ней, наконец, одно общее чувство, в котором слилось всё, что я видел, ощутил, слышал в эти три дня, – всё: тонкий запах смолы по лесам, крик и стук дятлов, немолчная болтовня светлых ручейков с пёстрыми форелями на песчаном дне, не слишком смелые очертания гор, хмурые скалы, чистенькие деревеньки с почтенными старыми церквями и деревьями, аисты в лугах,*

¹⁰³ Патроева Н.В. Стилистика художественной речи : учебное пособие. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2018. – С. 157.

уютные мельницы с проворно вертящимися колёсами, радушные лица поселян, их синие камзолы и серые чулки, скрипучие, медлительные возы, запряжённые жирными лошадьми, а иногда коровами, молодые длинноволосые странники по чистым дорогам, обсаженным яблонями и грушами...» (И. Тургенев).

«Der Seekrankheit ausgeliefert, von ihrem ständig drohenden Ausbruch in Spannung gehalten, hatte er den ganzen Tag hindurch nicht gewagt sich zu rühren, indes, wenn auch gefesselt an sein Lager, das mittschiffs für ihn aufgeschlagen war, er fühlte nunmehr sich, oder richtiger seinen Körper und sein körperliches Leben, das er schon seit vielen Jahren kaum mehr als sein eigenes anzuerkennen vermochte, wie ein einziges nachtastendes, nachkostendes Erinnern an die Entspannung, von der er mit einem Male durchflutet gewesen, als die stillere Küstenzone erreicht worden war, und diese flutende, beruhigt beruhigende Müdigkeit wäre vielleicht eine geradezu vollkommene Beglückung geworden, hätte sich nicht, ungeachtet der heilsam kräftigen Meeresluft, neuerdings der plagende Husten eingestellt, die Erschlaffung durch das allabendliche Fieber, die allabendliche Beängstigung» (нем. «Терзаемый морской болезнью, весь в напряжённом и опасливом ожидании очередного её прилива, он целый день не решался и шевельнуться, так и лежал, прикованный к своему ложу, устроенному для него в самой середине корабля, ощущая себя, вернее, своё тело и свою телесную жизнь, которую давно уже воспринимал как чужую, ощущая всего себя как одно осторожное, ощупывающее воспоминание о том расслабленном покое, который и впрямь внезапно объял его, едва корабль вошёл в тихие прибрежные воды; раствориться в потоке этой мирволящей и умиротворённой, усталой неги было бы совершенным счастьем, если бы не донимал его вновь нажитый вопреки целительному морскому воздуху кашель, если бы не трепала его ежевечерняя лихорадка, как и ежевечерние страхи», Г. Брох, пер. Ю. Архипова).

«The sturdy landlord had a large pair of dull fish-like eyes, and the little man who had hazarded the remark about the moon (and who was the parish-clerk and bell-ringer of Chigwell, a village hard by) had little round black shiny eyes like beads; moreover this little man wore at the knees of his rusty black breeches, and on his rusty black coat, and all down his long flapped waistcoat, little queer buttons like nothing except his eyes; but so like them, that as they twinkled and glistened in the light of the fire, which shone too in his bright shoe-buckles, he seemed all eyes from head to foot, and to be gaz-

ing with every one of them at the unknown customer» (англ. «У дюжего хозяина «Майского Древа» были большие глупые рыбы глаза, а у человечка, который позволил себе замечание относительно луны (это был звонарь и причетник из ближней деревушки Чигуэлла), – чёрные круглые и блестящие глазки-бусинки; кроме того, у маленького звонаря на коленях порыжевших штанов, на столь же порыжевшем черном сюртуке и на длинном широком жилете сверху донизу были нашиты забавные пуговицы, которые ни с чем нельзя было сравнить, кроме как с его глазками, – зато на глазки они были до того похожи, что, когда поблёскивали и переливались в свете огня, отражавшегося и в блестящих пряжках его башмаков, то казалось, что причетник весь с ног до головы состоит из глаз и всеми ими смотрит на незнакомого гостя», Ч. Диккенс, пер. М. Абкиной).

В. Архитектоника художественных жанров в общем подчинена классической композиции речевых произведений (см. об этом подробнее § 4.3), а в частности – конструкционным особенностям создаваемых образов (экфрасиса), что обуславливает произвольное чередование прямой и авторской, монологической и диалогической речи (см. об этом § 4.1) в тексте художественного произведения при сохранении общей трёхчастности его построения.

Г. Фонетические особенности образно-художественного стиля определяются таким фактором особой (высокой) выразительности, как *эвфонией* (от гр. *εὐφωμία* – благозвучие), и связаны с изысканностью и непривычностью звучания ряда лексических единиц (архаизмов, диалектизмов, поэтизмов, эгологизмов и др.), а также трудностью их прочтения, например: *причѣтник, церквѣми, мирволящий*. Для постановочной драматургии действует собственный канон (от лат. *canon* – правило, норма, руководящее начало) произношения, стремящийся к отчётливости и возвышенности сценической речи. К примеру, в немецком языке это означает позиционное изменение вокализованного [ə] или увулярного (от лат. *uva* – гроздь; нёбный язычок) звука [v] (нем. *Zäpfchen-R*) на апекальный (от лат. *apex* – острие, кончик (языка)) [R] (нем. *Zungenspitzen-R*), вышедший из употребления в начале XX в., ср.: [ja: | vɛR "ve:Rs niçt 'gɛRn] («*Ja, wer wär's nicht gern?*», нем. «*Кто не хочет добрым стать?*», Б. Брехт, пер. С. Апта). Значимой фонетической чертой супрасегментного уровня выступает *звукосимволизм* как способность звукового ряда порождать образы (см. об этом подробнее

§ 2.7). К ритмико-интонационным и произносительным качествам устной художественной речи (при озвучивании, синхронизации, декламировании, цитировании и т. п.) предъявляются самые высокие требования в функциональном репертуаре: мелодичность, выразительность, целостность, чувственность, артистичность.

Вопросы для самоконтроля

1. В какой сфере используется образно-художественный стиль?
2. Какова тональность художественной речи?
3. По какой причине данный стиль признают многостильным?
4. Какие функции реализует художественная речь?
5. В каких значениях используется термин «беллетристика»?
6. Какие выделяют жанры художественной прозы?
7. Что понимается под художественно-образной речевой конкретизацией?
8. Каковы особенности грамматики художественной речи?
9. Что характерно для архитектоники художественных жанров?
10. В чём состоят фонетические особенности художественной речи?

3.7. Качественные признаки индивидуального стиля

В отличие от функциональных стилей, репертуар которых отбирается коллективно, индивидуальный стиль, или **идиостиль**, является результатом **индивидуального отбора** выразительных средств. Если в коллективном пользовании языком индивидуальность, как правило, запрятана, а сам пользователь обезличен, то в авторском она, наоборот, становится порождающим началом для тех особенностей стиля, которые качественно отличают его от принятого в обществе стандарта выражения. Таким образом, **характер речи** идиостиля – индивидуально-авторский, **тональность** – преимущественно возвышенная или сниженная, реже нейтральная. Индивидуальный стиль реализует **дезинтегративную функцию языка**¹⁰⁴ путём ограничения круга потенциальных адресатов и поэтому по своей сути антагонистичен (от гр. *ἀνταγωνιστής* – противник, соперник) функциональным стилям, объединяющим весь

¹⁰⁴ Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику : учебное пособие. – Москва : Наука, 1978. – С. 22–23.

языковой коллектив. Тем самым **программа речи** идиостиля состоит в опосредовании авторского восприятия действительности.

В функциональной стилистике принято различать понятия «*идиостиль*», «*идиолект*» и «*идиоглоссарий*». **Идиостиль** – это «структурно единая и внутренне связанная **система средств** и форм словесного выражения»¹⁰⁵ (см. о системе § 1.2). Под **идиолектом** понимаются структурные особенности речи отдельного индивида¹⁰⁶, противопоставленные особенностям форм коллективного речевого репертуара: социолекту, диалекту, койне, металекту и пр. (см. об этом подробнее § 1.4). **Идиоглоссарий** представляет собой семасиологически упорядоченный (см. об этом § 1.2) перечень/регистр используемых индивидом слов и выражений. Идиоглоссарий может быть оформлен как подарок ко дню рождения или памятной дате («*Так говорит наш шеф / мой брат / ваша дочь и т. п.*»), в котором идиостиль может охватываться не полностью, а быть представлен только наиболее интересными выражениями.

Будучи селекционным продуктом (см. об этом подробнее § 1.4), идиостиль связан с личностью автора, его индивидуально значимым восприятием действительности, словесностью его социальной среды, поэтому **стилеобразующими чертами** индивидуального стиля в широком смысле выступают: *субъективность, нестандартность, оригинальность*. В более узком смысле, такими чертами могут быть определённые принципы/приёмы организации текстовых произведений, восходящие к античной риторике, например: *автолógия* (от гр. *αὐτός* – сам) – речь без образов; *апейрокалúя* (от гр. *ἀπειρος* – неопытный, *καλός* – прекрасный) – стремление к излишней изысканности в речи; *брахилогία* (от гр. *βραχύς* – краткий) – краткость стиля; *макролógия* (от гр. *μακρός* – растянутый) – многоречивость, многословие (противоположность брахилогии); *мегалопрепéя* (от гр. *μεγαλόπρεπεια* – пышность, великолепие, щедрость) – торжественность в речи; *омойолógия* (от гр. *ὁμοίος* – одинаковый) – монотонность, вязкость стиля; *парессúя* (от гр. *παρρησία* – откровенность) – свободная, дерзновенная речь и т. п.

¹⁰⁵ Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – Москва : АН СССР, 1963. – С. 105.

¹⁰⁶ Котюрова М.П. Идиостиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка ; под ред. М.Н. Кожинной. – 2-е изд., стер. – Москва : Флинта: Наука, 2011. – С. 95.

В структуре идиостиля обычно не выделяют собственные **подстили и жанры**, речь идёт скорее о наполнении уже существующих авторским содержанием, придающим им уникальные черты. Собственно идиостилевые жанры, при их наличии, образуются по формуле

индивидуальная форма = индивидуальное содержание.

Это могут быть прецеденты *автокоммуникации* (письма самому себе в ближайшее, далёкое или необозримое будущее), *ритуализованные* (обращение к умершим, благословление предков), *игровые* (интервью с куклой), *воспитательные* (дневник поведения), *сценические* (декламация собственных сочинений под музыку) и другие жанры.

Несмотря на единство идиостиля и конкретных текстовых произведений, его природу в значительной степени определяют **идиолектные языковые особенности**. Следует подчеркнуть, что далеко не все отхождения от коллективного узуса автоматически являются идиолектными. Окказиональные вкрапления («дрыгоножество» у В. Маяковского, «черноречивое молчание» у В. Мандельштама) не идентичны идиолектным выражениям, так как адаптированы под текущую выразительную задачу (от лат. *ad hoc* – для этой цели) и тем самым неотделимы от контекста, а ошибки (*встретиться с Иваном *Сухихом* вместо: *Сухих, километр* вместо: *километр*) как непреднамеренные отклонения от правил использования языка возникают в речи стихийно (см. об этом подробнее § 2.8). Следовательно, об идиолекте уместно говорить лишь в том случае, когда присутствуют **упроченные и регулярно воспроизводимые** в речи автора **репертуарные отличия** от коллективного стандарта выражения, подразумевающие принятие или непринятие автором сложившихся языковых норм (см. об этом также § 1.3), ср.: *у меня только сегодня ноги дошли* (вместо: ***руки дошли***); *мы ходим на стадион радоваться за нашу команду* (вместо: ***болеть за нашу команду***); *«хотя я постоянно и сижу за компьютером, по части компьютерной грамотности я скорее самовар, нежели чайник»* (Ю. Мухин).

Так как **главным качественным признаком** идиолектных выразительных средств является их *специфичность* (от лат. *specificus* – преобразующий), отражающая индивидуальный характер речевого отбора, зачастую они обозначаются **индивидуально-авторскими**. Такие выражения содержатся во всех группах стилистических средств, описанных во второй главе, ср. **метафору** «Убивали любовь, убивали в четыре ру-

ки...» (Ю. Воронов), **сравнение** «Повсюду буйство красок, как салют...» (К. Бальмонт), **эпитет** «Кудрявый сумрак за горой...» (С. Есенин), **гендиадис** «*shaman-showman*» (англ. «шаман-шоумен», А. Бэотти, пер. наш – Ю. К.), **адноминацию** «Сказанием встаёт Казань...» (В. Маяковский), **двойной смысл** «спёртый (= украденный) воздух» (А. Кнышев), **антономазию** «красный доктор», которым называли то Наполеона (Ж. Лафит), то К. Маркса (Т. Драйзер), **гиперболический перифраз** «овечий царь» (так Л. Брежнев прозвал М. Горбачёва), **хиазм** «дни ночей – ночи дней» (Е. Чернышёва).

Как и у стилей коллективного пользования, **языковые особенности** идиостиля разделяются: 1) на лексические, 2) грамматические, 3) архитектурные, 4) фонетические.

1. Экспонентом (от лат. *expono* – выставлять, излагать), то есть главным представителем **лексических особенностей** идиостиля, выступают **эгологизмы** (от лат. *ego* – я), или **слова-самоделки**, которые создаются по окказиональным или малопродуктивным словообразовательным моделям и характеризуются индивидуально-авторским своеобразием, броской новизной и оценочностью, ср.: *возмущенец* (недовольный), *дехламизация* (избавление от ненужных вещей), *игрушкаться* (надоедливо играть). К эгологизмам относятся в том числе экспрессивно-семантически окрашенные **прецеденты авторской деэтимологизации** (см. об этом также § 2.5) с эффектом комического (*первопроходец* вместо: *первопроходец*, *уедиенция* вместо: *аудиенция*) и **продукты дословного, натуралистического или побуквенного перевода**, например: *иметь деревянную морду* (фр. *avoir la gueule de bois* – «страдать от похмелья»), *геополитические актёры* (от нем. *geopolitische Akteure* – субъекты геополитики), *коннекшн* (от англ. *connection* – связь, контакт). Слова-самоделки могут быть получены путём **конверсии** («*Steine feinden...*» – нем. «**Враждуют** камни...», А. Штрамм, пер. наш – Ю. К.; окказиональный глагол *feinden* образован от имени существительного *Feind* – враг), **префиксации** (**оберпоп** – презр. *патриарх*, по аналогии с военными чинами вооружённых сил нацистской Германии **оберфюрер**, **оберляйтер** и т. п.), **словосложения** (*кочаноголовый*), **акронимизации** (*ИПЧ* – изрядно подвыпивший человек), **деонимизации** (*дикавендиший монопристлишеелелавуазыит* – возможное название воды в честь первооткрывателей Г. Кавендиша, Дж. Пристли, К. Шееле и А. Лавуазье, «Наука и жизнь») и другими моделями словообразования (см об этом также § 2.1).

В различной степени для идиостиля характерно употребление **архаизмов** (для *плезуру* – ради удовольствия; *добираться на пешкарусе / пешкарусом* – аллюзия к названию марки городских автобусов «Ikarus» венгерского производства, массово использовавшихся в СССР), **поэтизмов** (жемчужные зубы), **вульгаризмов** (надрынькаться, задрюкать), **неологизмов** (фрозгинг, от англ. *frog* – лягушка: тайное проживание в чужом доме), **заимствований** (дева́йс, от англ. *device* – прибор, устройство), **диалектизмов** (кóчет – петух, захилеть – ослабеть после болезни), **терминов** (астенизация, от гр. *ἀσθενής* – слабый, болезненный: нервно-психическая слабость) и **профессиональных жаргонизмов** (ма-сяни – студенты младших курсов).

① Поэтизмы разделяются на абсолютные и контекстные. Абсолютные сохраняют патетическую окраску независимо от контекста, например: *пи́ит* (поэт. устар. поэт), *Zähre* (нем. поэт. слеза), *ba-le* (англ. поэт. зло). Контекстные поэтизмы – это единицы, которые принадлежат к регистрам, расположенным на шкале оттенков экспрессивно-семантической окраски ниже напыщенной (см. об этом § 1.3), но приобретают её в контексте сообразно с возвышенным тоном повествования (см. о тональности § 4.3), ср. единицу «взгляд» в следующей цитате: «Твой взгляд – да будет твёрд и ясен...» (А. Блок). Поэтизмам противопоставляются прозаизмы, под которыми понимаются слова и сочетания, включённые в стихотворное произведение, но не свойственные поэтической речи, к примеру: «Гражданин фининспектор!» (В. Маяковский).

2. К **грамматическим особенностям** идиостиля относится предпочтительное использование определённых частей речи («*стонуц и то-нуц*», А. Вознесенский), экспрессивных аффиксов (**недоанглосакс**, **па-цанва**), форм слов (**деламши**, **100 рублёв**), повторов («Беспорядок на его столе вселяет некую надежду, потому что, **возможно**, он дезорганизовался и снизил свою эффективность. И тогда, **возможно**, у нас останется чуть больше денег. **Возможно**, что это не будет столь разрушительно, как ваучерная приватизация, дефолт, разрушение демократии сохранением Ельцина на второй срок или реформа электроэнергетики», М. Делягин), авторского порядка слов («В ночь на двадцатое, узнал я потом, когда вспоминали другие, а мне полегчало, – в ночь на двадцатое ждали жертв», С. Носов) и т. п. Отдельного

упоминания заслуживает идиолектная итерация, при помощи которой автор буквально «впечатывает» слова в сознание слушателя/читателя, ср.: *сегодня... сегодня... мы... мы... поговорим... поговорим... о... о...* Люди, повторяющие слова дважды, прибегают к синтаксической избыточности, свойственной природе гендиадиса (см. об этом § 2.4), преимущественно с целью суггестии (внушения) или в дидактических целях, создавая своего рода эхо-повтор собственной речи.

3. Архитектонические особенности идиостиля в значительной мере связаны с приёмами смыслового выдвигания, которые обеспечивают выделение важнейших содержательных элементов текста и активизируют внимание адресата¹⁰⁷, поэтому объёмно-прагматическое членение авторских произведений, как правило, подчинено контекстно-вариативному. В нарративных жанрах (повесть, рассказ, мемуары и т. п.) повествование может носить нелинейный/анахронический характер: начинаться *medias in res* (лат. *в середине дела*), быть пронизанным флешбэками (от англ. *flashback* – обратный кадр), то есть сценами воспоминаний, реминисценциями (от лат. *reminiscentia* – воспоминание), заключающимися в использовании структурных элементов ранее известных произведений и т. д. (см. о повествовании также § 4.2). Архитектоника спонтанной идиолектной речи всецело зависит от авторской интенции (от лат. *intentio* – стремление, намерение), фокусировки внимания на её наиболее значимых смысловых составляющих, эмоционального и эстетического фона, характера подачи информации, коммуникативных и речеповеденческих привычек автора и т. п.

4. Фонетическая сторона идиолектной речи варьируется сообразно с возможностями её преобразования, поэтому диапазон такого варьирования достаточно широк и простирается от имитации иноязычного акцента (см. об этом § 2.6) до примитивного коверканья звуков (ротацизм (от гр. *ῥῶ* – буква ро) – дефектное произношение звука [r], шепелявость и пр.), например, с целью создания пародии. При этом такое препарирование звукового состава лексических единиц должно носить в идиостиле систематический характер или быть закреплённым за определёнными индивидуальными жанрами. Данный вывод справедлив и в отношении особенностей диалектной речи, звуковая сторона которой может разительно отличаться от литературного стандарта. Следует помнить, что фонетические особенности диалекта не тожде-

¹⁰⁷ Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / науч. ред. Н.Е. Бухаркин. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 1999. – С. 205.

ственны таковым идиостиля, однако могут составлять его самобытность. Симптоматическими явлениями могут выступать любые количественные преобразования звукового состава, описанные в § 2.5, ср. диерезу **offensili* (от нем. *offensichtlich* – очевидно) в речи немецкого педагога¹⁰⁸.

Вопросы для самоконтроля

1. Какой отбор выразительных средств лежит в основе создания идиостиля?
2. Какую функцию языка реализует индивидуальный стиль?
3. Каковы его стилеобразующие черты?
4. По какой формуле образуются индивидуальные подстили и жанры?
5. Что понимается под идиолектными языковыми особенностями?
6. Какой главный признак идиолектных выразительных средств?
7. Что выступает экспонентом лексических особенностей идиостиля?
8. Каковы грамматические особенности индивидуального стиля?
9. Что свойственно для архитектоники идиостиля?
10. Чем характеризуется фонетическая сторона идиолектной речи?

¹⁰⁸ Пример взят с сайта: Lehrersprüche // Abi 2000 – KGW. Die Jagd ist zu Ende! – Режим доступа: <https://sumpfvogel.tripod.com/kgw/lehrer.htm>.

ГЛАВА 4. АСПЕКТЫ СТИЛИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РЕЧЕВЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

4.1. Виды речи

Поскольку речь является экраном функционирования языка, её можно анализировать в различных аспектах: поведенческом (перформативном), познавательном (гносеологическом), ценностном (аксиологическом) и т. п. Очевидно, что аспекты анализа связаны с языковыми функциями, реализуемыми говорящим в речи, следовательно, **объектом стилистического анализа** речевых произведений является реализация экспрессивной функции языка главным образом через выразительные средства, содержащиеся в тексте. Переход от выразительного средства к тексту обозначается **синтезом речи** (↑), а переход от текста к средству – **анализом речи** (↓), рис. 20.

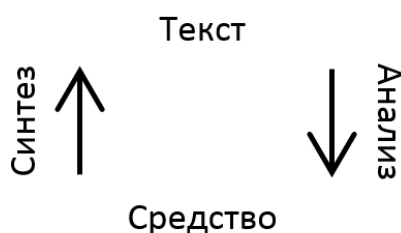

Рис. 20. Синтез и анализ речи

Анализ и синтез – два неразрывно связанных друг с другом логических приёма. **Анализом** (от гр. *ἀνάλυσις* – разложение) называется операция мысленного расчленения целого, выделения в нём отдельных частей и свойств, а **синтезом** (от гр. *σύνθεσις* – связывание) – приём мысленного соединения таких частей и свойств в единое целое. Синтез речи осуществляется путём **агрегации** (лат. *aggregatio* – «присоединение») словарных элементов в словесное произведение. Анализ речи проводится в обратном направлении путём **сегрегации** (от лат. *segregatio* – отделение, обособление), то есть разделения текста на составляющие (элементы) (см. об этом также § 4.5).

Неоднородность речевых произведений побуждает выделять при их стилистическом анализе *виды* и *формы* (см. об этом подробнее § 4.2) *речи*, различающиеся по своему функциональному назначению. **Виды речи** являются способами осуществления речевой деятельности и классифицируются по девяти основаниям: 1) по социальной, 2) функцио-

нально-стилистической принадлежности, 3) принадлежности к говорящему, 4) способу, 5) виду, 6) характеру коммуникации, 7) направленности, 8) способу представления, 9) степени подготовленности.

1. По **социальной принадлежности** речь бывает *индивидуальной* и *коллективной*. Особенности **индивидуальной (идиолектной) речи** описаны в § 3.7. **Коллективная речь** коррелирует с формами коллективного репертуара языка (см. об этом также § 1.4) и подразделяется на социолектную, диалектную, креольскую, жаргонную и т. п.

2. По **функционально-стилистической принадлежности** различают *научную, публицистическую, деловую, обиходную и художественную* речь, описанию особенностей которых посвящена третья глава. Гиперонимом для всех функционально-стилистических разновидностей речи является термин **литературная речь**.

3. По **принадлежности к говорящему** речь разделяют на *собственную* и *чужую*. Термин *чужая речь* в функциональной стилистике многозначен. **Во-первых**, под ним понимается речь третьего лица, включённая в собственную, и зачастую выделяемая особыми интонацией и ритмом, например: «*Сижу в вагончике, повторяю текст, жду начала. А рядом со мной симпатичная актриса из Ростова, тоже что-то читает. Разговорились. И тут она мне говорит: „А не Вы ли моим мужем будете?“*» (из Рунета). Чужой речью в этом значении может выступать также собственная речь, произнесённая ранее. **Во-вторых**, в более широком смысле чужой называется речь человека, не принадлежащего к языковой общности говорящего, или иностранца, и в этом случае она может передаваться при помощи иноязычного акцента (см. об этом также § 2.6), ср. речь товарища Саахова в художественном фильме «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика» (1966, реж. Л.И. Гайдай). **В-третьих**, в общем смысле чужой считается вообще речь любого постороннего, незнакомого человека или не участвующего в коммуникативном взаимодействии говорящего и слушающего, ср.: «**Слов чужих не слушай никогда...**» (Г. Семёнова).

① Действенным способом различения «своих» и «чужих» является *шибболёт* (от ивр. לָלוּבִּיֵשׁ – течение) как своего рода «речевой пароль». Так, для выявления шпионов в военное время используются специальные слова, выговорить которые под силу лишь «своим», то есть членам определённой языковой общности, ср. причастие «выкристаллизовывающийся» в русском языке, которое не в состоянии произнести большинство иностранцев, а также украинизм «паляница» (укр. хлеб).

4. По способу коммуникации речь разделяется: а) на письменную, б) устную, в) дактильную, г) жестовую. Письменная, дактильная и жестовая речь используют **зрительный канал** передачи информации, а устная речь – **звуковой**. Устная и письменная речь относятся к **вербальным** (от лат. *verbum* – слово, глагол), а дактильная и жестовая – к **невербальным** средствам коммуникации.

Рис. 21. Смоленская «капсула времени»¹⁰⁹

А. **Письменная речь** – это вид речевой деятельности, основанный на устойчивой графической фиксации знаковой информации в форме письменного текста, создание которого предполагает строгое соблюдение литературных норм. Письменные тексты пишутся и читаются, а передача мыслей в письменном виде позволяет преодолеть пространственные и временные ограничения. Для ускоренного преодоления последних авторы текстов традиционно прибегают к услугам почты: ранее – лошадиной, голубиной и бутылочной, сегодня – преимущественно электронной. В СССР были популярны послания потомкам, помещавшиеся обычно в так называемые «капсулы времени», на которых указывалась дата вскрытия, ср. информацию на рис. 21. В сущности, любые литературные произведения, созданные на письменной основе, так или иначе направлены на преодоление пространственных и вре-

¹⁰⁹ Изображение взято с сайта: Смоленск получил послание из прошлого: текст Д. Раичева, фото О. Лисиновой // Российская газета. 28.09.2013. – Режим доступа: <https://rg.ru/2013/09/28/reg-cfo/letter.html>.

менных ограничений. В этом заключается суть «бессмертия» их создателей, продолжающих взаимодействовать с читателями даже после собственной кончины.

Б. Устная речь – это вид речевой деятельности, предполагающий осуществление речевых высказываний (говорение) и их понимание в звуковой форме. Устные тексты произносятся и слышатся, а передача информации через звуковую волну направлена на преодоление только пространственных ограничений и невозможна в вакууме. Устная речь следует собственным нормам, менее строгим, чем письменная, и допускает содержательную избыточность (повторы, тавтологию), экономию речевых усилий (эллипсы), синтаксическую (линейную) прерывистость, использование невербальных средств коммуникации (мимики, жестов) и т. д. (см. об особенностях разговорной речи § 3.5). Устная речь бывает *спонтанной* и *подготовленной*. Жанрами спонтанной (от лат. *spontaneus* – самопроизвольный, добровольный) устной речи являются: *беседа, интервью, дискуссия*. К жанрам подготовленной устной речи относятся: *сообщение, доклад, отчёт, лекция, презентация, декламация*. Жанр *обсуждения* может быть как подготовленным, так и спонтанным.

В эпоху цифровой коммуникации устная речь может оформляться графически с использованием (анимированных) *иконических* (от гр. *εἰκών* – образ, изображение) символов: *пиктограмм* (от лат. *pictus* – начертанный, гр. *γράμμα* – письменный знак, буква), передающих важнейшие черты описываемого объекта (→, ✨, ☺); *эмотиконов* (от англ. *emotion icon* – иконка с эмоцией) как разновидности пиктограмм, отражающей эмоциональные состояния участников коммуникации (☺, ☹, ☹); *интернет-мемов* (см. о мемах также § 2.4) как сатирических медиаобъектов, конденсирующих определённый культурный опыт (*Да ладно!*) и т. п. Такая форма устной речи характеризуется предельно низкой степенью приверженности литературным нормам языка, допускающей вольность графической передачи (графоны, ошибки, см. об этом подробнее § 2.6, 2.8) и смыслоразличительные расхождения с орфографическим обликом слов (двусмысленность), ср.: «Я в химии не **селен**. – Да и в русском ты не **алюминий**» (из Рунета).

В. Дактильная (от гр. *δάκτυλος* – палец) **речь**, или **ручная (пальцевая) азбука**, представляет собой систему дактильных знаков (дактилём), соответствующих буквам определённого алфавита, и используется для общения (с) глухими людьми в соответствии с нормами орфографии, по-

этому может применяться в специальных школах для детей с нарушениями слуха как система формирования речи. Существуют *одноручная* (рис. 22) и *двуручная* дактилологические системы, которые могут сопровождаться *маноральной* (от лат. *manus* – рука, *oralis* – устный) речью, предполагающей визуальное считывание слов с губ говорящего. Слова при дактилировании произносятся плавно и разделяются паузами.

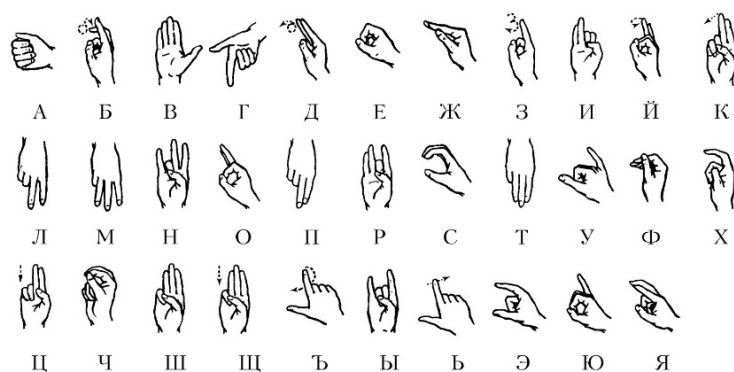

Рис. 22. Дактильная речь¹¹⁰

Г. Жестовая речь является самостоятельной знаковой системой, которая строится на жестикулярно-мимической (кинетической, от гр. *κίνησις* – движение) основе и применяется главным образом в общении глухих и слабослышащих, однако может использоваться и слышащими в ритуальных практиках (во время охоты, инициации, прощания с умершими и т. п.) и для сурдоперевода (от фр. *sourd* – глухой). Речевые жесты складываются из трёх видов *хирем* (от гр. *χείρ* – рука), соответствующих фонемам звукового языка: указывающих на место исполнения действия, конфигурацию руки и характер движения¹¹¹. Особенности речевых жестов выступают конкретность, образность, аморфность (неспособность выразить грамматическое значение слова – род, число, падеж), пространственность (способность выразить сложную конструкцию одним жестом) и нелинейность синтаксиса.

5. По виду коммуникации различают *монологический* и *диалогический* виды речи. **Монологическая** (от гр. *μόνος* – один, единственный, *λόγος* – слово, речь) речь образуется в результате непрерывной речевой деятельности, в то время как **диалогическая** (от гр. *διάλογος* – беседа,

¹¹⁰ Изображение взято с сайта: Дактилология // Большая российская энциклопедия. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/education/text/2627873>.

¹¹¹ Беликов В.И. Языки жестов // Лингвистический энциклопедический словарь ; под ред. В.Н. Ярцевой. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – С. 153.

разговор двоих), или **прерывная речь**, предполагает обмен высказываниями (репликами). Если для диалога характерна устная разговорная речь, то для монолога – синтез разговорной и книжной речи. Монолог адресован, как правило, публике или воображаемому собеседнику, чем и оправдывает своё латинское обозначение **soliloquium** (лат. *саморазговор*). Характер монологической речи в значительной степени зависит от композиционно-речевых форм словесных произведений (см. об этом подробнее § 4.2), которые (формы) нередко выдаются за виды монологов.

Разновидностями диалогической речи выступают: *бытовой разговор, деловая беседа, собеседование, интервью и переговоры*¹¹². В художественной прозе (см. об этом § 3.6) выделяют *сократический диалог* как жанр литературы, представляющий собой обсуждение и поиск решения моральных и философских проблем несколькими лицами. Примером сократического диалога является труд Платона «Кратил» (≈422 г. до н. э.), в котором обсуждается тезис о том, что истинными и ложными могут быть не только высказывания, но и имена, и названия. М.П. Брандес обозначает монолог, диалог и чужую речь архитектурно-речевыми формами¹¹³. В цифровой коммуникации выделяют *строгий диалог*, построенный из серии голосовых или письменных сообщений и исключающий возможность прервать собеседника. Такой тип диалога характеризуется строгой последовательностью реплик и ответных реакций (в том числе в виде иконических символов), чем и объясняется его название.

① *Многими языковедами наряду с монологической и диалогической выделяется полилогическая (от гр. πολύς – многий, многочисленный) речь как разговор между несколькими участниками коммуникации, с чем решительно нельзя согласиться, поскольку количество говорящих не является дифференциальным признаком полилога. Верным представляется отнесение последнего как разговорного жанра (с возможностью воспроизведения в художественном тексте) к диалогической (прерывной) речи, так как даже при наличии нескольких участников коммуникации синхронно диалог могут вести только*

¹¹² Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Речевая коммуникация : учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Инфра-М, 2008. – С. 144.

¹¹³ Брандес М.П. Стилистика немецкого языка : учебник. – Москва : Высшая школа, 1983. – С. 88–91.

двое. Если же речь адресована нескольким участникам, то такая речь становится монологической.

6. По характеру коммуникации речь разделяют на активную и пассивную. **Активная речь** порождается говорящим или пишущим самостоятельно, в то время как **пассивная речь** носит подражательный характер. Она либо произносится вслед за активно говорящим (например, во время клятвы, молитвы и т. п.), либо читается вслух или про себя. Пассивная речь существует и в письменной форме в виде диктанта, протокола, декларации, заявления, осведомительского сообщения, комментария к редакторской правке текста «с моих слов записано верно», уведомления о получении почтового отправления или пересылаемого груза «доставлено без повреждений, претензий не имею» и т. п. В зависимости от характера коммуникации формируется активный или пассивный функциональный репертуар, который неправомерно ограничивать лишь запасом слов, так как любая речь имеет жанровую и стилевую специфику. Так, индивидуальные жанры и стили (см. об этом подробнее § 3.7) могут быть активной или пассивной природы и существенно определять характер речевой деятельности индивида.

7. По характеру направленности различают: а) внешнюю, б) внутреннюю речь.

А. **Внешняя речь** анатомична, поскольку в её порождении участвует не только звук (фонация), но и респирация (дыхание) и артикуляция (постановка органов речи). Речь подавляющего большинства языков планеты артикулируется на выдохе, при этом дыхание осуществляется ртом и называется речевым дыханием, особенностью которого является большая продолжительность выдоха в сравнении со вдохом (при физиологическом дыхании вдох равен выдоху).

Б. **Внутренняя**, или **интраперсональная** (от лат. *intra* – внутри, *persona* – актёрская маска, роль, личность), **речь** деанатомизирована, то есть не требует фонации, респирации и артикуляции, и может пониматься двояко: во-первых, как планирование и контроль речевых действий и, во-вторых, как внутреннее (беззвучное) проговаривание мыслей (рассуждение). В нейрофизиологии внутренняя речь приравнивается к рассудочному (неокортикальному) мышлению, функционирующему неизменно на языковой основе. Выделяют три типа внутренней речи: i) внутренний монолог, ii) внутренний диалог, iii) простое внутреннее реплицирование.

I. **Внутренний монолог** представляет собой неозвученную непрерывную речь, обращённую к самому себе, и как выразительный приём присущ текстам образно-художественного стиля, ср. самовнушение А. Карениной перед роковым поступком: *«Туда! – говорила она себе, глядя в тень вагона, на смешанный с углём песок, которым были засыпаны шпалы, – туда, на самую середину, и я накажу его и избавлюсь от всех и от себя»* (Л. Толстой).

II. **Внутренний, или фиктивный, диалог** есть последовательность прерывных высказываний, порождаемых вслух или про себя различными ипостасями (от гр. *ύπόστασις* – сущность) Я говорящего (субличностями), например Я-взрослым, Я-ребёнком, Я-руководителем, Я-подчинённым, Я-прошлым, Я-будущим и т. п. Довольно часто жанровая реализация внутреннего диалога обнаруживает природу конфликта (спор, ссора, словопрение, упрёки) между указанными ипостасями, в силу чего изучение данного типа внутренней речи входит в том числе в задачи психологии. Примером интраперсональной диалогической рефлексии, сменяющей диалоги с мамёнкой, могут служить рассуждения героя Г. Вицина в к/ф «Женитьба Бальзамина» (1964, реж. К. Воинов), ср.: *«А если по две (тыщи) в год? – Всё на полтора года лет хватит...»*

III. **Простое внутреннее реплицирование** – это неозвученные разрозненные, компактные реплики-комментарии к определённым (в том числе неречевым) ситуациям. В текстах образно-художественного стиля внутренние реплики представлены, как правило, экспрессивно-семантически окрашенными восклицательными конструкциями и могут отделяться от обычной речи персонажей скобками, тире и кавычками¹¹⁴, например: *«Голубчик, у меня ни копейки! Впрочем, хорошо, хорошо! То есть я не обещаю, а понимаешь ли... отлично, отлично! (В сторону.) Замучили!»* (А. Чехов).

8. **По способу представления** речь бывает: а) прямой, б) косвенной, в) несобственно-прямой, г) авторской. Виды речи, выделяемые по данному основанию, свойственны текстам образно-художественного стиля.

A. **Прямая, или персонажная, речь** (лат. *oratio recta*) представляет собой дословную передачу слов говорящего или пишущего. На письме такая речь обычно заключается в кавычки. Для неё характерно сохранение всех репертуарных (жанровых, стилистических) и языковых (лекси-

¹¹⁴ Блох М.Я., Сергеева Ю.М. Внутренняя речь в структуре художественного текста. – Москва : Прометей, 2011. – С. 18.

ческих, грамматических, фонетических) особенностей речи, ср.: «*Товарищи! Рабоче-крестьянская революция, о необходимости которой всё время говорили большевики, свершилась!*» (В. Ленин).

Б. **Косвенная, или непрямая, речь** (лат. *oratio obliqua*) передаёт слова говорящего или пишущего в обобщённом виде, как правило, через придаточное дополнительное, к примеру: «*Государь велел передать вам, казаки, что отныне вы не станете творить противных его воле дел и поступков, как это было при кошевом Серко Иване, что будете верны его царскому величеству. А для того вы должны дать присягу на верность ему и целовать крест*» (А. Красницкий). В немецком языке косвенная речь может передаваться при помощи модальных глаголов *sollen* (нем. *долженствовать*) и *wollen* (нем. *хотеть*), ср.: *Anna soll die Klassenbeste sein* (нем. *говорят, что Анна лучшая в классе*), *Anna will die Klassenbeste sein* (нем. *Анна утверждает о себе, что лучшая в классе*). Косвенная речь допускает отступление от авторского содержания высказывания, смещение акцентов, выгодное интерпретатору, и оценку передаваемого высказывания.

В. **Несобственно-прямая, или прожитая, речь** (лат. *oratio mixta*) – гибридная форма прямого и косвенного видов речи, служащая для передачи чужой речи в первом определении (см. пункт 3) и оформляемая без слов автора (см. далее). Здесь наблюдается совмещение объективного плана автора и субъективного плана персонажа, служащее для трансляции мыслей и умонастроений, а также раскрытие характера персонажа, например: «*Раскольников был в чрезвычайном волнении. Конечно, всё это были самые обыкновенные и самые частые, не раз уже слышанные им, в других только формах и на другие темы, молодые разговоры и мысли. Но почему именно теперь пришлось ему выслушать именно такой разговор и такие мысли, когда в собственной голове его только что зародились... такие же точно мысли?*» (Ф. Достоевский).

Г. **Авторская речь, или слова автора** (лат. *verba dicendi*), есть элементы авторского повествования в текстах образно-художественного стиля, комментирующие речь персонажей и характеризующие их облик, поступки и т. п., к примеру: «*Этакое богатое тело! – продолжал Базаров, – хоть сейчас в анатомический театр*» (И. Тургенев). Словам автора свойственна нейтральная экспрессивно-семантическая окраска, придающая им объективность и отстранённость.

9. По степени подготовленности речь бывает *подготовленной* и *спонтанной*. **Подготовленная речь** порождается, как правило, до вступления в акт коммуникации, и может сопровождаться графической фиксацией (а позже считываться с письменной заготовки / «шпаргалки»). **Спонтанная речь** имеет преимущественно устную форму и продуцируется говорящим без предварительной подготовки, в силу чего может содержать нарушения связности и последовательности расположения структурных элементов композиции (см. об этом подробнее § 4.3). Тем не менее данный вид речи высоко ценится в полевых исследованиях при работе с информантами и респондентами, так как позволяет получить оперативную информацию, так сказать, «из первых уст» (см. об этом также § 4.5).

① Существует практика выделения «видов текстов» наряду с видами речи, например в лингвистике – «рекламных», «инструктирующих», «технических», в лингводидактике – «учебных», «(квази)аутентичных», «креолизованных» текстов и т. п. В данном случае можно констатировать отождествление понятий «вид» и «тип», различие между которыми преимущественно языковой природы. Видом обозначается определённая форма существования, применительно к текстам это могут быть их семиотические разновидности: гипертексты, интертексты, паратексты и др. Например, в риторике различают следующие виды публичных речей: развлекательную, информационную, агитационную, убеждающую и призывающую к действию. Аристотель разделяет речь на эпидейктическую (от гр. ἐπιδεικτικός – выставяющий напоказ), то есть хвалебную, аподиктическую (от гр. ἀποδεικτικός – убедительный), то есть судебную, и произносимую перед народом¹¹⁵. Тип – это определённое множество явлений, объединённых общими признаками, и применительно к текстам правильнее говорить о типах, которые неотделимы от видов речи. Существуют устные, монологические, научные и другие типы текстов. Внутри типов принято выделять жанры, или сорта, текстов (см. о жанрах подробнее § 1.3). Здесь основанием для деления выступает ситуативная обусловленность речевого произведения (жанр клятвы, инструкции, поздравления и т. п.). Зачастую под «видами» или

¹¹⁵ Аристотель. Риторика. Поэтика : сборник / пер. с древнегр. Н. Платоновой, В. Аппельрота. – Москва : АСТ, 2018. – С. 273–278.

«типами» текста понимают также композиционно-речевые формы как шаблоны создания речевых произведений (см. об этом § 4.2).

Вопросы для самоконтроля

1. Что является объектом стилистического анализа речевых произведений?
2. Что понимается под анализом речи?
3. Как осуществляется анализ речи?
4. По каким основаниям классифицируются виды речи?
5. Каким гиперонимом обозначаются все функционально-стилистические виды речи?
6. Как определяется в функциональной стилистике чужая речь?
7. Какие ограничения позволяет преодолеть письменная речь?
8. Какая речь называется маноральной?
9. Какие выделяются разновидности диалогической речи?
10. Какое сочетание верное и почему: «вид текста», «тип речи», «тип текста»?

4.2. Формы речи

Формами речи в функциональной стилистике обозначаются «сложные функциональные тексто-речевые единства, структурирующие мысль, упорядочивающие её развитие и придающие ей целостность и законченность»¹¹⁶. Формы речи задают **структурное содержание** текста, определяют его логическую и смысловую организацию, участвуют в построении речевого произведения (см. об этом подробнее § 4.3), благодаря чему получили второе обозначение: **композиционно-речевые формы (конструкции)**. Если жанр – это род текстов, схожих по формально-содержательным признакам, то формы речи – структурные **каркасы текста**. Именно поэтому нельзя считать верными практики признания формами речи таких жанров, как «сообщение», «объяснение», «инструкция» и т. п. К формам речи также ошибочно относят определение, суждение, умозаключение, аргументацию, являющиеся логическими действиями.

¹¹⁶ Домашнев А.И., Шишкина И.П., Гончарова Е.А. Интерпретация художественного текста: Немецкий язык : учебное пособие. – Москва : Просвещение, 1989. – С. 74.

В риторике композиционно-речевые формы понимаются как **способы представления предмета речи**: его можно описать, о нём можно повествовать и рассуждать. Так, описание представляет сам предмет, повествование – действие, а рассуждение – отношение предмета и действия. Повествование задействует память и воображение, описание – чувственное восприятие и созерцание, а рассуждение – рассудок¹¹⁷. Классик риторики И.К.Ф. Ринне предлагает различать два вида представляемых предметов речи: *рациональные* и *повествовательные*. **Рациональные** (лат. *genus rationale*) представляют понятия и утверждения, вытекающие из понятий, а **повествовательные** (лат. *genus historicum*) – отдельные факты¹¹⁸. Тем самым рациональные (рассудочные) предметы речи можно отнести к области интралингвистики, а повествовательные – к области экстралингвистики (см. об этом подробнее § 1.2).

В современной функциональной стилистике выделяются **три основных композиционно-речевых формы**: 1) описание, 2) повествование, 3) рассуждение.

1. **Описание** служит передаче состояния предметов и их свойств. **Структурным содержанием** описания выступает пространственное соположение определённого предмета и его свойств, которые изображаются в тождественности самим себе, поэтому в описании преобладает связь *корреляционного* типа (от лат. *correlatio* – взаимоотношение). **Признаками описания** являются: перечисление свойств и элементов предмета речи, упоминание деталей в порядке их значимости, наличие единого плана описания. Описание отвечает на **вопрос** «Каков предмет речи?».

Всего существует **три разновидности единого плана описания**, которые не ограничены рамками какого-то отдельного функционального стиля: *единый план прошедшего, настоящего времени* и *номинативное описание*. **Единый план прошедшего времени** используется для изложения событий прошлого или констатации свершившихся фактов (*в съёмках фильма принимали участие актёры московских театров*); **единый план настоящего времени** носит логический, «вневременной» характер и описывает «универсальные истины» (*мембрана отделяет содержимое клетки от внешней среды*); **номинативное описание**

¹¹⁷ Русецкая О.Н., Лазарева В.А. Композиционно-речевые формы и структурная организация текста // Вестник Амурского государственного университета. – 2009. – Вып. 44. – С. 117.

¹¹⁸ Rinne J.K.F. Theoretische deutsche Idealstillehre. Philosophisch und sprachlich neu entwickelt. – Stuttgart : Balz'sche Buchhandlung, 1845. – S. 374.

называет и перечисляет свойства предмета речи и/или соположенные предметы («*В Париже ночи сырые, тёмные, розовеет мглистое зарево на непроглядном небе, Сена течёт под мостами чёрной смолой, но под ними тоже висят струистые столбы отражений от фонарей на мостах, только они трёхцветные: белое, синее и красное – русские национальные флаги. Тут на мосту фонарей нет, и он сухой и пыльный. А впереди, на взгорье, темнеет садами город, над садами торчит пожарная каланча*», И. Бунин).

В описании используются преимущественно **средства** сравнения (см. об этом § 2.2), соединения, контраста и перечисления (см. об этом § 2.8). Текст описания легко поддаётся смысловой компрессии (от лат. *compressio* – сжатие), в нём преобладают именные части речи (имена существительные, прилагательные, числительные), номинативные (*Андрей Петрович – врач*) и безличные предложения (*Пасмурно.*), конструкции с сочинительной связью («*Всё мрачней и ниже тучи опускаются над морем, и поют, и рвутся волны к высоте навстречу грому*», М. Горький), однотипной синтаксической структурой образца «известное – новое (тема – рема)» (см. об этом § 2.8) и формализованным сказуемым (*отмечается..., присутствует...*) (см. об этом также § 3.2).

Различают следующие **виды описания**: а) предметное, б) портретное, в) событийное, г) теоретическое. Кроме того, по характеру изложения описание может быть *статическим* и *динамическим*. **Статическое описание** направлено на передачу состояния предмета речи, а **динамическое** – на передачу его действия. Если статика при описании выражает пассивную созерцательность, то динамичность образует основу наглядности речи (см. об этом подробнее § 2.1). Выделяют также такие **средства художественного описания**, как *мимезис* и *экфрасис*, которые являются способами представления описываемых событий (см. об этом подробнее § 4.3).

А. Предметное описание имеет целью изображение предмета речи как части окружающего мира. Данный вид описания, как правило, **статический** и во многом повторяет номинативное описание. Ему свойственно называние соположенных предметов (*мост, вода, ряска*), использование статальных (от лат. *status* – положение, состояние) (*сидела, была*) и эгрессивных (от лат. *egredior* – всходить, достичь), то есть выражающих завершённое действие (*раскинулся, закрыл*), глаголов, ср.: «*Она сидела на низеньких перилах моста, покрытых желтыми лишаями. Вода в канаве, коричневая, как кофейный настой, была по-*

крыта ряской. По берегам разрослись высокие хвощи и кукушкин лён. А дальше в лесу так пышно раскинулся папоротник, что закрыл своей светлой зеленью даже высокие пни» (К. Паустовский).

Б. Цель **портретного описания** – изображение персонажа в двух ипостасях: субъективной (с позиции автора) и объективной (действительной). Данный вид описания преимущественно **статический**, например: «Парень лет двадцати, рослый, статный, молодец молодцом; глаза голубые, щёки румяные; русые волосы вьются колечками из-под надвинутой на самые брови заплатанной шапони» (И. Тургенев). Значимой составляющей портретного описания являются имена суггестивные (см. об этом также § 2.4), выражающие отношение автора к персонажу, ср.: «Простаков» (Д. Фонвизин), «Professor Unrat» («учитель Гнус», Г. Манн, пер. Н. Ман), «Рееру» («Пищик», Ч. Диккенс, пер. М. Клягиной-Кондратьевой). Описание может быть в том числе автопортретным и использоваться в текстах объявлений, резюме, биографий и т. п., ср. анонс в «Брачной газете» (г. Москва) от 25 декабря 1911 (7 января 1912) г. (рис. 23).

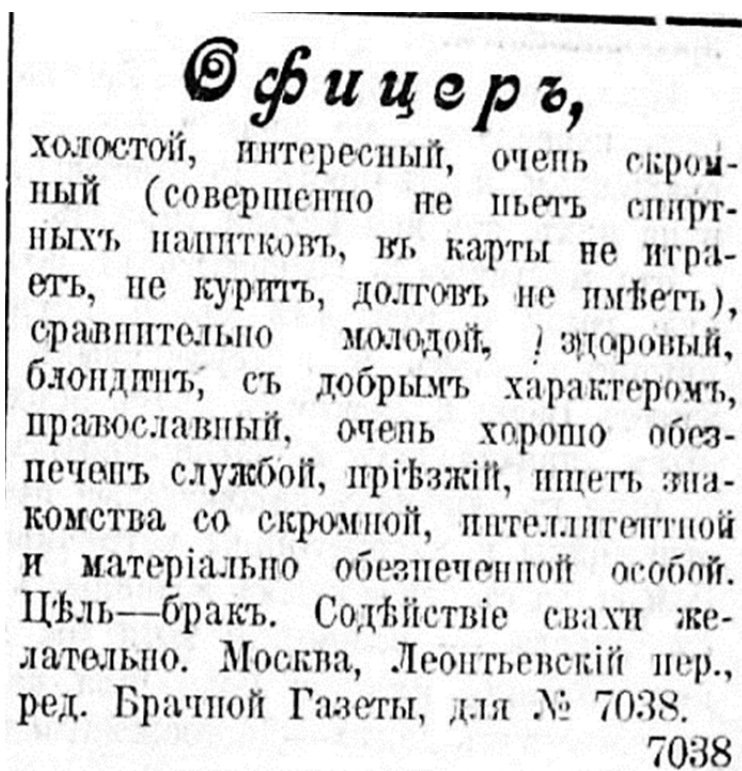

Рис. 23. Брачное объявление¹¹⁹

¹¹⁹ Изображение взято с сайта: «Брачная газета» (Москва) 25 декабря 1911 г. (7 января 1912 г.) // Газетные старости : архив объявлений. – Режим доступа: <http://starosti.ru/archive.php?m=12&y=1911>.

① *Портретное описание следует отличать от языкового, или речевого, портрета, под которым понимаются особенности речи отдельного индивида (персонажа), раскрывающие его характер, ср. угодливое повторение междометий «хи-хи-хи» и «хе-хе-хе» в речи героя рассказа А. Чехова «Корреспондент» Ивана Никитича, который портретируется классиком как «маленький человек», то есть раболепный, бесхарактерный и заискивающий перед властью имущими обыватель. Языковой портрет обычно рисуется посредством прямого, косвенного и несобственно-прямого видов речи (см. об этом подробнее § 4.1).*

В. Событийное описание создаёт представление о том, что происходит или произошло в жизни определённого человека, группы людей, города, страны и т. п. Данный вид описания, как правило, **динамический** и является частным случаем повествования (см. далее). Для него характерно использование глаголов движения, выражающих одновременность действия, поэтому событийное описание может быть: i) синхронным с единым планом настоящего времени (при этом действие, как правило, носит черты народного праздника, ритуала или обряда), ii) диахронным с единым планом прошедшего времени (см. о синхронии и диахронии § 1.3), ср.:

I. В Малороссии накануне сего праздника молодые люди обоего пола купаются в реках до захождения солнца, потом в сумерки раскладывают огонь на выгонах, на полянах, в садах и попарно, держась рука об руку, перепрыгивают через огонь. Если во время перепрыгивания руки не разойдутся, это означает, что пара эта, то есть парень и девушка, совокупятся браком; подобно тому, как в Карпатах и Судетах молодежь, препоясавшись цветными перевязями и надев на головы венки из цветов благовонных, составляют вокруг огня хороводы с песнями в честь Купалы¹²⁰.

II. Самое весёлое время в Шалайке было весной, когда по Чусовой проходил сверху караван. Вешняя полая вода подымалась в реке сажени на две, и по ней быстро летели сотни барок. Вся деревня высыпала на берег посмотреть. Пимка тоже смотрел и думал о том, куда плывут барки и какие люди на них плывут (Д. Мамин-Сибиряк).

¹²⁰ Забылин М.М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. В 4 ч. / сост. и отв. ред. О.А. Платонов. – Москва : Институт русской цивилизации, 2014. – С. 86.

Г. **Теоретическое описание** характеризует объект научного исследования. Оно преимущественно **статическое** и использует единый план настоящего времени. В данном виде описания преобладают: терминологические обозначения (*доли первого порядка, спорангии, сорусы*), качественные имена прилагательные в функции конкретизирующих эпитетов (*перистолистный, одревесневающий, заострённый*), формальные глаголы и глагольные конструкции нейтрального регистра со значением вневременности (*представлять собой, образовывать, происходить*), ср.: *Папоротник мужской представляет собой крупный перистолистный папоротник высотой 40–100 см, с толстым одревесневающим корневищем; листья дважды перистые с заострёнными долями первого порядка и закруглёнными – второго; спорангии в округлых сорусах, образующих два четких ряда вдоль средней жилки с нижней стороны листа. Спороношение происходит с конца июня до сентября*¹²¹.

2. **Повествованием, или наррацией** (от лат. *narrare* – повествовать), называется такая форма речи, которая служит передаче развивающихся или сменяющих друг друга действий. **Структурным содержанием** повествования выступает последовательность изменения предмета и его свойств на определённом отрезке времени. Временные координаты повествования задаются двумя точками повествования, в пределах которых разворачиваются события: *отправной* (от лат. *terminus a quo* – момент, с которого начинается действие) и *финальной* (от лат. *terminus ad quem* – момент, до которого продолжается действие). **Признаками повествования** являются: перечисление этапов развития или смены действий, хронологизация композиции и динамичность представления предмета речи. Повествование свойственно всем функционально-стилистическим разновидностям языка и отвечает на **вопрос** «*Что происходит/произошло?*».

Важнейшими средствами повествования выступают глагольные формы и конструкции, приобретающие лишь в данной форме речи свою полновесность и первостепенность. Они функционируют в качестве простых (*еду, читаю, размышляю*) и составных глагольных сказуемых с модальными (*хотел передать*) или вспомогательными глаголами, обозначающими фазу действия (*начала обучаться, прекратили сопротивляться*). Особую роль играют конструкции с видо-временными формами, выражающие причинно-следственную и вре-

¹²¹ Привалова Е.Г., Минович В.И. Основы фитотоксикологии : учебное пособие. – Иркутск : ИГМУ, 2018. – С. 37.

менную обусловленность действия, ср. передачу предшествования посредством использования *перфектных* (от лат. *perfectum* – совершенное, совершённое) и *имперфектных* (от лат. *imperfectum* – несовершенное, несовершённое) форм глагола в немецком и английском языках: *Einige Jahre besuchte Goethe die Schule und erhielt später Hausunterricht vom Vater, der sich zur Ruhe gesetzt hatte* (нем. *Несколько лет Гёте посещал школу и обучался* позже у своего отца, который (до этого – прим. Ю. К.) *ушёл в отставку*); «*I doubted I had taken a step which sank instead of raising me in the scale of social existence*» (англ. «*Я боялась, что* (до этого – прим. Ю. К.) *совершила шаг, который не поднимет меня по ступеням социальной лестницы...*», Ш. Бронте, пер. В. Станевич). Для оживления повествования используется так называемое *настоящее историческое время* (лат. *præsens historicum*), переносящее в прошлое не момент речи, а момент наблюдения¹²², например: *в 1802 году Байрон делает предложение мисс Милбенк*. К **второстепенным средствам повествования** принадлежат союзы (*когда, в то время как, после того как*), обстоятельственные слова (*затем, всегда, допоздна*) и сочетания (наречные выражения) со значением времени (*всякий раз, с понедельника, по выходным*).

К **структурным характеристикам** данной формы речи относятся: а) модель, б) план, в) фокализация, г) способ, д) перспектива повествования.

А. Моделью повествования обозначается последовательность расположения структурных блоков речевого произведения, или диспозиция (см. об этом § 4.3).

Б. План, или линия, повествования в широком смысле – это самостоятельный смысловой слой текста, связанный с его восприятием. В зависимости от аспекта восприятия событий В. Шмид различает пространственный, идеологический, временной, языковой и перцептивный планы, с помощью которых можно анализировать и воссоздавать произошедшее¹²³. В более узком смысле под планом понимается пространственно-временная локализация событий. Так, традиционно выделяют *одно- и многоплановые* (с несколькими сюжетными линиями, см. о сюжете § 4.3) речевые произведения: одна линия может быть реальной,

¹²² Падучева Е.В. К интерпретации видо-временных форм в нарративном режиме: настоящее историческое // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. – 2010. – Вып. 9 (16). – С. 381.

¹²³ Шмид В. Нарратология. – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – С. 123–128.

другая связана с воспоминаниями, третья с воображаемым (фиктивным) миром и т. п.; линии могут мозаично переплетаться, дополнять и сменять друг друга по ходу повествования. Зачастую планом ошибочно обозначают перспективу повествования (см. далее).

В. **Фокализацией** (от фр. *focalisation* – фокусировка) называется организация в речевом произведении точки зрения, или *нарративного фокуса* (англ. *focus of narration*), и способ её донесения до читателя или получателя информации. Автор данного термина, французский структуралист Ж. Женетт, выделяет три типа фокализации: *нулевую* (фр. *focalisation omnisciente ou zéro*), когда повествователь знает всё о действующих лицах и присутствует одновременно в разных местах (повествователь-«бог»); *внутреннюю* (фр. *focalisation interne*), когда повествование ведётся сквозь призму восприятия отдельного персонажа, то есть субъективно; *внешнюю* (фр. *focalisation externe*), когда события показываются как будто извне, беспристрастно, безоценочно и с документальной выверенностью, то есть объективно¹²⁴.

Г. Различают два **способа повествования**: от первого (диегетический) и третьего лица (экзегетический, см. об этом подробнее § 4.3).

Д. **Перспектива повествования** – это направление текста в пространственном, временном, персональном и мыслительном отношении, которое реализуется в трёх аспектах: *коммуникативном, временном и ритмическом*¹²⁵. Поскольку любой акт коммуникации предполагает наличие отправителя и получателя информации, развёртка перспективы определяется направлением информационного посыла. Так, в зависимости от того, кто является отправителем информации, различают **коммуникативные перспективы** автора, повествователя, действующего лица и читателя. *Автор* может повествовать от первого лица или анонимно, однако повествование в любом случае носит отпечаток его индивидуальности (от нем. *Autorensprache* – авторский язык). Как правило, данный вид перспективы предполагает нулевую фокализацию. Типы *повествователя* подробно описаны в § 4.3. Перспектива любого из *действующих лиц* противопоставляется авторской, проявляется через внутреннюю фокализацию и обладает собственной выразительностью (от нем. *Figurensprache* – персонажный язык). Перспективы действующих лиц и автора могут не совпадать по мировоззренческим уста-

¹²⁴ Genette G. Figures III. – Paris : Editions du Seuil, 1972. – P. 193.

¹²⁵ Ризель Э.Г., Шендельс Е.И. Стилистика немецкого языка : учебник. – Москва : Высшая школа, 1975. – С. 271.

новкам и объёму транслируемой информации. Перспектива читателя достигается различными способами воздействия автора на целевую аудиторию: вопросами, восклицаниями, видами обращения (при помощи апострофы или аверсии, см. об этом § 2.3) и пр. **Временной аспект** связан со временем, в котором разворачиваются события. Не все действия могут происходить, а персонажи – действовать в одно и то же время. Каждая отдельная перспектива образует собственный план повествования (см. выше) и требует нередко определённых средств выражения. Например, в немецком языке за повествованием по умолчанию закреплено прошедшее время несовершенного вида *pretérum* (нем. *Präteritum/Imperfekt*), ср.: *es lebte einmal ein einsamer König* (нем. **жил да был** одинокий король). Перфект (от нем. *Perfekt* – форма прошедшего времени совершенного вида) используется преимущественно в диалогической речи, к примеру: *seine Gemahlin ist vor langer Zeit gestorben* (нем. *его супруга давно умерла*). **Ритмическая перспектива** создаёт размерность повествования (см. о ритме также § 2.7), которое может быть оживлённым, скачкообразным, спокойным и т. п. Размеренная (линейная) ритмичность достигается в немецком языке претеритом, а для нарушения линейности и нагнетения напряжения используются настоящее (историческое), будущее и другие времена, совокупно образующие ритмическую картину речевого произведения.

① «Перспектива решает всё»: в речевом произведении перспектива повествования имеет решающее значение для декодирования (от англ. *decode* – расшифровывать) информационного посыла и в конечном итоге для интерпретации предметного содержания (см. об этом § 4.3, 4.4). Так, в произведении А. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке» повествуется не о старике и старухе, живущих душа в душу, а о старике, живущем «со своею старухой», у которой весьма непростой характер. Отправная точка повествования (*terminus a quo*) закладывает перспективу страданий старика, завышенных произволеній старухи и неутешительный финал (*terminus ad quem*) с разбитым корытом.

Различают следующие **виды повествования**: i) изобразительное, ii) событийное, iii) информационное. Помимо этого, по степени экстенсивности (см. об этом § 3.2) повествование бывает *развёрнутым* и *сжатым*. **Развёрнутое повествование** занимает значительные по протяжённости отрезки текста или же заполняет весь его объём. **Сжатое**

повествование характеризуется высокой смысловой компрессией и укладывается в небольшие абзацы.

I. **Изобразительное повествование** передаёт последовательность действий персонажа, его перемещений, смены физических и психических состояний. Особенности изобразительного повествования выступают отхождение от единого плана времени и динамичное чередование видов речи (внутренней, несобственно-прямой, авторской и т. д.), ср.: *«Бежит Семён к своей будке, задыхается. Бежит – вот-вот упадет. Выбежал из лесу – до будки со сажень, не больше, осталось, слышит – на фабрике гудок загудел. Шесть часов. А в две минуты седьмого поезд пройдёт. Господи! Спаси невинные души! Так и видит перед собою Семён: хватит паровоз левым колесом об рельсовый обруб, дрогнет, накренится, пойдёт шпалы рвать и вдребезги бить, а тут кривая, закругление, да насыпь, да валиться-то вниз одиннадцать сажень, а там, в третьем классе, народу битком набито, дети малые... Сидят они теперь все, ни о чём не думают. Господи, вразуми ты меня!.. Нет, до будки добежать и назад вовремя вернуться не успеешь...»* (В. Гаршин).

II. Целью **событийного повествования** является создание представления о последовательности событий, поступков, ситуаций, складывающихся в жизни определённого человека, группы людей, города, страны и т. п. Главное отличие событийного повествования от событийного описания состоит в том, что в первом события изображаются полномасштабно и последовательно, от самого начала до конца. Примером может служить роман Ю. Бондарева «Горячий снег» (1970), в котором повествуется о событиях, решивших исход Сталинградской битвы.

III. **Информационное повествование** освещает определённые события или стороны жизни, востребованные повесткой дня (война, эпидемия, выборы и т. п.). В центре внимания находятся факты и их взаимосвязь, что исключает наличие единого плана времени и последовательное изложение событий. Данный вид повествования свойственен преимущественно публицистической речи, ср.: *«Вход в стены этого монастыря для всех закрыли ещё в апреле. Наша съёмочная группа сейчас впервые окажется по ту сторону дверей. Попасть в заражённую зону оказалось делом невероятно тяжёлым – пришлось пройти тесты на Ковид-19, десятки согласований. И вот сейчас наша съёмочная группа отправляется туда, куда ещё ни разу не ступала нога журналиста»* (из Рунета).

3. Рассуждение используется для передачи отношения предметов и их действий, выполняемыми самими предметами или же над предметами. **Структурным содержанием** рассуждения выступает поиск причинно-следственной связи между предметом и действием, поэтому здесь показано использование логических приёмов дедукции и индукции (см. об этом подробнее § 4.5), то есть либо свойства предмета выводятся из ряда его действий или действий над ним, либо вывод о действиях делается исходя из свойств самого предмета, ср.: *Анна умна, поэтому читает книги*, или: *Анна умна, потому что читает книги*. **Признаками** данной формы речи являются *комментирование* и *аргументирование* как способы развития мысли. *Комментарий* (от лат. *commentarius* – записка, дневник, журнал) – это пояснение к тексту или замечание по его содержанию, *аргументирование* (от лат. *argumentum* – доказательство) есть приведение доводов в подтверждение какой-либо мысли. Оба признака рассуждения предполагают выведение нового знания посредством суждения. *Суждением* в логике называется высказывание о предметах, заключающееся в указании на наличие или отсутствие у них определённых признаков¹²⁶. Суждение, посредством которого обосновывается истинность другого суждения, обозначается *аргументом*, или *доводом*. Суждения располагаются в строгой логической последовательности, при которой всякое новое суждение вытекает из предыдущего. Рассуждение свойственно всем функциональным стилям речи и отвечает на **вопросы** «Зачем?» (поиск следствия) и «Почему предмет делает это?» (поиск причины).

Средствами рассуждения выступают: вводно-модальные конструкции (*по всей вероятности, надо признаться, безо всякого сомнения*); придаточные предложения условия (*если сохранятся темпы роста экономики...*), уступки (*какие бы доводы ни приводили контрагенты...*), причины (*поскольку это не имеет никакого касательства к сути вопроса...*), цели (*дабы окончательно развеять миф...*); видо-временные формы глагола (*руководили, руководили и доруководились...*); причастные (*доклад, представляющий большой интерес...*) и деепричастные обороты (*принимая во внимание вышеназванное обстоятельство...*).

Модель рассуждения строится по следующей схеме: *тезис* → *доказательство* → *вывод*. **Тезисом** (от гр. *θέσις* – постановка, расположение) называется исходное суждение, истинность которого предстоит доказать (*Анна много читает*). **Доказательство** – это мыслительный процесс

¹²⁶ Строгович М.С. Логика. – Москва : Госполитиздат, 1949. – С. 144.

обоснования тезиса, то есть приведения основания, из которого этот тезис вытекает (*Анна проводит за чтением не менее пяти часов в день*). Доказательства бывают *прямыми* и *косвенными*: в **прямом доказательстве** аргументы непосредственно доказывают истинность тезиса (*Посмотрите: Анна читает*); в **косвенном доказательстве** опровергается суждение, противоречащее тезису, или антитезис (*Анны нет ни в школе, ни во дворе*). Тезис, который не требует доказательств, называется аксиомой (от гр. *ἀξίωμα* – утверждение). Под **выводом** (лат. *conclusio*) подразумевается обобщающее финальное суждение, завершающее переход от исходного (тезиса) к новым суждениям (*Анна начитана*). Как правило, модель рассуждения реализуется в рамках отдельного абзаца.

Выделяют следующие **виды рассуждений**: а) практическое, б) отвлечённое.

А. Цель **практического рассуждения** – показать реальное положение дел, с тем чтобы найти выход из сложившейся ситуации. Данный вид рассуждения распространён в публицистике и художественной литературе, суждения здесь носят выраженный субъективный и эмоциональный характер, связь между ними, как правило, имплицитная (см. об этом § 2.2), ср.: «*Вести пропаганду, что все рабочие профессии – это удел неудачников и алкоголиков, закрыть все ПТУ и жаловаться на нехватку рабочих рук – это даже не парадокс!*» (из Рунета).

Б. **Отвлечённое рассуждение** ведётся в строгом соответствии с моделью рассуждения (см. выше) и присуще официально-деловой и научной речи. Все суждения логично вытекают из предыдущих, связь между ними – эксплицитная, например: «*Предположим, что на берегу реки расположен химический комбинат с недостаточными очистными мощностями, что приводит к загрязнению реки. Ниже по течению находится завод, которому по технологии производства необходима чистая вода (например, для производства лимонада), а также небольшой посёлок. При отсутствии механизмов компенсации и принуждения к устранению загрязнений химический комбинат может производить свою продукцию при минимальных природоохранных издержках. Однако тем самым дополнительные затраты налагаются на лимонадный завод и население посёлка (очистка воды для производства и питья, расходы на лекарства и врачей в случае заболеваний из-за некачественной воды и пр.)*»¹²⁷.

¹²⁷ Бобылёв С.Н., Ходжаев А.Ш. Экономика природопользования : учебник. – Москва : Изд-во МГУ, 2003. – С. 80.

Вопросы для самоконтроля

1. Что понимается под формами речи?
2. Какие различают способы представления предмета речи?
3. Что является структурным содержанием описания?
4. Существует ли некая модель описания?
5. Какие выделяют разновидности единого плана описания?
6. Каковы средства описания?
7. Какие виды описания являются статическими?
8. Чем различаются синхронное и диахронное событийное описание?
9. Что является структурным содержанием повествования?
10. Каковы важнейшие средства повествования?
11. Что относится к структурным характеристикам повествования?
12. Что понимается под планом повествования?
13. Как называется организация в тексте нарративного фокуса?
14. Какие выделяют аспекты перспективы повествования?
15. Какую роль играет перспектива в речевом произведении?
16. Какое повествование называется развёрнутым?
17. Что является структурным содержанием рассуждения?
18. На какие вопросы отвечает рассуждение?
19. Каковы средства рассуждения?
20. Какой вид рассуждения полностью реализует модель данной формы речи?

4.3. Построение речевого произведения

Под **построением**, или **композицией** (от лат. *compositio* – составление), **речевого произведения** понимается структурная организация его элементов, определяемая по формуле

$$S = L - A,$$

где *S* – композиция (структура); *L* – текст (система); *A* – выразительные средства (элементы) (см. об этом также § 1.2). Как правило, композиция речевого произведения подчиняется **структуре того жанра**, в котором выполняется текст. Например, структура письма задаётся особенностями эпистолярного (от гр. *επιστολή* – послание) жанра, то есть таким **располо-**

жением структурных блоков, которое характерно и релевантно **для всех текстов такого рода (жанра)**: обращение, благодарность за полученное послание, главная и завершающая части, подпись, дата. Следует подчеркнуть, что тексты официально-делового стиля (см. об этом также § 3.4) характеризуются самой высокой *жанрово-структурной заданностью* в функциональном репертуаре, а тексты образно-художественного стиля – самой низкой (см. о художественных жанрах подробнее § 1.3, 3.6).

По характеру жанрово-структурной заданности композиция текста может быть *строгой, вариативной и гибкой*. **Строгая композиция** является обязательной для всех текстов определённого жанра (*справка, протокол, заявление*). **Вариативная композиция** допускает отступление от заданного расположения структурных элементов текста (*письмо, лекция, репортаж*). **Гибкая композиция** предполагает значительную свободу комбинирования и исполнения структурных элементов (*сочинение, очерк, обзор*).

Структура речевого произведения разделяется: 1) на внешнюю, 2) внутреннюю.

1. **Внешняя структура** полностью определяется **архитектоникой** текста, предполагающей его **объёмно-прагматическое** (количественное) и **контекстно-вариативное** (качественное) членение (см. об этом подробнее § 2.8), которые зачастую ошибочно отождествляются с диспозицией (см. далее). Отличие архитектоники состоит в **выделении единиц композиционного членения текста**, которыми могут быть абзац, пункт, параграф, раздел, глава, том, книга и т. п. (количественное членение) или монолог, диалог, несобственно-прямая речь, реминисценция, план повествования и др. (качественное членение). Например, для членения материала в данной работе используются главы, параграфы, верхняя (1, 2, 3) а, б, в) i, ii, iii)) и нижняя (1. 2. 3... А. Б. В... I. II. III...) трёхуровневая рубрикация, письменный научный монологический вид речи. Границы единиц архитектонического членения текста, как правило, не совпадают со структурными блоками диспозиции текста (см. далее), ср. роман французской писательницы М. де Скюдери «Клелия. Римская история» (1654–1660, пер. В. Васильева), объёмно-прагматическое членение которого (10 томов) не соотносится со структурной трёхчастностью диспозиции (3 блока).

2. **Внутренняя структура речевого произведения** представлена: а) диспозицией, б) предметным содержанием, в) тональностью.

А. **Диспозицией** (от лат. *dispositio* – расстановка) обозначается план построения речевого произведения, предполагающий выделение **вводной, главной и заключительной частей**, или **преамбулы** (от лат. *praetambulum* – предшествующее), **амбулы** (от лат. *ambulum* – идущее) и **постамбулы** (от лат. *postambulum* – последующее, замыкающее). Аристотель именует их предисловием, рассказом и доказательством¹²⁸. В западноевропейской традиции они называются **завязкой, перипетией** и **развязкой** (нем. *Schürzung des Knotens, Peripetie, Lösung des Knotens*) и служат основой драматических произведений, при этом термин *перипетия* (от гр. *περίπτεια* – внезапный поворот) используется как синоним *кульминации* (от лат. *culmen* – вершина), то есть наивысшей точки напряжения (накала сюжета), а завязка и развязка могут обозначаться соответственно *экспозицией* (от лат. *expositio* – представление, изложение) и *постпозицией* (от лат. *postpositio* – замыкание), или *катастрофой* (от гр. *καταστροφή* – поворот, уничтожение, гибель)¹²⁹. Данная **структурная трёхчастность** композиции речевого произведения является общим признаком текстов, как подготовленных, так и спонтанных (см. об этом подробнее § 4.2). На рис. 24 показана диспозиция текста в виде треугольника с различными терминологическими вариациями.

В функциональной стилистике помимо перечисленных структурных элементов диспозиции речевого произведения выделяется **заголовочный блок**¹³⁰, который вводит тему и указывает на основной фокус предметного содержания (см. далее), нередко передаваемый через образ, ср. название пьесы М. Горького «*Дети солнца*» (1905). Название текста является ключом к пониманию основной идеи и авторского замысла, своего рода шифром идентичности произведения.

① *Существенную роль в стилистическом анализе текста играет экстралингвистическая информация, локализирующая не только его пространственно-временные и культурно-исторические координаты, но и его место в творчестве автора и в системе речевых жанров: биография автора, годы и место написания, издания, судьба, ад-*

¹²⁸ Аристотель. Риторика. Поэтика : сборник / пер. с древнегр. Н. Платоновой, В. Апельрота. – Москва : АСТ, 2018. – С. 264–283.

¹²⁹ Damen-Conversations-Lexikon ; Herloßsohn C. (Hrsg.). – Leipzig : Verlag Fr. Volckmar ; Adorf : Verlags-Bureau, 1834–1838. – Bd. 3. – S. 220–222.

¹³⁰ Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк. – Свердловск : Изд-во Уральского университета, 1990. – С. 34.

ресат произведения и т. п. Особую значимость данная информация приобретает в русле анализа когерентности (см. об этом § 2.8), то есть связи текста со временем, поскольку ряд слов и их значений неотделим от исторического фона и норм употребления, ср. единицы «счётчик» (переписчик населения), «МТС» (машинно-тракторная станция), «кликать» (звать).

Рис. 24. Диспозиция текста

Вводная часть, или **вступление** (зачин), задаёт фоновую информацию, необходимую для понимания общей ситуации, в которой разворачивается действие, и формулируется зачастую *интроспективно* (от лат. *introspicere* – смотреть внутрь, рассматривать), то есть через сокращение фокусного расстояния (от общего плана к деталям):

Далеко-далеко,
Где кочуют туманы,
Где от лёгкого ветра
Колышется рожь.

Ты в родимом краю
У степного кургана,
Обо мне вспоминая,
Как прежде, живёшь.

А. Чуркин

Главная часть композиции речевого произведения раскрывает и определяет **мотив** (от лат. *movere* – приводить в движение), то есть основную идею создания (замысел) текста: здесь нагнетается напряжение, усиливаются создаваемые образы, обостряются противоречия, появляются (непреодолимые) препятствия и т. п., к примеру нападение акул на Бена, героя повести Дж. Олдриджа «Последний дюйм» (1957), во время съёмки под водой.

В **заключительной части**, или **концовке**, подытоживается изложенное, осмысляется полученный опыт, разрешаются противоречия или намечаются пути их разрешения. Нередко концовка содержит так называемую **пуанту** (от фр. *pointe* – соль (рассказа, анекдота), досл. «острие»), или **асимен** (лат. *лезвие, острота*), то есть эффектную, афористичную и порой неожиданную завершающую формулировку, конденсирующую смысл текста и функционально схожую с моралью в басне, ср. стихотворную пуанту в повести Г. де Мопассана «Иветта»: «Женская прихоть меры не знает, / Женскую душу кто разгадает!» (пер. Н. Касаткиной). Если концовка промежуточная и предполагается продолжение повествования, тогда в заключительной части возможен штамп (см. о речевых штампах § 2.4), например: «Впрочем, это уже совсем другая история» (Л. Каневский).

В **текстах образно-художественного стиля** возможно усложнение диспозиции за счёт обособления ряда структурных элементов. Так, в сюжете могут выделяться: *экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация, развязка и постпозиция*, а также *пролог и эпилог*. В **жанре сказки** между заголовочным и вводным блоками допускается наличие **присказки** как особой разновидности клише, привлекающей внимание слушателей и возбуждающей их интерес, например: «*Это присказка: пожди, / Сказка будет впереди*» (П. Ершов). **Главная часть сказки** может дробиться в соответствии с *кормовым упором* (см. об этом подробнее § 2.8) на три, семь и более частей, ср. три задания царя в сказке Л. Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца» (1985).

Б. Предметное содержание представляет сам предмет речи, его действия, изменения, переживания, отождествляемые с ним (художественные) образы, происходящие с ним события и т. п. Оно является наиболее подвижной и органичной структурой композиции текста, обеспечивает тематическую связность его структурных блоков и отражается в *фабуле* и *сюжете*. **Фабулой** (от лат. *fabula* – рассказ, сага, англ. *story*) обозначается хронологическая и причинно-следственная *последовательность* представляемых событий и презентации действующих лиц. **Сюжет** (от фр. *sujet* – субъект (повествования), англ. *plot*) – это *способ* представления событий фабулы, их выбор, компоновка и расстановка в речевом произведении. Таким образом, фабула отвечает на вопрос «Что говорится?», а сюжет – «Как говорится о предмете речи?».

Структура предметного содержания определяется **структурой сюжета**, которая дифференцируется по нескольким основаниям: **по характеру представления событий фабулы** структура сюжета может быть *линейной* (события излагаются последовательно), *реверсивной* (события излагаются в обратном направлении), *фрагментарной* (отдельные события выпускаются, например, с целью создания интриги), *контрастивной* (события или действующие лица сопоставляются и противопоставляются) и *кольцевой* (концовка приводит к зачину); **по количеству планов повествования** (см. об этом подробнее § 4.2) – *одно-* и *многоплановой*; **по отношению к реальности** – *фактуальной* (от лат. *factum* – случившееся) и/или *фикциональной* (от лат. *fictio* – предположение, сочинение), то есть соответственно реальной и/или вымышленной¹³¹; **по способу изложения событий фабулы** структура сюжета бывает: i) *диегетической*, ii) *эксегетической*, iii) *миметической*, iv) *экфрастической*. Диегетический способ представления противопоставлен эксегетическому, а миметический – экфрастическому. Первые два способа относятся к повествованию как форме речи, а два последних – к описанию. Кроме того, повествовательные способы соответствуют внутренней и внешней фокализации (см. об этом также § 4.2).

I. **Диегэзис** (от гр. *διήγησις* – рассказ, повествование), или **narratio (testis)** (лат. *рассказ (очевидца)*), – это такой способ изложения, который опосредует взгляд на события глазами их участника. В художественной литературе диегетическое повествование ведётся одним из действующих лиц, в текстах остальных функционально-стилистических разновид-

¹³¹ Шмид В. Нарратология. – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – С. 122.

ностей языка (см. об этом главу 3) – очевидцем событий, ср. жанры *репортажа, полевых записок, свидетельских показаний*.

II. **Экзегезис** (от гр. *ἐξήγησις* – истолкование, изложение), или **enarratio auctorum** (лат. *авторское изложение*), представляет собой способ изложения событий глазами стороннего наблюдателя. Экзегетическая перспектива характеризуется подчёркнутой отстранённостью автора и может быть значительно отсроченной во времени. Если диегезис предполагает синхронность повествования и развития событий, то экзегезис возможен в любой точке диахронии (см. о синхронии и диахронии также § 1.3), что нередко открывает новые грани интерпретации. Автор большей частью трактует события собственным метаязыком, пытаясь экстраполировать их смысл, и может использовать для этого индивидуальную систему образов, ср. жанры *новеллы, фельетона, рецензии, обзорной и аналитической статьи*.

III. **Мимезис** (от гр. *μίμησις* – подобие), или **imitatio** (лат. *подражание*), есть способ представления событий такими, какие они есть в действительности, при этом акцент ставится на описание их в действии, которое, по мнению Аристотеля, характерно для жанра драмы и отличает мимезис от диегезиса и экзегезиса¹³². Подражание придерживается **правила схожести**, или **аффинитета** (от лат. *affinis* – родственный): описание должно быть не лучше и не хуже объекта описания. Решающая роль в миметическом представлении фабулы отводится *тональности* (см. далее). Наиболее полно реализуют мимезис *экзистенциальные* (от лат. *existentia* – существование) жанры, подчёркивающие уникальность человеческого бытия: *притча, трагикомедия, элегия и баллада*.

IV. **Экфрасис** (от гр. *ἔκφρασις* – выражение), или **descriptio** (лат. *описание – первоначально – объектов искусства*), – это способ представления целой фабулы через образ, выявляющий глубинное знаковосимволическое содержание текста (см. об этом также § 3.6). Данный вид описания ограничен рамками образно-художественного стиля и понимается как образ всего речевого произведения, чем и отличается от обычной словесной метафоры. Например, экфрасисом новеллы Т. Манна «Тристан» (1903) является *психическая лечебница* как образ немецкого общества конца XIX в. и способ критики преступного филистерства, замаскированного под салонный эстетизм. Экфрасис может содержаться в заголо-

¹³² Аристотель. Риторика. Поэтика : сборник / пер. с древнегр. Н. Платоновой, В. Аппельрота. – Москва : АСТ, 2018. – С. 294.

вочном блоке для облегчения выделения самого образа, ср. название повести братьев Вайнеров «Гонки по вертикали» (1974).

Сообразно со способами изложения событий фабулы в литературоведении выделяют следующие **типы повествователя**: *акториальный* и *аукториальный*. Термин *повествователь* является гиперонимом, в то время как *рассказчиком* называется только аукториальный повествователь (он-повествователь). По ходу развёртки фабулы типы повествователя могут сменять и дополнять друг друга, замещаться другими персонажами, деперсонифицироваться (роль повествователя может переходить неодушевлённым предметам или аллегорическим фигурам, см. об аллегории § 2.2) и т. д. Помимо этого, повествователь бывает *персонифицированным* или *анонимным*. **Персонифицированный** соответствует преимущественно акториальному, а **анонимный** – аукториальному повествователю (если последний не является личностью автора). **Акториальный** (от лат. *actor* – действующий, исполнитель), или **диегетический**, повествователь излагает события от первого лица. Являясь фигурой мира фабулы, **я-повествователь** сочетает функции действующего лица и рассказчика. Для него характерны переживания и наблюдения, пропущенные через призму собственного субъективного восприятия, что придаёт повествованию оттенок самобытности и неповторимости. Типичными акториальными жанрами речевых произведений выступают: *мемуары*, *автобиография* и *исповедь*. **Аукториальный** (от лат. *auctor* – творец, создатель), или **экзегетический**, рассказчик повествует от третьего лица. Он стоит над событиями фабулы, не являясь её частью. Его личность скрыта, «растворена» в авторской речи (см. об этом подробнее § 4.1) и наиболее ярко проявляется в отступлениях от повествования и оценках её событий, действующих лиц и их поступков. **Он-повествователь** может быть издателем, критиком, рецензентом, литератором или комментатором. Аукториальные жанры полностью созвучны нарративным, ср. *рассказ*, *повесть* и *роман*.

Анализ предметного содержания композиции речевого произведения связан с выделением *текстовых категорий*. В логике **категорией** называется понятие, достигшее максимум укрупнения и отражающее наиболее общие свойства предметов и явлений, например: *субстанция*, *количество*, *качество*, *отношение*, *состояние* и т. п.¹³³. В лингвистике под **текстовой категорией** понимается одна из типовых составляющих композиции текста, образующая определённый смысло-

¹³³ Строгович М.С. Логика. – Москва : Госполитиздат, 1949. – С. 89.

вой слой фабулы. Основными текстовыми категориями выступают: *действующие лица, действие, время, пространство* и *оценка*. Для простоты запоминания данные категории можно сжать до вопросов «Кто, что, когда, где и как говорит?».

Действующие лица, или **герои** (от гр. *ήρωας* – богатырь, витязь, полубог), воплощают систему фабульных отношений, в которой нередко можно выделить два противоположных полюса: фигуру *протагониста* (от гр. *πρωταγωνιστής* – главный борец), то есть положительного героя, и фигуру *антагониста* (от гр. *ἀνταγωνιστής* – соперник, противник), то есть отрицательного персонажа. Действующие лица могут перечисляться после заголовочного блока перед вводной частью, где автор может давать им характеристики, ср. пьесу Н. Гоголя «Ревизор» (1836). **Действие** складывается из изображаемых событий, процессов и фактов и, как правило, воспроизводит структуру того или иного жанра. Оно разворачивается во **времени** и **пространстве**, которые могут быть реальными или вымышленными. Вымышленные время и пространство зачастую совмещены, в то время как в реальности действия могут происходить в одном и том же пространстве, но в разное время, и обусловлены характером воображаемого мира: фантастическим, сказочным, утопическим (идеальным) и т. п. **Текстовая категория оценки** объективирует ценностное отношение автора к предмету речи и предполагает выбор между тремя подкатегориями: *положительной (мелиоративной)*, *отрицательной (пейоративной)* или *нейтральной* оценками (см. также далее о тональности). Оценочные установки автора, выражающиеся через его личные высказывания и суждения или таковые действующих лиц, обозначаются *модальными* (от лат. *modus* – мера, способ). В традиционной логике различают следующие разновидности модальных высказываний/суждений: *аподиктические (А должно быть В)*, *проблематические (А может быть В)* и *ассерторические (А суть В)*. В функциональных стилях науки и публицистики существуют самостоятельные оценочные жанры рецензии и отзыва, а в интернет-коммуникации оценочность достигает абсолютной величины в комментариях к публикуемому медийному контенту.

① *Помимо приведённых выделяются также другие текстовые категории, например, адресации, интертекстуальности и связности. Категория адресации выявляет участников речевого акта (адресанта и адресата), а также подразделяет всех возможных адресатов на своих*

и чужих. Текстовая категория интертекстуальности соотносит один текст с другим(и) и служит для описания конструкций типа «текст в тексте», а также межтекстовых аллюзий (см. об аллюзиях § 2.2), цитат, реминисценций и параллелей¹³⁴. Категория связности обусловлена линейностью всех элементов текста и находит выражение в когезии, то есть их синтагматической связи¹³⁵ (см. об этом подробнее § 2.8).

В. **Тональность** представляет собой внутренний экспрессивный строй речевого произведения и связана с эмоционально-ценностными установками автора на предмет речи¹³⁶. Сообразно с регистрами экспрессивно-семантической окраски (см. об этом подробнее § 1.3) выделяют **три основных тона** (от лат. *tonus* – натяжка струны): **возвышенный**, **сниженный** и **нейтральный**. **Возвышенный тон** тождественен оттенкам мелиоративного регистра экспрессивно-семантической окраски (напыщенному и высокому), **сниженный** – пейоративным оттенкам (разговорному, просторечному и вульгарному), а **нейтральный тон** – нейтральному оттенку. **Возвышенным тоном** выражают торжественность момента, уважение к собеседнику и предмету речи, признательность за чьи-либо заслуги и т. п. Ему свойственны образно-художественные штампы, вычурность и патетизм (*Вы – наш маяк!*). **Сниженный тон**, напротив, индицирует пренебрежительное, предвзятое или пристрастное отношение, критицизм и даже негативизм (*явился, не запылится*). **Нейтральный тон** служит выражению сдержанности, дистанцированности и конструктивности (*просим занимать посадочные места*).

Деликатная просьба ответственного редактора «смягчить формулировки» в редактируемом тексте предполагает перевод тональности в нейтральный диапазон. Если письмо написано «недопустимым тоном», то, скорее всего, оно содержит формулировки пейоративного характера. В дипломатической сфере тон послания отражает определённые политические настроения, ср. **тон письма** президента США Д. Трампа главе Турции Р. Эрдогану от 17 октября 2019 года:

¹³⁴ Баженова Е.А. Интертекстуальность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка ; под ред. М.Н. Кожинной. – 2-е изд., стер. – Москва : Флинта : Наука, 2011. – С. 104–108.

¹³⁵ Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – Москва : Наука, 1981. – С. 73–74.

¹³⁶ Брандес М.П. Стилистический анализ (на материале немецкого языка). – Москва : Высшая школа, 1971. – С. 127.

Уважаемый господин президент!

Давайте заключим хорошую сделку! Вы не хотите быть ответственными за убийства тысяч человек, и я не хочу нести ответственность за разрушение турецкой экономики – а я буду. Я уже показал, на что способен, когда дело касалось пастора Брэнсона (санкции США после ареста в Турции Эндрю Брэнсона обрушили курс турецкой лиры в 2016 году – прим. ред.).

Я приложил немало усилий, чтобы решить некоторые Ваши проблемы. Не подводите весь мир. Вы можете заключить отличную сделку. Генерал Мазлум хочет вести с Вами переговоры и готов пойти на серьёзные уступки, на которые они никогда раньше не шли. На условиях конфиденциальности пересылаю Вам копию его письма, которое только что получил.

История будет Вам благодарна, если Вы всё сделаете правильно и гуманно. А если не произойдёт ничего хорошего, в истории Вы останетесь дьяволом. Не стройте из себя крутого парня. Не будьте дураком!

Я свяжусь с Вами позже.

С уважением, Дональд Трамп¹³⁷.

Каждому тону свойственна собственная **тональность**, при помощи которой выражается «невидимое» экспрессивное содержание речевого произведения. Любая тональность зависит от выбора «слога», то есть адекватных ей выразительных средств, передающих **определённое эмоциональное состояние**. В этом смысле тональность может быть строгой, тревожной, обнадеживающей, саркастической, приветливой, спокойной и т. п., а совокупность тональностей в композиции речевого произведения задаёт **общий тон текста**, ср. выдержку из репортажа BBC «У королевы Елизаветы II обнаружен коронавирус» от 20 февраля 2022 года: **«Тон сообщения Букингемского дворца, по всей вероятности, призван не только донести до общества информацию о здоровье королевы, но и развеять возможные опасения»¹³⁸.**

¹³⁷ «Не будьте дураком»: Трамп написал письмо Эрдогану из-за операции в Сирии // РИА Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/20191017/1559892399.html>.

¹³⁸ У королевы Елизаветы II обнаружен коронавирус // BBC News. Русская служба. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-60453344>.

Вопросы для самоконтроля

1. Что понимается под композицией речевого произведения?
2. В текстах какого функционального стиля наблюдается самая высокая жанрово-структурная заданность?
3. Каким жанрам свойственна гибкая композиция?
4. Какие единицы композиционного членения текста использованы в данной работе?
5. Как соотносятся понятия композиции и диспозиции речевого произведения?
6. Выделение каких структурных блоков обычно предполагает диспозиция текста?
7. Как они именуются в различных терминологических традициях?
8. Что понимается под интроспекцией?
9. Что представляет собой пуанта?
10. Какие структурные элементы диспозиции характерны для сказки?
11. В чём состоит отличие фабулы от сюжета?
12. По каким основаниям дифференцируется структура сюжета?
13. Какие способы изложения фабулы относятся к описанию?
14. Что предполагает правило схожести?
15. Чем различаются диегетический и экзегетический типы повествователя?
16. Что понимается под текстовой категорией?
17. Какие основные текстовые категории выделяются в речевом произведении?
18. Что представляет собой тональность?
19. Чему соответствуют основные тона текста?
20. Из чего складывается общий тон речевого произведения?

4.4. Алгоритм стилистического анализа речевых произведений

Посредством стилистического анализа выявляется **объём реализации выразительной функции языка** в том или ином речевом произведении. В связи с этим традиционно различают два аспекта анализа: **структурно-содержательный**, или **pars de re** (лат. *часть (текста) о вещи*), и **собственно стилистический**, или **pars de dicto** (лат. *часть (текста) о речи*). Последний распадается, как следует из § 1.1, на макро- и

микростилистический, тем самым получаем **три взаимосвязанных блока**, образующих основу алгоритма анализа: 1) композиционный, 2) макро-, 3) микростилистический. **Композиционный, или структурно-содержательный, блок** направлен на анализ внешней и внутренней структуры речевого произведения. **Макростилистический блок** выявляет репертуарную и жанрово-стилистическую принадлежность текста, **микростилистический** – использованные в нём выразительные средства с учётом их многофункциональности (см. об этом § 1.1, 2.1).

Алгоритмом (от лат. *algorithmi* – пошаговая инструкция, по фамилии среднеазиатского математика аль-Хорезми) обозначаются правила (шаги, процедуры), определяющие порядок действий при решении определённой задачи и гарантирующие оптимальный (от лат. *optimus* – наилучший) результат. **Цель алгоритмизации** стилистического анализа – систематизация накопленного языкознанием и литературоведением опыта для получения наиболее полного представления об экспрессивном содержании речевого произведения. Алгоритм стилистического анализа речевых произведений строится **по следующей схеме**: блок → структурная единица → вопрос → подсказка (табл. 6). Двучастная вертикальная структура алгоритма анализа разделяет выделенные блоки на запрашиваемую и фактологическую части. Вопрос и ответ образуют дихотомию (понятийную пару), позволяющую раскрыть наиболее значимые стороны анализируемого явления, поэтому метод вопросов и ответов широко используется в образовании.

① *Следует помнить, что анализ текста не равен его интерпретации, с помощью которой объясняется лишь его предметное содержание, то есть часть структуры композиции речевого произведения, в то время как объектом стилистического анализа выступают все три его составляющие: система, структура и языковые элементы. Интерпретация (от лат. *interpretatio* – объяснение, (ис)толкование) весьма отдалённо связана с функциональной стилистикой и коренится в герменевтике (от гр. *ἑρμηνευτική* – искусство толкования), традиции толкования и понимания ветхозаветных и классических текстов. В переводоведении под интерпретацией понимается раскрытие содержания текста с целью или в процессе его трансформации, то есть преобразования его формальной стороны при переводе.*

Таблица 6

Алгоритм стилистического анализа текста

Вопрос	Подсказка (§)
1. Композиционный (структурно-содержательный) блок	
<i>А. Внешняя структура (архитектоника)</i>	
Какие единицы архитектурного (композиционного) членения используются в тексте?	Единицы объёмно-прагматического (количественного) членения: абзац, рубрикация, пункт, параграф, раздел, глава, том, книга, антология и др. Единицы контекстно-вариативного (качественного) членения: монолог, диалог, вид или форма речи, реминисценция, план повествования и др. (§ 2.8, 4.3)
<i>Б. Внутренняя структура</i>	
<i>І. Диспозиция</i>	
Что известно об авторе текста и самом тексте?	Биография автора; годы, место написания, издания, история создания произведения и т. п.
Что говорится в названии о речевом произведении?	Название выражает содержание через образ, раскрывает основную идею и т. п.
Из скольких структурных элементов состоит текст?	В классическом исполнении – из вводной, главной и заключительной частей (§ 4.3)
<i>ІІ. Предметное содержание</i>	
В какой последовательности представляются события фабулы?	В линейной, реверсивной, фрагментарной, контрастивной или кольцевой (§ 4.3)
Сколько планов повествования присутствует в тексте?	Один или несколько (§ 4.2)
Какой способ изложения событий фабулы используется автором?	Диегетический, экзегетический, миметический, экфрастический (§ 4.3)
Какой тип повествователя избран автором?	Акториальный, аукториальный, анонимный, персонифицированный (§ 4.3)

Какие текстовые категории можно выделить в произведении?	Действующие лица, действие, время, пространство, оценка и др. (§ 4.3)
<i>III. Тональность</i>	
Каким тоном выполнено произведение?	Возвышенным (мелиоративным), нейтральным или сниженным (пейоративным) (§ 4.3)
2. Макростилистический (репертуарный) блок	
<i>А. Экстралингвистический уровень</i>	
К какой разновидности функционального репертуара относится текст?	К социолекту, диалекту, идиолекту, историолекту, профессиональному, металекту, акролекту и т. д. (§ 1.4)
К какому функциональному стилю принадлежит произведение?	К научному, публицистическому, официально-деловому, обиходно-разговорному или образно-художественному (§ 1.3, 3.1)
<i>Б. Интралингвистический уровень</i>	
В каком подстиле/стиле выполнен текст?	Если это научный текст, то его подстилями являются: собственно научный, научно-учебный, научно-популярный и научно-технический (§ 3.2)
В каком жанре выполнен текст?	Например, жанры собственно научного подстиля: диссертация, монография, научная статья, (авто)реферат, отзыв, рецензия, тезисы, аннотация (§ 3.2)
Какие виды речи встречаются в произведении?	Индивидуальная, коллективная, научная, публицистическая и т. д. (§ 4.1)
Какие формы речи можно выделить в тексте?	Описание, повествование, рассуждение (§ 4.2)
Каковы их средства выражения и структурные характеристики?	Например, главными средствами выражения повествования выступают глагольные формы и конструкции, второстепенными – союзы, обстоятельственные слова и сочетания. К структурным характеристикам данной формы речи относятся: модель, план, фокализация, способ и перспектива повествования (§ 4.2)

3. Микростилистический (элементарный) блок	
Единицы каких лексических составов употребляются в тексте?	Единицы функционально-стилистически недифференцированного состава (архаизмы, историзмы, диалектизмы, термины и т. д.), дифференцированного состава или обоих (§ 1.5)
Какие образные средства используются в произведении?	Метафора, метонимия, сравнение, аллюзия (§ 2.2)
Какие средства описания и выделения/умаления признака присутствуют в тексте?	Различные перифразы и эпитеты (§ 2.3)
Какие клише используются в произведении?	Нейтральные, экспрессивные, фразеологические, паремиологические (§ 2.4)
Какие средства создания юмора и сатиры присутствуют в тексте?	Ситуативные, собственные (игра слов, нелогичное соединение или стилистический парадокс) (§ 2.5)
Какие средства создания колорита используются в произведении?	Средства с различными ограничениями, иноязычные слова (§ 2.6)
Какие звукообразительные средства присутствуют в тексте?	Комбинаторные, интонаторные (§ 2.7)
Какие грамматические средства используются в произведении?	Морфологические, синтаксические (§ 2.8)

Вопросы для самоконтроля

1. Что выявляется посредством стилистического анализа речевых произведений?
2. Какие аспекты анализа различают?
3. Какие блоки содержат алгоритм анализа?
4. В чём состоит отличие макро- и микростилистического блока анализа?
5. Какова цель алгоритмизации стилистического анализа речевых произведений?
6. По какой схеме строится предложенный алгоритм?
7. Как выглядит вертикальная структура блоков?
8. Что позволяет достичь вопросно-ответная организация анализа?
9. Чем различаются стилистический анализ текста и его интерпретация?
10. Что понимается под интерпретацией в переводоведении?

4.5. Методология стилистического анализа речи

Выделение в речи и описание той или иной функции языка предполагает *имплементацию* (от англ. *implementation* – применение, превращение) определённых *подходов, методов и принципов*, совокупно обозначаемых *методологией* (см. далее). **Подходом** (нем. *Herangehensweise*, англ. *approach*, букв.: «образ действия, приближение») называется вектор (научного) поиска, связанный с определённым аспектом наблюдаемого явления или характером решаемой задачи. Например, когда мы встречаем неизвестное нам слово, мы используем *семасиологический* подход (см. об этом также § 1.2), то есть справляемся о значении слова в словаре через поиск формы, ср.: *квези́ция – это вопрос-уловка, любой ответ на который дискредитирует вопрошаемого*, к примеру: «*Давно ли Вы прекратили критиковать правительство?*» Если же мы знаем содержание слова, но хотим узнать форму, что всегда актуально при изучении иностранных языков, то в этом случае мы используем *ономасиологический* подход, спрашивая «*Как сказать или как называется?*» (рис. 25), ср.: *Как называется вопрос-уловка, любой ответ на который дискредитирует вопрошаемого? – Квези́ция*. **Метод** (от гр. *μέθοδος* – путь (познания)) – это способ решения частной задачи в рамках избранного подхода, например выяснить происхождение (*сравнительно-исторический метод*, см. далее) или грамматическую сочетаемость (*формально-грамматический метод*, см. далее) слова *квезиция*. Тем самым подход и метод различаются как общее и частное, абстрактное и конкретное, совокупность действий и отдельный шаг.

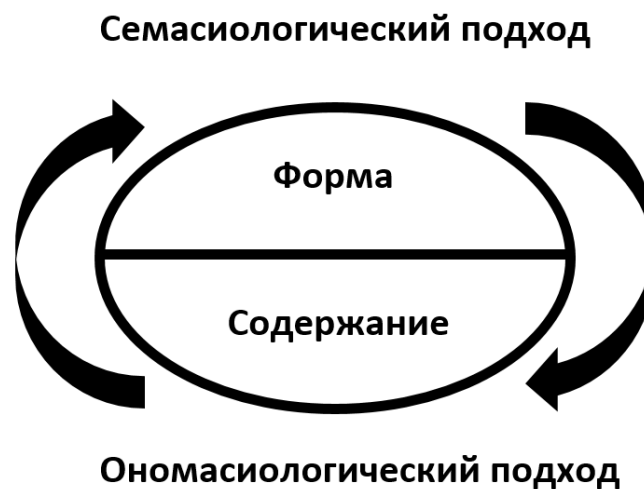

Рис. 25. Подходы к языковому знаку

Порядок таких шагов (методов) обозначается **процедурой** (от лат. *procedere* – продвигаться), а их набор для выполнения тех или иных задач – **методикой** (от гр. *μεθοδικός* – использующий определённые правила). Система подходов, методов и принципов в рамках конкретной научной дисциплины, к примеру, такой как функциональная стилистика, или же науки в целом называется **методологией** (от гр. *μεθολογία* – учение о способах). В основе любого подхода или метода всегда лежит **принцип** как отправная точка для достижения результата. Например, принципом ономаσιологического подхода является языковое структурирование явлений, объектов и процессов окружающей действительности с точки зрения их семантической взаимосвязи, а принципом семасиологического подхода – алфавитная организация их обозначений.

① *Говоря об анализе отдельных речевых произведений, выполненных в различных функциональных стилях речи, уместно использовать термин «методика», предполагающий некую избирательность в действиях и предпочтение одних методов другим для нужд стилистического анализа. Совокупный же инвентарь подходов, способов и принципов, используемых для данного анализа, правильно обозначать методологией.*

Методы анализа реализации выразительной функции языка в конкретном речевом произведении обозначаются **стилистическими**, однако не все они являются собственно языковыми. Например, методы *анализа* и *синтеза*, упомянутые в § 4.1 как логические приёмы (см. далее), принадлежат к общенаучным. Следовательно, все методы, имплементируемые в функциональной стилистике, можно разделить на *обще-* и *частнонаучные*. **Общенаучные методы** используются *всеми* отраслями наук, в то время как **частнонаучные** входят в аппарат (см. об этом подробнее § 1.3) лишь *отдельных* научных дисциплин. К **общенаучным** методам стилистического анализа речи относятся: 1) методы логики, 2) философии, к **частнонаучным**: 3) структурные методы, 4) функциональный метод.

1. **Методы логики** образуют аппаратную основу любой научной методологии и применяются в самом широком спектре исследований и исследовательских практик. В самой логике они именуются приёмами. **Приём** – это *особый* способ выполнения действия (ср. определение метода выше). Его *особенность* заключается в мыслительном характере

действия. Таким образом, приёмы логики являются **методами мышления**. К ним принадлежат: а) анализ, б) синтез, в) индукция, г) дедукция, д) сравнение, е) абстрагирование, ж) обобщение, з) аналогия, и) моделирование. Многие методы логики образуют *дихотомии* (см. об этом также § 1.3), то есть сдвоенные антонимичные понятия: «анализ vs. синтез», «индукция vs. дедукция», «абстрагирование vs. обобщение», «аналогия vs. моделирование».

А. Принципы работы **методов анализа и синтеза** изложены в § 4.1. Многие методы лингвистики являются обычными разновидностями метода анализа и даже содержат в названии данный термин, ср.: метод дистрибутивного, контекстного, компонентного и другого анализа. Однако принцип данного метода остаётся неизменным: разделение целого на составляющие. В функциональной стилистике метод анализа используется преимущественно **для решения двух задач**: во-первых, **для сегментации функционального репертуара**, то есть выделения в нём функциональных стилей, подстилей, жанров, групп выразительных средств и т. д. (см. об этом подробнее § 1.4), и, во-вторых, **для определения объёма реализации выразительной функции языка** в конкретном речевом произведении (см. об алгоритме стилистического анализа § 4.4).

Б. **Метод синтеза**, обратный анализу, используется для построения отдельных высказываний или целых речевых произведений. Суть данного метода заключается в объединении элементов различных уровней (ярусов) в речевую цепь (см. об этом § 1.4, 2.8) для реализации той или иной функции языка. Направление конструктивизма в языкознании 1960-х гг., а также разработанные им методы, целиком основываются на синтетическом характере агрегации речи¹³⁹.

В. **Индуктивный** (от лат. *inducere* – повлечь) **метод** предполагает такой способ изучения речевого произведения (текста), при котором его общие свойства выводятся из свойств его элементов. Например, принадлежность к профессиональному жаргону определяется на основе содержащихся в тексте профессиональных жаргонизмов.

Г. **Метод дедукции** (от лат. *deducere* – отводить) использует принцип, противоположный индуктивному: вывод о свойствах отдельных элементов делается на основе изучения свойств целого речевого произведения. Так, исходя из репертуарной (жанрово-стилистической) принадлежности текста, исследователь делает заключение о характере

¹³⁹ Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – Москва : Наука, 1981. – 366 с.

содержащихся в нём выразительных средств. Если логика анализа предполагает переход от частного к частному (от элемента к элементу), то принято говорить о сравнении (см. далее).

Д. С помощью **метода сравнения** устанавливается сходство или различие единиц одного и того же уровня (см. об этом также § 1.3): двух и более выразительных средств, регистров, жанров, стилей и т. д. Согласно правилам логики, сравнение единиц должно производиться по одному и тому же признаку, который признаётся существенным. Правильность сравнения определяется тем, что взято за его основу (см. об этом подробнее § 2.2). Так, основой для различия выразительных средств может выступать решаемая экспрессивная задача, а жанров – ситуативная обусловленность акта коммуникации. Логический приём сравнения лежит в основе такого известного лингвистического метода, как *сравнительно-исторический*, обоснованного в трудах Ф. Боппа, Р.К. Раска, А.Х. Востокова, А.А. Котляревского, М.В. Ломоносова и других исследователей и положившего начало целому направлению науки о языке – сравнительно-историческому языкознанию.

Е. **Абстрагированием** называется такой логический приём, с помощью которого определённые, интересующие нас свойства или признаки объектов мысленно отделяются (отвлекаются) от несущественных. Путём абстрагирования выделяют выразительные средства по их принадлежности к решаемой экспрессивной задаче. Несущественными же признаются такие признаки, которые образуют их многофункциональный характер (см. об этом подробнее § 1.1, 2.1). Существенные признаки функциональных стилей обозначаются качественными, а несущественные – количественными (см. об этом также § 3.1).

Ж. **Обобщение** – это мысленное объединение общих свойств и признаков выразительных средств в группы, поэтому данный логический приём известен также как **метод группировки**. Абстрагирование и обобщение представляют собой единую, неразрывную процедуру обособления и группировки выразительных средств внутри функционального репертуара языка.

З. **Метод аналогии** подразумевает перенесение свойств одного объекта на другой для облегчения понимания природы первого. Данный метод применяется, например, для изучения структурных особенностей стихотворных размеров путём перевода (фрагментов) речевых произведений в систему метрических символов (см. об этом подробнее § 2.7).

И. Моделирование предполагает изучение свойств одного объекта при помощи другого, который существует в виде абстрактной (воображаемой) модели. Примерами можно считать модели системы языка и функционального репертуара (см. об этом подробнее § 1.4), построенные силой воображения исследователя (теоретика) с целью наиболее точного описания природы языка. Методы аналогии и моделирования применяются сообща в тех случаях, когда следует заместить реальный объект (язык) воображаемым (моделью) ввиду невидимости первого.

2. Методы философии являются **способами познания**, то есть средствами приобретения знаний об объективной реальности. Однако далеко не всякое познание научно. Важнейшим критерием *научного познания* выступает *верификация* (см. об этом подробнее § 1.3) представлений о процессах и явлениях наблюдаемой действительности, которая достигается использованием научных методов познания. В функциональной стилистике находят применение следующие философские методы, относящиеся к общенаучным: а) диалектический, б) качественные методы, в) метод описания, г) интерпретации. Количественный (квантитативный) метод, суть которого заключается в оперировании числовыми данными и усреднёнными статистическими показателями (в процентном отношении) для выявления количественного соотношения элементов определённых словарных множеств (классов, групп и т. п.), используется главным образом в лексикологии и компьютерной лингвистике.

А. Диалектический метод предполагает рассмотрение процессов эволюции системы языка и функционального репертуара в развитии, взаимосвязи и причинной обусловленности. Имплементация данного метода позволяет выделять такие векторы эволюции языковых систем, как архаизация и неологизация, экзогlossия (от гр. *ἔξω* – вне, снаружи, *ῥῶσσα* – язык, речь: засилье иностранных слов) и эндогlossия (от гр. *ἔνδον* – внутри: языковая консервация), ужесточение и либерализация языковых норм и т. д., образующие диалектические единства противоположностей. Принцип диалектического метода – сохранение языком тождества себе самому в процессе исторического развития, а также с учётом территориального и социального варьирования, что означает буквально следующее: в языке L выделяются диалекты, социолекты, историолекты, а не отдельные языки L₁, L₂, L₃ и т. д.; в языке L различается система и функциональный репертуар, а не два разных языка L₁ и L₂; функциональный репертуар языка L включает пять функциональных стилей, а не пять отдельно существующих языков L₁–L₅.

Б. Качественные методы познания направлены на изучение взаимодействия индивидуального и коллективного в условиях социальной коммуникации. Благодаря имплементации данных методов мы различаем говорящий коллектив и говорящего индивида, коллективный и индивидуальный речевой репертуар, отбор выразительных средств и т. д. К наиболее востребованным качественным методам относятся *наблюдение* и *интервью*. **Наблюдение** – в нашем случае за речью отдельного индивида или определённой социальной группы – позволяет не только получить целостное представление о её выразительных возможностях и репертуарной принадлежности, но и отследить генез (от гр. *γένεσις* – происхождение, развитие) отдельных языковых явлений, формирующих основу коммуникативного взаимодействия, в синхронном или диахронном аспекте (см. об этом § 1.3). В отличие от интервью (см. далее) наблюдение делает ставку на объективную информацию о наблюдаемом, причём субъективная информация, содержащаяся в его собственной речи, служит лишь подтверждением полученных данных. **Интервью** (от англ. *interview* – обоюдное мнение) является жанровым методом прямого запроса информации индивидуального и коллективного характера, которую респондент (от англ. *respondent* – отвечающий) может не осознавать. В качестве примера можно привести случайное обнаружение неосознанно используемых им выразительных средств, заимствованных либо в раннем возрасте из речи родителей, либо в течение жизни у других пользователей языка путём подражания. Интервью предполагает как обычный вопросно-ответный режим с вариантами ответов «да/нет/не знаю» (экспресс-интервью/опрос), так и развёрнутые (обстоятельные) ответы (экспертное интервью). Как правило, интервьюирование проводится по заранее определённой плану, цель которого состоит в получении наиболее полной информации об исследуемом явлении, для чего могут сопоставляться и оцениваться ответы и комментарии нескольких респондентов. *Принцип метода интервью*, как самостоятельного речевого жанра, состоит в активизации мышления респондента через спонтанную речь (см. об этом § 4.1), которая выступает своего рода «заводной рукоятью» мышления.

① *По мнению С.В. Савельева, в силу лености мозга человек вынужден мыслить, когда говорит или работает, поэтому дискуссия или публичный спор – прекрасный способ оживить сонный интеллект*¹⁴⁰. *Познание о первичности языка и вторичности мышления яв-*

¹⁴⁰ Савельев С.В. Морфология сознания. В 2 т. Т. 2. – Москва : ВЕДИ, 2021. – С. 8–10.

ляется отправным постулатом логики¹⁴¹. Как утверждают теоретики средового подхода в языкознании, язык – это вирус, пришедший в нашу голову из окружающей среды¹⁴². Задача любого вируса – изменить поведение носителей, заражая их внешней речью и делая их членами говорящего коллектива, скреплённого единым средством коммуникации – национальным языком. Безусловно, мышление, сформированное посредством языка, является рассудочным, рациональным, логическим и противопоставляется инстинктивно-гормональному мышлению, присущему животным. Мышление, как система понятий в голове человека, в значительной степени определяется тем языком, на котором человек говорит с рождения (L_1). Данное положение языкознания известно как гипотеза лингвистической относительности, или теория Сепира–Уорфа.

В. Метод описания предполагает познание объекта путём выделения его наиболее существенных характеристик как в статике, так и в динамике. В функциональной стилистике метод описания находит применение главным образом в двух случаях: для выделения экспрессивно-семантических характеристик выразительных средств на аксиологической вертикали (см. об этом подробнее § 1.3) и внутри одноимённой композиционно-речевой формы для передачи состояния предметов и их свойств (см. об этом § 4.2). Главным требованием к имплементации данного метода выступает строгая *предметно-тематическая заданность* описания, подразумевающая такой характер выделения признаков, который бы соответствовал определённому функциональному назначению описываемого объекта. Например, высоковольтный выключатель (рис. 26) можно описывать с технической и эстетической (как объект искусства) точек зрения, при этом важно не смешивать выделяемые признаки: контактная система с дугогасительным устройством, токоведущие части, изоляционная конструкция и пр. – признаки технического описания, а цветное исполнение, антропоморфность, оптический ракурс и т. п. – признаки эстетического описания.

¹⁴¹ Виноградов С.Н., Кузьмин А.Ф. Логика : учебник. – 8-е изд. – Москва : Учпедгиз, 1954. – С. 7–8.

¹⁴² Burroughs W.S. The adding machine : Selected. – New York : Arcade Publishing, 1993. – P. 47.

Рис. 26. Памятник высоковольтному выключателю в Томске¹⁴³

Г. **Интерпретация** – это такой метод научного познания, который направлен на понимание структуры интерпретируемого объекта через изучение её внешних проявлений. Данный метод используется в функциональной стилистике преимущественно для раскрытия предметного содержания на основе текстовых категорий (см. об этом также § 4.3) с целью определения его влияния на целую композицию речевого произведения.

3. Структурное языкознания рассматривает язык как многоуровневую систему, состоящую из множества взаимосвязанных дискретных элементов (см. об этом подробнее § 1.2), поэтому **общим принципом структурных методов является выявление связей между элементами**

¹⁴³ Изображение взято с сайта: Оперативный справочно-информационный портал города Томска. – Режим доступа: <http://www.tomsk.ru09.ru/foto/displayimage.php?album=508&pos=0>.

системы языка. Так как данные связи выходят за рамки системы, структурные методы широко используются и в функциональной плоскости. К наиболее частотным из них принадлежат: а) оппозитивный, б) формально-грамматический метод.

А. Принцип работы **оппозитивного метода**, использующего логический приём сравнения, – противопоставление словарных элементов на основе определённых их свойств. Итогом его имплементации становится выделение *лексических оппозиций* зачастую в виде парадигматических рядов синонимов, антонимов, паронимов, омонимов, гетеронимов и пр., элементы которых противопоставлены любым другим элементам соответствующего ряда. В большинстве случаев элементы таких оппозиций разделяются тире «–» или латинским знаком «vs.» (от лат. *versus* – против), ср. пятикомпонентный ряд омонимов мужского рода в немецком языке: *der Atlas*¹ (нем. *атлас*, *сборник географических карт*) vs. *der Atlas*² (нем. *атлант*, *первый шейный позвонок*) vs. *der Atlas*³ (нем. *атлас*, *атласная ткань*) vs. *der Atlas*⁴ (нем. *Атлас*, *горная система на северо-западе Африки*) vs. *Atlas*⁵ (нем. *Атлас*, *или Атлант*, *титан в греческой мифологии*). Помимо этого, выделяются оппозиции по норме (диалектизм – слово литературного языка), по происхождению (заимствование – исконное слово), по употребительности (термин – разговорное выражение) и т. п.

Б. При помощи **формально-грамматического метода** определяются способы комбинаторного соединения (конкатенации) словарных элементов в речевой цепи, ср.: *выть* (глагол. несоверш. вида, непереходн., неопред. ф.) + *белугой* (сущ. ж. р., ед. ч., твор. п.); *Lüge* (нем. *ложь*; сущ. ж. р., ед. ч., им. п.) + *reinsten* (нем. *чистейшей*; прил. ср. р., ед. ч., род. п., сильн. склон.) + *Wassers* (нем. *воды*; сущ. ср. р., ед. ч., род. п.). *Грамматическая* информация выступает здесь лишь *формальной* стороной способов комбинирования (см. об этом § 2.1), что и дало название данному методу. Указанные структурные методы используются **в комбинации** для выделения типов выразительных средств внутри групп. Оппозитивный метод позволяет отграничить гомологические средства вертикально (по принципу заменимости в речи), а формально-грамматический метод – линейно (по характеру связи или способу словообразования, см. об этом также § 2.1).

4. **Функциональный метод** является единственным собственно стилистическим и направлен на выявление *принципов и приёмов* создания и отбора выразительных средств в речи для решения опреде-

лѐнных экспрессивных задач коммуникации. Так как выразительные средства создаются комбинаторно и необязательно из элементов одного и того же уровня языка, *принципы и приѐмы* (см. об этом подробнее § 2.1), соотносимые как общее и частное, можно наглядно представить в виде **комбинаторных схем** (от гр. *σχήμα* – фигура), ср. схемы метатезы **ab → ba** (чеш. *mléko* → англ. *milk*, молоко) и хиазма **abba** (*Гришка дома – Мишки нет, Мишка дома – Гришки нет*). Одни схемы могут трансформироваться в другие, ср. переход шовинистического триколона «*Чемодан. Вокзал [Топоним]*» (А.В.С.) в двустистишье «*Чемодан. Вокзал. АТО. / Деревянное пальто*» (А.В.С. / С или aa). Схематическая общность выразительных средств становится группой, а сама схема – формулой (от лат. *formula* – малая форма), ср. формулы образования средств создания образности, описания и выделения (умаления) признака, клише и др. Для передачи отношений комбинируемых элементов внутри таких схем (формул) зачастую используются *диакритические* (от гр. *διακριτικός* – служащий для различения) или *математические* символы (операторы), ср. знак элизии «'» (*брел'кú* вместо: *брелóки*) и знак (оператор) объединения «U» (*серп и молот*). Разноуровневая комбинаторика значительно усложняет такое описание (ср. название альбома группы Nautilus Pompilius «**Ни кому ни кабельность**»), открывая простор для более углубленного теоретического изучения и описания комбинаторных схем в составе функциональных репертуаров различных языков. Принципы отбора выразительных средств реализуются в стилистических чертах (см. об этом подробнее § 1.3), благодаря которым тексты, выполненные в разных (функциональных) стилях и жанрах, непохожи друг на друга. Следует помнить, однако, что системы речевых произведений (см. об этом § 4.3) могут быть полем пересечения нескольких принципов отбора, а авторы могут практиковать излюбленные черты независимо от стилевых и жанровых рамок.

Общим подходом в аппарате функциональной стилистики выступает **системно-функциональный**, предполагающий два противоположных ракурса рассмотрения языковых процессов: от системы к функции ($L \rightarrow F$) и от функции к системе ($F \rightarrow L$). В первом случае мы получаем представление о функциональных особенностях системы (элементов и их связей) в речи (ламповый свет), а во втором случае – об устройстве системы (саму лампу). Большое преимущество второго ракурса состоит в том, что функция реальна и конкретна, а сама система языка – виртуальна и абстрактна. И только изучая «роли», исполняемые элементами

и их комбинациями в речи, мы приближаемся (см. определение подхода выше) к познанию самой невидимой системы языка (см. о функциональном детерминизме § 3.1), которая выражается в речи посредством функционирования элементов. Однако реальность функции несколько не упрощает сложную задачу описания их многофункциональности, для решения которой необходим охват максимального количества контекстов в различных ситуациях коммуникативного взаимодействия.

В качестве вспомогательного подхода используется **средовый** (англ. *environmental approach*), основоположником которого является американский лингвист и антрополог Э. Сепир¹⁴⁴. В основе данного подхода лежит познание о средовой обусловленности языка, следовательно, вектор поиска будет направлен от социума к человеку, от окружения к явлению, от экстра- к интралингвистике. Отправной постулат средовой теории таков: *нет языка без социума, нет социума без языка*. Это означает, что «цемент» языка скрепляет общество, которое, в свою очередь, заинтересовано в таком средстве социальной коммуникации (см. об этом также § 3.1). Поскольку за всякой индивидуальностью стоит коллективное начало, корни функционального репертуара языка – индивидуального или же коллективного, – а также причины его расслоения следует искать неизменно в среде. Последняя выступает формирующим началом для процессов *лингвогенеза* (индивидуального овладения языком), а значит, в собственной речи человек лишь воспроизводит и комбинирует элементы системы коллективного пользования – языка.

① *В современной парадигме исследовательских течений отмечаются попытки обосновать новый, дискурсивный (от фр. *discours* – доклад, публичная речь) подход, претендующий на главенствующую роль во всей функциональной лингвистике. Представители данного подхода утверждают, что его принципом выступает учёт экстралингвистических условий акта коммуникации и порождения речи. Однако до тех пор, пока итогом его имплементации будет выделение выразительных средств, признать такой подход «новым» нельзя, так как он попросту дублирует системно-функциональный (см. выше). Так называемый «дискурс-анализ», как ведущий метод данного подхода, представляет собой обычный анализ речи (см. об этом § 4.1), которая никогда не существовала вне экстралингвистических*

¹⁴⁴ Sepir E. Language and Environment // American Anthropologist. – 1912. – No. 14. – P. 226–242.

условий, то есть среды (см. выше). Следует подчеркнуть, что термин «дискурс» ещё век назад имел значение «рассуждение, полемика, дискуссия», а уже в первой половине XX в. был заимствован постструктуралистами из изрядно раскритикованной постмодернистской философии в языкознание, где используется преимущественно в качестве эрзаца таких привычных и устоявшихся терминов, как «речь», «коммуникативные практики», «терминология», «текст» и «стиль».

Вопросы для самоконтроля

1. Что понимается под научным подходом?
2. Как соотносятся подход и метод?
3. Чем различаются понятия процедуры, методики и методологии?
4. Что положено в основу подхода или метода?
5. Какие группы методов используются в функциональной стилистике?
6. В чём состоит отличие методов логики от методов философии?
7. Какие дихотомии образуют методы логики?
8. Для каких двух общих задач используется метод анализа?
9. Чем различаются дедукция и индукция?
10. Какие существуют правила сравнения?
11. Каково второе обозначение приёма обобщения?
12. Чем обеспечивается научное познание?
13. Как звучит принцип диалектического метода?
14. Что является «заводной рукоятью» мышления?
15. Каково главное требование к методу описания?
16. Для чего используется метод интерпретации в функциональной стилистике?
17. Что объединяет все структурные методы?
18. Комбинацией каких методов достигается выделения типов выразительных средств внутри групп?
19. Как можно представить принципы создания и отбора выразительных средств?
20. Какие подходы используются в функциональной стилистике?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как следует из рассуждений, экспрессия старше и больше человеческого языка. Так как эмоции, переживания, состояния и пр. могут быть выражены самыми различными способами (жестами, мимикой, движениями, звуками), словесные способы выражения нередко обозначаются **языковыми средствами**. В этом смысле язык как особая деятельность человека, использующая звук и письмо, целиком подчинён экспрессии и, можно даже утверждать, выступает её производной. Принципы и приёмы создания выразительных средств совокупно обозначаются речевой комбинаторикой и изучаются теоретической стилистикой, стоящей над частными (прикладными) стилистическими отдельными языков.

В настоящей работе систематизирован накопленный опыт в области **теоретической стилистики**, дано описание её аппарата и терминосистемы, обоснован её междисциплинарный статус. Центральным понятием признан функциональный репертуар языка, объём которого равен реализации упомянутой выше экспрессии через язык. Базовой единицей репертуара – и одновременно стили – выступает выразительное средство, образуемое комбинаторно из элементов различных словарных множеств системы языка как инвентаря коллективно используемых знаков. Непрерывное взаимодействие языковой системы и функционального репертуара путём реализации экспрессивной функции позволяет поддерживать коммуникативную пригодность и жизнеспособность языка.

Механика такого взаимодействия проста: элементы языка различного уровня (фонетического, морфологического, лексического, синтаксического) комбинируются в речи и, если такая комбинация признаётся – коллективно или индивидуально – удачной, востребованной, хлёсткой, затрагивает «нерв времени», то она упрочивается в системе как новый словарный элемент. Так происходит отбор выразительных средств и комплекция стилей как единств языка и сферы его использования. Так возникли фразеология и паремиология, единицы которых являются свидетельствами и доказательствами данного взаимодействия. Грамматика, к которой данные единицы ошибочно относятся рядом фразеологов, есть в функциональном смысле лишь часть общего свода правил **речевого комбинирования** и может рассматриваться широко в содружестве с фонетикой, риторикой и прагматикой для выделения и описания таких правил.

Теория функциональных стилей не является пережитком структурно-системного языкознания, а единственной рабочей теорией социального бытия языка в границах отдельной административно-территориальной формации или языковой ситуации. Функциональные стили, как и другие формы существования функционального репертуара (социолекты, металекты, пиджины и т. п.) признаются и изучаются корреспондирующей дисциплиной экстралингвистического цикла – социолингвистикой, не ставящей под сомнение главенство функционального в вопросах их образования. И наоборот, нельзя считать успешными попытки интерпретации таких форм через системные признаки (терминологию, набор лексем), как и прецеденты «селективного» скрещивания аппаратов различных дисциплин («дискурс стиля», «стиль дискурса»), свидетельствующие о неправомерном смешении системных и функциональных свойств языка.

Выделение **качественных признаков функциональных стилей** имплицитно осуществляется многими исследователями и в данной работе носит характер обобщения коллективно накопленного опыта, а схема описания функционально-стилистических разновидностей функционального репертуара языка составлена для удобства использования в учебных и исследовательских целях. Безусловно, не все особенности функциональных стилей, существующие в различных литературных языках современности, нашли отражение в третьей главе работы. Задача автора состояла скорее в том, чтобы дать общее представление об их функциональных особенностях. Уточнение и углубление предложенных схематических «зарисовок» функциональных стилей видится возможностью роста будущих поколений языковедов. Ориентиром здесь может выступать известное в стилистике наблюдение, что нельзя изучать стиль по крупницам, а нужно смотреть на целую его картину.

Перспективы дальнейших исследований в предложенной проблематике могут быть связаны с поиском новых подходов к описанию функционального репертуара языка, выделением новых групп стилистических средств и построением шкалы выразительности с учётом изложенных положений и выводов. Наиболее существенными для нужд теоретической стилистики представляются практики сопоставления функциональных репертуаров различных и разноструктурных языков, позволяющие не только дополнить картину их сегментирования, но и сделать её более точной и совершенной.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

англ.	– английский язык
араб.	– арабский язык
арг.	– арготизм
бот.	– ботаника
букв.	– буквально
в.	– век
венг.	– венгерский язык
воен.	– военное дело
г.	– год
гидрол.	– гидрология
гол.	– голландский язык
гр.	– греческий язык
груб.	– грубо
гэл.	– гэльский (шотландский) язык
дат.	– датский язык
дер.	– деревообработка
диал.	– диалектизм
досл.	– дословно
др.-в.-нем.	– древневерхненемецкий язык
др.-сканд.	– древнескандинавский язык
ед. ч.	– единственное число
жарг.	– жаргонизм
ивр.	– иврит
ирон.	– иронично
ист.	– историзм
к/ф	– кинофильм
кит.	– китайский
кор.	– корейский язык
лат.	– латинский язык
мед.	– медицина
мн. ч.	– множественное число
муз.	– музыка
м/ф	– мультипликационный фильм
н. э.	– нашей эры
нем.	– немецкий язык
нотар.	– нотариальное выражение
общ.	– общеупотребительное слово или выражение
общерос.	– общероссийская норма
одес.	– язык Одессы

опт.	– оптика
пер.	– перевод
перен.	– переносное значение
полиц.	– полицейский жаргон
поэт.	– поэтизм
презр.	– презрительно
прост.	– просторечие
разг.	– разговорное выражение
рус.	– русский язык
санс.	– санскрит
см.	– смотри
совр.	– в современном употреблении
сокр.	– сокращённо
спорт.	– спортивная сфера
ср.	– сравни
ср.-в.-нем.	– средневерхненемецкий язык
ст.-слав.	– старославянский язык
ст.-фр.	– старофранцузский
стомат.	– стоматология
телев.	– телевидение
тер.	– территориализм
тех.	– техника
томск.	– слово или выражение, распространённое в городе Томске
тур.	– турецкий язык
узб.	– узбекский язык
укр.	– украинский язык
устар.	– устаревшее выражение
учит.	– учительский жаргон
фам.	– фамильярное выражение
фр.	– французский язык
церк.-слав.	– церковно-славянский язык
цит.	– цитируется
чеш.	– чешский
шутл.	– шутливо
эвф.	– эвфемистично
эмоц.	– эмоционально

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и паремиология : учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семенов. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 344 с.
2. Алпатов В. Языкознание: От Аристотеля до компьютерной лингвистики / В. Алпатов. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2018. – 253 с.
3. Антонова А.А. Местоименные формы обращений в английском, русском и корейском языках / А.А. Антонова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Вып. 13, № 12. – С. 246–250.
4. Аристотель. Риторика. Поэтика : сборник / Аристотель ; пер. с древнегр. Н. Платоновой, В. Аппельрота. – Москва : АСТ, 2018. – 352 с.
5. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И.В. Арнольд ; науч. ред. Н.Е. Бухаркин. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 1999. – 444 с.
6. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов / И.В. Арнольд. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва : Флинта : Наука, 2002. – 384 с.
7. Астахова А.М. Былины. Истоки и проблемы изучения / А.М. Астахова. – Москва ; Ленинград : Наука, 1966. – 290 с.
8. Баранов А.Н. Аспекты теории фразеологии / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – Москва : Знак, 2008. – 657 с.
9. Бахтин М.М. Собрание сочинений. В 7 томах. Том 5 «Работы 1940–1960 гг.» / М.М. Бахтин. – Москва : Русские словари, 1996. – 261 с.
10. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – 2-е изд. – Москва : Искусство, 1986. – 445 с.
11. Беляева Т.М. Нестандартная лексика английского языка / Т.М. Беляева, В.А. Хомяков. – Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1985. – 138 с.
12. Блох М.Я. Внутренняя речь в структуре художественного текста / М.Я. Блох, Ю.М. Сергеева. – Москва : Прометей, 2011. – 180 с.
13. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка : учебник / М.П. Брандес. – Москва : Высшая школа, 1983. – 271 с.

14. Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс : учебник / М.П. Брандес. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Прогресс-Традиция : Инфра-М, 2004. – 416 с.
15. Брандес М.П. Стилистический анализ (на материале немецкого языка) / М.П. Брандес. – Москва : Высшая школа, 1971. – 192 с.
16. Валгина Н.С. Теория текста / Н.С. Валгина. – Москва : Логос, 2003. – 173 с.
17. Введенская Л.А. Русский язык и культура речи : учебное пособие / Л.А. Введенская, М.Н. Черкасова. – 11-е изд. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2011. – 380 с.
18. Виноградов В.В. О языке художественной литературы / В.В. Виноградов. – Москва : Гослитиздат, 1959. – 656 с.
19. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В.В. Виноградов // Лексикология и лексикография: избранные труды. – Москва : Наука, 1986. – 161 с.
20. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов. – Москва : АН СССР, 1963. – 253 с.
21. Виноградов С.Н. Логика : учебник / С.Н. Виноградов, А.Ф. Кузьмин. – 8-е изд. – Москва : Учпедгиз, 1954. – 175 с.
22. Волков С.С. Неологизмы и внутренние стимулы языкового развития / С.С. Волков, Е.В. Сенько // Новые слова и словари новых слов : сборник статей ; отв. ред. Н.З. Котелова. – Ленинград : Наука, 1983. – С. 43–57.
23. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – Москва : Наука, 1981. – 138 с.
24. Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха / М.Л. Гаспаров. – Москва : Фортуна Лимитед, 2003. – 272 с.
25. Гиршман М.М. Литературное произведение: Теория художественной целостности / М.М. Гиршман. – 2-е изд., доп. – Москва : Языки славянских культур, 2007. – 560 с.
26. Гойхман О.Я. Речевая коммуникация : учебник / О.Я. Гойхман, Т.М. Надеина. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Инфра-М, 2008. – 272 с.
27. Горшков А.И. Русская стилистика и стилистический анализ произведений словесности / А.И. Горшков. – Москва : Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2008. – 544 с.
28. Граудина Л.К. Культура русской речи : учебник / Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяев. – Москва : Норма-Инфра М, 1999. – 560 с.

29. Грибанова Т.И. Тенденции употребления генитива в современном английском языке / Т.И. Грибанова, Е.Н. Коршунова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2017. – № 11 (784). – С. 104–117.
30. Гринёв-Гриневиц С.В. К вопросу о методах лингвистических исследований / С.В. Гринёв-Гриневиц, Э.А. Сорокина // Вестник Московского государственного областного университета. – 2011. – № 3. – С. 57–67.
31. Гуревич Е.А. Поэзия скальдов / Е.А. Гуревич, И.Г. Матюшина ; отв. ред. Е.М. Мелетинский. – Москва : Изд-во РГГУ, 2000. – 751 с.
32. Домашнев А.И. Интерпретация художественного текста: Немецкий язык : учебное пособие / А.И. Домашнев, И.П. Шишкина, Е.А. Гончарова. – Москва : Просвещение, 1989. – 208 с.
33. Жирмунский В.М. История немецкого языка / В.М. Жирмунский. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Изд-во литературы на иностранных языках, 1948. – 300 с.
34. Зализняк А.А. Механизмы экспрессивности в языке / А.А. Зализняк // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты : сборник статей в честь 80-летия И.А. Мельчука ; под ред. Ю.Д. Апресяна и др. – Москва : ЯСК, 2012. – С. 650–664.
35. Земская Е.А. Политематичность как характерное свойство непринужденного диалога / Е.А. Земская // Разновидности городской устной речи. – Москва : Наука, 1988. – С. 234–240.
36. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование : учебное пособие / Е.А. Земская. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Флинта, 2011. – 328 с.
37. Иванова И.П. Теоретическая грамматика современного английского языка / И.П. Иванова, В.В. Бурлакова, Г.Г. Почепцов. – Москва : Высшая школа, 1981. – 285 с.
38. Ильясова С.В. Словотворчество? Словоёрничество? К оценке игровых стратегий в языке современных российских СМИ / С.В. Ильясова // Уральский филологический вестник. Серия «Язык. Система. Личность: лингвистика креатива». – 2017. – № 2. – С. 68–75.
39. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю.Н. Караулов. – Москва : Наука, 1981. – 366 с.
40. Кожина М.Н. Стилистика русского языка : учебник / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. – 4-е изд., стер. – Москва : Флинта : Наука, 2008. – 464 с.

41. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода / В.Н. Комиссаров. – Москва : Международные отношения, 1980. – 166 с.
42. Кострова О.А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка : учебное пособие / О.А. Кострова. – 4-е изд., испр. – Москва : Флинта, 2021. – 242 с.
43. Кузнецов А.Е. Латинская метрика / А.Е. Кузнецов. – Тула : Гриф и К, 2006. – 554 с.
44. Кумахова З.Ю. К проблеме классификации функциональных стилей в языках различных типов / З.Ю. Кумахова, М.А. Кумахов // Вопросы языкознания. – 1978. – № 1. – С. 3–17.
45. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. В 11 томах. Том 7 / М.В. Ломоносов. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1952. – 997 с.
46. Лосев А.Ф. Философия имени / А.В. Лосев. – Москва : Изд-во МГУ, 1990. – 270 с.
47. Маслов В.Г. Культура русской речи / В.Г. Маслов. – Москва : Флинта : Наука, 2010. – 160 с.
48. Маслова В.А. Лингвистический анализ текста. Экспрессивность : учебное пособие для вузов / В.А. Маслова ; под ред. У.М. Бахтикиреевой. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2020. – 201 с.
49. Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий : синхронно-сопоставительный очерк / Т.В. Матвеева. – Свердловск : Изд-во Уральского университета, 1990. – 172 с.
50. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения / В. Матезиус // Пражский лингвистический кружок : сборник статей. – Москва : Прогресс, 1967. – С. 239–245.
51. Общая риторика / Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ж.-М. Клинкаенберг и др. ; пер. с фр. Е.Э. Разлоговой, Б.П. Нарумова. – Москва : Прогресс, 1986. – 392 с.
52. Падучева Е.В. К интерпретации видо-временных форм в нарративном режиме : настоящее историческое / Е.В. Падучева // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. – 2010. – Вып. 9 (16). – С. 375–381.
53. Патроева Н.В. Стилистика художественной речи : учебное пособие / Н.В. Патроева. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2018. – 215 с.
54. Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише) / Г.Л. Пермякова. – Москва : Наука, 1970. – 240 с.

55. Потанина О.Ю. К вопросу об употреблении просторечных синтаксических конструкций в сказках Л.С. Петрушевской / О.Ю. Потанина // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – № 6 (62). – С. 216–219.
56. Реформатский А.А. Введение в языковедение / А.А. Реформатский ; под ред. В.А. Виноградова. – Москва : Аспект Пресс, 1996. – 536 с.
57. Ризель Э.Г. Стилистика немецкого языка : учебник / Э.Г. Ризель, Е.И. Шендельс. – Москва : Высшая школа, 1975. – 316 с.
58. Русецкая О.Н. Композиционно-речевые формы и структурная организация текста / О.Н. Русецкая, В.А. Лазарева // Вестник Амурского государственного университета. – 2009. – Вып. 44. – С. 116–118.
59. Савельев С.В. Морфология сознания. В 2 томах. Том 2 / С.В. Савельев. – Москва : ВЕДИ, 2021. – С. 8–10.
60. Савельев С.В. Нищета мозга / С.В. Савельев. – Москва : ВЕДИ, 2014. – 192 с.
61. Савицкий В.М. О противоречиях во взглядах на системность языка / В.М. Савицкий, О.В. Доладова // Мир лингвистики и коммуникации : электронный научный журнал. – 2017. – № 1. – С. 35–44.
62. Саган К. Миллиарды и миллиарды: Размышления о жизни и смерти на рубеже тысячелетий / К. Саган ; пер. с англ. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2017. – 296 с.
63. Сводеш М. Лексикостатистическое датирование доисторических этнических контактов / М. Сводеш // Новое в лингвистике. – 1960. – Вып. 1. – С. 23–52.
64. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Опыт системного исследования / А.П. Сковородников. – Томск : Изд-во Томского университета, 1981. – 251 с.
65. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка : учебник / Ю.М. Скребнев. – 2-е изд., испр. – Москва : Астрель : АСТ, 2003. – 221 с.
66. Стилистика английского языка : учебное пособие / А.Н. Мороховский, О.П. Воробьева, Н.И. Лихошерст и др. – Киев : Вища школа, 1984. – 236 с.
67. Строгович М.С. Логика / М.С. Строгович. – Москва : Госполитиздат, 1949. – 364 с.

68. Твен М. Собрание сочинений. В 12 томах. Том 5 / М. Твен ; пер. Р. Гальпериной. – Москва : Художественная литература, 1960. – 669 с.
69. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / отв. ред. А.В. Бондарко. – Ленинград : Наука, 1987. – 348 с.
70. Тошович Б. Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского / хорватского языков / Б. Тошович. – Москва : Языки славянской культуры, 2006. – 560 с.
71. Федотов О.И. Основы теории литературы : учебное пособие. В 2 частях. Часть 1 «Литературное творчество и литературное произведение» / О.И. Федотов. – Москва : ВЛАДОС, 2003. – 272 с.
72. Федотов О.И. Основы теории литературы : учебное пособие. В 2 частях. Часть 2 «Стихосложение и литературный процесс» / О.И. Федотов. – Москва : ВЛАДОС, 2003. – 240 с.
73. Фролов Д.В. Классический арабский стих : история и теория аруда / Д.В. Фролов. – Москва : Наука, 1991. – 359 с.
74. Хализев В.Е. Теория литературы / В.Е. Хализев. – Москва : Высшая школа, 1999. – 398 с.
75. Швейцер А.Д. Введение в социолингвистику : учебное пособие / А.Д. Швейцер, Л.Б. Никольский. – Москва : Наука, 1978. – 216 с.
76. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
77. Alexander J.D. Aphesis in English / J.D. Alexander // Word. – 1988. – Vol. 39 (1). – P. 29–65.
78. Besch W. Duzen, Siezen, Titulieren. Zur Anrede im Deutschen heute und gestern / W. Besch. – 2. Aufl. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1998. – 160 s.
79. Brégaint D. The royal order in Norwegian diplomas, 1202–1263 / D. Brégaint // Collegium mediaevale. – 2009. – Vol. 22. – P. 55–86.
80. Bühler K. Sprachtheorie : Die Darstellungsfunktion der Sprache / K. Bühler. – 3. Aufl. – Stuttgart u. a. : G. Fischer, 1999. – S. 24–33.
81. Burroughs W.S. The adding machine : Selected essays / W.S. Burroughs. – New York : Arcade Publishing, 1993. – P. 47.
82. Daneš F. Zur linguistischen Analyse der Textstruktur / F. Daneš // Folia Linguistica. – 1970. – Vol. IV. – P. 72–78.
83. Deleuze G. Rhizome. Introduction / G. Deleuze, F. Guattari. – Paris : Les Editions de Minuit, 1976. – 74 p.

84. Frege G. Über Sinn und Bedeutung / G. Frege // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. – 1892. – Nr. 100. – S. 25–50.
85. Genette G. Figures III / G. Genette. – Paris : Editions du Seuil, 1972. – 288 p.
86. Ipsen G. Der alte Orient und die Indogermanen / G. Ipsen // Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft. Festschrift für W. Streitberg ; J. Friedrich et al. (Hgrs.). – Heidelberg : Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1924. – S. 200–237.
87. Klein W. Von Reichtum und Armut des deutschen Wortschatzes / W. Klein // Reichtum und Armut der deutschen Sprache : Erster Bericht zur Lage der deutschen Sprache. – Berlin : De Gruyter, 2013. – S. 15–56.
88. Marckworth M.L. A Discriminant Function Analysis of Co-Variation of a Number of Syntactic Devices in Five Prose Genres / M.L. Marckworth, W.J. Baker // American Journal of Computational Linguistics. – 1975. – Vol. 11. – P. 1–31.
89. Popper K.R. Evolutionary Epistemology / K.R. Popper // Evolutionary Theory : Paths into the Future ; ed. by J.W. Pollard. – Chichester and New York : John Wiley & Sons, 1984. – Ch. 10. – P. 239–255.
90. Porzig W. Wesenhafte Bedeutungsbeziehungen / W. Porzig // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. – 1934. – Nr. 58. – S. 70–97.
91. Riesel E. Stilistik der deutschen Sprache / E. Riesel. – Moskau : Verlag für fremdsprachige Literatur, 1959. – 468 s.
92. Rinne J.K.F. Theoretische deutsche Idealstillehre. Philosophisch und sprachlich neu entwickelt / J.K.F. Rinne. – Stuttgart : Balz'sche Buchhandlung, 1845. – 657 s.
93. Sandig B. Textstilistik des Deutschen / B. Sandig. – 2., völlig neu bearb. u. erw. Aufl. – Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2006. – 584 s.
94. Seitz S. Theorien der Metapher : Die Provokation der Philosophie durch das Unbegriffliche / S. Seitz, G. Posselt // Handbuch Rhetorik und Philosophie ; A. Hetzel, G. Posselt (Hg.). – Berlin ; Boston : Walter de Gruyter, 2017. – S. 421–447.
95. Sepir E. Language and Environment / E. Sepir // American Anthropologist. – 1912. – No. 14. – P. 226–242.
96. Sowinski B. Deutsche Stilistik Beobachtungen zur Sprachverwendung und Sprachgestaltung im Deutschen / B. Sowinski. – Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 1991. – 341 s.

97. Swadesh M. The origin and diversification of language / M. Swadesh ; ed. by J.F. Sherzer. – Chicago : Aldine-Atherton, 1971. – 350 p.
98. Twain M. The Awful German Language / M. Twain // A Tramp Abroad. – New York and London : Harper and Brothers Publishers, 1879. – P. 290–307.
99. Wood F. Iteratives, Blends, and „Streckformen” / F. Wood // Modern Philology. – 1911. – Vol. 9. – No. 12. – P. 157–194.
100. Zbytovský Š. Formen des Grotesken in der frühexpressionistischen Lyrik / Š. Zbytovský // Acta Universitatis Carolinae. Philologica 2 / Germanistica Pragensia. – 2012. – XXII. – P. 143–179.

Словари и справочные издания

101. Афонькин Ю.Н. Русско-немецкий словарь крылатых слов: около 1200 единиц / Ю.Н. Афонькин ; под ред. В. Шаде. – Москва : Русский язык, 1985. – 287 с.
102. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
103. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов. – Санкт-Петербург : Паритет, 2007. – 320 с.
104. Богочанская Н.Н. Большой турецко-русский и русско-турецкий словарь: 380 000 слов и словосочетаний / Н.Н. Богочанская, А.С. Торгашова. – Москва : Хит-книга, 2022. – 816 с.
105. Вахрос И. Большой финско-русский словарь / И. Вахрос, А. Щербаков ; под ред. В. Оллыкайнен и И. Сало. – 7-е изд., стер. – Москва : Живой язык, 2007. – 816 с.
106. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь / А.Д. Вейсман. – 5-е изд. – Санкт-Петербург : Самиздат, 1899. – 1371 с.
107. Григорян И.Р. Большой французско-русский и русско-французский словарь: 450 000 слов и словосочетаний / И.Р. Григорян, М.Н. Петрович. – Москва : Дом славянской книги, 2017. – 912 с.
108. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа / В.И. Даль. – Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1957. – 990 с.
109. Загорская Н.В. Большой испанско-русский словарь: 150 000 слов / Н.В. Загорская, Б.П. Нарумов, Н.Н. Курчаткина. – Москва : Просвещение/Дрофа, 2010. – 964 с.

110. Зорько Г.Ф. Большой итальянско-русский словарь: 300 000 слов и словосочетаний / Г.Ф. Зорько, Б.Н. Майзель, Н.А. Скворцова. – Москва : Русский язык, 2003. – 1018 с.
111. Иванов А.В. Словарь фонетико-метрической терминологии (латинский, древнегреческий, русский, английский, немецкий, французский языки). – Москва : Academia, 2005. – 1184 с.
112. Кожевников А.Ю. Крылатые фразы и афоризмы отечественного кино / А.Ю. Кожевников. – Москва : Олма Медиа Групп, 2007. – 831 с.
113. Колюжная В.И. Большой японско-русский русско-японский словарь: 450 000 слов и словосочетаний / В.И. Колюжная. – Москва : Дом Славянской Книги, 2015. – 928 с.
114. Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова и др. – 3-е изд., стер. – Москва : Флинта, 2011. – 840 с.
115. Латинско-русский и русско-латинский словарь / под общ. ред. А.В. Подосинова. – 6-е изд., стер. – Москва : Флинта : Наука, 2015. – 752 с.
116. Лингвистический энциклопедический словарь ; под ред. В.Н. Ярцевой. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.
117. Мюллер В.К. Самый полный англо-русский и русско-английский словарь с современной транскрипцией: около 500 000 слов / В.К. Мюллер. – Москва : АСТ, 2018. – 800 с.
118. Новиков В.И. Словарь модных слов: языковая картина современности / В.И. Новиков. – Москва : АСТ-ПРЕСС, 2011. – 253 с.
119. Павловский И.Я. Русско-немецкий словарь. В II томах. Том II «П–Я: около 180 000 слов» / И.Я. Павловский. – Москва : Астрель : АСТ : Хранитель, 2006. – 1055 с.
120. Серов В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений : более 4000 статей / В.В. Серов. – Москва : Локид-Пресс, 2005. – 880 с.
121. Синтаксис современного русского языка : словарь-справочник / Г.Н. Акимова, С.В. Вяткина, Д.В. Руднев и др. ; отв. ред. Г.Н. Акимова, С.В. Вяткина. – Санкт-Петербург : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 172 с.
122. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – 2-е изд. – Москва : Советская энциклопедия, 1983. – 1600 с.

123. Список русских сокращений, применяемых в СССР // Исследования и материалы. – Мюнхен : Изд-во Института по изучению истории и культуры СССР, 1954. – Серия 1, № 13. – 304 с.
124. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. – 2-е изд., стер. – Москва : Флинта : Наука, 2011. – 696 с.
125. Узбекско-русский словарь: 17 000 слов и словосочетаний / под ред. Т.Н. Кары-Ниязова и А.К. Боровкова. – Ташкент : Изд-во УзФАН СССР, 1941. – 375 с.
126. Ульциферов О.Г. Современный хинди-русский словарь: около 140 000 слов и словосочетаний / О.Г. Ульциферов. – Москва : Дрофа : Русский язык-Медиа, 2009. – 1355 с.
127. Хазагеров Г.Г. Риторический словарь / Г.Г. Хазагеров. – 2-е изд., стер. – Москва : Флинта, 2011. – 432 с.
128. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. В 86 полутомах с иллюстрациями и дополнительными материалами. Том XIX (1896) / под ред. К.К. Арсеньева и Ф.Ф. Петрушевского. – Санкт-Петербург : Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон, 1890–1907. – 491 с.
129. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сквородникова. – 3-е изд., стер. – Москва : Флинта, 2011. – 480 с.
130. Язык Одессы. Слова и фразы : словарь. – 2-е изд., испр. и доп. – Одесса : Optimum, 2011. – 259 с.
131. Damen-Conversations-Lexikon ; Herloßsohn C. (Hrsg.). – Leipzig : Verlag Fr. Volckmar; Adorf : Verlags-Bureau, 1834–1838. – In 10 Bd. – 2500 S.
132. Duden. Deutsches Universalwörterbuch: CD-Rom. – Mannheim : Bibliographisches Institut GmbH, 2006.
133. Historisches Wörterbuch der Rhetorik ; G. Ueding (Hrsg.). – Bd. 8: Rhet–St. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 2007. – 733 s.
134. Meyers Konversations-Lexikon. Eine Encyclopädie des allgemeinen Wissens. – In 17 Bd. – 4., gänzl. umgearb. Aufl. – Leipzig : Verlag des Bibliographischen Instituts, 1885–1890. – 16 000 s.
135. Wales K. A Dictionary of Stylistics / K. Wales. – 3^d ed. – London ; New York : Routledge, 2014. – 497 p.

Ссылки на электронные источники

136. 1966. Царь-снеговик. СССР // Старые фотографии, фотографии, ретро-фотографии. – Режим доступа: <https://www.pinterest.dk/pin/111112315787166695>.
137. «Брачная газета» (Москва) 25 декабря 1911 г. (7 января 1912 г.) // Газетные старости: архив объявлений. – Режим доступа: <http://starosti.ru/archive.php?m=12&y=1911>.
138. Дактилология // Большая российская энциклопедия. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/education/text/2627873>.
139. Древо родства языков мира // Русский след в мировой истории. – Режим доступа: <http://ru-sled.ru/drevo-rodstva-yazykov-mira>.
140. Коллекция // АтлантНИРО. – Режим доступа: <http://atlant.vniro.ru/index.php/atlantniro/kolleksiya>.
141. «Не будьте дураком»: Трамп написал письмо Эрдогану из-за операции в Сирии // РИА Новости. 17.10.2019. – Режим доступа: <https://ria.ru/20191017/1559892399.html>.
142. Оперативный справочно-информационный портал города Томска. – Режим доступа: <http://www.tomsk.ru09.ru/foto/displayimage.php?album=508&pos=0>.
143. Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? / А.В. Островский // Библиотека электронной литературы в формате fb2. – Режим доступа: <https://litresp.ru/chitat/ru/O/ostrovskij-aleksandr-vladimirovich/kto-postavil-gorbacheva>.
144. Приказ Народного Комиссара Обороны Союза ССР № 0406 от 12 октября 1941 г. о введении в штат стрелковых полков рот автоматчиков // Электронная библиотека исторических документов. – Режим доступа: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/217781>.
145. Смоленск получил послание из прошлого: текст Д. Раичева, фото О. Лисиновой // Российская газета. 28.09.2013. – Режим доступа: <https://rg.ru/2013/09/28/reg-cfo/letter.html>.
146. Справка с места работы // Бланкер.ру. – Режим доступа: <https://blanker.ru/doc/spravka-rabota>.
147. У королевы Елизаветы II обнаружен коронавирус // BBC News. Русская служба. 20.02.2022. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-60453344>.
148. Deutsche Sprache: Dinge, für die uns die Worte fehlen // Augsburg Allgemeine. 07.09.2018. – Режим доступа: <https://www.augsburger->

allgemeine.de/meldungen/Dinge-fuer-die-uns-die-Worte-fehlen-id52111471.html.

149. Lehrersprüche // Abi 2000 – KGW. Die Jagd ist zu Ende! – Режим доступа: <https://sumpfvogel.tripod.com/kgw/lehrer.htm>.
150. The longest words in the 12 most popular European languages // Translation Royale. – Режим доступа: <https://www.translationroyale.com/the-longest-european-words>.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- аббревиатура – *см. аббревиация*
аббревиация 118
аблаут 21
абстрагирование – *см. метод*
аверсия 75–76
автокоммуникация 198
агенс 157–158
агрегация 203
адината 69
адноминация 89
адъюнкция 95
акирология 123
аккумуляция 139
акролект 40
акроним 118
аксиологическая ось – *см. ось*
актант 79
акториальный повествователь – *см. повествователь*
акцентное стихосложение – *см. стихосложение*
алгоритм 237
аллегория 57
аллеотета 119
аллитерация 103
аллитерационная рифма – *см. рифма*
аллоюзис 122
аллюзия: литературно-книжная ~ 64; синтаксическая ~ 125; языковая ~ 64–65
алогизм 72
алфавитная организация – *см. подход*
амбигю 127
амбула – *см. диспозиция*
амплификация 133
амфиболия 89
амфибрахий 109
амфимакр – *см. кретик*
амбификс – *см. конфикс*

ан(а)эпифора 129
анаграмма 89
анадиплозис 130
анаколуф 124
аналепсис 137
анализ 203
аналогия – см. *метод*
анапест 109
анаподотон 127
анастрофа 120
анафора 128
анахронизм 88
анжабеман 106
анноминация 90
антанакласис 132–133
антибакхий 110
антидактиль – см. *анапест*
антиклимакс 140
антимерия 119–120
антиметабола 138
антипословица 85–86
антиптозис 119
антиспаст 110
антистекон 123
антитеза 137
антитезис 224
антитетон 137
антифразис 71
антиэллипсис 133
антоним – см. *антонимия*
антонимия: внутрисловная ~ (энантиосемия) 132; контекстная ~ 132;
 контрарная ~ 139; контрадикторная ~ 139
антономазия 60
аподозис 125
апозиопеза 123
апокойну – см. *адъюнкция*
апокопа 92
апострофа 75

апоф(т)егма 84
апофазия – см. *антифразис*
аппарат 23
апликация 192
апроним 118
апросдокеза 97
арабская поэзия – см. *поэзия*
арго 47
арготизм 47
аргумент 223
артикуляция 209: аффицированная ~ 168
аруд – см. *поэзия*
архаизм 45
архитектоника 113
архитектонико-речевая форма – см. *форма*
архитектоническ|ий: ~ая функция – см. *функция*, ~ие средства – см. *средство*
асиндетон 140
ассимиляци|я 29: степень ~и – см. *степень*
ассонанс 103
ассонансная рифма – см. *рифма*
астеизм 72
астрофизм 105
асхематон 123
атрибут: ложный ~ 95; образный ~ – см. *синестезия*
атрибутивное сочетание – см. *сочетание*
аукториальный повествователь – см. *повествователь*
афереза 92
афоризм 84
аффикс: интернациональный ~ (аффиксоид) 155; экспрессивный ~ 113–115
аффиксоид – см. *аффикс*
аффинитет – см. *правило*
аффицированная артикуляция – см. *артикуляция*
базилект 40
бакхий 109–110
батос 137
бахр – см. *поэзия*
бахуврихи 73

беллетристика 188
бессоюзие – см. *асиндетон*
богатство языка – см. *фонд*
брахиколон 108
бэкроним 118
бэкронимизация 94
валентность 184
варваризм 99
вводная часть (вступление) – см. *диспозиция*
веллеризм 97
вербоцентризм – см. *теория*
верификация 23
верлибр – см. *стих*
верум 134
вид: ~ иносказания – см. *иносказание*, ~ коммуникации – см. *коммуникация*, ~ описания – см. *описание*, ~ речи – см. *речь*, ~ текста – см. *текст*
вирусная теория – см. *теория*
вложенная конструкция – см. *конструкция*
вложенность 51
вопросно-ответное построение – см. *построение*
вульгаризм 48
вывод 224
выражение – см. *средство*
выразительный: ~ая задача – см. *задача*; ~ая функция – см. *функция*;
~ое средство – см. *средство*
выразительность 11
гаплогия 93
гендиадис 82–83
гендиатетракис – см. *гендиадис*
гендиатрис – см. *гендиадис*
герундий 156
гетерозис 122
гипаллага 122–123
гипербатон 127
гипербола 69
гиперболизация 70–71
гипероним 16

гипероха 69
гипо-гиперонимическая организация – см. *организация*
гипокоризм – см. *деминуация*
гипоним 16
гипонимия 141–142
гипотаксис 126
гипофора 53
гистерон-протерон 96
главная часть – см. *диспозиция*
глагол 183–184: ~ движения 217; ~-эрзац 184; вспомогательный ~ 218;
копулативный ~ (~-связка) 157; модальный ~ 211; окказиональный
~ 199; перформативный ~ 173–174; пустой ~ 172; формальный
~ 218; фразовый ~ 82
глагольность разговорной речи 183–184
глагольная конструкция – см. *конструкция*
глоттогенез 17–18
гомеология 133
гомеоним 58
гомеопрофорон 134
гомойарктон 131
гомойотелевтон 131
гоноратив 73–74
гонорифик 73
градация – см. *климакс*
грамматика 21
грамматический: ~ая категория – см. *категория*; ~ая оппозиция 21;
~ая связь – см. *связь*; ~ая сочетаемость 36; ~ая трансформация
119–120; ~ая форма слова – см. *форма*; ~ие особенности речи 31
(функциональных стилей – см. *стиль*); ~ие ошибки – см. *ошибки*;
~ие правила 36–37; ~ие средства 112; ~ий троп – см. *аллеотета*
графон 100
графостилистические средства – см. *средство*
группа: ~ иноязычных слов – см. *иноязычный*; ~ нейтральных клише
81–82; ~ ситуативных средств создания комического 89; ~ соб-
ственных средств создания комического 90; ~ средств с различны-
ми ограничениями 98; ~ экспрессивных сочетаний 82; ~ μ 41–42; ~ы
выразительных средств 52
дактиль 109

двойной смысл – см. *игра слов*
двучленн¹ый: ~ая метафора – см. *метафора*; ~ая метонимия – см. *метонимия*
девиз 83
дедукция – см. *метод*
дейксис 143
действующие лица (герои) 233
деловые жанры – см. *жанр*
деминуация 183
денотат 46
деоним 60
деонимизация 60
деонимизированный суффиксоид – см. *суффиксоид*
детерминизм: функциональный ~ 146
детерминологизация 182
дефигурализация 88
деэтимологизация 94
диакопа 126
диалект 40
диалектизм 46–47
диалектический метод – см. *метод*
диалог 207–208: внутренний (фиктивный) ~ 210; строгий ~ 208
диасирм 72
диафора 132
диахрония 33
диахронное описание – см. *описание*
дибрахий – см. *пиррихий*
диегезис 230–231
диегетический повествователь – см. *повествователь*
диереза 93
диерезис 93
диспозиция (текста) 227
дистишье 88
дисфемизм 68
дихотомия 33
довод – см. *аргумент*
доказательство 223–224
дополнительная лексика – см. *состав*

дохмий 110–111
драма – см. *жанр*
древнегерманская поэзия – см. *поэзия*
древо языка – см. *язык*
дрейф периферийной лексики 162
единицы: ~ композиционного членения текста – см. *членение*; речи – см. *речь*
единство: сверхфразовое ~ 37; ~ речи и сферы общения – см. *стиль*
жанр: деловые ~ы 170; нарративные (повествовательные) ~ы 201; фольклорные ~ы 100; художественные ~ы 188; эпистолярные ~ы 225; ~ы агитационно-пропагандистского подстиля 160–161; ~ы административно-канцелярского подстиля 171; ~ы дипломатического подстиля 171; ~ы драматургического подстиля 189–190; ~ы законодательного подстиля 171; ~ы литературно-разговорного подстиля 180; ~ы научно-популярного подстиля 152; ~ы научно-технического подстиля 152; ~ы научно-учебного подстиля 152; ~ы обиходно-бытового подстиля 180; ~ы официально-документальные 170; ~ы подстиля электронных СМИ 161; ~ы поэтического подстиля 188; ~ы прозаического (эпического) подстиля 189; ~ы собственно научного подстиля 152; ~ы собственно публицистического подстиля 160
жанров|ый: ~во-стилистическое наполнение 30; ~во-структурная заданность 226; ~вое несоответствие 87
жаргон 48
жаргонизм 48: профессиональный ~ 49
завязка – см. *диспозиция*
заголовочный блок – см. *диспозиция*
задач|а: ~а выразительная (экспрессивная) 50; ~и функциональной стилистики 13
заимствование 99–100
заключение – см. *вывод*
заключительная часть – см. *диспозиция*
зарамочный член – см. *член*
звукоизобразительные средства – см. *средство*
звукоимовизм 195
зевгма 124–125
значение: дословное ~ 63; контекстное ~ 71; общее ~ (клише) 78; переносное ~ 55; произвольное ~ 94; самостоятельное ~ 91; символиче-

ское (аллегорическое) ~ 192; собственное ~ 172; функционально-стилистическое ~ 25

игра слов 89

идиоглоссарий 197

идиолект 197

идиома 80–81

идиоматичность 78

идиостиль 196–197

избыточность!ь 193: информационная ~ь 175; синтаксическая ~ь 201; содержательная ~ь 206; средства создания ~и – *см. средство*

изменения звукового состава слова – *см. состав*

изобразительность речи – *см. речь*

изоколон 141

икт 106

имплицитное сравнение – *см. сравнение*

имя существительное: абстрактное ~ 82; отглагольное ~ 155–156; ~, обозначающее лицо по признаку действия 173

инвектива 28

инверсия 120–121

индивидуальное сравнение – *см. сравнение*

индигенные (миноритарные) языки – *см. язык*

индукция – *см. метод*

инициал 119

инойзычн!ый: ~ое вкрапление 99–100; ~ый акцент 100; группа ~ых слов 99

интегративная функция – *см. функция*

интервью – *см. метод*

интернациональный фразеологизм – *см. фразеологизм*

интернет-мем 206

интерпретация: ~ (истолкование предметного содержания) 237; ~ (метод) – *см. метод*

интерфикс 114

интонация – *см. средство*

интралингвистика 13–14

инфикс 114

ирония 71

иррадиация 136–137

исконная лексика – *см. лексика*

историзм 45
историолект 40
итерация 135–136
какозелия 123–124
какосиндетон 124
какофемизм – см. *дисфемизм*
какэмфатон 91
каламбур 90–91
канцеляризм 172
канцелярский штамп – см. *канцеляризм*
катафора 135
катахреза 56
категория: грамматическая ~ 21; текстовая ~ 232–233
качественные признаки функциональных стилей – см. *признак*
кеннинг 66–67
кент 47
киклос – см. *эпанадиплозис*
климакс 140
клише 78
клиширование высказываний 163
когезия 142–143
когерентность 143
когипоним 16
койне 40
коллоквиализация 165
колорит: временной ~ 98; локальный (местный) ~ 98; социальный ~ 98;
 профессиональный 98
кольцо 131
комбинаторика: речевая ~ 35–36
комбинаторн¹ый: ~ая схема 250; ~ое нарушение – см. *метабола*
комбинация 38–39
комбинирование элементов – см. *комбинаторика*
комизм 88
комментарий 223
коммуникативн¹ый: ~ая пригодность языка – см. *язык*; ~ая функция –
 см. *функция*
коммуникаци¹я: цель ~и 29; способ ~и – см. *способ*; средства ~и – см.
 средство

комполит: глагольный ~ 82; детерминативный (определительный) ~ 116; копулятивный ~ 116; многокомпонентный ~ 117
композиционный: ~о-речевая форма – см. *форма*; ~ое членение текста – см. *членение*
композиция 225: вариативная ~ 226; гибкая ~ 226; строгая ~ 226; ~ элементов словарного множества 15; ~ речевого произведения 225
конверсив – см. *конверсия*
конверсия 120
конкатенация 175
конкретизация: художественно-образная речевая ~ 191
конкретизирующий эпитет – см. *эпитет*
коннотация 24
конструкция: безличная ~ 157; волюнтативная эллиптическая ~ 176; вводная ~ – см. *парентеза*; вложенная ~ 126; вопросно-ответная ~ – см. *построение*; глагольная ~ 218; пассивная ~ 157; релятивная ~ 175; сложноподчинённая ~ 157; элативная ~ 69; средства изменения ~и – см. *средство*
контаминация 115
контекстно-вариативное членение – см. *членение*
контекстный синоним – см. *синонимия*
конфикс 114
концовка – см. *диспозиция*
кормовой упор 141
креольский язык – см. *язык*
кретик 109
криптолект 40
крылатые слова 83–84
ксенизм – см. *иноязычное вкрапление*
лаконичность 11
лейтмотив – см. *языковой*
лексема 36
лексика: высокая ~а 169; дополнительная ~а 44; иноязычная ~а – см. *иноязычное вкрапление*; исконная (ядерная) ~а 44; клишированная ~а – см. *клише*; нейтральная ~а – см. *оттенок*; ненормативная ~а 47; неологическая ~а – см. *неологизм*; общеупотребительная ~а 44; периферийная ~а 55; просторечная ~а – см. *оттенок*; разговорная ~а – см. *оттенок*; сниженная (экспрессивная) ~а 28; специальная ~а – см. *терминология*; табуированная ~а 73;

терминологическая ~а – см. *терминология*; функционально-стилистически (не)дифференцированная ~а – см. *репертуар*; ограничения ~и 45

лексико-семантическое поле 15

лексикология 14

линейная прогрессия – см. *прогрессия*

литература: комбинаторная ~ (~ формальных ограничений) 89; художественная ~ 188; род художественной ~ы 188

литературная (книжная) норма – см. *норма*

литота 69

ложный атрибут – см. *атрибут*

лозунг 83

макрожанр 30

макростилистика 13

максима 84

мат 28

мезолект 40

мейозис 68

мелиорация 25

мелодия 111

мем 86

мереология 19

мероним 19

метабаз(ис) – см. *апострофа*

метабола 123–124

метаграмма 90

метажанр 31

металект 40

металлага – см. *антимерия*

метаплазм 92

метатеза 92

метафора 55–56: двучленная ~ 57

метафоризация терминов 162–163

метафраза 66

метаязык 66

метод 241: ~ абстрагирования 244; ~ анализа 203; ~ аналогии 244; ~ дедукции 243–244; ~ индукции 250; ~ интерпретации 248; ~ интервью 246; ~ наблюдения 246; ~ описания 247; ~ моделирования 245;

~ обобщения (группировки) 244; ~ синтеза 203; ~ сравнения 244;
 диалектический ~ 245; оппозитивный ~ 249; формально-
 грамматический ~ 249; функциональный ~ 249–250; качественные
 ~ы 246; структурные ~ы 248–249; ~ы логики 242–243; ~ы филосо-
 фии 245
 методика 242
 методология 242
 метонимия 57–58: двучленная ~ 61
 метр 106
 микростилистика 13
 миктеризм 72
 мимезис 231
 миметический повтор – *см. средство*
 многосоюзие – *см. полисиндетон*
 многофункциональность 12
 моделирование – *см. метод*
 модель: ~ повествования 219; ~ рассуждения 223–224
 модное выражение 46
 молосс 110
 мондегрин 91
 монолог – *см. речь: внутренний* ~ 210
 морфема 36
 мотив создания текста 229
 мышление 247
 наблюдение – *см. метод*
 наглядность 51
 назывная функция – *см. функция*
 нарративны|й: ~е жанры – *см. жанр*; ~й фокус – *см. фокализация*
 наррация – *см. повествование*
 нелогичное соединение – *см. соединение*
 неолексика – *см. неологизм*
 неологизм 45–46
 нереконструируемый фонд – *см. фонд*
 номен 49
 номенклатурный термин – *см. номен*
 номинативная функция – *см. функция*
 норм|а 29: литературная (книжная) ~а 29; стилистические ~ы 29; языко-
 вые ~ы 29

обобщение – *см. метод*
 обобществление – *см. дрейф периферийной лексики*
 оборот: вводный ~ 157; деепричастный ~ 223; описательный ~ 59; при-
 частный ~ 75; фразеологический ~ 81; речи – *см. речь*
 образность 54
 образные средства – *см. средство*
 образования окказиональные 199
 обращени|е – *см. перифраз*: формы ~я 73; местоимённое ~е 74; рито-
 рическое ~е 74–75
 обстоятельствоное (наречное) слово – *см. слово*
 общенизмы 48
 общеупотребительная лексика – *см. лексика*
 общий тон текста – *см. тональность*
 объект функциональной стилистики 13
 объём понятия – *см. понятие*
 объёмно-прагматическое членение – *см. членение*
 ограничения лексики – *см. лексика*
 одушевление – *см. просопопея*
 окраска 24–25: функциональная ~ 25; экспрессивная (оценочная)
 ~ 24–25; экспрессивно-семантическая ~ 25
 оксюморон 95
 олорифма – *см. пантограмма*
 омиссия 118
 оним 60
 онимизация 60
 ономасиологический подход – *см. подход*
 ономастика 61
 ономатопея 102
 описани|е: ~е (метод) – *см. метод*; ~е (форма речи) 213: динамическое
 ~е 215; номинативное ~е 214–215; портретное ~е 216–217; пред-
 метное ~е 215–216; событийное (синхронное, диахронное) ~е 217;
 статическое ~е 215; теоретическое ~е 218; способы ~я – *см. способ*;
 средства ~я – *см. средство*; средства художественного ~я – *см.*
средство
 оппозитивный метод – *см. метод*
 организация: алфавитная (семасиологическая, побуквенная) ~ –
см. подход; гипо-гиперонимическая ~ 16; мелодическая ~ – *см.*
ритм; ономасиологическая ~ – *см. подход*; ритмическая ~ предло-

жения 120–121; структурная ~ (словарных множеств) 14–17; тематическая ~ 14

основа сравнения – *см. сравнение*

ось: аксиологическая ~ 24

отбор 38: индивидуальный ~ 196

отношение логическое 58

отступление от норм 124

оттенок (экспрессивно-семантической окраски) 25: вульгарный (грубый) ~ 28; высокий ~ 27; напыщенный (патетический) ~ 27; нейтральный ~ 27; просторечный ~ 28; разговорный ~ 27–28

отымённые предлоги – *см. предлог*

официально-документальные жанры – *см. жанр*

ошибка: популярная (вирусная) ~ 180; грамматическая ~ 124; стилистическая ~ 123–124

палилогия – *см. эпаналепсис*

палимбакий – *см. антибакхий*

палиндром 90

пантограмма 90

панторифма 104

парагога 92

параграмма 90

парадигматика 249

паралипс(ис) 72

параллелизм 130

паратаксис 125

парафраза 66

парегменон 134

парелкон 124

паремия 78–79: пародированная ~ (эрратив) 85–86

парентеза 127

парехеза 90

пародированная паремия – *см. паремия*

пародия 96–97

парономазия – *см. анноминация*

парцелляция 127

патуа 41

пейорация 25

перегласовка – *см. умлаут*

перенос: метафорический ~ 55; метонимический ~ 58–59
переносное значение – см. *значение*
перечисление 139
перипетия – см. *диспозиция*
периферия 14
перифраз 65–66: ~ на основе выделения (умаления) признака 66; ~ на основе различных видов иносказания 68; ~ как форма обращения 73; аллюзивный ~ 68; гиперболический ~ 20; логический ~ 67; (монолексемный) метонимический ~ 67; народный ~ 68; образный ~ 66–67; распространённый ~ 67; фразеологический ~ 67
персонификация – см. *просопопея*
перспектива: ~ повествования – см. *повествование*; ~ читателя 221; коммуникативная ~ 220; ритмическая ~ 221
перцептивная функция – см. *функция*
пиджин 40–41
пиктограмма 206
пиррихий 108
план: ~ настоящего времени единый 214; ~ прошедшего времени единый 214; ~ (линия) повествования 219–220
плеоназм 76–77
плока 132
поверье – см. *пословица*
повествовани^е: виды ~я 221–222; модель ~я 219; перспектива ~я 220–221; план (линия) ~я – см. *план*; способ ~я – см. *способ*; средства ~я – см. *средство*; изобразительное ~е 222; информационное ~е 222; развёрнутое ~е 221; сжатое ~е 221–222; событийное ~е 222
повествователь: ~-бог 220; анонимный (аукториальный, экзегетический, он-~) ~ 232; персонифицированный (акториальный, диегетический, я-~) ~ 232
повтор – см. *средство*
повышение: ~ литературного качества речи 25; ~ экспрессивности речи 25
подстиль 32
подход: дискурсивный ~ 251–252; ономаσιологический ~ 16; семасиологический ~ 16, системно-функциональный ~ 250–251; средовый ~ 251
пойкиология 124
покровительственное «мы» 73
полиптот(он) 132

полисиндетон 140
 понятия¹е 12: объём ~я 61; содержание ~я 61; абстрактное ~е 57; видо-
 вое ~е 19; образное (переносное) ~е 57; родовое ~е 19
 портрет – *см. описание*
 пословица 84–85
 пословичный фонд – *см. фонд*
 постамбула – *см. диспозиция*
 построение: вопросно-ответное ~ 167; ~ речевого произведения –
см. композиция
 постфикс 114
 поэзия: арабская ~ (аруд) 111; древнегерманская ~ 104; скандинавская
 ~ 66–67
 поэтизм 66: абсолютный ~ 200; контекстный ~ 200
 поэтические жанры – *см. жанр*
 правил¹о: ~а грамматики 78; ~а речевой комбинаторики – *см. приём*;
 ~о схожести (аффинитета) 231
 прагматика 20–21
 праязык 17
 преамбула – *см. диспозиция*
 предлог: отымённый ~ (релятив) 155
 предложени¹е 36–37: порядок слов в ~и 120–121; смысловой центр ~я –
см. сказуемое; член ~я – *см. член*; безличное ~ 215; главное ~ 157;
 придаточное ~ 62–63; простое ~ 84–85
 предмет: ~ речи (рациональный и повествовательный) 214
 предметное содержание – *см. содержание*
 преломление 93
 префикс 113
 приём: ~ы логики – *см. метод*; ~ы речевого комбинирования 38
 признак: средства описания и выделения (умаления) ~а – *см. средство*;
 вторичные ~и функциональных стилей 148; качественные ~и функ-
 циональных стилей 148; системообразующие (первичные) ~и
 функциональных стилей 149–150; ~и идиолектных выразительных
 средств 198; ~и множественности 139; ~и описания 214; ~и повест-
 вования 218; ~и псевдозаимствований 100; ~и рассуждения 223; ~и
 стилистической ошибки 124; ~и фразеологизма – *см. фразеологизм*
 призыв 84
 призывная функция – *см. функция*
 примета народная 84–85

принцип (методологический) 242: ~ экономии (речевых усилий) 51; ~ы группировки (выразительных средств) 52, (риторических фигур) 53; ~ы организации текстовых произведений 197

присказка – *см. диспозиция*

присловье – *см. поговорка*

программа речи 29–30

прогрессия линейная 121-122

прозаические жанры – *см. жанр*

пролепсис 134

просиопея 123

проскопия 23

просопопея 56

протазис 125

протеза 92

профессиолект 40

профессионализм – *см. жаргонизм*

профессиональный жаргонизм – *см. жаргонизм*

процедура 242

псевдозаимствование 100

псевдоконверсив 94

псевдомотивация 94

пуанта 229

раёшник 100

развязка – *см. диспозиция*

размер 106: двусложный ~ 108; односложный ~ 108; пятисложный ~ 110–111; трёхсложный ~ 109–110; четырёхсложный ~ 110

рассуждени|е 223: модель ~я 223–224; средства ~я – *см. средство*; отвлечённое ~е 224; практическое ~е 224

реалионим 47

регионализм – *см. диалектизм*

регистр 26

редиф – *см. рифма*

редупликация 132

рекурсия 126

релятив – *см. предлог*

рема – *см. членение*

реминисценция 201

репертуар: функционально-стилистически (не)дифференцированный
 ~ 24; функциональный (речевой) ~ 12

реплицирование простое внутреннее 210

респирация 209

референт 46

рефрен 129–130

рецептурный фонд – см. фонд

речовка 83–84

речев¹ой: ~ая комбинаторика – см. комбинаторика; ~ое произведение
 (одноплановое, многоплановое) – см. план; ~ой репертуар –
 см. репертуар; ~ой штамп – см. штамп

речение – см. клише

реч¹ь: единицы ~и 36; изобразительность ~и 54–55; оборот ~и 81; фор-
 ма ~и 213; характер ~и 149; авторская ~ь (слова автора) 211; актив-
 ная ~ь 209; аподиктическая (судебная) ~ь 212; внешняя ~ь 209;
 внутренняя (интраперсональная) ~ь 209; дактильная (ручная, паль-
 цевая азбука) ~ь 206–207; диалектная ~ь 201; диалогическая (пре-
 рывная) ~ь 207–208; жестовая ~ь 207; идиолектная (индивидуаль-
 ная) ~ь 196; коллективная ~ь 204; косвенная (непрямая) ~ь 211;
 монологическая ~ь 207; научная ~ь 152; несобственно-прямая
 (прожитая) ~ь 211; официальная (деловая) ~ь 171; пассивная
 ~ь 209; письменная ~ь 205–206; подготовленная ~ь 212; прямая
 (персонажная) ~ь 210–211; публицистическая ~ь 162; публичная
 (произносимая перед народом) ~ь 212; разговорная ~ь 180; соб-
 ственная ~ь 204; спонтанная ~ь 212; устная ~ь 206; художественная
 ~ь 190; чужая ~ь 204; эпидейктическая (хвалебная) ~ь 212

реэтимологизация – см. деэтимологизация

ризома 17

ритм 105–106

ритмическ¹ий: ~ая организация предложения – см. организация; ~ая
 пауза 106; ~ая перспектива – см. перспектива; ~ое ударение – 106

риторика 10

риторическ¹ий: ~ая фигура – см. фигура речи; ~ий вопрос 74–75; ~ое
 обращение – см. обращение

рифм¹а: аллитерационная ~ 104; ассонансная (неточная) ~ 104; гипер-
 дактилическая ~ 103; дактилическая ~ 103; диссонансная (бедная)
 ~ 104; женская ~ 103; кольцевая (опоясывающая) ~ 103; мужская ~

103; перекрёстная (попеременная) ~ 103; сквозная ~ 104; смежная (парная) ~ 103; эпифорическая ~ (редиф) 104–105
рифмованный повтор – *см. средство*
род художественной литературы – *см. литература*
ротацизм 201
ротвельш – *см. арго*
рукн 111
ручная (пальцевая) азбука – *см. речь*
сандхи 93
сардонизм 72–73
сарказм 72
сатира 87–88
сверхфразовое единство – *см. единство*
свободное сочетание – *см. сочетание*
связь: ~ текста со временем – *см. когерентность*; грамматическая ~ 127; синтагматическая ~ 234; синтаксическая ~ 140
сегментация 43
сегментный уровень – *см. уровень*
сегрегация 203
семасиологический: ~ая функция – *см. функция*; ~ий подход – *см. подход*
сетевая структура поля – *см. структура*
сигнификат 12
сигнификативная функция – *см. функция*
силлепс 94
силлабо-тоническое стихосложение – *см. стихосложение*
символ – *см. аллегория*
симплока 130
сингармонизм 136
синекдоха 59–60
синереза – *см. антитетон*
синестезия 57
синкопа 92
синоним – *см. синонимия*
синонимия 17: контекстная ~ 143
синтагма 106
синтагматика 142
синтаксическая аллюзия – *см. аллюзия*

синтез – см. *метод*
синхизис – см. *какосиндетон*
синхрония 33
синхронное описание – см. *описание*
система 15–16: ~ выразительных средств – см. *стиль*; ~ жанров 149; ~
подходов – см. *методология*; ~ понятий – см. *мышление*; языка –
см. *язык*
сказуемо|е (смысловой центр предложения) 184: изменяемая часть ~го
121; неизменяемая часть ~го 121; составное глагольное ~ 218
скандинавская поэзия – см. *поэзия*
словарн|ый: ~ое множество – см. *лексико-семантическое поле*; ~ый
состав – см. *состав*; ~ый элемент – см. *элемент*
слов|о: ~а автора – см. *речь*; ~о-самоделка – см. *эгологизм*; ~о-связка
143; обстоятельственное (наречное) ~о 219; (сложносокращённое)
слоговое ~о 118
словообразование (словопроизводство) 53–54
словосложение – см. *комполит*
словостяжение 115
слоган 83
слоговое слово – см. *слово*
сложносокращённое слово – см. *слово*
смежность 57
сниженная лексика – см. *лексика*
содержание: ~ понятия – см. *понятие*; предметное ~ 230; структурное
~ 213
соединение: комбинаторное ~ – см. *конкатенация*; нелогичное ~ 94
соединительные средства – см. *средство*
сокращение – см. *аббревиация*
солецизм 123
состав: изменения звукового ~а слова (качественные, количественные)
91–93; буквенный ~ слова 118; морфемный ~ слова 165; словарный
~ 15
социолект 33
социолингвистика 21
сочетани|е: ~е взаимоисключающих слов – см. *оксюморон*; адверби-
ально-генитивное ~е 82; атрибутивное ~е 82; посессивное ~е 73;
свободное ~е 36; устойчивое ~е 11; устойчивое глагольно-именное
~е 82; фразеологическое ~е 81; экспрессивные ~я, выражающие

отдельные понятия – см. *фразеологизм*; ~я, содержащие завершённую мысль в формате предложения – см. *паремия*

специальная лексика – см. *терминология*

спондей 108

способ: ~ коммуникации 205; ~ы комбинирования словарных элементов в речи 52; ~ы изложения событий фабулы 230; ~ы описания (миметический, экфрастический) 231–232; ~ы описания функционального репертуара 41; ~ы повествования (диегетический, экзегетический) 230–231; ~ы словообразования – см. *словообразование*

сравнени|е: основа ~я 62; имплицитное ~е 62; индивидуальное (окказиональное) ~е 63; общеязыковое ~е 63; простое ~е 62; распространённое ~е 62–63; реконструируемое ~е 63–64; устойчивое ~е 63; эксплицитное ~е 62

средовая теория – см. *теория*

средств|о: ~а изменения конструкции 123; ~а изменения порядка слов 120; ~а контраста 137; ~а описания 215; ~а описания и выделения (умаления) признака 65; ~а перечисления 139; ~а повествования 218–219; ~а повтора 128; ~а рассуждения 223; ~а словосложения 115; ~а создания избыточности 52; ~а создания образности 54; ~а создания юмора и сатиры (комического) 87; ~а художественного описания 215; выразительное (стилистическое) ~о 32; ~о коммуникации 205; архитектурные ~а 142; графостилистические ~а 52; звукоизобразительные ~а 101; интонаторные (просодические) ~а 105; морфологические ~а 113; синтаксические ~а 120; соединительные ~а 125; разъединительные ~а 126

степень: ~ ассимиляции 182

стилеообразующая черта – см. *черта*

стилизация 192

стилистическ|ий: ~ая помета 25; ~ая черта – см. *черта*; ~ие нормы – см. *норма*; ~ий контраст – см. *средство*; ~ий парадокс 96; ~ий разрыв 96; ~ий регистр – см. *регистр*; ~ое расслоение 29

стиль 31: ~ науки 151; ~ публицистики и прессы 159; индивидуальный ~ 196; обиходно-разговорный ~ 184; образно-художественный ~ 186; официально-деловой ~ 179; религиозный ~ 31; функциональный ~ 146

стих: белый ~ 105; народный ~ 100; свободный ~ (верлибр) 105

стихосложение: акцентное ~ 107; математическое ~ 143–144; силлаботоническое ~ 106–107

стихотворный размер – *см. размер*
стопа 106
структура 15: ~ речевого произведения – *см. композиция*; сетевая ~ поля 17
структурное содержание – *см. содержание*
суждение 223
супрасегментный уровень – *см. уровень*
сустенция 97
суффикс: деминутивный (уменьшительно-ласкательный) ~ 114; элативный ~ 114
суффиксоид: деонимизированный ~ 115
сфера (использования стиля) 149
сюжет 230
тавтология 76–77
таксис 143
таксономия 19
тапейнозис 68
тезис 223
текст 30: тип ~а 212–213
тема – *см. членение*
тема-рематическое членение – *см. членение*
тематическая организация – *см. организация*
теория: вербоцентристская ~ 184; вирусная ~ 247
термин 48–49
терминологизация метафор 162–163
терминология 172
терминологизм 46
терминосистема 23
территориальный дублет 46
территориализм – *см. территориальный дублет*
тип текста – *см. текст*
тмезис 126
тон – *см. тональность*
тональность 234: возвышенная ~ 234; сниженная ~ 234; нейтральная ~ 234
трема 93
трибрахий 109
триколон 141

тримакр – *см. молосс*
троп 55
ударение: ритмическое ~ 106; устаревшее ~ 45; фразовое ~ 120
умлаут 93
универбация 115
уров|ень: сегментный ~ 168; супraseгментный ~ 101; ~ни языка –
см. язык
усилительная частица – *см. частица*
устойчивое глагольно-именное сочетание – *см. сочетание*
фабула 230
феня 47
фигура: ~ обращения 74; ~ речи 52–53; этимологическая ~ 134
флешбэк 201
фокализация 220
фольклорные жанры – *см. жанр*
фонация 209
фонд: нереконструируемый (фразео-паремиологический) ~ 78; посло-
вичный ~ 84–85; рецептурный ~ 79
фонема 36
фонетика 21–22
форма: ~ глагола 219; ~ обращения – *см. обращение*; ~ речи – *см. речь*;
архитектонико-речевая ~ 208; грамматическая ~ слова 94
формально-грамматический метод – *см. метод*
фразеологизм 78: группы ~ов 80–81; признаки ~ов 80; интернациональ-
ный ~ 86; компаративный ~ 63
фразеологическ|ий: ~ий оборот – *см. оборот*; ~ое единство 81; ~ое со-
четание 81; ~ое сращение 81
фразео-паремиологический фонд – *см. фонд*
фразовое ударение – *см. ударение*
функциональн|ый: ~ая лингвистика 13; ~ая окраска – *см. окраска*; ~ая
стилистика 19–20; ~о-стилистически (не)дифференцированный ре-
пертуар – *см. репертуар*; ~о-стилистическое значение – *см. значе-
ние*; ~ый детерминизм – *см. детерминизм*; ~ый метод – *см. ме-
тод*; ~ый репертуар – *см. репертуар*; ~ый стиль – *см. стиль*
функция: аксиологическая ~ 188; архитектурная ~ 113; воздейству-
ющая ~ 188; волюнтаривная (волеизъявляющая) ~ 169; дезинтегра-
тивная ~ 196; интегративная ~ 146–147; коммуникативная ~ 36; но-
минативная ~ 36; перцептивная ~ 36; познавательная ~ 188; при-

звонная (апеллятивная) ~ 84; семасиологическая ~ 36; сигнифика-
тивная ~ 36; эстетическая ~ 188
характер: ~ отношений между адресантом и адресатом 149; речи –
см. речь
хариентизм 72
хейти 66
хиазм 138
хиатус 105: ~ высокого тона 105
хлевазм 72
холоним 19
хорей 108
хориямб 110
хрононим 59
художественный: ~о-образная речевая конкретизация – *см. конкрети-
зация*; ~ые жанры – *см. жанры*
цезура 106
цель коммуникации – *см. коммуникация*
центр 14
цинизм 72
циркумфикс – *см. конфикс*
цитата 83–84
частица: усилительная ~ 184
черта: стилеобразующая ~ 32; стилистическая ~ 32
член: ~ предложения 184; зарамочный ~ 135
членение: единицы композиционного ~я 226; архитектурное
~е 226; контекстно-вариативное ~е 142; объемно-прагматическое
~е 142; тема-рематическое ~е 121
шарада 91
шибболет 204
шлагзац 96
штамп: канцелярский ~ – *см. канцеляризм*; речевой ~ 86
эвфемизм 68
эвфония 195
эгологизм 199
эймоним 58–59
экзегезис 231
экзегетический повествователь – *см. повествователь*
экзотизм 99

эксламация 105
эксплеция – см. *эпифонема*
экспрессивный: ~ая (оценочная) окраска – см. *окраска*; ~ая задача – см. *задача*; ~ая лексика – см. *лексика*; ~ая морфология 113; ~ая фразеология 82; ~ая функция – см. *функция*; ~ое словосложение 115; ~о-оценочное преобразование морфемного состава лексических единиц 165; ~о-семантическая окраска – см. *окраска*; ~ый аффикс – см. *аффикс*; ~ый синтаксис 120
экспрессивность 25
экстенуация 71
экстралингвистика 14
экфрасис 231–232
элатив 69
элемент: ~ когезии 173; ~ словарного множества – см. *словарный элемент*; атрибутивный ~ сложных слов 70; вспомогательный ~ 115; основной (финальный) ~ композита 71; словарный ~ 15; соединительный ~ 62; структурный ~ (текста) 226; конкатенация ~ов высказывания 175–176
элизия 92–93
эллипс(ис) 124–125
эмотикон 206
эмфаза 105
эналлага 122
энантиозис 137
энантиосемия – см. *антонимия*
эпанадиплозис 131
эпаналепсис 131–132
эпанартозис 53
эпанафора 129
эпанодос 130
эпентеза 91–92
эпизевксис 132
эпимона 135
эписиналефа 93
эпистолярные жанры – см. *жанр*
эпистрофа 129
эпитеза 92

эпитет: конкретизирующий (предметно-логический) ~ 76; любимый ~ 77; народно-поэтический 77; образный ~ – см. *синестезия*; оценочный (эмоциональный, усиливающий) ~ 76; поэтический ~ 77; тавтологический ~ 76; устойчивый (формальный) 77

эпифонема 132–133

эпифора 128–129

эпифраза 133

эпономазия 60–61

эрзац 57

эратив – см. *паремия*

этимологическая фигура – см. *фигура*

этимология: ложная ~ 94

юмор 87

ядерная лексика – см. *лексика*

язык: индигенные (миноритарные) ~и 18–19; коммуникативная пригодность ~а 38; креольский ~ 41; литературный ~ 6; единицы ~а 36; система ~а 15; уровни (ярусы) ~а 13

языков|ой: ~ое древо 17; ~ой лейтмотив 135; ~ой портрет – см. *портрет*; ~ые нормы – см. *норма*; ~ые особенности функциональных стилей 149

ямб 108

ямбохорей – см. *антиспаст*

acumen 229

anticipatio 134

commoratio 135

complexio 130

contradictio in adjecto 95

descriptio 231–232

enarratio auctorum 231

enumeratio 139

excrementium 92

figura etymologica 134

imitatio 231

impropria dictio 123

medias in res 201

narratio (testis) 230–231

nom|en: ~en actionis 155; ~en agentis 173; ~ina appellativa 60; ~ina propria 60

pars de dicto 236
pars de re 236
pars pro toto 60
pluralis majestatis 73
pluralis modestiæ 156
regressio 130
repetitio 128
soliloquium 208
tertium comparationis 61–62
totum pro parte 60
verbūm: ~a dicendi 211; ~um finitum 121; ~um infinitum 121

Учебное издание

КОБЕНКО Юрий Викторович

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СТИЛИСТИКИ**

Учебник

Научный редактор
доктор филологических наук, доцент
И.А. Матвеевко

Корректурa *Е.Л. Тен*
Компьютерная верстка *Ю.В. Кобенко, О.Ю. Аршинова*
Дизайн обложки *А.И. Сидоренко*

Подписано к печати 22.02.2023. Формат 60x84/16. Бумага «Снегурочка».

Печать CANON. Усл. печ. л. 17,22. Уч.-изд. л. 15,57.

Заказ 52-23. Тираж 100 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТОМСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ